Российская академия наук
Институт государства и права

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

№ 9 2021 Сентябрь

Основан в феврале 1927 г.
Выходит 12 раз в год
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Выходил под названиями: «Революция права» (1927–1929 гг.)
«Советское государство и революция права» (1930–1931 гг.)
«Советское государство» (1932–1938 гг.)
«Советское государство и право» ISSN 0132-0769 (1939 г. – первая половина 1992 г.)
«Государство и право» ISSN 1026-9452 (вторая половина 1992 г. – по н/в)

Журнал издается под руководством
Отделения общественных наук РАН

Главный редактор
М.И. Клеандров,
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет:

А.Н. Савенков, чл.-корр. РАН (*председатель*);
М.В. Баглай, чл.-корр. РАН; А.П. Вершинин, д.ю.н.; В.И. Жуков, акад. РАН;
В.Д. Зорькин, д.ю.н. (Санкт-Петербург); А.А. Клишас, д.ю.н.; П.В. Крашенинников, д.ю.н.;
Н.М. Кропачев, чл.-корр. РАН (Санкт-Петербург); А.Г. Лисицын-Светланов, акад. РАН;
Е.А. Лукашева, чл.-корр. РАН; Н.А. Макаров, акад. РАН;
А.В. Смирнов, акад. РАН; Ю.К. Толстой, акад. РАН (Санкт-Петербург);
Т.Я. Хабриева, акад. РАН; А.Р. Хохлов, акад. РАН

Редакционная коллегия:

А.И. Абдуллин, д.ю.н. (Казань); С.А. Авакьян, д.ю.н.; Г.Г. Арутюнян, д.ю.н. (Армения);
Вильфрид Бергманн, д.ю.н. (Германия); Окко Берендс, д.ю.н. (Германия); Н.А. Богданова, д.ю.н.;
М.М. Бринчук, д.ю.н.; Бернд Визер, д.ю.н. (Австрия); А.Н. Вылегжанин, д.ю.н.; Е.Ю. Грачева, д.ю.н.;
А.А. Гришковец, д.ю.н.; Е.П. Губин, д.ю.н.; В.Н. Гуцуляк, д.ю.н.; Ульрика Дэви, д-р права (Германия);
Ван Джихуа, д.ю.н. (КНР); А.Г. Диденко, д.ю.н. (Казахстан); В.В. Дорошков, д.ю.н.; И.В. Ершова, д.ю.н.;
В.Н. Жуков, д.ю.н., д.ф.н.; С.С. Занковский, д.ю.н.; С.В. Запольский, д.ю.н.; В.С. Каменков, д.ю.н. (Беларусь);
Кристина Карзай, д.ю.н. (Венгрия); М.И. Клеандров, чл.-корр. РАН (*главный редактор*);
Н.В. Кроткова, к.ю.н. (*заместитель главного редактора*); Куан Цзэнцзюнь, д.ю.н. (КНР);
Лю Хунянь, д.ю.н. (КНР); А.В. Малько, д.ю.н. (Саратов); И.М. Мацкевич, д.ю.н.; Е.И. Носырева, д.ю.н. (Воронеж);
Пламен А. Панайотов, д.ю.н. (Болгария); Т.А. Полякова, д.ю.н.; И.М. Рагимов, д.ю.н. (Азербайджан);
Р.Н. Салиева, д.ю.н. (Казань); Л.В. Санникова, д.ю.н., проф. РАН; Паола Северино, д.ю.н. (Италия);
Г.С. Скачкова, д.ю.н.; Ю.Н. Старилов, д.ю.н. (Воронеж); Янаки Б. Стоилов, д-р права (Болгария);
А.А. Тедеев, д.ю.н.; А.П. Фоков, д.ю.н.; Уве Хеллманн, д-р права (Германия); В.М. Шерстюк, д.ю.н.;
Б.С. Эбзеев, д.ю.н.; В.В. Ярков, д.ю.н. (Екатеринбург)

Адрес редакции: 119019 Москва, ул. Знаменка, 10
тел.: +7 (495) 691-87-34
e-mail: gospravo@igpran.ru;
http://gospravo-journal.ru/

Москва

© Российская академия наук, 2021
© Институт государства и права РАН, 2021
© Составление. Редколлегия журнала
«Государство и право», 2021

Russian Academy of Sciences
Institute of State and Law

STATE AND LAW

№ 9 2021 September

Published since February 1927
Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Formerly known as: "Revolution of the Law" (Revolyutsiya prava) (1927–1929)
"Soviet State and the Revolution of the Law" (Sovetskoe gosudarstvo i revolutsiya prava) (1930–1931)
"Soviet State" (Sovetskoe gosudarstvo) (1932–1938)
"Soviet State and Law" (Sovetskoe gosudarstvo i pravo) ISSN 0132-0769 (1939 – mid-1992)
"State and Law" (Gosudarstvo i pravo) ISSN 1026-9452 (mid-1992 – present)

The Journal is published under supervisi,
on of the Department of social Sciences of the RAS

Editor-in-Chief
M.I. Kleandrov,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor

Editorial Council:

A.N. Savenkov, Corresponding Member of the RAS (*Chairman*);
M.V. Baglay, Corresponding Member of the RAS; A.P. Vershinin, Doctor of Law;
V.I. Zhukov, Academician of the RAS; V.D. Zorkin, Doctor of Law (St. Petersburg); A.A. Klishas, Doctor of Law;
P.V. Krasheninnikov, Doctor of Law; N.M. Kropachev, Corresponding Member of the RAS (St. Petersburg);
A.G. Lisitsyn-Svetlanov, Academician of the RAS; E.A. Lukasheva, Corresponding Member of the RAS;
N.A. Makarov, Academician of the RAS; A.V. Smirnov, Academician of the RAS;
Yu. K. Tolstoy, Academician of the RAS (St. Petersburg);
T. Ya. Khabrieva, Academician of the RAS; A.R. Khokhlov, Academician of the RAS

Editorial Board:

A.I. Abdullin, Doctor of Law (Kazan); S.A. Avakyan, Doctor of Law; G.G. Arutyunyan, Doctor of Law (Armenia);
Wilfried Bergmann, Doctor of Law (Germany); Okko Behrends, Doctor of Law (Germany); N.A. Bogdanova, Doctor of Law;
M.M. Brinchuk, Doctor of Law; Bernd Wieser, Doctor of Law (Austria); A.N. Vylegzhanin, Doctor of Law;
E. Yu. Gracheva, Doctor of Law; A.A. Grishkovets, Doctor of Law; E.P. Gubin, Doctor of Law; V.N. Gutsulyak, Doctor of Law;
Ulrike Davy, Doctor of Law (Germany); Wang Jihua, Doctor of Law (China); A.G. Didenko, Doctor of Law (Kazakhstan);
V.V. Doroshkov, Doctor of Law; I.V. Ershova, Doctor of Law; V.N. Zhukov, Doctor of Law, Dsc in Philosophy;
S.S. Zankovsky, Doctor of Law; S.V. Zapolsky, Doctor of Law; V.S. Kamenkov, Doctor of Law (Belarus);
Krisztina Karsai, Doctor of Law (Hungary); M.I. Kleandrov, Corresponding Member of the RAS (*Editor-in-Chief*);
N.V. Krotkova, PhD in Law (*Vice-Editor-in-Chief*); Kuang Zengjun, Doctor of Law (China);
Liu Hongyan, Doctor of Law (China); A.V. Mal'ko, Doctor of Law (Saratov); I.M. Matskevich, Doctor of Law;
E.I. Nosyreva (Voronezh); Plamen A. Panayotov, Doctor of Law (Bulgaria); T.A. Polyakova, Doctor of Law;
I.M. Ragimov, Doctor of Law (Azerbaijan); R.N. Salieva, Doctor of Law (Kazan);
L.V. Sannikova, Doctor of Law, Professor of the RAS; Paola Severino, Doctor of Law (Italy); G.S. Skachkova, Doctor of Law;
Yu. N. Starilov, Doctor of Law (Voronezh); Yanaki B. Stoilov, Doctor of Law (Bulgaria); A.A. Tedeev, Doctor of Law;
A.P. Fokov, Doctor of Law; Uwe Hellmann, Doctor of Law (Germany); V.M. Sherstyuk, Doctor of Law;
B.S. Ebzeev, Doctor of Law; V.V. Yarkov, Doctor of Law

Address: 10 Znamenka street, 119019 Moscow, Russian Federation
tel.: +7 (495) 691-87-34
e-mail: gospravo@igpran.ru
http://gospravo-journal.ru/

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2021
© Institute of State and Law of the RAS, 2021
© Editorial Board of "State and Law", 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 9, 2021

Геноцид советского народа: об ответственности без срока давности
А.Н. Савенков 7

АНТРОПОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПРАВА

Религия и первобытная власть в концепции З. Фрейда
В.Н. Жуков 31

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Новеллизация Конституции–2020: освобождаясь от политических иллюзий и правового романтизма
Н.М. Добрынин. Конституция России: настоящее и будущее. Современная версия новейшей истории государства
Н.С. Бондарь 43

Концепция социально-правовой ответственности бизнеса: методологический дискурс
Р.И. Газизуллин 50

Безусловное и условное как категории диалектики права
Г.Н. Уткин 58

В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Конституционный контроль в субъектах Российской Федерации: каким он может быть после упразднения конституционных (уставных) судов
В.А. Кряжков 65

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Права человека и этика в условиях развития информационных цифровых технологий и биоинженерии
И.А. Умнова-Конюхова, И.А. Алешкова 75

Право на получение квалифицированной юридической помощи: субъекты оказания и получения помощи, основное содержание права и его развитие
П.А. Скобликов 90

ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Особенности правового режима зон экологического бедствия и зон чрезвычайной ситуации
И.П. Кожокарь 99

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Понятие и правовая природа «цифровой зрелости»
Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев 107

ЭНЕРГЕТИКА И ПРАВО

Конституционно-правовые основы публичной организации предпринимательской деятельности в нефтяной сфере энергетики
В.Ю. Гусяков 117

ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Развитие международных отношений и универсализация прав человека
В.А. Карташкин 125

ЗА РУБЕЖОМ

Специфика осуществления парламентских полномочий в условиях пандемии COVID-19: опыт Италии
Т.А. Васильева 138

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Прокуратура и законность в период Гражданской войны
А.Г. Звягинцев 148

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

XV Международная научно-практическая конференция «Правовые акты и правовые договоры: проблемы теории и практики» и научный «круглый стол» «Правовая наука как социокультурный институт: интенсификация кадрового, методологического и теоретического потенциала»
Н.В. Кроткова 159

Обзор III Международного историко-правового конгресса «Правовые традиции становления российской государственности»
Л.Ю. Грудцына 182

Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права
А.И. Каплунов, В.Ю. Ухов 185

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Н.М. Добрынин. Конституция России: настоящее и будущее. Современная версия новейшей истории государства
С.Д. Князев 198

ПЕРСОНАЛИИ

К юбилею Виктора Николаевича Корнева 200

CONTENTS

Number 9, 2021

The genocide of the Soviet people: on responsibility without a statute of limitations
A.N. Savenkov 7

ANTHROPOLOGY AND PSYCHOLOGY OF LAW

Religion and primitive power in the concept of S. Freud
V.N. Zhukov 31

DISCUSSIONS AND DEBATES

Novelization of the Constitution–2020: getting rid of political illusions and legal romanticism
N.M. Dobrynin. The Constitution of Russia: the present and the future. Modern version of the recent history of the state
N.S. Bondar 43

The concept of social and legal responsibility of business: methodological discourse
R.I. Gazizullin 50

Unconditional and conditional as categories of the dialectic of law
G.N. Utkin 58

IN SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Constitutional control in the subjects of the Russian Federation: how hi can be after the abolition of constitutional (statutory) courts
V.A. Kryazhkov 65

RIGHTS AND FREEDOMS OF A MAN AND A CITIZEN

Human rights and ethics in the context of the development of information digital technologies and bioengineering
I.A. Umnova-Konyukhova, I.A. Aleshkova 75

The right to receive qualified legal aid: who helps and who is helped, the basic content of the right and its development
P.A. Skoblikov 90

THE PROTECTION OF ENVIRONMENT

Features of the legal regime of environmental disaster zones and emergency zones
I.P. Kozhokar 99

DIGITAL ECONOMY

The concept and legal nature of digital maturity
T.A. Polyakova, A.V. Minbaleev 107

ENERGY AND LAW

Constitutional and legal foundations of the public organization of business activity within the oil sector of the energy-producing industry
V. Yu. Gusyakov 117

LAW AND INTERNATIONAL RELATIONS

Development of international relations and universalization of human rightsy
V.A. Kartashkin 125

ABROAD

Parliamentary activity under the COVID-19 emergency: the Italian experience
T.A. Vasilieva 138

PAGES OF HISTORY

The Prosecutor's Office and the Rule of Law during the Civil War
A.G. Zvyagintsev 148

SCIENTIFIC LIFE

XV International scientific and practical conference "Legal acts and legal contracts: problems of theory and practice" and the scientific of the "Round Table" "Legal science as a socio-cultural institute: intensification of human, methodological and theoretical potentia"
N.V. Krotkova 159

Review of the III International historical and legal congress "Legal traditions of the formation of Russian statehood"
L. Yu. Grudtsyna 182

Actual problems of Administrative and Administrative Procedural Law
A.I. Kaplunov, V. Yu. Ukhov 185

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

N.M. Dobrynin. The Constitution of Russia: the present and the future. Modern version of the recent history of the state
S.D. Knyazev 198

PERSONALIA

To the anniversary of Viktor N. Kornev 200

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 9, с. 7–30
STATE AND LAW, 2021, № 9, pp. 7–30

ГЕНОЦИД СОВЕТСКОГО НАРОДА: ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ

© 2021 г. А. Н. Савенков

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: an61s@mail.ru

Поступила в редакцию 13.09.2021 г.

Аннотация. В статье на основании анализа значительного массива исторических фактов, нормативно-правовых актов и правовых позиций отечественных и зарубежных ученых преступления, совершенные в отношении народов СССР во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., рассматриваются как геноцид. В связи с этим исследованы правовые основы противодействия попыткам переоценки событий и пересмотру итогов Второй мировой войны. Особое внимание уделяется значению российских конституционных гарантий защиты исторической правды, обеспеченных внесением поправок в Конституцию РФ в 2020 г. Подтверждение российскими судами факта совершения немецко-фашистскими захватчиками военных преступлений и геноцида, расследование Следственным комитетом РФ уголовных дел об этих преступлениях, рассматриваются в контексте неотвратимости ответственности как одного из центральных принципов права. Обосновывается строгая приверженность России итогам деятельности Нюрнбергского Международного военного трибунала при юридическом установлении и закреплении фактов геноцида в отношении советских граждан и отмечается необходимость реализации конституционной обязанности Российского государства чтить память защитников Отечества, обеспечивать исторический суверенитет страны правовыми средствами, не допускать умаления значения подвига советского народа при защите Родины.

Ключевые слова: геноцид, Нюрнбергские принципы, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, Конституция РФ, общероссийская идентичность, преступления против человечности, преступления против мира, военные преступления, юридический факт, международное право, исторический суверенитет.

Цитирование: *Савенков А.Н. Г*еноцид советского народа: об ответственности без срока давности // Государство и право. 2021. № 9. С. 7–30.

DOI: 10.31857/S102694520016884-3

THE GENOCIDE OF THE SOVIET PEOPLE: ON RESPONSIBILITY WITHOUT A STATUTE OF LIMITATIONS

© 2021 A. N. Savenkov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: an61s@mail.ru

Received 13.09.2021

Abstract. Based on the analysis of a significant array of historical facts, normative legal acts and legal positions of domestic and foreign scientists, the article presents a legal assessment of the recognition of genocide as a crime committed against the peoples of the USSR during the Great Patriotic War of 1941–1945. The legal bases of countering attempts to re-evaluate events and revise the results of the Second World War are investigated. Special attention is paid to the importance of the Russian constitutional guarantees provided by the amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020 for the protection of historical truth. The confirmation by the

Russian courts of the fact that the German-fascist invaders committed war crimes and crimes of genocide, the investigation by the Investigative Committee of Russia of criminal cases about these crimes, is considered in the context of the inevitability of responsibility as one of the central principles of law. The article substantiates Russia's strict commitment to the results of the Nuremberg International Military Tribunal in the legal consolidation of the facts of genocide against Soviet citizens and notes the need to implement the constitutional obligation of the Russian state to honor the memory of the defenders of the Fatherland, to ensure the historical sovereignty of the country by legal means, not to allow the significance of the feat of the Soviet people in the defense of the Motherland to be diminished.

Key words: genocide, the Nuremberg Principles, World War II, the Great Patriotic War, the Constitution of the Russian Federation, all-Russian identity, crimes against humanity, crimes against peace, war crimes, legal fact, International Law, historical sovereignty.

For citation: *Savenkov, A.N. (2021).* The genocide of the Soviet people: on responsibility without a statute of limitations // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 7–30

Один из уроков Нюрнбергского процесса – злодеяниям не может быть забвения. Сегодня, когда попытки фальсификации истории Второй мировой войны, а также манипулирования общественным сознанием с помощью современных технологий стали частью информационной войны, необходимы усилия, направленные на защиту исторической правды. Поэтому по прошествии стольких десятилетий актуальным и весьма важным видится осознание того, что совершенные в период Великой Отечественной войны в отношении советских граждан преступления являются актом геноцида населения нашей страны.

С уверенностью можно сказать, что это была первая война, целью которой были не только захват территорий и порабощение населения других стран, а уничтожение людей по расовым, этническим, национально-культурным признакам для создания моноэтнического государства с «титульным» этносом арийцев, обладающих мировым господством. Ни одно государство, ни один политический режим никогда не заявляли о подобном, фактически открыто демонстрируя миру свою преступную сущность.

Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерреш в интервью корреспонденту РИА Новости 9 мая 2020 г. с высшей степенью признательности оценил вклад советских людей в Победу: «Вторая мировая война была временем невероятных зверств и потери человечности. Война нанесла тяжелый урон многим государствам, включая республики бывшего Советского Союза, на долю которых пришлось наибольшее число жертв. Это так или иначе коснулось почти каждой семьи. Жертвы, принесенные народом Советского Союза во имя победы над нацизмом – не только человеческие, но жертвы во всех смыслах слова, – не должны быть забыты никогда»[1].

На протяжении всего времени, прошедшего с окончания Второй мировой войны, не прекращаются попытки отрицания фактов исторических событий вопреки приговору Нюрнбергского Международного военного трибунала даже в тех странах, народы которых пережили фашизм как собственную историю и которые не имели шанса не только на развитие, но и на само существование в случае его победы. При этом игнорируется тот факт, что СССР был основной жертвой агрессии германского нацизма. Принимаются различного рода заявления, резолюции и законы, в которых вместо однозначного осуждения германского нацизма говорится о неких «преступлениях тоталитарных режимов».

Имеет место откровенная фальсификация событий как предвоенной истории Европы, так и последовавшего затем мирового военного конфликта с целью размыть и обесценить итоги Второй мировой войны. Однако же общепризнанным является положение о приговоре Нюрнбергского Международного военного трибунала, в соответствии с которым в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН выражена позиция международного сообщества, устанавливающая, что они не могут пересматриваться и подвергаться сомнению и корректировке[2].

Россия испытала на себе все ужасы геноцида. Признание совершения этого преступления в отношении народов СССР, отстаивание его надлежащей юридической оценки – обязанность Российской Федерации. Предложения о внесении в Конституцию РФ поправок, прозвучавшие в январе 2020 г. в Послании Президента Федеральному Собранию РФ, стали правовой основой конституционной позиции современной России как правопродолжателя и правопреемника СССР. Этот статус Российской Федерации закреплен в новой редакции Конституции РФ, принятой на общероссийском голосовании

[1] Антониу Гутерреш: жертвы СССР во имя Победы никогда не должны быть забыты. URL: https://ria.ru/20200509/1571160884.html

[2] См.: *Савенков А.Н.* Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М., 2021. С. 20.

1 июля 2020 г. Конституционалистами отмечается мировоззренческий характер Основного Закона, его вклад в формирование общественного сознания. Установки Конституции и закрепленные в ней положения ориентируют поведение граждан, восприятие ими окружающего, формируют их оценки, воспитывают в соответствии с теми принципами, которые провозглашены в Конституции РФ[3]. Поэтому признание злодеяний фашистов геноцидом – наш долг памяти по отношению к невинно погибшим и защитникам Отечества.

С принятием таких важных для российской государственности поправок в Конституцию РФ, как вопросы территориальной целостности и суверенитета государства, а также культуры и национального самосознания, которые являются элементами общероссийской идентичности, стала очевидна их связь с исторической памятью народа.

Опора на совокупный национальный опыт, который передается из поколения в поколение и влияет на формирование ответственной гражданской позиции, позволила дополнить ст. 67 Конституции РФ положением о том, что не допускаются действия, направленные на отчуждение части территории Российской Федерации, а также призывы к таким действиям.

Этот вопрос крайне актуален для разных регионов нашей страны. Для Дальнего Востока трудно переоценить стратегическое значение острова Шикотан и гряды Хабомаи, учитывая, что реальное военное сотрудничество между Японией и США, начавшееся еще в 1945 г., привело к созданию на территории Японии военных баз и размещению вооруженных сил США. Эти небольшие, но крайне важные территории Курильской гряды обеспечивают для России беспрепятственный проход в Охотское море. Патриотическая позиция граждан Российской Федерации, выраженная в предложенной поправке, имеет исключительное значение и для настоящего, и для будущего нашего государства.

Признание в Конституции веками формировавшегося государственного единства, основанного на общероссийской идентичности, есть важный шаг в направлении укрепления современной российской государственности, имеющей глубокие исторические корни[4].

Академик В.О. Ключевский отмечал: «Вековыми усилиями и жертвами Россия образовала государство, подобного которому по составу, размерам и мировому положению не видим со времени падения Римской империи»[5]. И приходил к выводу, что скрупулезное многолетнее изучение истории России позволяет согласиться с тем, что «наши идеалы не принадлежат исключительно нам и не для нас одних предназначались: они перешли к нам по наследству от наших отцов и дедов...»[6].

Многочисленные социологические опросы показали, что обеспечение территориальной целостности и суверенитета государства считают важным 90% россиян. Так, опубликованные в «Российской газете» 24 марта 2020 г. результаты исследования ВЦИОМ демонстрируют, что, по мнению респондентов, важной видится инициатива о закреплении в Основном Законе защиты исторической правды и положения о территориальной целостности и неделимости России (89%).

Тем самым в условиях конкуренции идеологий и политических систем, борьбы различных парадигм и схем глобального управления государствами и народами в Основном Законе общероссийская культурная идентичность берется под защиту. Признание исторически сложившегося государственного единства, ценности истории страны, уникальности культурного наследия, защита исторической правды, воспитание гражданственности, сохранение общероссийской культурной идентичности являются частью российских конституционных гарантий, прав и свобод, защищаемых и охраняемых государством.

Закрепление в Конституции такой ценности, как сохранение памяти предков – важный шаг для формирования национального самосознания на основе преемственности поколений. В.О. Ключевскому принадлежит поистине пророческая фраза: «Достигнутый уровень народных сил, накопленный запас народных средств – это плоды многовекового труда наших предков, результаты того, что они успели сделать»[7].

---

[3] См.: *Хабриева Т.Я.* Избр. труды: в 10 т. М., 2018. Т. 2. Конституционный контроль. Правовая охрана Конституции. Теория современной конституции. С. 228; *Авакьян С.А.* Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 2000. С. 14, 20.

[4] См.: *Виноградова Е.В., Раттур М.В.* Общероссийская идентичность как конституционная ценность в конституционных поправках 2020 года // Право и государство: теория и практика. 2020. № 4. С. 22.

[5] *Проф. Ключевскій В.* Курсъ Русской исторіи. Часть I: Лекціи I – XX. 3-е изд. М., 1908. Лекция II. План курса. Колонизации страны как основной факт русской истории. Периоды русской истории как главные моменты колонизации. Господствующие факты каждого периода. Видимая неполнота плана. Исторические факты и так называемые идеи. Различное происхождение и взаимодействие тех и других. Когда идея становится историческим фактом? Существо и методологическое значение фактов политических и экономических. Практическая цель изучения отечественной истории. С. 23–42.

[6] *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций. Послесловие, комментарии А.Ф. Смирнова. М., 2004. С. 42.

[7] Там же. С. 43.

Обеспечение защиты исторической правды продиктовано реалиями современной жизни. В соответствии с Законом Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» Основной Закон дополнен новой нормой об обеспечении защиты исторической правды.

Как отмечал выдающийся советский и российский историк, акад. Ю.А. Поляков, историческая правда не лежит на поверхности, правду истории следует восстанавливать, открывая новые данные из архивов, проверяя, сопоставляя цифры и факты, просвечивая их рентгеном мысли, правда истории – обязательная составная часть духовного здоровья общества[8]. К сожалению, на протяжении последних десятилетий учебники по отечественной истории отличались большим разнообразием, а под естественным плюрализмом нередко скрывалась фальсификация последней. На какое-то время история перестала восприниматься как главное богатство народа и самая крупная жемчужина в короне власти[9].

Во внутренних делах России конституционной основой исполнения решения Международного военного трибунала является ст. 67.1 Конституции РФ: «п. 2. Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство; п. 3. Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается».

Принципы и суть Нюрнбергского приговора защищают федеральные законы, запрещающие пропаганду фашизма, нацизма и экстремизма; нормы административного законодательства и специальная ст. 354.1 УК РФ, установившая уголовную ответственность за «отрицание фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрение преступлений, установленных указанным приговором, а равно распространение заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны, совершенные публично».

Ни в одной другой стране мира таких правовых норм нет.

Закрепление в Конституции этих положений во многом предопределило необходимость признания геноцидом чудовищных злодеяний нацистов на территории СССР во время Великой Отечественной войны.

Нюрнбергские принципы актуальны и выступают основой дальнейшей разработки теории международного права, фундаментом любой политической практики в современном мире, в сфере международных отношений и национальных правопорядков; они должны рассматриваться как обязательный атрибут формирования культуры цивилизованного общения и взаимоотношений государств в современном мире.

Исторический суверенитет России должен быть надежно защищен правовыми средствами. И в этом Институт государства и права Российской академии наук видит и решает свою главную стратегическую задачу.

Для обеспечения конституционных гарантий о сохранении исторической памяти и защите истории Великой Отечественной войны от искажений и фальсификаций в наши дни Следственный комитет РФ возбудил и расследует ряд уголовных дел о преступлениях нацистов и их приспешников на оккупированных территориях Российской Федерации в период Великой Отечественной войны. Это знаковое и верное решение, в основу которого должен быть положен принцип: «война заканчивается не только тогда, когда установлен и захоронен последний ее солдат, но и когда установлен и наказан каждый участвовавший в ней военный преступник».

Прокурор Псковской области обратился в суд с заявлением, поданным в порядке особого производства, об установлении факта, имеющего юридическое значение. В интересах Российской Федерации и неопределенного круга лиц – родственников (потомков) мирных жителей и военнопленных, погибших на территории Псковской области в годы Великой Отечественной войны от преступных действий немецко-фашистских захватчиков и их пособников, он просил признать, что установленные и вновь выявленные преступления, совершенные в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. на территории Псковской и Великолукской областей нацистскими оккупационными властями и их пособниками, являются геноцидом[10].

В заявлении прокурора также указывалось, что в свете строгой приверженности России итогам

[8] См.: *Поляков Ю.А.* Историзмы // Свободная мысль – XXI. 2001. № 11 (1513). С. 11.

[9] См.: *Жуков В.И.* Славяно-русско-российская цивилизация. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2021. С. 33.

[10] См.: Решение Псковского областного суда от 27.08.2021 г. по делу № 3–27/2сс/2021. Л. 1.

деятельности Нюрнбергского Международного военного трибунала, а также системной работы по противодействию пересмотру истории и итогов Второй мировой войны в целом затягивание юридического закрепления подобных фактов нарушает национальные интересы Российской Федерации и ослабляет ее позиции на международной арене.

Итогом этого обращения стало решение Псковского областного суда от 27 августа 2021 г. по заявлению об установлении факта геноцида народов Советского Союза в Псковской области. В нем суд указал, что, исходя из понятий военных преступлений и преступлений против мира и человечности, преступлений геноцида в том значении, как они определены общепризнанными нормами международного права, исследованные судом доказательства подтверждают, что в период временной оккупации с 1941 по 1944 г. Псковской и Великолукской областей непосредственные исполнители из числа военнослужащих и карателей оккупационных войск Германии и их пособников, исполняя приказы и директивы высшего военного и политического руководства нацистской Германии, совершили на территории указанных областей бесчеловечные, чудовищные и неоправданные военными действиями преступления, повлекшие многочисленные человеческие жертвы, разграбление и умышленное уничтожение имущества, угон населения в неволю. Эти преступления были направлены против конкретных национальных и этнических групп населения: славян, евреев, цыган. Указанные преступления в соответствии с нормами международного права, а именно ст. 6 Устава Международного военного трибунала от 8 августа 1945 г. и ст. II Конвенции ООН от 9 декабря 1948 г. «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него»[11] являются военными преступлениями, преступлениями против человечности и геноцидом народов Советского Союза. Установление этого факта необходимо для реализации прав и интересов родственников погибших, которые длительное время не имели информации об их судьбе и переживали в связи с этим душевные страдания.

В рамках судебного процесса судом были рассмотрены материалы по факту обнаружения в районе деревень Моглино, Глоты и Андрохново Псковского района Псковской области массовых захоронений лиц из числа мирного населения и военнопленных времен Второй мировой войны, а также архивные документы, предоставленные ГКУ Псковской области «Государственный архив Псковской области», УФСБ России по Псковской области. Они позволяют с уверенностью говорить о массовых преступлениях против человечности, совершенных в отношении мирного населения.

Так, установлено, что на территории региона немецко-фашистскими захватчиками были сформированы карательные батальоны, которые, преследуя основную цель нацизма – создание расово чистого государства (арийской расы) с целью полного уничтожения этнической группы славян, проживающих на оккупированных территориях СССР, путем их убийства, причинения тяжкого вреда здоровью, иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое устранение членов этой группы, в нарушение Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны (Гаага, 18.10.1907 г.)[12] организовали массовое уничтожение советских гражданских лиц и военнопленных на территории Псковской и Великолукской (с 02.10.1957 г. – Псковской) областей.

В г. Пскове было расстреляно 3500 и повешено двое мирных советских граждан. Помимо этого в специально созданных преступным немецким правительством и командованием германской армии лагерях для военнопленных советских военнослужащих погибло более 200 тыс. человек, в т.ч. в лагере, организованном в Крестах, – 65 тыс. военнопленных, в лагере, организованном на территории бывшего военного городка, – 75 тыс. военнопленных, в т.н. «госпитале» военнопленных – 34 200 человек, в лагере, расположенном в местечке «Пески», погибло 50 тыс. человек и умерщвлено путем замораживания при зимних транспортировках истощенных, полураздетых людей на открытых железнодорожных платформах и в холодных вагонах не менее 12 тыс. человек.

Кроме того, было установлено, что в ноябре 1941 г. с целью эксплуатации мирного населения и военнопленных в районе д. Моглино Псковской области был создан концентрационный лагерь, условия проживания в котором, нормы питания и трудовой повинности носили несовместимый с жизнью характер. Охрану лагеря осуществляли военнослужащие Псковского внешнего отдела эстонской полиции безопасности и СД. Они же систематически расстреливали обессиленных и нетрудоспособных узников лагеря, женщин, стариков и детей в окрестностях лагеря, вывозили последних на массовые расстрелы в п. Глоты и другие населенные пункты Псковской области. За время существования концлагеря в д. Моглино с ноября 1941 по март 1944 г. было убито путем расстрелов

[11] Принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml

[12] См.: *Савенков А.Н.* Международное право и политика западных государств в период между мировыми войнами (К 80-летию вероломного нападения фашистской Германии на СССР) // Государство и право. 2021. № 6. С. 7–62. DOI: 10.31857/S102694520015622-5

и иными способами не менее 3 тыс. мирных граждан и военнопленных из числа узников.

Кроме этого в рамках следственных действий по уголовному делу, возбужденному Главным следственным управлением Следственного комитета РФ (ГСУ СК) по признакам преступления, предусмотренного ст. 357 «Геноцид» УК РФ по факту массового уничтожения советских граждан на территории Псковской области, в июле – октябре 2020 г. проведены раскопки в трех местах массовых захоронений в Псковской области.

В результате на территории нынешней базы отдыха «Раздолье» (г. Псков), в д. Моглино Псковского района, в лесном массиве между ул. Луговая и ул. Пограничная г. Пскова, вблизи д. Глоты Псковского района извлечены останки 188 человек, что подтверждается в т.ч. протоколами осмотров мест происшествий, согласно которым в указанных местах под слоем почвы обнаружены скелетированные останки как мужского, так и женского пола, а также детей. В костных останках имеются пулевые, в т.ч. сквозные, отверстия, а также иные механические повреждения. С места происшествия изъяты личные вещи, россыпи стреляных гильз.

Указанные обстоятельства подтверждаются в т.ч. изданием серии «Без срока давности. Преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Псковская область»[13], которая включает архивные документы о преступлениях нацистов и их пособников, удостоверяющие факт геноцида против мирного населения на оккупированной территории Псковской области (т. 14, л.д. 18–332)[14].

Содержание актов чрезвычайных комиссий, составленных сразу после освобождения от оккупации, свидетельствует о тотальном и целенаправленном уничтожении мирного населения и военнопленных во всех без исключения районах Псковской и Великолукской областей с единственной целью – истребление населения на оккупированной территории.

Факты массового уничтожения нацистами и их пособниками на оккупированных немцами территориях Псковской и Великолукской областей мирных советских граждан, в т.ч. детей, военнопленных, массового умышленного разрушения населенных пунктов, колхозов, совхозов, промышленных предприятий и иных объектов подтверждаются Сборником материалов Управления НКГБ СССР по Ленинградской области о немецких разрушениях и зверствах, деятельности разведывательных и контрразведывательных органов противника в районах Ленинградской области, подвергавшихся оккупации[15].

Особое значение для решения суда имели заключения приглашенных экспертов, позволивших восстановить реальную картину событий. В частности, из заключения эксперта – научного сотрудника Института российской истории РАН А.Р. Дюкова, данного в ходе расследования уголовного дела по факту геноцида, и консультативного исторического заключения д-ра ист. наук, проф., ведущего научного сотрудника Санкт-Петербургского института РАН Б.Н. Ковалева, полученного в ходе рассмотрения этого гражданского дела, следует, что начатая в 1941 г. фашистской Германией против СССР война носила характер «войны на уничтожение». Данные выводы основаны на исследованиях российских, европейских, включая немецких, и американских историков об идеях, целях и задачах нацизма. В основе этих исследований лежат положения трудов основоположников национал-социализма, развитых впоследствии лидерами нацистской Германии и воплощенных в обязательные к исполнению приказы, директивы, программные выступления лидеров нацистской Германии, в которых указаны задачи и цели войны против СССР[16].

В консультативном историческом заключении Б.Н. Ковалева от 25 августа 2021 г. «Об общем количестве жертв среди мирного населения и советских военнопленных во время нацистской оккупации территории современной Псковской области в 1941–1944 гг.» указано, что из подсчетов д-ра ист. наук, ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН А.А. Шевякова, основанных на исследовании архивных данных, собранных непосредственно на всех оккупированных территориях Чрезвычайной государственной комиссией (ЧГК) при СНК СССР (ныне – Государственный архив РФ (ГАРФ)), и отраженных им в статье «Жертвы среди мирного населения в годы Отечественной войны» (1992), установлено, что за время оккупации территорий Псковской и Великолукской областей с июля 1941 по август 1944 г. немецкими оккупационными властями и их пособниками путем расстрелов, истязаний, пыток,

[13] См.: Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Псковская область: сб. архивных документов / отв. ред. серии: Е.П. Малышева, Е.М. Цунаева; отв. сост.: В.Г. Кузьмин; сост.: И.И. Андреева, О.А. Бобровская и др. М., 2020 (Сер. «Без срока давности. Преступления нацистов и их пособников против мирного населения в период Второй мировой войны: документы и материалы»).

[14] См.: Решение Псковского областного суда от 27.08.2021 г. по делу № 3–27/2сс/2021. Л. 16, 17.

[15] См.: там же. Л. 26.

[16] См.: там же. Л. 9.

сожжения заживо и иными способами, а также с использованием развернутой сети концентрационных лагерей и лагерей трудовой повинности, дулагов (транзитных лагерей) преднамеренно массово истреблено большое количество людей.

Подтверждением преступной деятельности немецко-фашистских захватчиков и их пособников являются ранее вынесенные приговоры в отношении непосредственных исполнителей преступных приказов вышестоящих лиц командного состава.

Сразу после Великой Отечественной войны, с 29 декабря 1945 г. по 5 января 1946 г., в Ленинграде проходил судебный процесс против 11 подсудимых, в т.ч. бывшего городского коменданта Пскова генерал-майора Г. Ремлингера ***(Heinrich Remlinger)***[17]. По итогам судебного разбирательства все подсудимые были признаны виновными и осуждены. 5 января 1946 г. в 11 час. восемь подсудимых во главе с Ремлингером были публично казнены через повешение на площади Калинина перед кинотеатром «Гигант» в Ленинграде, трое подсудимых были приговорены к каторжным работам.

В Великих Луках в здании кинотеатра «Победа» с 24 по 31 января 1946 г. состоялся судебный процесс военного трибунала Ленинградского военного округа по уголовному делу «о зверствах немецко-фашистских захватчиков в Великолукской области» против 11 подсудимых, в т.ч. бывшего коменданта города генерал-лейтенанта Ф. фон Раппарда (***Fritz-Georg Hugo Karl von Rappard***). Восемь подсудимых были приговорены к смертной казни, трое – к каторжным работам[18]. 1 февраля 1946 г. приговор был приведен в исполнение – приговоренные к смертной казни были публично повешены в 12 час. дня на Базарной площади Великих Лук.

В соответствии с приговором Судебной коллегии Псковского областного суда от 21–22 сентября 1967 г. (т. 13, л.д. 1–17) изменники Родины Э.М. Торн, А.О. Веедлер, Э.Г. Лемпетс, И.П. Охвриль, проходившие службу в карательном отряде эстонской особой роты («эстише зондеркомпани») с 1942 по 1943 г., осуждены за участие в массовых расстрелах мирных граждан и военнопленных. Из приговора следует, что в ноябре 1941 г. с целью эксплуатации мирного населения и военнопленных в районе д. Моглино Псковской области был создан концентрационный лагерь, условия проживания в котором, нормы питания и трудовой повинности носили несовместимый с жизнью характер. Охрану лагеря осуществляли военнослужащие Псковского внешнего отдела эстонской полиции безопасности и СД. Они же систематически расстреливали обессиленных и нетрудоспособных узников лагеря, женщин, стариков и детей в окрестностях лагеря, вывозили последних на массовые расстрелы в д. Глоты и другие населенные пункты Псковской области.

Из приговора следует, что за указанное время осужденные непосредственно приняли участие в расстреле 50 человек в районе д. Глоты Псковского района. Были расстреляны лица цыганской национальности, в т.ч. женщины, дети и старики. Они же принимали участие в расстреле более 100 человек из Моглинского концентрационного лагеря, среди которых было много евреев и цыган. Они же приняли участие в расстреле 13–14 военнопленных, совершивших попытку побега.

За время существования концлагеря в д. Моглино с ноября 1941 г. по март 1944 г. были умерщвлены путем расстрелов и иными способами не менее 3 тыс. мирных граждан и военнопленных.

Приговором Судебной коллегии по уголовным делам Псковского областного суда от 13 июня 1973 г. (т. 13, л.д. 23–35) осуждены Э.И. Оодл, Э.К. Пяхн, И.А. Алуоя, А.И. Кукк, В.Ю. Кукк и Б.И. Кангур за то, что, вступив добровольно в 37 карательный батальон, сформированный из лиц эстонской национальности для борьбы с партизанами и патриотами, с начала 1942 г. принимали активное участие в карательных операциях на территории Псковской области, сопровождавшихся убийствами советских людей и сожжением домов местных жителей[19].

Приговором Судебной коллегии по уголовным делам Псковского областного суда от 26–28 октября 1970 г. (т. 13, л.д. 82–96) А.К. Пиигли, Х.И. Юксаар, Г.Г. Вески, Э.К. Лумисте, А.М. Танг, А.И. Пупарт и В.Х. Соэра осуждены за то, что добровольно поступив на службу к фашистам, в составе взвода тяжелых пулеметов при немецкой комендатуре № 611 осуществляли карательную деятельность на территории Полновского района (ныне – Гдовский район) и других районов Псковской области[20].

Материалы уголовного дела № 12002007703000211, возбужденного ГСУ СК России 12 августа 2020 г. по признакам преступления, предусмотренного ст. 357 УК РФ, не предполагают сомнений в фактах совершения массовых убийств советских граждан

[17] См.: Дело № 37-д с документами о злодеяниях бывших военнослужащих германской армии Ремлингера, Штрафинга и др. в Ленинградской и Псковской областях, в период их временной оккупации немцами // ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 151. Д. 2–3.

[18] См.: Приговор Военного трибунала Ленинградского военного округа по делу о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов на территории Великолукской области 24–31 января 1946 г. // Центральный архив ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 27. Л. 170–200.

[19] См.: Решение Псковского областного суда от 27.08.2021 г. по делу № 3-27/2сс/2021. Л. 28, 29.

[20] См.: там же. Л. 29.

немецко-фашистскими захватчиками и их пособниками в период Великой Отечественной войны на оккупированных территориях РСФСР, т.е. совершения геноцида советского народа[21].

Исследованные судом доказательства подтверждают, что в период временной оккупации с 1941 по 1944 г. Псковской и Великолукской областей непосредственные исполнители из числа военнослужащих и карателей оккупационных войск Германии и их пособников, исполняя приказы и директивы высшего военного и политического руководства нацистской Германии, совершили на территории указанных областей бесчеловечные, чудовищные и неоправданные военными действиями преступления, повлекшие многочисленные человеческие жертвы, разграбление и умышленное уничтожение имущества, угон населения в неволю. Эти преступления были направлены против конкретных национальных и этнических групп населения: славян, евреев, цыган. Указанные преступления в соответствии с нормами международного права, а именно ст. 6 Устава Международного военного трибунала от 8 августа 1945 г. и ст. II Конвенции ООН от 9 декабря 1948 г. «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» являются военными преступлениями, преступлениями против человечности и геноцидом народов Советского Союза.

Согласно п. 3 ст. 67.1 Конституции РФ Россия чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается.

Данное конституционное положение направлено на противостояние попытки пересмотра роли советского народа во Второй мировой войне, недобросовестного искажения исторических фактов. Следовательно, противодействие посягательствам на историческую правду имеет конституционное закрепление.

Искажение исторической правды и справедливости, политические и информационные попытки представить народ-жертву в качестве народа-агрессора, преуменьшить роль советского народа в Победе над общечеловеческим врагом – фашистской Германией, направлены на создание негативного образа государства СССР как у граждан республик, входивших в состав СССР, так и за его пределами. Такие проявления являются противоправными, оскорбляющими честь и достоинство людей, не только непосредственно пострадавших от зверств нацизма, но и их родственников и потомков. В конечном счете искажение исторической правды подрывает государственные устои, т.к. ослабляет патриотические чувства людей, веру в справедливость, которые лежат в основе суверенитета государства.

Восстановление исторической правды иногда происходит спустя годы, но этот процесс необходим не только для того, чтобы не допустить повторения чудовищных злодеяний, но и для того, чтобы историческая справедливость восторжествовала. Как пример попытки надругательства над исторической правдой можно рассматривать судьбу Григория Васюры, палача Хатыни. Попав в плен в начале Великой Отечественной войны, он согласился на сотрудничество с нацистами и был направлен в школу пропагандистов. После ее окончания служил в 118-м шуцманшафт-батальоне. Быстро продвинулся, дослужившись до начальника его штаба. Организация убийства жителей Хатыни стала лишь одним из его военных преступлений. В фильтрационном лагере Васюре удалось скрыть участие в карательных операциях. Его сотрудничество с нацистами было доказано только в 1952 г. Он был приговорен к 25 годам лишения свободы, но амнистирован через три года в связи с юбилеем Победы. Васюра поселился в Киевской области и утверждал, что был осужден лишь за нахождение в плену. Занимал должность заместителя директора крупного совхоза, неоднократно поощрялся за успехи в работе, построил большой дом. Как офицер связи, сражавшийся на фронте, он выступал перед пионерами и стал почетным курсантом Киевского высшего военного инженерного дважды Краснознаменного училища связи им. М.И. Калинина. В 1985 г., не получив к 40-летию Победы орден Отечественной войны II степени, он потребовал от властей разобраться в произошедшем. Результатом выяснения подробностей и обстоятельств случившегося стало предъявление обвинения за участие в карательных операциях и организацию убийства жителей Хатыни. Дело Г. Васюры состояло из 14 томов материалов, убедительно доказывающих его вину. По приговору Военного трибунала Белорусского военного округа он был казнен в 1987 г.

Такие примеры еще и еще раз заставляют задуматься над вопросом о необходимости наказывать нацистских преступников, несмотря на время, прошедшее после совершения преступления. Эти преступления не имеют сроков давности. Преступники должны быть наказаны, честь и достоинство пострадавших должны быть защищены.

Статьей 23 Конституции РФ установлено, что каждый имеет право на защиту своей чести и доброго имени. В равной степени это право относится к коллективной защите чести и достоинства всего российского народа. Данное конституционное положение закреплено в ст. 150 ГК РФ,

[21] См.: там же. Л. 30.

устанавливающей, что достоинство личности, честь и доброе имя, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и подлежат защите.

Учитывая, что в случаях, когда того требуют интересы гражданина, принадлежащие ему нематериальные блага могут быть защищены, в частности, путем признания судом факта нарушения его личного неимущественного права, а также в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом, нематериальные блага, принадлежавшие умершему, могут защищаться другими лицами, по требованию заинтересованных лиц в соответствии с положениями ст. 152 ГК РФ допускается защита чести и достоинства граждан и после их смерти. Поэтому, руководствуясь ст. 195–198, 263, 268 ГПК РФ, суд решил установить факт, имеющий юридическое значение – признать установленные и вновь выявленные преступления, совершенные во время Великой Отечественной войны на оккупированных в период с июля 1941 г. по август 1944 г. территориях Псковской и Великолукской областей нацистскими оккупационными властями и их пособниками в отношении преднамеренно уничтоженных советских граждан, военными преступлениями и преступлениями против человечности, как они определены в Уставе Нюрнбергского Международного военного трибунала от 8 августа 1945 г. и подтверждены резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН 3(I) от 13 февраля 1946 г. и 95(I) от 11 декабря 1946 г.; геноцидом национальных и этнических групп, представлявших собой население СССР, как часть плана, заключавшегося в намерении нацистской Германии избавиться от всего местного населения Советского Союза путем изгнания и истребления его в целях колонизации освободившейся территории немцами.

Псковский областной суд признал преступлениями против человечества зверства, совершенные нацистами в Псковской области во время Великой Отечественной войны. Отмечается, что речь идет о военных преступлениях против более чем 75 тыс. преднамеренно уничтоженных мирных советских граждан, 377 тыс. военнопленных и 192 тыс. насильственно угнанных на принудительные работы в страны Балтии. Суд постановил считать это «геноцидом национальных и этнических групп, представляющих собой население СССР».

Следует напомнить, что 27 октября 2020 г. в Солецком районном суде (Батецкое постоянное судебное присутствие) завершилось рассмотрение гражданского дела по заявлению прокурора Новгородской области в интересах Российской Федерации и неопределенного круга лиц – родственников (потомков) мирных жителей, погибших в районе д. Жестяная Горка Батецкого района Новгородской области в годы Великой Отечественной войны от преступных действий немецко-фашистских захватчиков и их пособников, в котором просил установить факт, имеющий юридическое значение. По итогам рассмотрения указанного гражданского дела суд удовлетворил заявление прокурора Новгородской области и установил факт, имеющий юридическое значение,– признал вновь выявленные преступления, совершенные в 1942–1943 гг. в д. Жестяная Горка Батецкого района Ленинградской (с 05.07.1944 г. – Новгородской) области солдатами «тайлькоманды айнзацкоманды 1ц»[22] полиции безопасности и СД в отношении не менее 2600 советских граждан, являвшихся представителями мирного населения и военнопленными, проходившими военную службу в Красной Армии – Вооруженных Силах СССР, военными преступлениями против человечности, как они определены в Уставе Нюрнбергского Международного военного трибунала и подтверждены резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН 3(1) от 13 февраля 1946 г. и 95(1) от 11 декабря 1946 г., геноцидом национальных и этнических групп, представлявших собой население СССР, народов Советского Союза, как часть плана, заключавшегося в намерении нацистской Германии отделаться от всего местного населения Советского Союза путем изгнания и истребления его для того, чтобы колонизировать освободившуюся территорию немцами.

Немецкие спецслужбы уже с 1940 г. наладили тесные связи с различными националистическими организациями Балтии, находившимися после присоединения Эстонии, Латвии и Литвы к СССР в подполье. В течение 1942–1944 гг. на Новгородчине действовало несколько крупных латышских полицейских формирований. Немцы зачастую поручали им наиболее грязную и «кровавую» работу, связанную с уничтожением не просто мирного населения, а немощных стариков, женщин и детей. Одно из таких мест находилось в д. Жестяная Горка Батецкого района. В подготовленном в 2020 г. Сборнике документов «Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на временно оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны

[22] Айнзатцгруппы полиции безопасности и СД (*Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei und des SD*) – военизированные эскадроны смерти нацистской Германии, осуществлявшие массовые убийства гражданских лиц на оккупированных ею территориях стран Европы и СССР. Играли ведущую роль в «окончательном решении еврейского вопроса». Целями айнзатцгрупп были евреи, цыгане и другие т.н. расово неполноценные, политическая интеллигенция, коммунисты, члены движения Сопротивления и «асоциальные элементы». Находились в совместном ведении и подчинении СС и РСХА, в частности Генриха Гиммлера и Рейнхарда Гейдриха. Состояли из служащих гестапо и уголовной полиции, Службы безопасности (СД), полиции порядка и войск СС.

1941–1945»[23] д. Жестяная Горка упоминается 71 раз. В Акте комиссии по содействию работе Чрезвычайной государственной комиссии, составленном в декабре 1944 г., отмечается: «Находившийся в ... деревне отряд войск СС на протяжении времени с октября 1941 года по 1943 год производил массовые расстрелы советских граждан, коммунистов, советских активистов и военнопленных красноармейцев. Каратели советских граждан после ареста привозили группами и в одиночку в деревню Жестяная Горка. Здесь некоторым из арестованных проводился короткий допрос с пытками. Часть людей без допроса сразу же расстреливали. Трупы расстрелянных граждан складывали по порядку в заранее подготовленные ямы, засыпали тонким слоем снега, а потом вновь расстреливали и хоронили в те же ямы. Расстрел производился в полукилометре за деревней Жестяная Горка».

Согласно собранным Новгородским управлением КГБ СССР документам в уничтожении мирного населения около указанной деревни обвинялись в первую очередь немцы. Но по показаниям свидетелей было выявлено, что в состав этой команды входили не только граждане Рейха Абрам, Амман, Герман Цитцман, Пауль Фишер и Герман Винклер. В их подчинении находились прибалтийские немцы, латыши и русские, до войны проживавшие в Латвии.

Можно выделить три этапа установления фактов преступлений около д. Жестяная Горка в годы Великой Отечественной войны и розыска лиц, их совершивших:

1) после освобождения Новгородчины в 1944 г. члены комиссии по содействию работе Чрезвычайной государственной комиссии составили Акт о массовых расстрелах в указанной деревне, собрали свидетельские показания о производившихся казнях;

2) в ходе следствия по делу германских военных преступников в ноябре 1947 г. было обследовано урочище «У Марьиной рощи» с шестью ямами-могилами, в которых находилось не менее 2600 трупов со следами насильственной смерти;

3) в 1960-х годах сотрудники Новгородского управления КГБ СССР активно выявляли непосредственных участников карательного формирования. Но даже когда сотрудникам органов безопасности удавалось установить о карателях все, вплоть до домашнего адреса, привлечь их к уголовной ответственности было невозможно – они находились на Западе.

Во время Великой Отечественной войны Батецкий район Ленинградской области находился под немецкой оккупацией с августа 1941 г. по февраль 1944 г. В районе фашисты сформировали «тайлькоманду айнзатцкоманды 1ц» полиции безопасности и СД, насчитывающую более 20 человек, которую возглавляли лица из числа офицерского состава немецкого и австрийского происхождения. В Сборнике материалов о немецких разрушениях и зверствах, деятельности разведывательных и контрразведывательных органов противника в районах Новгородской области, подвергшихся оккупации, подготовленном Управлением НКВД СССР по Ленинградской области в 1944 г., указано, что «в д. Жестяная Горка в течение 1,5 лет дислоцировались части СС со своим штабом. Весь обслуживающий персонал этих частей состоял из немцев, латышей и эстонцев. <...>. Части СС проводили массовые облавы, карательные экспедиции против партизан, арестовывали, вели следствие, расстреливали антифашистски настроенных лиц. Кроме того, в районе для борьбы с партизанами действовали подвижные карательные отряды, укомплектованные немецкими и финскими солдатами».

Комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков на территории г. Новгорода и Батецкого района в феврале 1944 г. в Акте указала, что в д. Жестяная Горка находился специальный карательный отряд, которым замучено и убито свыше 2 тыс. мирных жителей новгородских сел и деревень. Житель д. Василевская В.И. Антонов сообщил комиссии: «В деревне... у немцев был, видимо, какой-то карательный орган. Все провинившиеся... свозились туда и там немцы расправлялись с народом. Из д. Жестяная Горка мало кто возвращался».

Новгородской специальной комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков в Новгородской области и г. Новгороде была произведена раскопка могил в местах захоронения лиц из числа гражданского населения и советских военнопленных, истребленных во время оккупации Батецкого района. В шести ямах-могилах было зарыто не менее 2600 человек, смерть которых наступила от полученных сквозных огнестрельных пулевых ранений головы, шеи, груди и телесных повреждений, причиненных в т.ч. острорежущим и рубящим оружием. Комиссия в справке специально оговорила, что «пулевые повреждения как боевую травму следует исключить, расположение входных пулевых отверстий в большинстве случаев на затылочной части головы указывает на специальные выстрелы – расстрелы; диаметр входных пулевых отверстий 0,9 см

[23] См.: Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на временно оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. документов: в 2 ч. / отв. ред. А.В. Юрасов; отв. сост. Я.М. Златкис; сост. Е.В. Балушкина, К.М. Гринько, И.А. Зюзина и др. М., 2020.

является типичным для немецкого автомата. Судебно-медицинской экспертизой на основании обнаруженных повреждений на трупах советских граждан полностью подтвержден факт истребления населения немецкими фашистами». Как было установлено в 2019 г., 187 останков принадлежали детям и подросткам в возрасте от 5 до 17 лет.

Согласно рассекреченным материалам Новгородского управления КГБ СССР, проводившего работу по выявлению непосредственных участников карательных акций, тайлькоманда формировалась в Риге. В ее состав входили в т.ч. латыши и эстонцы. Организатором расправ над советскими гражданами в Новгородской области являлся генерал артиллерии германской армии командир 38 армейского корпуса Герцог Курт. Его вина в совершенных преступлениях установлена приговором Военного трибунала Ленинградской области от 18 декабря 1947 г., в соответствии с которым он осужден к заключению в исправительно-трудовой лагерь на 25 лет[24].

Полиции безопасности и СД выполняла следующие функции: допрос русских военнопленных, перебежчиков, агентуры; выявление среди местного населения участников антинемецких подпольных организаций, коммунистов, советских активистов; борьба с партизанским движением; антисоветская пропаганда среди населения. Целью карателей являлось установление безопасности тыла германской армии, для чего предусматривались беспощадное уничтожение партизан; репрессии и расстрел местных жителей, заподозренных в каких бы то ни было антигерманских действиях; выселение всего населения в тыл территории под видом эвакуации, вызываемой тактическими соображениями немцев; уничтожение (сожжение) населенных пунктов, где их сохранение не вызывалось необходимостью размещения гарнизонов карательного отряда. К коммунистам, евреям, цыганам, политработникам Красной Армии применялся только расстрел, который исполнялся немецкой и латышской группами. Командиру карательного отряда были предоставлены неограниченные права, в т.ч. право расстреливать любого советского человека, самостоятельно решать вопросы жизни и смерти этих людей.

Все это подтверждается доказательствами, полученными еще в марте – ноябре 1946 г., в т.ч. показаниями, например, военнопленного бывшего полковника германской армии Финдейзен Вернера Пауля, а также советских граждан – очевидцев злодеяний фашистов.

Так, А.В. Полянская лично видела, как в январе 1942 г. каратели вели на расстрел цыганку с грудным ребенком. Дитя было голое, несчастная плакала, не могла идти, ее волоком тащили по снегу. Ребенок несколько раз падал, она его поднимала. Спустя немного времени услышала два выстрела, а потом увидела карателей, возвращавшихся в деревню уже без цыганки и ребенка. Несколько дней спустя они же расстреляли цыгана и мальчика 4–5 лет, которые, по словам местных жителей, являлись мужем и ребенком ранее убитой женщины с младенцем. В начале весны 1942 г. стала свидетелем того, как выводили в лес жителя д. Нащи А. Свободного. Со слов карателей, «Свободный был большим коммунистом», однажды уже был арестован, но сумел сбежать, поэтому сначала его подстрелили в ногу, а затем подорвали гранатой[25]. Летом 1942 г. работая в поле, увидела, как участники тайлькоманды вели паренька лет 16-ти, одетого в форму ученика ремесленного училища, и мужчину, одетого в хороший костюм, рубашку с галстуком и полуботинки. Подростка ударили ножом в затылок, он упал в яму, а мужчину расстреляли. А.В. Полянская была очевидцем еще нескольких случаев расстрела советских граждан, в которых принимали участие каратели-латыши.

И.И. Скачков был свидетелем расстрела задержанных партизан, бойцов Красной Армии, выходивших из окружения, мирных граждан, в т.ч. женщин и детей (был допрошен 22.11.1966 г.). Стал очевидцем казни арестованных из д. Дубровка Н. Федоровой и ее мужа Симона. Их сыну Анатолию удалось бежать. В марте 1942 г. расстреляли четырех мужчин и двух женщин; в июле 1942 г. – одновременно около 20 человек. Акции проводились ежедневно; по его мнению, всего в деревне было расстреляно несколько сотен советских граждан.

М.В. Белинская запомнила нескольких карателей: Гариса, Жоржа, Пауля, Рудольфа и др. Была очевидцем расстрела коммунистов В. Сладкова, П. Горбачева, А. Горбачевой; вместе со Скачковым видела, как убивали супругов Н. Федорову и С. Буйча.

Факты массового уничтожения мирного населения отражались в оперативных сообщениях полиции безопасности и СД. Так, из оперативного сообщения от 13 августа 1942 г. следует, что выявлены и казнены четверо евреев; от 28 августа того же года – казнен священник Александр Петров.

По итогам рассмотрения указанного гражданского дела суд удовлетворил заявление прокурора Новгородской области.

Этот скорбный список кажется бесконечным...

[24] Был единственным из 19 подсудимых, не признавшим вину ни по одному пункту обвинения. Умер в лагере под Воркутой 08.05.1948 г. (по материалам интернет-изданий).

[25] Аналогичным образом описывают гибель А. Свободного и другие очевидцы злодеяния (например, В.В. Четкина).

В апреле 2021 г. Следственный комитет РФ возбудил уголовное дело о геноциде, массовых убийствах в ходе карательных операций нацистов в Ростовской области. Было доказано, что 11–12 августа 1942 г. расстреляно до 20 тыс. советских граждан, жителей пос. 2-я Змиевская балка, еще до 10 тыс. убито в городах Шахты, Ростове и в хуторах под ним. Людей, в основном евреев, собирали под предлогом «эвакуации», вывозили за город и убивали – расстреливали у песчаного карьера. Кто догадался и сумел спрятаться, тот выжил и рассказал затем о трагедии. К карьеру гнали мужчин, женщин и детей. Всем заранее приказывали взять с собой ценные вещи. В роще близ карьера эсэсовцы вместе с русскими полицаями раздевали и обирали своих жертв, а затем в упор расстреливали и бросали тела в карьер или ямы в роще. Свидетель случившегося Александра Хильченко рассказала в октябре 1943 г. о деяниях немцев у пос. 2-я Змиевская балка: «28 июля 1942 года для меня памятный день. В этот день были первые расстрелы. <...>. Начиная с 28 июля 1942 года и до 11 августа 1942 года продолжались такие периодические расстрелы. Приезжали машины и крытые и открытые. В каждой машине было примерно до 50 человек. Здесь были люди разных возрастов: дети, молодежь, старики. Среди них были женщины и грудные дети. Приходилось видеть и машины-душегубки. <...>. Душегубки подъезжали непосредственно к краю карьера и оттуда выбрасывались уже умерщвленные люди. <...>. Однажды рано утром нам удалось проникнуть с 2 подругами к месту расстрелов. Когда мы заглянули в карьер, нам представилась ужасная картина. Из-под насыпанной земли были видны головы, руки и ноги расстрелянных. <...>. 11 августа 1942 года в карьере и рядом расположенной роще были проведены массовые расстрелы еврейского населения. <...>. Я не могу точно назвать цифру, но людей гнали много, гнали как скот». Часть убитых закапывали советские пленные, их затем тоже расстреляли. В преступлениях виновны зондеркоманда СС 10А и полицаи. В документах следователей Следотдела УНГКБ описаны и другие ужасающие факты – расстрел на улице 14-летнего мальчика только за то, что в кармане у него было найдено три патрона, поиск и убийства евреев и коммунистов. В г. Шахты оккупанты разрушили школы, здания театров и библиотек, взорвали памятник Ленину, памятник Кирову и монумент шахтеров, разграбили множество домов при отступлении. Там же на шахте им. Красина расправлялись с местным населением. Трупы, а в ряде случаев еще живых людей, сбрасывали в ствол шахты (глубиной до 600 м). Перед расстрелом у молодых и здоровых брали в большом количестве кровь, которой не хватало немецким госпиталям. Так погибло более 3.5 тыс. жителей. На хуторах Нагорный и Грузинов немцы умертвили более 250 человек, при этом пытали и насиловали женщин.

Кроме Народного комиссариата государственной безопасности расследованием преступлений вермахта и СС на территории СССР занималась Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, созданная в ноябре 1942 г. Комиссия изучила миллионы актов и протоколов опросов свидетелей зверств гитлеровцев, в т.ч. касавшихся Холокоста, а затем подготовила доказательства обвинений советской стороны на Нюрнбергском процессе.

Так, в 19 районах Орловской области было уничтожено и разрушено 583 здания государственных учреждений, 317 зданий промышленных предприятий, 316 зданий дорожного хозяйства, 881 здание учебных заведений и культурных учреждений, 181 здание лечебно-санитарных учреждений, 284 коммунальных здания, 493 здания торговых предприятий, 56 866 сельскохозяйственных построек.

Врываясь в города и села Орловской области, немецкие офицеры и солдаты по прямым указаниям военного командования и гражданских оккупационных властей грабили имущество и продовольствие мирных граждан и при малейшем сопротивлении сжигали их дома и применяли кровавые расправы. Принимая участие в наступлении армейской группировки «Центр», 2-я армия, находясь на правом фланге группировки, должна была овладеть переправой через р. Дон в районе г. Елец, захватить г. Елец и в дальнейшем прикрывать южный фланг наступавших на Москву германских войск. 2-я танковая армия, действовавшая слева от 2-й армии, потерпела поражение под г. Тулой, была отброшена и в беспорядке отходила в направлении на Орел и севернее Орла.

В бешеной злобе против советского народа, вызванной поражением на фронте, командующий армией генерал Р. Шмидт (***Rudolf Schmidt***)[26] и командовавший Орловским административным округом военный комендант города генерал-майор Гаман создали специальные отряды подрывников для разрушения городов, сел и колхозов Орловской области. Эти команды уничтожали все на пути своего отступления. Они разрушали памятники культуры и искусства, жгли города, села и деревни.

[26] 10.04.1943 г. отстранен от командования и отчислен в резерв. Арестован. 30.09.1943 г. досрочно в возрасте 57 лет отправлен на пенсию. В 1947 г. был арестован советской администрацией. Содержался последовательно в Бутырской, Лефортовской и Владимирской тюрьмах. В 1952 г. по приговору трибунала за военные преступления на территории СССР осужден на 25 лет лагерей. 30.09.1955 г. передан властям ФРГ, которыми был освобождён от отбывания наказания.

В тюрьме г. Орла немецко-фашистские оккупанты организовали лагерь для военнопленных и гражданского населения. Показаниями освобожденных военнопленных, в частности Толубеева, Равкина, Кабалдина, Жильцова и др., установлено, что в лагере гитлеровцы истребляли советских граждан. Питание военнопленных не обеспечивало даже голодного существования. Пленным в день давали по 200 г хлеба с примесью древесных опилок и по 1 л супа из гнилой сои и прелой муки. В лагере была массовая смертность. Из общего числа умерщвленных 3 тыс. человек погибли в результате голодания и осложнений на почве недоедания.

Гибли гражданские люди от расстрелов, которые производились в тюремном дворе с немецкой точностью, по расписанию – по вторникам и пятницам, группами по пять–шесть человек. Немцы вывозили осужденных также в отдаленные места, где были траншеи, сделанные советскими войсками перед оставлением города, и там расстреливали. Расстрелянных в городе свозили и бросали в траншеи, преимущественно в лесистой местности. Казни в тюрьме совершались следующими способами: мужчины ставились лицом к стене, жандарм производил выстрел из револьвера в затылочную область. Этим выстрелом повреждались жизненные центры, и смерть наступала мгновенно. В большинстве случаев женщины ложились лицом вниз на землю, и жандарм стрелял в затылочную область. Второй способ: группу людей загоняли в траншею и, повернув их лицом в одну сторону, расстреливали из автоматов, направляя выстрел в ту же затылочную область. В траншеях обнаружены трупы детей, которых, по свидетельству очевидцев, закапывали живыми. По показаниям очевидцев и свидетелей, на кладбище около тюрьмы за время оккупации немцами г. Орла было похоронено не менее 5 тыс. военнопленных и мирных советских граждан.

Будучи допрошенным в г. Москве 2 апреля 1948 г. генерал-полковник Р. Шмидт показал: «Карательными экспедициями против партизан в тылу 2-й танковой армии руководил подчиненный мне командующий тылом 2-й танковой армии генерал-лейтенант Бернгард. [Ему] подчинялись несколько охранных батальонов, кроме этого, при проведении карательных экспедиций против партизан ему придавались отдельные подразделения, снятые с фронта.

Планы проведения карательных экспедиций против партизан и приказы войскам утверждал лично я,– сообщал Р. Шмидт.– В июне 1942 года, в связи с усилившейся деятельностью партизанских отрядов в Брянских лесах, генерал-лейтенантом Бернгард была проведена по моему приказу карательная экспедиция против партизан в р-не севернее, северо-восточнее и южнее Брянска.

Частями 2-й танковой армии, участвовавшими в операции, были обнаружены оставленные партизанами лагери, которые были этими частями разгромлены. Затем было уничтожено несколько партизан и арестованы мирные советские граждане по подозрению в оказании помощи партизанам. Арестованные мирные советские граждане были осуждены военно-полевым судом. Я сейчас не помню,– говорил Р. Шмидт, – сколько мирных советских граждан было арестовано в связи с этой операцией. Я знаю только, что все они были переданы в военно-полевой суд 2-й танковой армии и осуждены. Какой был приговор по делу этих советских граждан, я также не помню.

В ноябре 1942 года для участия в крупной карательной экспедиции в р-не между дорогой Брянск – Людиново – севернее и северо-западнее г. Киров – в р-не вдоль р. Десна, которой руководил генерал-лейтенант Шенкендорф, мною было направлено из 2-й танковой армии несколько охранных батальонов под командованием генерал-лейтенанта Бернгард, один пехотный батальон и несколько легких танков. В этой операции принимали также участие части 4-й армии и авиация, выделенная армейской группировкой “Центр”. Кроме того, командующим тылом 2-й танковой армии генерал-лейтенантом Бернгард неоднократно проводились карательные экспедиции и облавы на партизан в тыловой области армии, в которых принимали участие части тыла и 47-го танкового корпуса, численностью до батальона.

В результате карательных операций против партизан, проведенных под руководством генерал-лейтенанта М. фон Шенкендорфа (***Max Heinrich Moritz Albert von Schenckendorff***)[27], а также других карательных экспедиций, было сожжено несколько деревень, разрушено много лесных партизанских лагерей и захвачено большое количество партизан. Сколько партизан было уничтожено и, какова судьба тех, которые были захвачены, мне неизвестно.

[27] На Смоленском процессе назван одним из главных виновников массовых убийств и угона в Германию жителей Смоленщины. Так же был одним из активных проводников политики преследования и геноцида еврейского населения. В частности, согласно его приказу № 1 от 07.07.1941 г. вводились обязательные для ношения евреями с 10 лет нарукавные повязки белого цвета с нарисованной жёлтой звездой. 21.08.1941 г. он же издал приказ, который в целях «строгого контроля за деятельностью евреев» запрещал им покидать местожительства. Подчинённые Шенкендорфу войска отличались жестокостью и массовым участием в истреблении евреев. Был одним из инициаторов создания коллаборационистских воинских частей. Умер от сердечного приступа 06.07.1943 г.

В 1942 году Верховное командование германских вооруженных сил отдало приказ за подписью Гитлера об обращении с партизанами, который был разослан ОКВ во все соединения германской армии вплоть до дивизии и командующего тылами. В этом приказе Гитлера говорилось, что партизаны находятся вне законов, что впредь их нужно назвать "бандитами" и беспощадно уничтожать. Далее в приказе указывалось, что солдат, который считает, что житель в партизанской области подозрителен в каком-либо действии, направленном против него – солдата, должен принять меры, вплоть до уничтожения этого жителя.

Выполняя этот приказ, поскольку его непосредственно получили все дивизии, подчиненные мне войска совершили немало зверств по отношению к мирному гражданскому населению. За давностью я не могу сейчас привести все факты этих зверств. Я припоминаю случай, когда два немецких солдата из состава подчиненной мне части расстреляли двух ни в чем неповинных русских крестьян только за то, что они показались моим солдатам подозрительными. В связи с этим случаем дочь одного из расстрелянных крестьян обратилась лично ко мне с жалобой. Подчас немецкие солдаты, виновные в расстрелах советских граждан и в жестоком обращении с населением, оставались для командования неизвестными.

Коменданты гг. Орел, Брянск, Курск также подчинялись мне,– сообщал Р. Шмидт.– На должность коменданта г. Орла мною был назначен генерал-лейтенант Ондарца, которого осенью 1942 года сменил генерал-майор Гаманн, назначенный на этот пост по приказу ОКХ.

В моем подчинении находились три лагеря для советских военнопленных. Один в Орле, другой в Брянске, третий в Курске.

В Орловском лагере содержалось одновременно 1200–1500 человек военнопленных, в Брянском лагере 1500–1800 человек военнопленных. Основной контингент военнопленных в этих лагерях составляли солдаты и младшие командиры. Взятые в плен советские офицеры направлялись в офицерский лагерь при армейской группировке "Центр" в г. Смоленске.

Орловский лагерь был организован в ноябре 1941 года. При первом посещении Орловского лагеря 28 декабря 1941 года, т.е. вскоре после назначения меня на должность командующего 2-й танковой армией, я установил, что военнопленные содержались в очень плохих условиях: лагерь, располагавшийся в здании старой фабрики, был переполнен, помещения, где содержались военнопленные, совершенно не отапливались, несмотря на то что мороз доходил в ту зиму до 40 градусов, раненые и больные содержались вместе с остальными военнопленными, причем никакой медицинской помощи им не оказывалось, питание было недостаточное.

Военнопленные использовались на тяжелой работе. Все это привело к тому, что смертность военнопленных в Орловском лагере, в результате обморожения, истощения и болезней была большой. Так, в январе 1942 года смертность в силу указанных причин достигла 10–20%. Умерших военнопленных массами хоронили в ямах позади здания лагеря. В первое время это положение сохранялось и при мне, т.к. я не смог сразу произвести улучшение, но, в дальнейшем, благодаря принятым мерам, обстановка в лагере стала нормальной.

Комендантом Орловского лагеря являлся майор запаса германской армии Гофман.

Брянский лагерь, так же как и Орловский, был организован в ноябре 1941 года. Положение в лагере в Брянске было лучше, чем в Орловском, т.к. он находился дальше от линии фронта.

В районе гор. Брянска был создан лагерь, где содержалось, насколько я помню, несколько сот советских граждан, заключенных в лагерь за невыполнение приказов немецких оккупационных властей и за связь с партизанами.

Этот лагерь находился в непосредственном подчинении командующего тылом 2-й танковой армии генерал-лейтенанта Бернгард. В г.г. Орджоникидзеграде (близ Брянска), Трубчевске и других местах, где было сильно развито партизанское движение, подчиненными мне комендатурами были созданы специальные лагери, в которых содержались советские граждане, заключенные туда в качестве заложников. Такую систему взятия заложников мы применяли для того, чтобы устрашить партизан и гражданское население на случай, если они попытаются выступать против немцев. Взяв заложников, мы издавали приказы, которые развешивались в населенных пунктах, оккупированных войсками.

В этих приказах указывалось, что нами взяты из различных районов в лагери советские граждане, которые будут немедленно расстреляны, если населением будут предприниматься какие-либо попытки к выступлениям против немцев.

В мае 1942 года мною был получен приказ ставки, – сообщал Р. Шмидт, – в котором указывалось, что в соответствии с распоряжением Заукеля я должен отправить на работы в Германию максимально возможное количество советских граждан, проживавших на территории 2-й танковой армии.

В результате проведенных мероприятий было мобилизовано и до конца 1942 года отправлено свыше 14 000 советских граждан. Эти 14 000 советских граждан были отправлены несколькими

эшелонами по 1200–1500 человек в каждом. Списки отправляемых на работы в Германию советских граждан утверждались мною лично.

В конце декабря 1942 года получен еще один приказ за подписью Цейтцлера, в котором было сказано, что я должен мобилизовать 40 000 советских граждан и отправить их в Германию. В связи с тем, что я уже отправил в Германию 14 000 советских граждан, а оставшееся гражданское население использовалось мной самим для нужд 2-й танковой армии, я под различными предлогами этот приказ не выполнил.

Приняв командование 2-й танковой армией, я издал приказ о том, что подчиненные мне карательные органы, в случаях осуждения ими к смертной казни гражданских лиц, предоставляли мне на утверждение такие приговоры.

Помню, что в г. Орле, в 1943 году мною был утвержден приговор о казни четырех советских граждан. Сколько всех мною было утверждено смертных приговоров, я сейчас не помню.

В январе 1943 года в гор. Орле городской комендатурой, находившейся в подчинении коменданта города генерал-майора Гаманн были арестованы четыре советских гражданина за подготовку выступления против немецких оккупационных властей при подходе к гор. Орел частей Красной Армии.

Эти четыре советских гражданина, фамилии которых я не помню, были осуждены к смертной казни немецким судом при Орловской комендатуре и приговор был подписан Гаманном. Затем приговор был представлен генеральному судье при штабе 2-й танковой армии Шикарскому, который доложил его мне на утверждение. Согласно утвержденному мною приговору четыре советских гражданина были казнены в январе 1943 года в г. Орле»[28],– сообщал Р. Шмидт.

26 декабря 1945 г. в Брянске начался судебный процесс Военного трибунала под председательством генерал-майора юстиции А.М. Микляева и членов трибунала – полковника юстиции П.К. Хрякова и подполковника юстиции А.М. Кипарисова над немецкими военными преступниками, которые непосредственно участвовали в злодеяниях, совершённых на оккупированной территории Орловской, Брянской и Бобруйской областей. На скамье подсудимых предстали четверо: генерал-лейтенант Фридрих Густав Бернгард (***Friedrich-Gustav Bernhard***), генерал-майор Адольф Гаман (***Adolf Hamann***), ефрейтор Мартин Адольф Лемлер, обер-ефрейтор Карл Теодор Штайн.

Государственное обвинение поддерживал гвардии подполковник юстиции И.М. Максимов. По распоряжениям и указаниям Адольфа Гамана и Фридриха Бернгарда было повешено, расстреляно, доведено до голодной смерти 96 тыс. советских военнопленных и 130 тыс. гражданских лиц, 218 тыс. человек мирного населения были угнаны на работы в Германию, десятки городов и населенных пунктов разорены и разрушены. Карл Штайн и Мартин Лемлер привлекались к суду как непосредственные исполнители части этих преступлений. Среди подсудимых выделялся Адольф Гаман, назначенный в 1942 г. комендантом г. Орла. Большинство указов, изданных немецкой администрацией Орловской области в период оккупации, были подписаны именно Гаманом.

Гамана обвиняли в том, что в период с 8 июля 1942 г. по 4 августа 1943 г., когда он являлся комендантом Орла, в городской тюрьме и лагере для военнопленных было расстреляно около 5 тыс. советских граждан, убито 72 пациента психиатрической больницы. В документах Чрезвычайной государственной комиссии указывалось, что по приказу Гамана мирное население угонялось на каторжные работы, жителей Орла расстреливали за появление на улицах с наступлением темноты, подвергали казни через повешение «за плохую работу».

Судебно-медицинской экспертизой был установлен факт отравления орловских рабочих и притом с целью изучения воздействия на людей отравляющих веществ. Среди преступлений, вменяемых Гаману в вину, значилось и то, что с его ведома в 1943 г. в немецком госпитале, находившемся в Марьиной Горке, раненым солдатам и офицерам переливали кровь детей, насильно отнятых у родителей. По приказу Гамана на еврейском кладбище около д. Яловики были расстреляны заключенные советские граждане, доставленные из Бобруйска.

В ходе допроса подсудимый Гаман свои действия пытался прикрыть приказами командующего 2-й немецкой танковой армией генерал-полковника Шмидта. По словам Гамана, часть приказов вышестоящего командования, направленных на истребление мирных жителей, он сознательно не выполнял

После ухода из Орла немецких войск генерал-майору довелось чуть более месяца побыть комендантом в Брянске. Последним населенным пунктом на территории Советского Союза, где творил беззаконие Адольф Гаман, стал г. Бобруйск. В июне 1944 г. генерал вместе с 20 тыс. немецких солдат сдался в плен советским войскам. 17 июля 1944 г. бывший комендант Орла, Брянска

[28] Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из Г34 следственных дел немецких военнопленных. 1944–1951 / вступ. ст., сост. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова; коммент. В.Г. Макарова. М., 2009. № 34. (Россия. XX век. Документы).

и Бобруйска принял участие в марше пленных немцев по Москве, а затем был отправлен в Брянск.

На вопрос председателя суда, считает ли Ф. Бернгард карательные операции выражением политики немецкого фашизма, направленной на истребление советского народа, подсудимый ответил утвердительно.

30 декабря 1945 г. был оглашен приговор, согласно которому Штайн был приговорен к 20 годам каторжных работ, а остальные подсудимые к смертной казни. 30 декабря 1945 г. осуждённых принародно повесили на Театральной площади Брянска.

В 1952 г. генерал-полковник Р. Шмидт по приговору военного трибунала за преступления, совершенные на территории СССР, осужден к 25 годам лагерей.

В отношении перечисленных немецких генералов-преступников правосудие свершилось. Но так было не всегда, но справедливость и историческая правда требуют назвать имена военных преступников, хотя бы и после их смерти.

Карательный отряд «Украинская компания» был создан в июне 1942 г. по приказу командира 134-й пехотной дивизии вермахта генерала Ганса Шлеммера. В июне 1941 г. дивизия участвовала в операции «Барбаросса» в составе группы армий «Центр». В декабре 1941 г. – в операции «Тайфун», которая провалилась из-за упорного сопротивления Красной Армии. В ходе Елецкой наступательной операции войск Красной Армии 6–18 декабря 1941 г. совместно с 45-й дивизией была разбита под Ливнами. Г. Шлеммер принял командование 12 декабря 1941 г. и оставался в должности до февраля 1944 г. Злодействовал на территории Белоруссии в г. Гомеле. Закончил войну в звании генерала горных войск, командуя LXXV (75) армейским корпусом в Италии. 29 апреля 1945 г. остатки корпуса сдались в плен при капитуляции немцев в Италии. Шлеммер был пленен 3 мая 1945 г. Из американского плена был освобожден 17 июня 1947 г. Ушел от справедливого возмездия, к суду не привлекался. Умер в 1973 г. в ФРГ.

Среди карателей, руководивших массовыми казнями мирных жителей Орловской области в годы Великой Отечественной войны, были выходцы из Украины, следует из документов, рассекреченных региональным управлением ФСБ. В числе этих документов – протоколы допросов некоего Александра Родина, служившего в карательном отряде «Украинская компания». Командовал отрядом бывший офицер Красной Армии Николай Мирошниченко по прозвищу Гетман, сдавшийся гитлеровцам в 1941 г. После войны его нашли и арестовали органы государственной безопасности СССР. Впоследствии военный трибунал приговорил Мирошниченко к расстрелу.

В руководство отряда входили уроженцы Украины. Эта «бригада смерти» зверствовала в Знаменском районе и убила там 170 человек – включая младенцев, женщин и стариков. Как рассказал на допросах Родин, в июле 1942 г. командир взвода по фамилии Баюров командовал расстрелами жителей деревень Знаменского района, во время одного из них он убил восемь девушек и женщин. Сам он признался, что убил семь человек, в т.ч. трех детей в возрасте до восьми лет.

«Впоследствии же, когда отряд выполнил свою задачу, поставленную немецким командованием, я в числе других был зачислен на службу солдатом в немецкую армию и служил до 12 февраля 1943 года, с оружием в руках боролся против советского народа»[29].

«По приказу немецкого коменданта города Артемовска майора фон Цобеля было расстреляно и замучено более 3000 советских граждан – женщин, детей и стариков. Трупы советских граждан были замурованы в туннеле карьеров Алебастрового завода. Комиссия установила: “В двух километрах к востоку от города Артемовска в туннеле карьеров Алебастрового завода на расстоянии 400 метров от входа имеется небольшое отверстие, замурованное кирпичами. После вскрытия этого отверстия обнаружено продолжение туннеля, заканчивающегося широкой овальной пещерой. Вся пещера завалена трупами людей, лишь небольшое пространство у входа и узкая полоса в центре ее свободны от трупов. Все трупы тесно прижаты один к другому и обращены спинами к входному отверстию пещеры. Трупы настолько близко соприкасаются, что на первый взгляд представляют собой сплошную массу тел”. <...>. На северной окраине города Краматорска на старом глинянo-меловом карьере были произведены раскопки 3 ям. “При снятии верхних слоев породы на глубине от 20 сантиметров до одного метра,– говорится в Акте комиссии,– обнаружены трупы советских граждан, лежащие рядами лицом вниз. Из этих 3 ям извлечено 812 трупов. При обследовании оказалось 740 мужских трупов, 50 женских и 22 детских”. В километре от города Сталино немецко-фашистские мерзавцы замучили и расстреляли десятки тысяч мирных советских граждан и сбросили их в ствол Калиновской шахты 4–4 Бис. Чтобы скрыть следы своих кровавых преступлений, гитлеровцы подорвали шахтный копер и завалили таким образом ствол шахты. Областная комиссия по

[29] ФСБ рассекретила имена украинцев, руководивших казнями мирных жителей в ВОВ. 29.08.2021. URL: https://ria.ru/20210829/kazn-1747708032.html

установлению злодеяний немецко-фашистских оккупантов произвела раскопки и извлечение трупов.

В городе Сталино немецкие захватчики согнали жителей Дома профессуры в сарай, завалили вход в него, сарай облили горючим веществом и подожгли. Все находившиеся в сарае люди, за исключением двух случайно спасшихся девочек, сгорели».

Обращение к данным, а также материалам для процессов против тех нацистов, осужденных в СССР, в настоящее время, по прошествии стольких десятилетий, актуально, так как это позволяет признать геноцид фашистов в отношении советских граждан юридическим фактом в соответствии со всеми международно-правовыми документами, общепризнанными нормами и принципами международного права, практикой международных судебных органов. В связи с этим возникают вопросы о том, почему тема геноцида не поднималась сразу после окончания войны.

Можно предположить, что она не поднималась по политическим причинам, т.к. руководители СССР следовали принципам интернационализма, стараясь избегать национальных вопросов, учитывая, что Советский Союз был многонациональным федеративным государством, стремящимся к миру и дружбе между народами во всем мире. Однако установление сегодня факта геноцида необходимо для признания виновными лиц, совершивших преступления, которые не могут быть оправданы ни политическими устремлениями руководства фашистской Германии, ни правовыми нормами немецкого законодательства, действовавшими в рассматриваемый период, ни условиями ведения войны. Вместе с тем непосредственные исполнители некоторых преступлений к уголовной ответственности не привлекались, их преступным действиям процессуальная оценка не давалась. Международное сообщество замалчивает многочисленные факты совершения преступлений против человечности в отношении населения России, его геноцид.

Геноцид – чудовищное преступление, предполагающее уничтожение групп людей, объединённых этническими, национальными и религиозными признаками. Немецкий философ К. Ясперс преступлениями против человечества называл претензию на то, чтобы решать, какие группы людей и народы на земле могут жить, а какие – нет, и претворение этой претензии в жизнь путем уничтожения их. «Это называют геноцидом, а можно было бы назвать и массовым убийством. Массовое убийство в принципе означает приведение в исполнение приговора, вынесенного другим группам людей, народу, который не должен жить на земле. Кто на основании такого приговора производит уничтожение народов и сам принимает в этом участие, тот делает нечто, коренным образом отличающееся от всех известных до сих пор преступлений. Он действует против принципа, заключающегося в существовании и признании человека, как такового. И поскольку он это делает, к нему должен быть применен следующий принцип: с людьми, творящими такое, человечество не может сосуществовать»[30].

Процесс рассекречивания и публикации архивных документов периода Великой Отечественной войны привел к выявлению новых фактов, свидетельствующих о совершении геноцида в отношении советских граждан. Именно этим обусловлены многочисленные обращения в суды с исковым заявлением о признании факта геноцида, совершенного немецко-фашистскими захватчиками.

В период Великой Отечественной войны на многих территориях СССР, подвергшихся оккупации, было уничтожено от 30 до 55% жителей, и довоенная численность населения до сих пор не восстановилась.

Документы, подтверждающие факты уничтожения значительной части населения территорий, подвергшихся оккупации, есть безусловное свидетельство геноцида советских граждан. По данным общедоступных ресурсов проектов «Советский Нюрнберг» Российского военно-исторического общества и «Без срока давности», из 2 млн населения в Смоленской, а также Орловской областях в каждой из них осталось 0.9 млн население сократилось на 55%, т.е. на 1.1 млн человек – этот миллион сто тысяч человек не восстановился. В Орловской области – из 2 млн осталось 0.9 млн население сократилось на 55%, т.е. на 1.1 млн человек – он не восстановился. В Курской области – из 3 млн осталось 1.5 млн население сократилось на 50%, т.е. на 1.5 млн человек – они не восстановились. В Псковской области – население сократилось на 0.5 млн человек – не восстановились. В Новгородской области – население сократилось на 0.4 млн человек – не восстановились. Серьезно пострадали и другие области, республики и края России и Новороссии.

Кроме того, русских в приоритетном (после евреев и цыган) порядке уничтожали во всех оккупированных республиках Союза (Украина, Белоруссия, Молдова, Латвия, Литва, Эстония, Карелия). В г. Витебске в 1941 г. население составляло 180 тыс. человек. Уже в августе 1941 г. численность населения упала до 50 тыс. человек. В мае 1942 г. численность населения Витебска составила 42 тыс. человек; в ноябре 1943 г.– 33 тыс.; в январе 1944 г.– 18 тыс.; в марте – 8 тыс. человек. После освобождения численность населения Витебска

[30] *Ясперс К.* Куда движется ФРГ? Факты. Опасности. Шансы. М., 1969. С. 219.

составила 1018 человек. Практически все население города было уничтожено или депортировано. Основная масса погибших – абсолютно мирные люди. По разным подсчетам, жертвами нацистского геноцида стали не менее 7–8 млн мирных людей русской национальности.

Приведенные выше факты и их юридическая квалификация не оставляют никаких сомнений в том, что преступления гитлеровцев против народов СССР были самым настоящим геноцидом.

Развязав Вторую мировую войну, нацисты не только совершили преступную агрессию, не только надругались над законами войны. Одним из существенных звеньев гитлеровской системы государственного бандитизма явился новый вид тягчайшего преступления против человечества: истребление целых наций и народов – геноцид.

Говоря о правовых основаниях для уголовного преследования лиц, совершавших геноцид во время Второй мировой войны, необходимо остановиться на его юридических признаках.

Выдающийся советский криминолог, член-корр. АН СССР А.Н. Трайнин, рассматривая понятие и формы геноцида, отмечал, что специфическая особенность геноцида, выделяющая его из других преступлений и делающая его сугубо опасным преступлением против человечества, заключается в том, что его объектом является не отдельный человек, а группа людей. В составе геноцида насилие и преследования человека, конечно, непрерывно, имеют место; но это не самоцель, а средство уничтожения группы; поэтому при геноциде жертвой является не то или иное конкретное, отличающееся индивидуальными чертами лицо, а лицо, наделенное общими родовыми признаками, либо лицо, являющееся членом определенной группы, каждый член которой обезличен и обречен на уничтожение[31]. С особой силой человечество почувствовало тяжесть этого преступления, когда, по мнению советского акад. В.Н. Кудрявцева, геноцид в нацистской Германии стал не только и не столько единичным преступлением, сколько государственной политикой[32].

Исследуя конкуренцию принципов права применительно к Международному военному трибуналу, австрийско-американский правовед Г. Кельзен пришел к убеждению, что когда два принципа справедливости вступают в конфликт, преобладает высший из них. Например, хорошо известный принцип справедливости (не допускающий исключений), в соответствии с которым «незнание закона не является оправданием», превалирует, как утверждал он, над принципом справедливости, согласно которому «закон должен быть известен, чтобы его можно было применять». По его мнению, в Нюрнберге, Трибунал справедливо осудил обвиняемых нацистских лидеров за действия, которые были явно аморальными, даже если эти действия не подлежали наказанию в соответствии с позитивным международным правом во время их исполнения. Принцип законности здесь неприменим, поскольку ретроактивность новых норм, созданных Уставом, полностью оправдана более высоким принципом справедливости, широко признанным цивилизованным миром: осуждение отдельных лиц, «морально ответственных» за международные преступления Второй мировой войны, по Кельзену, безусловно, должно рассматриваться гораздо более важным, чем строгое соблюдение в целом относительного принципа ***ex post facto***[33].

«Мы должны, – указывал Кельзен, – отличать ретроактивную норму, которая делает наказуемым деяние, которое было “безразличным” или “невинным”, когда оно было совершено (в этом случае ретроактивность нормы была бы неоправданной), от той, которая делает наказуемым деяние, считающееся “аморальным” или “противоречащим более строгой норме” в момент его совершения. Деяния, совершенные обвиняемыми нацистскими лидерами, безусловно, относятся ко второй категории». Следовательно, ретроактивность здесь оправдана, как полагает Кельзен, потому что поведение, которое Нюрнбергская хартия подвергала наказанию, бесспорно, представляло собой нарушение принципов высшей морали. Устав просто превратил моральную ответственность в юридическую»[34].

Однако ретроактивное законотворчество, основанное на критерии «моральной ответственности» в качестве методологической основы для определения международной вины, создает антиномию для философа, правовая доктрина которого основана на отделении права от морали. Переход от позитивного правового акцента на «правосудие как мир» к общему признанию справедливости как неотъемлемого морального элемента, признаваемого как часть критерия ретроактивного законотворчества, подтверждает кардинальную заботу Кельзена о защите жертв зверств в области прав человека. Путем делинкинга с точки зрения теории ***bellum justum*** и криминализации агрессивной войны, как

[31] См.: *Трайнин А.Н.* Защита мира и борьба с преступлениями против человечества. М., 1956. С. 222–224.

[32] См.: Международное уголовное право / под общ. ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1999. С. 129.

[33] См.: *Kelsen H.* The Rule Against **Ex Post Facto** Laws and the Prosecution of the Axis War Criminals // Judge Advocate Journal. Vol. 2 (1945). P. 8.

[34] *Kelsen H.* Collective and Individual Responsibility in International Law with Particular Regard to the Punishment of War Criminals. California Law Review. Vol. 31. No. 5 (Dec., 1943). P. 541–544.

это предусмотрено в предыдущих международных соглашениях, ретроактивное одобрение Кельзена доказало свою непреходящую ценность.

Такие ученые, как Гудхарт (***Arthur Lehman Goodhart***)[35], Анри Доннедьё де Вабре[36], Гентон (***J.C. Genton***)[37] и Мерль (***Marcel Merle***)[38], пришли к такому же выводу, хотя и менее точному. Каждый из них в целом согласен с идеей, что принцип законности в данном случае может быть ограничен более высокими общими принципами, такими как справедливость или равенство, и в утверждение того, что в некоторых исключительных случаях решение, вытекающее из позитивного закона, действующего на момент совершения преступления, может быть морально неудовлетворительным, и тогда человек имеет право выбрать «меньшее из двух зол»: иными словами, принять создание новых правовых норм, а не позволить очевидно аморальным, бесчеловечным действиям остаться безнаказанными.

Еще более категоричным было мнение американского ученого-юриста, который был представителем обвинения на Нюрнбергском процессе, Бернарда Д. Мельцера (***Bernard David Meltzer***), по существу, близкой к названной теме проблемы применения следующего принципа права, которую он рассматривал с использованием схожих аргументов: «Различная применимость правила ***nulla poena sine lege*** в международном и внутригосударственном праве, соответственно, подтверждена здравым смыслом и историей. Эта норма процветала в сравнительно хорошо развитых правовых системах. Она не применялась в примитивных и незрелых правовых системах. На раннем этапе развития системы общего права правонарушения, шокирующие моральные устои общества, ретроспективно трансформировались в преступления, за которые предусматривалось индивидуальное наказание»[39]. Свой тезис он подкрепил цитатой проф. Макса Радина (***Max Radin***): «Большинство действий, которые безошибочно являются преступлениями,– это убийства, грабежи, изнасилования и т.д. наказывались веками, хотя подробное определение того, какие действия подлежат наказанию под этими названиями, было найдено просто в обычаях и традициях, а не в статуте. Другими словами, те, кто убивали и грабили, были наказаны, потому что обычный здравый смысл и общие стандарты поведения сделали их действия противоправными и опасными, а от преступников никто не слышал, чтобы они сказали, что они не осознавали характера своих действий, потому что не было закона, который бы специально запретил их»[40].

Квалификация преступного деяния как геноцида предполагает необходимость установления его признаков, определяемых и российским законодательством, и общепризнанными нормами, и принципами международного права.

Нормативное международно-признанное определение геноцида закреплено в ст. II Конвенции от 9 декабря 1948 г. «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него»[41]. Согласно Конвенции геноцид вне зависимости от того, в мирное или военное время он совершен, является преступлением, нарушающим нормы международного права, а страны-участницы обязуются принимать меры к его предупреждению и карать за его совершение[42]. Несмотря на то что юридическое закрепление состава геноцида как особо тяжкого преступления было реализовано лишь в 1948 г.,

---

[35] См.: *Goodhart A.L.* Questions and Answers Concerning the Nuremberg Trials // International Law Quarterly. 1947. Vol. 1. No. 4. P. 525–531; *Goodhart A.L.* The Legality of the Nuremberg Trials // Juridical Review. 1946. Vol. 58. P. 1–19.

[36] См.: *Vabres D. de* Le procès de Nuremberg devant les principes modernes du droit pénal international // Recueil des cours / Académie de Droit International de La Haye. 1947. Vol. 70. No. 1. P. 481–581; *Vabres D. de.* Le procès de Nuremberg: cours de doctorat professé à la Faculté de Droit de Paris. Paris, 1947. XXXVIII.

[37] См.: *Genton J.C.* Le Tribunal Militaire International // Revue de Droit Pénal et de Criminologie. 1947–1948. P. 477–561.

[38] См.: *Merle M., Vabres H.D. de* Le procès de Nuremberg et le châtiment des criminels de guerre. Paris, 1949. Thèse: Droit. Paris, 1948. Faculté de droit et des sciences économiques. 1 v. (VII).

[39] *Meltzer B.D.* Comment. "A Note on the Nuremberg Debate". 14 University of Chicago Law Review. 1947. P. 455–469.

[40] *Radin M.* War Crimes and the Crime of War. University of Virginia Law Library. URL: https://imtfe.law.virginia.edu/collections/carrington-williams/2/3/war-crimes-and-crime-war-max-radin; *Radin M.* Justice at Nuremberg by Max Radin. April 1946. University of Virginia Law Library. URL: https://imtfe.law.virginia.edu/collections/carrington-williams/2/3/justice-nuremberg-max-radin#

[41] СССР стал участником Конвенции с 18.03.1954 г. на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР о её окончательном утверждении с оговорками к ст. IX и XII о неприменении ее положений относительно непризнания юрисдикции Международного Суда ООН и на несамоуправляющиеся территории. 10.02.1989 г. СССР снял свои оговорки применительно ст. IX. Важно отметить, что одно из первых обвинений в совершении геноцида после ее вступления в силу касалось преднамеренных действий, направленных против темнокожего населения в США в декабре 1951 г. Первым же государством, непосредственно обвиненным в нарушении ст. II и III Конвенции, где дается юридическое понятие геноцида и определены формы участия в его совершении, стала Сербия. Однако впервые нормы Конвенции были применены по отношению к гражданам Руанды в рамках юрисдикции Международного уголовного трибунала ad hoc для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за геноцид и другие подобные нарушения, совершенные на территории соседних государств, в период с 1 января по 31 декабря 1994 г.

[42] См.: *Русанов Г.А.* Преступление геноцида как международное преступление: анализ corpus delicti // Журнал росс. права. 2016. № 7. С. 141, 142.

отказ от признания геноцидом бесчеловечных преступлений, совершенных в отношении советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., недопустим. Как справедливо отмечается в научной литературе, геноцид – это одно из самых опасных деяний, направленное на уничтожение целых этнических, национальных, религиозных групп.

Что касается отечественных нормативных источников, следует напомнить, что уже 19 апреля 1943 г. в СССР был принят Указ[43], на основании которого был проведен 21 открытый судебный процесс над военными преступниками[44]. Всего с 1943 по 1949 г. были осуждены 252 преступника из Германии, Австрии, Венгрии, Румынии, Японии и их пособники из СССР[45]. Это были первые в мире судебные процессы. Процессы освещали советские и иностранные журналисты. Приговоры этих судов законны, обоснованы и справедливы, именно поэтому все осужденные не были реабилитированы по прошествии десятилетий.

Итог преступлений нацистов против гражданского населения СССР выражается в страшном соотношении числа жертв среди военных и мирных жителей. Официально признанной является оценка численности общих демографических потерь СССР в 26.6 млн чел. Это около 15% от общей численности населения страны[46].

В соответствии с законами большинства цивилизованных стран преступления против человечности, ***crimes against humanity,*** являются наиболее тяжкими преступлениями. Статья 6 Устава Международного военного трибунала к ним относит убийства, истребление, порабощение, ссылку и другие деяния, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны.

Современная практика международных судебных органов исходит из того, что для определения состава геноцида необходимо установить наличие умысла уничтожить определенную группу, а не просто нападение на людей в связи с их принадлежностью к этой группе.

В силу самой природы геноцида данный состав преступления изначально подразумевал наличие критерия существенности, несмотря на то что активное применение этот критерий нашел только в 90-е годы XX в. Понятие «геноцид» не фигурировало ни в Уставе, ни в Приговоре Нюрнбергского Международного военного трибунала. В отсутствие этого понятия предметом рассмотрения Трибунала были «преступления против человечности, а именно: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам». Слово «геноцид» использовалось в обвинительных актах на судебных процессах в Нюрнберге, но исключительно в качестве описательного термина, а не конкретного состава преступления. Резолюция 96(I) от 11 декабря 1946 г. «Преступление геноцида» подтвердила, что геноцид является преступлением, нарушающим нормы международного права и противоречащим духу и целям Организации Объединенных Наций, и что цивилизованный мир осуждает его. Преступление геноцида было нормативно оформлено в Конвенции от 9 декабря 1948 г. «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него», принятой резолюцией 260(III) Генеральной Ассамблеи ООН.

В связи с этим некоторые юристы считают оправданным применение термина «геноцид» только по отношению к событиям после 1948 г., ссылаясь на принцип ***nullum crimen, nulla poena sine lege***. Отдельные авторы полагают, что Международный военный трибунал в Нюрнберге «ослабил непреложность принципа ***nullum crimen sine lege***»[47].

Как-будто специально для подобных ситуаций Р. Иеринг в работе «Цель в праве» сформулировал важное правило правового регулирования: «Правом правительство связывает себе руки. Правительство не имело бы права приказывать или запрещать что-либо, что не было предусмотрено законом. Это было бы справедливое государство. Но такое государство не сможет просуществовать и месяц.

Из этого,– как писал немецкий юрист, – мы выводим максиму о том, что государство не должно ограничивать свою собственную способность к самостоятельной деятельности законом больше, чем это абсолютно необходимо. Ошибочно полагать, что интересы обеспечения прав и политической свободы

---

[43] См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 19.04.1943 г. № 39 «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников» // В официальных источниках опубликован не был.

[44] Процессы прошли в Краснодаре (14–17 июля 1943 г.), Краснодоне (15–18 августа 1943 г.), Харькове (15 декабря – 18 декабря 1943 г.), Смоленске (15–19 декабря 1945 г.), Брянске (26–30 декабря 1945 г.), Ленинграде (27 декабря 1945 г.– 6 января 1946 г.), Николаеве (10 января – 17 января 1946 г.), Минске (15–29 января 1946 г.), Киеве (17–28 января 1946 г.), Великих Луках (24–31 января 1946 г.), Риге (26 января –2 февраля 1946 г.), Сталино (Донецке) (24–30 октября 1947 г.), Бобруйске (28 октября – 4 ноября 1947 г.), Севастополе (12–23 ноября 1947 г.), Полтаве (23–29 ноября 1947 г.), Витебске (29 ноября – 3 декабря 1947 г.), Новгороде (7–18 декабря 1947 г.), Гомеле (13–20 декабря 1947 г.), Чернигове (17–25 ноября 1947 г.), Кишиневе (6–12 декабря 1947 г.), Хабаровске (25–30 декабря 1949 г.).

[45] Проявляя гуманизм, весной 1947 г. была отменена смертная казнь, и в 1949–1956 гг. все осужденные отпущены из лагерей.

[46] См.: *Алаторцев А.Ю.* Статья 7 Европейской конвенции по правам человека и ретроспективная ответственность за геноцид // Международное правосудие. 2016. № 1. С. 16–29.

[47] *Mokhtar Aly.* Nullum Crimen, Nulla Poena Sine Lege: Aspects and Prospects. Statute Law Review 26. Issue 1. February 2005. P. 52, 53.

требуют максимально возможного ограничения правительства законом.

Право является не самоцелью, а лишь средством для достижения цели. Целью государства, как и права, является создание и безопасность условий общественной жизни. Право существует ради общества, а не общество ради права. Отсюда следует, что когда [...] правительство оказывается перед альтернативой принесения в жертву права или общества, оно не просто уполномочено, но обязано пожертвовать правом и спасти общество. Ибо выше права, которое оно нарушает, стоит забота о сохранении общества, на службе которой должны стоять все законы, "сумма закона"; как называет это Цицерон в своем известном изречении: "Безопасность людей – высший закон"»[48].

Полагаем, что для правильной правовой оценки аргументов важным является сущностное понимание термина «закон» в качестве охватывающего как нормы, содержащиеся в нормативно-правовых актах, так и нормы, вырабатываемые судами (***common law***), и даже нормы, содержащиеся в международно-правовых документах, а применительно к преступлениям по международному праву (***crimes under International Law***) также и в обычных нормах международного права (***customary International Law***), «признанных цивилизованными нациями», как это ясно установлено Нюрнбергским трибуналом, отвергнувшим ссылку подсудимых и защиты на принцип ***nullum crimen, nulla poena sine lege***. Основываясь на логике Нюрнбергского трибунала, следует полагать, что преступление геноцида было лишь кодифицировано Конвенцией о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г., но как преступное деяние было известно раньше. Следовательно, привлечение нацистских преступников и их пособников к ответственности за геноцид не нарушает принцип ***nullum crimen, nulla poena sine lege***.

Принцип ***nullum crimen, nulla poena sine lege*** не только запрещает обратную силу уголовного закона, но и относится к числу фундаментальных принципов права и считается неотъемлемым элементом принципа верховенства права, что предполагает необходимость ясного определения нарушения в законе. Ясность устанавливающего запрет закона проявляется, в частности, в требованиях доступности и предсказуемости закона. Из этого следует, что лицо должно понимать из формулировки запрета, при необходимости обратившись также к судебной практике, какие действия и нарушения повлекут уголовную ответственность и какова будет форма этой ответственности.

Очевидно, что любой разумный человек уже в период 1941–1945 гг. не мог не понимать, что массовое убийство гражданского населения по национальному признаку с целью уничтожения существенной части соответствующей национальности составляет тягчайшее преступление. И что преступление это неизмеримо более тяжкое, нежели обычное убийство, даже массовое. Отличие геноцида от убийства очевидно для вменяемого человека, будь то в 1941 г. или в наши дни.

Вопрос с применением к рассматриваемым преступлениям и их квалификации в качестве геноцида сроков давности также давно и однозначно решен, исходя из положений Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности, принятой в г. Нью-Йорке 26 ноября 1968 г. В ней установлено (ст. I), что независимо от времени совершения сроки давности не применяются к военным преступлениям, как они определяются в Уставе Нюрнбергского Международного военного трибунала от 8 августа 1945 г. и подтверждаются резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН 3(I) от 13 февраля 1946 г. и 95(I) от 11 декабря 1946 г.

Вместе с тем следует признать, что части преступников, совершивших чудовищные злодеяния против человечности, удалось избежать наказания. Поэтому сегодня весьма важно обратить внимание на процессы, в ходе которых осуждаются виновные в геноциде, совершенном в ходе Второй мировой войны.

В этой связи следует согласиться, что одним из центральных принципов права является неотвратимость ответственности. Особенность права заключается в том, что оно не только устанавливает нормы поведения, но и контролирует их соблюдение, а в связи с этим – наказывает нарушителей. Если у права отнять эту функцию, оно теряет свою специфику, утрачивает смысл и превращается из права в лучшем случае в мораль, а то и просто в лозунги и заклинания[49].

Подтверждение в судебном порядке факта совершения военных преступлений и геноцида позволяет в полной мере реализовать конституционную обязанность Российского государства чтить память защитников Отечества, обеспечивать защиту исторической правды, не допускать умаление значения подвига народа при защите Родины. Признание факта этих преступлений является в т.ч. историческим долгом общества и государства перед участниками, ветеранами и жертвами войны, что непосредственно закреплено в Законе РФ от 14 января 1993 г. № 4292–1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества», Федеральном законе от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», Указе Президента РФ от 7 мая

[48] *Ihering R. von* Law as a Means to an End. Translated from the German by Isaac Husik. Modern Legal Philosophy Series. Vol. V. Boston, 1913. P. 314–317.

[49] См.: *Кудрявцев В.Н., Керимов Д.А.* Право и государство (опыт философско-правового анализа). М., 1993. С. 12.

2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», в котором особая роль придается укреплению российской гражданской идентичности. В целях реализации Указа принята федеральная целевая программа «Увековечение памяти погибших при защите Отечества на 2019–2024 годы», утвержденная распоряжением Правительства РФ от 23 июля 2019 г. № 1637-р. Концепцией этой программы является укрепление российской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов Российской Федерации, патриотическое воспитание граждан, необходимым элементом которого является достойное увековечение памяти погибших при защите Отечества[50].

Современное искажение истории Второй мировой войны и оправдание германского нацизма, сравнение его с другими режимами и идеологиями имеют практическую цель – переложить на современную Россию ответственность как за мнимые и реальные ошибки и просчеты советского руководства, так и за действия других государств и политиков в предвоенный, военный и послевоенный периоды, столкнуть страны, являющиеся наследниками героической истории государств антигитлеровской коалиции, в исторически бессмысленном и с моральной точки зрения кощунственном споре о т.н. национальном вкладе в общую победу и характере войны. Здесь можно согласиться с мнением выдающегося русского философа И.А. Ильина, который, размышляя о духовной оправданности войны, считал, что она определяется теми мотивами, которые побудили народ открыть военные действия, и теми целями, которые он, воюя, осуществляет. «Скажи мне, ради чего ты начал войну и ведешь её, и я скажу тебе, прав ты или не прав»[51], – пишет И.А. Ильин.

Очевидно, что установление факта совершения военных преступлений и геноцида в юридически обязательном судебном приговоре будет служить основанием для недопущения пересмотра оценки злодеяний фашистов. Это важно не только для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, но и для европейской и международной стабильности. Поэтому особое значение для противодействия таким деструктивным факторам приобретает сохранение исторической памяти, противодействие фальсификации истории, реабилитации и оправданию нацизма, героизации нацистских преступников, в т.ч. в странах Прибалтики и на Украине, привлечение внимания к вопросам о роли СССР в разгроме фашистской Германии и о понесенных советским народом жертвах и потерях.

[50] См.: Решение Псковского областного суда от 27.08.2021 г. по делу № 3-27/2сс/2021. Л. 3, 4.

[51] *Ильин И.А.* Духовный смысл войны // Родина и мы. Смоленск, 1995. С. 77.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авакьян С.А.* Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 2000. С. 14, 20.
2. *Алаторцев А.Ю.* Статья 7 Европейской конвенции по правам человека и ретроспективная ответственность за геноцид // Международное правосудие. 2016. № 1. С. 16–29.
3. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на временно оккупированной территории СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: сб. документов: в 2 ч. / отв. ред. А.В. Юрасов; отв. сост. Я.М. Златкис; сост. Е.В. Балушкина, К.М. Гринько, И.А. Зюзина и др. М., 2020.
4. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Псковская область: сб. архивных документов / отв. ред. серии: Е.П. Малышева, Е.М. Цунаева; отв. сост.: В.Г. Кузьмин; сост.: И.И. Андреева, О.А. Бобровская и др. М., 2020 (Сер. «Без срока давности. Преступления нацистов и их пособников против мирного населения в период Второй мировой войны: документы и материалы»).
5. *Виноградова Е.В., Раттур М.В.* Общероссийская идентичность как конституционная ценность в конституционных поправках 2020 года // Право и государство: теория и практика. 2020. № 4. С. 22.
6. Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из Г34 следственных дел немецких военнопленных. 1944–1951 / вступ. ст., сост. В.Г. Макарова, В.С. Христофорова; коммент. В.Г. Макарова. М., 2009. № 34 (Россия. XX век. Документы).
7. *Жуков В.И.* Славяно-русско-российская цивилизация. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2021. С. 33.
8. *Ильин И.А.* Духовный смысл войны // Родина и мы. Смоленск, 1995. С. 77.
9. *Ключевскій В.* Курсъ Русской исторіи. Часть I: Лекціи I – XX. 3-е изд. М., 1908. Лекция II. С. 23–42.
10. *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций. Послесловие, комментарии А.Ф. Смирнова. М., 2004. С. 42, 43.
11. *Кудрявцев В.Н., Керимов Д.А.* Право и государство (опыт философско-правового анализа). М., 1993. С. 12.
12. *Лукницкий П.Н.* Репортаж о Ленинградском открытом суде над нацистскими преступниками 27 декабря 1945 г.– 6 января 1946 г. // Ленинград действует... Фронтовой дневник. М., 1968. Кн. 3: Февраль 1943 г.– до конца войны.
13. Международное уголовное право / под общ. ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1999. С. 129.
14. *Поляков Ю.А.* Историзмы // Свободная мысль – XXI. 2001. № 11 (1513). С. 11.

15. *Русанов Г.А.* Преступление геноцида как международное преступление: анализ corpus delicti // Журнал росс. права. 2016. № 7. С. 141, 142.

16. *Савенков А.Н.* Международное право и политика западных государств в период между мировыми войнами (К 80-летию вероломного нападения фашистской Германии на СССР) // Государство и право. 2021. № 6. С. 7–62. DOI: 10.31857/S102694520015622-5

17. *Савенков А.Н.* Неотвратимое возмездие для нацистских марионеток и предателей // Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. 2012. № 3. С. 54–60.

18. *Савенков А.Н.* Нюрнберг: Приговор во имя Мира. М., 2021. С. 20.

19. *Трайнин А.Н.* Защита мира и борьба с преступлениями против человечества. М., 1956. С. 222–224.

20. *Хабриева Т.Я.* Избр. труды: в 10 т. М., 2018. Т. 2. Конституционный контроль. Правовая охрана Конституции. Теория современной конституции. С. 228.

21. *Ясперс К.* Куда движется ФРГ? Факты. Опасности. Шансы. М., 1969. С. 219.

22. *Genton J.C.* Le Tribunal Militaire International // Revue de Droit Pénal et de Criminologie. 1947–1948. P. 477–561.

23. *Goodhart A.L.* Questions and Answers Concerning the Nuremberg Trials // International Law Quarterly. 1947. Vol. 1. No. 4. P. 525–531.

24. *Goodhart A.L.* The Legality of the Nuremberg Trials // Juridical Review. 1946. Vol. 58. P. 1–19.

25. *Ihering R. von* Law as a Means to an End. Translated from the German by Isaac Husik. Modern Legal Philosophy Series. Vol. V. Boston, 1913. P. 314–317.

26. *Kelsen H.* Collective and Individual Responsibility in International Law with Particular Regard to the Punishment of War Criminals. California Law Review. Vol. 31. No. 5 (Dec., 1943). P. 541–544.

27. *Kelsen H.* The Rule Against **Ex Post Facto** Laws and the Prosecution of the Axis War Criminals // Judge Advocate Journal. Vol. 2 (1945). P. 8.

28. *Meltzer B.D.* Comment. "A Note on the Nuremberg Debate". 14 University of Chicago Law Review. 1947. P. 455–469.

29. *Merle M., Vabres H.D. de* Le procès de Nuremberg et le châtiment des criminels de guerre. Paris, 1949. Thèse: Droit. Paris, 1948. Faculté de droit et des sciences économiques. 1 v. (VII).

30. *Mokhtar Aly.* Nullum Crimen, Nulla Poena Sine Lege: Aspects and Prospects. Statute Law Review 26. Issue 1. February 2005. P. 52, 53.

31. *Radin M.* Justice at Nuremberg by Max Radin. April 1946. University of Virginia Law Library. URL: https://imtfe.law.virginia.edu/collections/carrington-williams/2/3/justice-nuremberg-max-radin#

32. *Radin M.* War Crimes and the Crime of War. University of Virginia Law Library. URL: https://imtfe.law.virginia.edu/collections/carrington-williams/2/3/war-crimes-and-crime-war-max-radin

33. *Vabres D. de* Le procès de Nuremberg: cours de doctorat professé à la Faculté de Droit de Paris. Paris, 1947. XXXVIII.

34. *Vabres D. de* Le procès de Nuremberg devant les principes modernes du droit pénal international // Recueil des cours / Académie de Droit International de La Haye. 1947. Vol. 70. No. 1. P. 481–581.

REFERENCES

1. *Avakyan S.A.* The Constitution of Russia: nature, evolution, modernity. M., 2000. P. 14, 20 (in Russ.).

2. *Alatortsev A. Yu.* Article 7 of the European Convention on Human Rights and retro-spective responsibility for genocide // International Justice. 2016. No. 1. P. 16–29 (in Russ.).

3. Without a statute of limitations: crimes of the Nazis and their accomplices against the civilian population in the temporarily occupied territory of the USSR during the Great Patriotic War of 1941–1945: collection of documents: in 2 parts / ed. A.V. Yurasov; ed. comp. Ya.M. Zlatkis; comp. E.V. Balushkina, K.M. Grinko, I.A. Zyuzina, et al. M., 2020 (in Russ.).

4. Without a statute of limitations: crimes of the Nazis and their accomplices against the civilian population in the occupied territory of the RSFSR during the Great Patriotic War. Pskov region: collection of archival documents / ed. series: E.P. Malysheva, E.M. Tsunaeva; rel. comp.: V.G. Kuzmin; comp.: I.I. Andreeva, O.A. Bobrovskaya, et al. M., 2020 (Ser. "Without a statute of limitations. Crimes of the Nazis and their accomplices against the civilian population during the Second World War: documents and materials") (in Russ.).

5. *Vinogradova E.V., Rattur M.V.* All-Russian identity as a constitutional value in the constitutional amendments of 2020 // Law and the state: theory and practice. 2020. No. 4. P. 22 (in Russ.).

6. Generals and officers of the Wehrmacht tell... Documents from the G34 investigative files of German prisoners of war. 1944–1951 / introductory article, comp. V.G. Makarova, V.S. Khristoforov; comment. V.G. Makarova. M., 2009. No. 34 (Russia. XX century. Documents) (in Russ.).

7. *Zhukov V.I.* Slavo-Russo-Russian civilization. 2nd ed., reprint. and additional. M., 2021. P. 33 (in Russ.).

8. *Ilyin I.A.* The spiritual meaning of war // Motherland and we. Smolensk, 1995. P. 77 (in Russ.).

9. *Klyuchevsky V.* Course of Russian History. Part I: Lectures I – XX. 3rd ed. M., 1908. Lecture II. P. 23–42 (in Russ.).

10. *Klyuchevsky V.O.* Russian history. A full course of lectures. Afterword, comments by A.F. Smirnov. M., 2004. P. 42, 43 (in Russ.).

11. *Kudryavtsev V.N., Kerimov D.A.* Law and the state (experience of philosophical and legal analysis). M., 1993. P. 12 (in Russ.).

12. *Luknitsky P.N.* Reportage about the Leningrad open trial of Nazi criminals on December 27, 1945 – January 6, 1946 // Leningrad acts... Front-line diary. M., 1968. Book 3: February 1943 – until the end of the war (in Russ.).

13. International Criminal Law / ed. by V.N. Kudryavtsev. M., 1999. P. 129 (in Russ.).

14. *Polyakov Yu.* Historicism // Free thought. 2001. No. 11 (1513). P. 11 (in Russ.).

15. *Rusanov G.A.* The Crime of genocide as an international crime: the corpus delicti analysis // Journal of Russ. law. 2016. No. 7. P. 141, 142 (in Russ.).

16. *Savenkov A.N.* International Law and the policy of Western states in the period between the World Wars (To the 80th anniversary of the treacherous attack of fascist Germany on the USSR) // State and Law. 2021. No. 6. P. 7–62. DOI: 10.31857/S102694520015622-5 (in Russ.)

17. *Savenkov A.N.* The inevitable retribution for Nazi puppets and traitors // Analytical Bulletin of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation. 2012. No. 3. P. 54–60 (in Russ.).

18. *Savenkov A.N.* Nuremberg: Verdict in the name of Peace. M., 2021. P. 20 (in Russ.).

19. *Traynin A.N.* Protection of peace and the fight against crimes against humanity. M., 1956. P. 222–224 (in Russ.).

20. *Khabrieva T. Ya.* Selected works: in 10 vols. M., 2018. Vol. 2. Constitutional control. Legal protection of the Constitution. The theory of the modern constitution. P. 228 (in Russ.).

21. *Jaspers K.* Where is Germany moving? Evidence. Dangers. Chances. M., 1969. P. 219 (in Russ.).

22. *Genton J.C.* Le Tribunal Militaire International // Revue de Droit Pénal et de Criminologie. 1947–1948. P. 477–561.

23. *Goodhart A.L.* Questions and Answers Concerning the Nuremberg Trials // International Law Quarterly. 1947. Vol. 1. No. 4. P. 525–531.

24. *Goodhart A.L.* The Legality of the Nuremberg Trials // Juridical Review. 1946. Vol. 58. P. 1–19.

25. *Ihering R. von* Law as a Means to an End. Translated from the German by Isaac Husik. Modern Legal Philosophy Series. Vol. V. Boston, 1913. P. 314–317.

26. *Kelsen H.* Collective and Individual Responsibility in International Law with Particular Regard to the Punishment of War Criminals. California Law Review. Vol. 31. No. 5 (Dec., 1943). P. 541–544.

27. *Kelsen H.* The Rule Against Ex Post Facto Laws and the Prosecution of the Axis War Criminals // Judge Advocate Journal. Vol. 2 (1945). P. 8.

28. *Meltzer B.D.* Comment. "A Note on the Nuremberg Debate". 14 University of Chicago Law Review. 1947. P. 455–469.

29. 29. *Merle M., Vabres H.D. de* Le procès de Nuremberg et le châtiment des criminels de guerre. Paris, 1949. Thèse: Droit. Paris, 1948. Faculté de droit et des sciences économiques. 1 v. (VII).

30. *Mokhtar Aly.* Nullum Crimen, Nulla Poena Sine Lege: Aspects and Prospects. Statute Law Review 26. Issue 1. February 2005. P. 52, 53.

31. *Radin M.* Justice at Nuremberg by Max Radin. April 1946. University of Virginia Law Library. URL: https://imtfe.law.virginia.edu/collections/carrington-williams/2/3/justice-nuremberg-max-radin#

32. *Radin M.* War Crimes and the Crime of War. University of Virginia Law Library. URL: https://imtfe.law.virginia.edu/collections/carrington-williams/2/3/war-crimes-and-crime-war-max-radin

33. *Vabres D. de* Le procès de Nuremberg: cours de doctorat professé à la Faculté de Droit de Paris. Paris, 1947. XXXVIII.

34. *Vabres D. de* Le procès de Nuremberg devant les principes modernes du droit pénal international // Recueil des cours / Académie de Droit International de La Haye. 1947. Vol. 70. No. 1. P. 481–581.

Сведения об авторе

САВЕНКОВ Александр Николаевич –
член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, директор Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

SAVENKOV Alexander N. –
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor, Honored lawyer of the Russian Federation, Director of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 9, с. 31–42
STATE AND LAW, 2021, № 9, pp. 31–42

АНТРОПОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПРАВА

РЕЛИГИЯ И ПЕРВОБЫТНАЯ ВЛАСТЬ В КОНЦЕПЦИИ З. ФРЕЙДА

© 2021 г. В. Н. Жуков

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова;
Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: pifagor2002@mail.ru

Поступила в редакцию 21.05.2021 г.

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды З. Фрейда на связь религии с первобытными формами власти. Раскрывается существо его концепции, согласно которой в тотемизме, иудаизме и христианстве в символической форме отражается акт отцеубийства, совершившегося в первобытной орде. Показывается и анализируется предложенная Фрейдом концепция о невротическом происхождении религии. Даются представления Фрейда о религиозных причинах антисемитизма.

Ключевые слова: Фрейд, психоанализ, антропология права, религия, тотемизм, иудаизм, христианство, невроз, философия культуры, философия права, философия политики, власть, право, антисемитизм.

Цитирование: *Жуков В.Н.* Религия и первобытная власть в концепции З. Фрейда // Государство и право. 2021. № 9. С. 31–42.

DOI: 10.31857/S102694520016756-2

RELIGION AND PRIMITIVE POWER IN THE CONCEPT OF S. FREUD

© 2021 V. N. Zhukov

Lomonosov Moscow state University;
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: pifagor2002@mail.ru

Received 21.05.2021

Abstract. The article discusses the views of S. Freud on the connection of religion with primitive forms of power. The essence of his concept is revealed, according to which totemism, Judaism and Christianity symbolically reflect the act of parricide committed in the primitive horde. The concept of the neurotic origin of religion proposed by Freud is shown and analyzed. Freud's ideas about the religious causes of anti-Semitism are given.

Key words: Freud, psychoanalysis, Anthropology of Law, religion, totemism, Judaism, Christianity, neurosis, philosophy of culture, Philosophy of Law, philosophy of politics, power, law, anti-Semitism.

For citation: *Zhukov, V.N. (2021).* Religion and primitive power in the concept of S. Freud // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 31–42.

Культура, религия, наука. Религия – одна из древнейших форм общественного сознания, одна из наиболее древних нормативных систем. Только к XIX в. в лоне европейской культуры появляются относительно светские общества, возникает классический атеизм, лейтмотивом которого становится апелляция к науке как наиболее адекватной форме мировоззрения. Позитивизм и марксизм заостряют до предела конфликт религии и науки, убеждая своих противников и адептов в исторической обреченности первой и неизбежной победе второй. Речь шла о некоей единой науке, объединяющей в себе естествознание и обществоведение. В эпоху европейского средневековья конфликт религии и науки, разумеется, был, но с естествознанием и обществоведением он развивался по-разному. Римско-католическая церковь воспринимала естественную науку много терпимее науки социальной (или философии), поскольку в первой нуждались хозяйство, медицина и армия, а вторая виделась в качестве конкурента на мировоззренческом поле. Во всяком случае, как верно утверждал К. Поппер, в основе всякой науки лежит метафизика, т.е. нечто, родственное религии. Данный тезис представляется особенно очевидным применительно к философии и социальной науке, где истина всегда релятивна и зависит от априорных ценностных и гносеологических установок. В европейской философии всегда была и со временем укреплялась позиция, согласно которой религиозная, идеалистическая и материалистическая мысль есть разновидность метафизики, поскольку требует веры в априорные начала. Материализм и атеизм – та же метафизика, основанная на вере в могущество человека, в его возможности овладения силами природы. Метафизика сближает религию и науку (особенно социальную), они находятся не столько в оппозиции друг к другу, сколько существуют параллельно. Как невозможно научным способом доказать бытие Бога, так нельзя с помощью религии отвергнуть или принизить науку. В данном контексте представления о конфликте религии и науки представляются надуманными и наивными, и уж тем более наивными выглядят дискуссии о существовании Бога. Вопросы веры в принципе недоказуемы.

Мировоззренческая позиция З. Фрейда в целом укладывается в рамки «первого» позитивизма с его наивной верой в науку и отрицанием всякой религии и метафизики. Фрейд считает себя атеистом и материалистом, представителем научного мировоззрения. Атеизм для него – естественное следствие научного подхода. Его интересует религия главным образом как институт культуры, оказавший огромное влияние на историю человечества. Если, например, М.А. Бакунин, П.Ж. Прудон или К. Маркс рассматривали религию и церковные организации в контексте классовой борьбы как средства, помогающие государству эксплуатировать массы, то для Фрейда религия – это прежде всего объект психоаналитического исследования. Он видит в религии благодатный материал, позволяющий продемонстрировать возможности психоанализа, в очередной раз показать его универсальный характер. Фрейд отвергает религию, поскольку она, с его точки зрения, вступает в противоречие с наукой, под которой понимается все тот же психоанализ. Он начинает с рассмотрения тотемизма, а заканчивает критическим исследованием иудаизма и христианства. Если изучение первобытных религий в целом не выходило за академические рамки и вызывало интерес преимущественно у специалистов, то применение психоанализа к традиционным европейским религиям воспринималось как подрыв цивилизационных устоев. Фрейд признается, что боялся публиковать работу «Человек Моисей и монотеистическая религия» из-за возможной на нее реакции в виде запрета психоанализа[1]. Действительно, рассуждать о Ветхом и Новом Заветах через призму Эдипова комплекса вполне могло выглядеть кощунством и оскорблением чувств верующих. Вместе с тем за XIX и первую треть XX в. на Западе сложилась довольно прочная научная традиция анализировать священные тексты мировых религий без оглядки на власть и религиозные объединения (следствие появления светского государства). Научные дискуссии касались по большей части связи религиозной догмы с историей и культурой регионов и народов, где религии возникали и развивались. Фрейд в целом в эту традицию укладывался, хотя и с большими оговорками. Его интересовала связь первобытной культуры с тотемизмом, культуры древних евреев – с иудаизмом и христианством.

Механизм возникновения и функционирования культуры, предложенный психоанализом, Фрейд переносит на религию. Поскольку главные источники культуры – вытесненные влечения и враждебность природы, религия как элемент культуры имеет те же источники. Так как природное состояние, рассуждает Фрейд, перенести гораздо тяжелее, чем культурные запреты, главная задача культуры состоит в том, чтобы защитить людей от природы. Культура в этом смысле есть способ самосохранения людей. Перед культурой стоит троякая задача: 1) утешить человека; 2) создать ему приемлемую для него картину мира; 3) дать ответы на его любознательность, вызванную практическим интересом. Утешение человека связано с очеловечиванием природы, что помогает психологически

[1] См.: *Фрейд З.* Человек Моисей и монотеистическая религия // Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура / сост. и вступ. сл. А.М. Руткевича. М., 1991. С. 226.

противостоять силам природы. В данном случае индивид переживает ситуацию, сходную с его ранним детством, когда он ощущал свою беспомощность перед родителями. Перенося детские впечатления на силы природы, он придает им свойства отца, превращает их в богов. Со временем природа утрачивает человеческие черты, но беспомощность человека остается, а с нею – тоска по отцу и боги. Боги сохраняют свою троякую задачу: 1) нейтрализовать ужас перед природой; 2) примирить с грозным роком, выступающим в образе смерти; 3) вознаградить за страдания и лишения, выпадающие на долю человека в обществе. Чем более люди понимают независимость природы даже при господстве богов, чем дальше боги отстраняются от природы, тем более значительной оказывается функция богов, касающаяся вознаграждения за страдания. Боги – это результат идеального представления о всемогуществе и всезнании. Человек приписывал богам то, что ему было неподвластно или запрещено (в этом отношении развитие техники есть попытка человека самому сделаться едва ли не богом). Поскольку природа воспринимается людьми более объективно, как нечто, им неподвластное даже с помощью богов, предметом их апелляции к богам становятся социальные институты[2]. Главная задача богов теперь состоит в том, чтобы компенсировать дефекты культуры. «Сами предписания культуры наделяются божественным происхождением, они поднимаются над человеческим обществом, распространяются на природу и историю мира»[3]. Наделив богов всемогуществом, люди требуют от них ответа на вопрос о смысле жизни. По логике Фрейда, осознавая бренность своего физического существования, человек создает богов, чтобы обрести в них источник тайного знания о своем земном предназначении и загробной жизни. Иными словами, люди, связывая идею смысла жизни с богами, фактически обращаются с этим вопросом к самим себе и созданным ими институтам культуры (в частности, священнослужителям). Идея смысла жизни, заключает Фрейд, возникает вместе с религиозными системами и рушится вместе с ними[4].

Принципиальное отличие науки от религии, по Фрейду, в том, что первая дает объективное знание о мире, вторая заменяет знание иллюзией. И наука, и религия, рассуждает он, требуют веры, но в известных пределах. Так, рассказывая школьнику о том, что Земля имеет форму шара, нет необходимости предлагать ему совершить кругосветное путешествие, данный тезис школьник принимает на веру. Здесь знание принимается на веру с учетом того условия, что его можно проверить. Религия требует веры безусловной, не требующей доказательств («Верую, ибо абсурдно»). Религиозные представления есть положения, высказывания о фактах и обстоятельствах реальности, которые человек сам не обнаруживает, но принимает их в силу веры. «Поскольку они информируют нас о самом важном и интересном в нашей жизни, они ценятся особенно высоко»[5]. Религиозные учения включают в себя три тезиса, на которые опирается требование верить в них: 1) наши предки в них верили; 2) мы обладаем свидетельствами, дошедшими до нас от той самой древности; 3) поднимать вопросы о доказательности догматов веры запрещено. Последний запрет имеет единственную мотивировку в том, что общество хорошо понимает беспочвенность притязаний, выдвигаемых религиозными учениями. В результате «мы приходим к поразительному выводу, что как раз те сообщения нашей культуры, которые могли бы иметь величайшее значение для нас, которые призваны прояснить нам загадку мира и примирить нас со страданиями жизни, имеют самое слабое подтверждение»[6]. Религия «навязывает всем в равной степени свой путь достижения счастья и защиты от страданий. Ее техника состоит в умалении ценности жизни и в иллюзорном искажении реальной картины мира – его предпосылкой является запугивание интеллекта»[7]. Религия обещает путь к счастью, но не держит своего обещания. «Когда верующий в конце концов обнаруживает, что вынужден говорить о “неисповедимых путях Господних”, то тем самым он признает последним утешением в страданиях и источником наслаждения только безусловную покорность»[8]. Таким образом, Фрейд устанавливает прямую связь между сдерживанием разума, слепой верой и социальной пассивностью, покорностью.

Религия как невроз. Согласно Фрейду, религия есть невроз, распространенный в массовой психологии, но имеющий механизм, аналогичный индивидуальному неврозу. Опираясь на идею единства онтогенеза и филогенеза, он полагает, что психическое развитие индивида в сокращенном виде повторяет ход развития человечества, и наоборот, человеческая история, поскольку включает в себя бесконечно повторяющиеся циклы (например, убийство праотца), формирует в индивиде стереотипы социального опыта, постоянно

[2] См.: *Фрейд З.* Будущее одной иллюзии // Фрейд З. Указ. соч. С. 27–30.

[3] Там же. С. 30.

[4] См.: *Фрейд З.* Недовольство культурой // Фрейд З. Указ. соч. С. 76.

[5] *Фрейд З.* Будущее одной иллюзии. С. 36.

[6] Там же. С. 38.

[7] *Фрейд З.* Недовольство культурой. С. 84.

[8] Там же. С. 85.

воспроизводимого в каждом новом поколении. При единстве онтогенеза и филогенеза Фрейд, судя по всему, считает первый основой второго. Биология и физиология индивида – в его представлении источник любых социальных форм. Влечения, механизм сублимации и невроз суть прежде всего индивидуальные проявления.

Невроз есть следствие психической травмы, под которой Фрейд в самом широком смысле понимает некое сильное впечатление, произведенное на человека. Генезис неврозов восходит к самым ранним впечатлениям детства, которые позднее полностью забываются. Эти впечатления имеют сексуальную и агрессивную природу. Сексуальность и агрессивность связаны между собой, но сексуальность доминирует в формировании невроза. Ребенок «не может успешно проделать путь своего культурного развития, если не пройдет через фазу невроза, у одних более, у других менее отчетливую. Это происходит оттого, что ребенок не может подавить рациональной работой духа многочисленные позывы влечений, в будущем нереализуемых, но должен обуздывать их актами вытеснения, за которыми, как правило, стоит мотив страха»[9]. Травмы происходят примерно до 5 лет, когда у ребенка наблюдается ничем не скрываемая сексуальность. Психическая травма переживается в виде Эдипова комплекса. Затем сексуальность переходит в латентную фазу, а с ней уходит в подсознание и психическая травма. При наступлении половой зрелости либо несколько позднее травма дает о себе знать, что проявляется в начинающемся неврозе. Последствия травмы бывают положительные и отрицательные. Первые проявляются в том, чтобы вспомнить травмирующий факт или даже сделать его реальным, снова пережить его повторение (Фрейд называет это фиксацией на травме и навязчивым повторением). Данные переживания инкорпорируются в нормальное «Я». Отрицательные реакции преследуют противоположную цель: заблокировать любые воспоминания и повторения забытой травмы (защитные реакции). «Их основное выражение – это так называемое избегание, способное обостриться до ингибиций и фобий»[10]. Защитные реакции, по сути, также представляют собой фиксацию на травме, но с противоположной тенденцией. И положительные, и отрицательные реакции в решающей степени влияют на формирование характера индивида. Невротические симптомы есть следствие действия обоих стремлений (положительных и отрицательных). Психические реакции травматического происхождения существуют вне связи с реальностью. Когда внутренняя психическая реальность начинает преобладать над реальностью внешнего мира, открывается путь к психозу[11].

Похожий механизм образования невроза (религии) наблюдается, по Фрейду, в истории человечества. Религиозность вырастает из детской беспомощности первобытных народов и связанного с нею обожания праотца. В дальнейшем это чувство поддерживается страхом перед всемогуществом судьбы. Первой попыткой религиозного утешения следует считать стремление индивида к единству со всем сущим, что создавало у него впечатление преодоления опасности, угрожающей «Я» со стороны внешнего мира. Ядро всех социальных неврозов, утверждает Фрейд,– Эдипов комплекс, имевший место и в первобытной орде. Травмирующим фактом сексуально-агрессивного содержания, оставившим стойкие следы, был акт отцеубийства. Подобно ребенку, влечения сородичей первобытной орды носили откровенный, незамаскированный характер. Их агрессивность и сексуальность были прямой угрозой власти отца, который, понимая это, либо изгонял, либо кастрировал старших сыновей. После убийства сыновьями отца возникает община братьев, организация которой потребовала первые запреты (убийства, каннибализма, инцеста). Фрейд подчеркивает, что не разум, а аффекты стали причиной установления запретов: «Чисто рациональные мотивы даже у современного человека мало что могут сделать против его страстных влечений; насколько же более бессильными они должны были быть у первобытного человека-зверя»[12]. Всегда, рассуждает он, священники могли поддерживать в массах религиозную покорность только ценой больших уступок человеческой природе с ее влечениями. В этом смысле «безнравственность во все времена находила в религии не меньшую опору, чем нравственность»[13]. Только возродившийся в виде Бога отец оказался способным укротить влечения и вытеснить их в подсознание, откуда они вернулись в сознание в форме «Сверх-Я». Таким образом, религиозное чувство есть сублимированный страх перед убитым отцом, принявшим облик всемогущего Бога. Религиозное чувство было тем сильнее, чем мощнее действовали влечения. Сила религиозных учений, убеждал Фрейд, состоит в том, что они представляют собой «реализацию самых древних, самых сильных, самых настойчивых желаний человечества; тайна их силы кроется в силе этих желаний»[14]. Отказ от влечений парадоксальным образом был вызван разрушительным напором самих

[9] *Фрейд З.* Будущее одной иллюзии. С. 53.

[10] *Фрейд З.* Человек Моисей и монотеистическая религия. С. 201.

[11] См.: там же. С. 197–205.

[12] *Фрейд З.* Будущее одной иллюзии. С. 52.

[13] Там же. С. 49.

[14] Там же. С. 41.

влечений. Но, поскольку влечения требуют удовлетворения хотя бы в форме суррогата, таким суррогатом становится религия. Религию, по Фрейду, следует рассматривать как разновидность невроза потому, что она восполняет, замещает нереализованные сексуальные и агрессивные влечения.

Амбивалентность Эдипова комплекса, согласно Фрейду, рождала амбивалентность отношения к Богу: безотчетный страх перед ним и любовь к нему, совмещенная с верой в его всемогущество. Амбивалентное отношение к отцу привело к появлению двух полярных сил – Бога и Дьявола. Изначально Бог и Дьявол были одной фигурой, позже расщепившимися на две и наделенными противоположными чертами. «В прежние времена сам Бог обладал всеми пугающими качествами, сочетание которых позже образовало его противоположность»[15]. Отец индивида является прототипом и Бога, и Дьявола. «В религиях можно обнаружить неустранимые следы того факта, что первобытный отец был безгранично злым существом – больше похожим на Дьявола, чем на Бога»[16].

Религия, по Фрейду, как всякий невроз отличается двойственностью: с одной стороны, она фиксирует сознание на травме в ее символической форме и навязчиво требует ее повторения, с другой – маскирует акт отцеубийства, стремясь подавить всякое воспоминание о нем. Религиозные ритуалы, воспроизводя травмирующий факт и активизируя тем самым влечения, одновременно имеют целью обоснование всемогущества Бога и святости исходящих от него запретов. «Стоит особенным образом подчеркнуть то, с какой необычной мощью утверждает себя всякий возвращающийся из забвения фрагмент прошедшего, производя неожиданно сильное воздействие на человеческие массы и заявляя неотразимое притязание на истинность, так что протесты логики против него ничего не могут. По типу credo quia absurdum[17]. Эту удивительную черту нельзя понять иначе как по образцу бредовой мании психотиков. Мы уже давно поняли, что в бредовой идее кроется фрагмент забытой истины, неизбежно извращенной и недопонятой при своем возвращении в сознание, и что навязчивая убедительность, окружающая бредовую идею, исходит от этого зерна истины, распространяясь и на наслоившиеся заблуждения. Подобную истину, которую можно назвать исторической, мы должны признать и за положениями религиозной веры, хотя и несущими на себе черты психотических симптомов, но в качестве массовых явлений неподверженными проклятию изоляции»[18]. Возникновение идеи «одного-единственного великого Бога... нужно признать пусть искаженным, но совершенно оправданным воспоминанием. Подобная идея имеет навязчивый характер, она заставляет верить в нее. В той мере, в какой простирается ее искажение, ее можно обозначить как бред; насколько она несет с собой возвращение вытесненного прошлого, мы должны называть ее истиной. Психиатрический маниакальный бред тоже содержит крупицу истины, и убежденность больного переносится с этой истины на бредовую оболочку»[19]. Очевидно, что «историческая истина», открывающаяся в религии, – это акт убийства праотца. Согласно логике Фрейда, акт отцеубийства постоянно и неуклонно будит совесть, требует раскаяния перед Богом, но кроются за этим вытесненные и неумирающие агрессивно-сексуальные влечения, стремление повторить акт отцеубийства.

Невроз, по Фрейду, отражает явное несоответствие, противоречие между действительностью и ее восприятием индивидом. Механизм невроза призван согласовать реальность и нереализованные желания, что порождает искаженную (в большей или меньшей степени) картину мира. При индивидуальном неврозе, полагает Фрейд, искаженное восприятие мира проявляется в бредовой идее. Религия хотя и сходна с бредом (поскольку есть следствие невроза), отличается от него. Существенная черта бредовой идеи – ее ложность, противоречие реальности. Религия также противоречит реальности и является следствием нереализованных влечений, но, в отличие от бреда, она может содержать и долю истины. В данном случае Фрейд имеет в виду исторический факт отцеубийства и наличие его следов, представленных в символической форме. Религия, делает он вывод, – не бред, а иллюзия, т.е. искаженная картина мира, рожденная вытесненными влечениями, содержащая долю истины и не требующая подтверждения. Религиозные учения настолько же недоказуемы, насколько неопровержимы. Религия – это иллюзия, настаивает Фрейд, но некоторые из религиозных учений настолько неправдоподобны, что есть основания сравнить их с бредовыми идеями[20]. Таким образом, религия есть навязчивый невроз, влекущий ограничения, а также иллюзия, вызванная влечениями и сопровождающаяся отрицанием действительности. Фрейд подчеркивает, что все это лишь сравнения, индивидуальная патология не является полноценной аналогией. Вместе с тем, продолжает он, неоднократно указывалось на почти полное

[15] *Фрейд З.* Демонологический невроз семнадцатого столетия // Russian Imago 2002. Исследования по психоанализу культуры: сб. М., 2004. С. 53.

[16] Там же. С. 54.

[17] «Верую, ибо абсурдно».

[18] *Фрейд З.* Человек Моисей и монотеистическая религия. С. 209.

[19] Там же. С. 250.

[20] См.: *Фрейд З.* Будущее одной иллюзии. С. 42, 43.

сходство в мелочах навязчивого невроза и религии. «Со сказанным хорошо согласуется и то, что благочестивый верующий в высокой степени защищен от опасности известных невротических заболеваний: усвоение универсального невроза снимает с него задачу выработки своего персонального невроза»[21]. О том же говорится в более резкой форме: «Ценой насильственной фиксации психического инфантилизма и включения в систему массового безумия религии удается спасти многих людей от индивидуального невроза»[22].

Фрейд обращает внимание, что иллюзией является не только религия, все институты культуры (особенно государство, право, семья) так или иначе воспринимаются людьми в иллюзорном свете. Иллюзия, рассуждает он, тормозит прогресс культуры, поскольку сковывает силу разума, мешая тем самым овладевать своими влечениями. Иллюзия не просто искажает представления людей о социальных условиях их жизни, она освящает запреты, требующие критического, научного, а не религиозного объяснения. Запреты, наложенные на обсуждение сексуальных и религиозных тем, снижают интеллектуальные способности людей. Так, утверждает Фрейд, менее развитый, чем у мужчин, ум женщин обусловлен запретом на обсуждение сексуальной темы, интересующей их больше всего. На заре человеческой истории религия, по Фрейду, сыграла свою положительную роль тем, что смогла укротить влечения, поставив их под контроль социальных институтов. Но по мере развития науки религия должна уступить ей свое место, чтобы смотреть на мир и на себя глазами не ребенка, а взрослого человека. Человечество должно отказаться от религии, чтобы строить свою жизнь на основе разума, а не иллюзий. Главная роль в этом деле отводится психоанализу, который, с точки зрения Фрейда, и должен освободить разум от иллюзии, религии[23]. Однако здесь он вступает в противоречие со своими исходными идеями: культура возникает благодаря не сознанию, а бессознательным психическим процессам; роль сознания всегда была и будет слабее действия инстинктов; влечения, воспроизводя культуру, с неизбежностью будут воспроизводить и религию, а значит, религия продолжит свое воздействие на массы. Пока существуют влечения и механизм Эдипова комплекса, невроз в форме религии неизбежен. Фрейд вроде бы возлагает большие надежды на освобождающее воздействие науки (психоанализа), но его базовые идеи вселяют лишь скепсис относительно возможностей разума. Расчет на то, что отказ от влечений будет достигаться с помощью разума, а не силой аффектов, опровергается самим психоанализом.

Тотемизм. Согласно Фрейду, источник религии (как и культуры в целом) – Эдипов комплекс, отказ от влечений и механизм сублимации. Тотемизм, с его точки зрения,– исторически первая форма религии, в полной мере отражающая гипотезу об убийстве отца в первобытной орде. Ее появление фиксировало возникновение социальных институтов и нравственности. Запреты, установленные тотемизмом,– это воздержание от влечений. Тотемизм представляет собой одновременно и религиозную, и социальную системы, первоначально совпадающие, но со временем разделяющиеся. Социальная система часто переживает религиозную, и наоборот, остатки тотемизма остаются в религии, когда социальная система тотемизма уже исчезла. По Фрейду, после убийства праотца у сыновей возникает чувство вины, в их сознании убитый отец воскрешается в виде всемогущего Бога и устанавливает с ними договор: отец брал на себя обязательства защищать, заботиться и проявлять снисходительность к сыновьям, которые, в свою очередь, должны были осудить отцеубийство и не повторять его вновь. Запреты отца (убийство и инцест) становятся после его убийства обязательствами сыновей. Запрет на убийство, согласно Фрейду, есть первая попытка создания религии. Тотем позволял успокоить чувство вины, осуществить своего рода примирение с отцом. Тотемизм был также попыткой оправдаться: «Если бы отец поступал с нами так, как тотем, то у нас никогда бы не явилось искушение его убить». Таким образом, тотемизм способствовал тому, чтобы представить акт отцеубийства в выгодном для сыновей свете и предать его забвению. Образовавшийся клан братьев был теперь связан не только родственными узами, но и сознанием соучастия в совершенном преступлении, о котором хотелось забыть. Память об отцеубийстве вытесняется в подсознание, в сознании же возникают религия и нравственность как новые, вполне респектабельные, а потому приемлемые для братьев основания их единства.

Появление религии и нравственности в форме тотемизма Фрейд оценивает как «великий переворот», как качественный скачок на пути прогресса человечества. Но если гуманисты разных мастей и времен (светские и религиозные, идеалисты и материалисты) связывали прогресс человечества с развитием человеческой духовности, основатель психоанализа кладет в основание прогресса акт отцеубийства, вызванный главным образом организацией психики человека. «Общество покоится теперь на соучастии в совместно совершенном преступлении, религия – на сознании вины и раскаяния, нравственность – отчасти на потребностях этого общества, отчасти на раскаянии, требуемом

[21] Там же. С. 54.

[22] *Фрейд З.* Недовольство культурой. С. 84.

[23] См.: *Фрейд З.* Будущее одной иллюзии. С. 44, 45, 53, 57–59.

сознанием вины»[24]. Именно убийство отца, убежден Фрейд, стало мощнейшим стимулом укрепления чувства братства, солидарности, что и обеспечивает прогресс человечества. Запрет убивать тотем (отца) с течением времени приобретает формулу «не убий».

В качестве замаскированного воспоминания об отцеубийстве остаются также запрет инцеста, обряд обрезания и жертвоприношение тотема. Запрет инцеста имел как религиозные, так и социальные истоки. Фрейд обращает внимание, что святость и святое означает запрет на действия в отношении чего-либо. Святой запрет имеет очень сильную аффективную окраску, но без рационального обоснования. Против инцеста восстают все чувства человека, но он не может его обосновать. Инцест был распространен среди правящих семей Древнего Египта, поэтому можно предположить, что он был привилегией, недоступной обычным людям. В Европе была и продолжает оставаться обычной практика близкородственных браков. Биологическое объяснение инцеста (близкородственные браки вредны для потомства) не работает, поскольку это недостоверно. Единственно верное объяснение запрета инцеста, делает вывод Фрейд, дает психоанализ, примененный к гипотезе первобытной орды: запрет инцеста и построенная на нем экзогамия – это воля праотца и продолжение этой воли после его устранения[25]. Вместе с тем запрет инцеста имел цель поддержания нового долговременного порядка, сложившегося после устранения отца, иначе откат к прежнему состоянию оказался бы неизбежным (здесь социальные запреты начинают отслаиваться от религиозных). «Половая потребность не объединяет мужчин, а разъединяет их. Если братья заключили союз для того, чтобы одолеть отца, то по отношению к женщинам каждый оставался соперником другого. Каждый, как отец, хотел овладеть ими для себя, и в борьбе всех против всех погибла бы новая организация. Но самых сильных, кто могли бы с успехом взять на себя роль отца,– было несколько. Таким образом, братьям, если они хотели жить вместе, не оставалось ничего другого, как, быть может, преодолеть сильные непорядки, установить инцестуозный запрет, благодаря которому все они одновременно отказались от желанных женщин, ради которых они прежде всего и устранили отца. Они спасли таким образом организацию, сделавшую их сильными и основанную на гомосексуальных чувствах и проявлениях, которые могли развиться у них за время изгнания. Может быть, это и было положение составляющего зародыш открытого Бахофеном матриархального права, пока оно не сменилось патриархальным семейным укладом»[26].

Обрезание в символической форме имитирует одну из причин отцеубийства – кастрацию старших сыновей праотцом. «Когда мы слышим, что Моисей “освятил” свой народ введением обычая обрезания, то теперь уже понимаем глубокий смысл этого утверждения. Обрезание – символический эрзац кастрации, некогда назначенной отцом из полноты его абсолютной власти для всех сыновей, и принимавшие этот символ показывали тем самым, что готовы покориться воле отца, даже если он обязывает их к болезненнейшей жертве»[27].

Обряд принесения в жертву священного животного знаменовал священную связь участников обряда между собой и с богом. Жертвоприношение (тотемистическая трапеза), символизирующее акт отцеубийства, носит амбивалентный характер: оно воспринимается одновременно и как праздник, и как переживание ранее случившейся трагедии. Это праздник потому, что служит воспоминанием о триумфе сыновей над отцом, а также разрешает обычно запрещенное: убить отца и овладеть принадлежавшими ему женщинами всегда было предметом вожделения сыновей, что однажды и случается. Сопротивление сына, зафиксированное в тотемизме, позднее неуклонно будет возникать в других религиях в «самых замечательных превращениях и перевоплощениях». В мировой мифологии герой – это тот, кто мужественно восстает против своего отца и победоносно его пересиливает. Психоанализ, убежден Фрейд, доказывает, что сын создает бога по образу своего отца, что личное отношение к Богу зависит от отношения к телесному отцу. Ритуал сопровождается также печалью и оплакиванием тотема, т.к. тотем – убитый ранее праотец. Жертвоприношение, возвращая к акту отцеубийства, выражая раскаяние и стремление искупить свою вину, каждый раз, с точки зрения Фрейда, давало новый импульс развитию культуры[28]. Тотемизм, заключает он, есть реакция на великое событие (отцеубийство), «с которого началась культура и которое с тех пор не дает покоя человечеству»[29].

Тотемизм, по Фрейду, закрепляет два важнейших фактора, определявших возникновение и становление всех будущих религий: сознание вины сына и сыновье сопротивление. В тотемизме отец замещается

[24] *Фрейд З.* Тотем и табу // Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет / пер. с нем.; предисл. Б.Р. Нанейшвили, Г.Б. Нанейшвили. Тбилиси, 1991. Кн. 1. С. 335.

[25] См.: *Фрейд З.* Человек Моисей и монотеистическая религия. С. 241, 242.

[26] *Фрейд З.* Тотем и табу. С. 333, 334.

[27] *Фрейд З.* Человек Моисей и монотеистическая религия. С. 242.

[28] См.: *Фрейд З.* Тотем и табу. С. 335.

[29] Там же. С. 334.

дважды: как бог и как тотемное животное. В качестве бога ему поклоняются, в качестве тотемного животного – приносят в жертву Богу. Бог в своем человеческом образе развивается из животного-тотема на более поздних этапах истории. Сначала отец замещается тотемом, затем – Богом. Религия возникает из тоски по отцу. Каждый из братьев, убивших отца, желал достигнуть его могущества, но это желание не могло осуществиться вследствие давления со стороны всех братьев. Это неосуществленное желание постепенно переросло в идеал, имевший содержанием всю полноту и неограниченность власти праотца и готовность ему подчиниться. «Первоначальное демократическое равенство всех соплеменников нельзя было уже больше сохранить», требовалось восстановить идеал отца в виде Бога[30]. Дальнейшее развитие религий шло по пути очеловечения почитаемого существа. «На место зверей выступают человеческие боги, происхождение которых из тотема очевидно. Бог либо изображается в животном облике или по крайней мере с лицом животного, либо тотем становится преимущественным спутником бога, от него неотделимым, либо же легенда заставляет бога убить как раз того зверя, который был его непосредственной предшествовавшей ступенью. В какой-то не совсем ясный момент этого развития на сцену выступают великие материнские божества, вероятно, еще прежде мужских божеств, так что позднее одни долго сосуществуют с другими. Тем временем произошло великое социальное потрясение. Материнское право было отменено вновь восстановившимся патриархальным порядком. Новые отцы, конечно, не достигли всемогущества праотца, их было теперь много, живущих рядом друг с другом в более крупных сообществах, чем прежняя орда; им приходилось ладить друг с другом, они не переступали границ социального законодательства. По-видимому, материнские божества возникли в эпоху ограничения матриархата и служили для возмещения ущерба оттесняемой матери. Мужские божества появляются вначале как сыновья рядом с великими матерями, лишь позднее они приобретают явственные черты праотцовского облика. Эти антропоморфные божества политеизма отражают обстоятельства патриархальной эпохи. Они многочисленны, взаимно друг друга ограничивают, иногда подчиняются вышестоящему божеству. Ближайший шаг, однако, ведет к занимающей нас здесь теме – к возвращению единого, единственного, безгранично правящего бога-отца»[31].

Иудаизм и христианство. Фрейд убежден, что иудаизм и христианство в своей истории и в догматике во многом повторяют тотемизм и отражают трагедию отцеубийства, случившуюся в первобытной орде. Психологический механизм становления монотеизма тот же: отправная точка – Эдипов комплекс, затем – запрет влечений, вытеснение, сублимация, акт отцеубийства. После установления братского клана, материнского права, экзогамии и тотемизма началось медленное возвращение вытесненного в подсознание акта отцеубийства. Возвращение вытесненного происходит медленно, под влиянием изменений условий жизни. Отец снова становится главой семьи, но уже с ограниченной властью. Тотемное животное уступает место Богу, между этими двумя инстанциями «вырастает герой как предварительная ступень к обожествлению». Возникновение монотеизма всегда связано с существованием некоей единственной исторической личности, которая воспринималась как «бесконечно великая» и была впоследствии обожествлена. На своих современников герой влияет двумя способами: 1) через свою личность; 2) через идею, за которую он выступает. Более распространен первый случай, т.к. у человеческой массы есть сильная потребность в авторитете, вырастающим из тоски по отцу. Герой, который мог стать воплощением Бога, должен был походить на отца: демонстрировать силу воли, ярость, самостоятельность, независимость, беспощадность и внушать страх. По мере объединения племен в единый народ боги сначала выстраиваются в иерархию, затем среди них выделяется единственный Бог, который и наделяется качеством всемогущества. Лишь на этой ступени возрождается все величие отца первобытной орды, и «причитающиеся ему аффекты получают шанс возобновиться»[32].

Обретение единого всемогущего Бога становится огромным событием в жизни древних евреев. «Первое воздействие встречи со столь долго отсутствовавшим и желанным было ошеломляющим – таким, как описывает предание о введении законов на горе Синай. Изумление, благочестивая преданность и благодарность за то, что человек обрел милость в его глазах: Моисеева религия знает только эти позитивные чувства в отношении божественного отца и никаких других. Убеждение в его необоримости, покорность его воле не могли быть у беспомощного, запуганного сына отца первобытной орды более безусловными; больше того, лишь перенесение в примитивную и инфантильную среду только и делает их вполне понятными»[33]. Древние евреи, подобно ребенку, с энтузиазмом и преданностью встретили возвращение великого отца. Только детской инфантильностью, утверждает Фрейд, можно объяснить «интенсивный и неисчерпаемо глубокий религиозный экстаз», проявленный евреями при обретении своего Бога. И наоборот: религиозный экстаз вскрывал глубины подсознания, погружая евреев в состояние детства.

[30] См.: там же. С. 337, 338, 341.

[31] *Фрейд З.* Человек Моисей и монотеистическая религия. С. 207, 208.

[32] Там же. С. 231, 232, 252, 253.

[33] Там же. С. 253.

В полном соответствии с Эдиповым комплексом отношение древних евреев к обретенному Богу было также амбивалентным, но отличалось своеобразием: в рамках Моисеевой религии не было места для прямого выражения «убийственной ненависти к отцу». Если в первобытной орде ненависть к отцу заканчивается его убийством, то ненависть к Богу у древних евреев приобретает форму ощущения своей греховности, трансформируется в сознание своей вины перед ним и в замаскированную агрессию к самим себе. Чем сильнее было чувство ненависти, тем выше поднимался уровень агрессии к самим себе, тем жестче и тяжелее становились нормы религиозной и нравственной аскезы. В своем стремлении доказать любовь к Богу и свою греховность древние евреи достигали высочайшего уровня аскезы, не доступной другим народам. Свои беды древние евреи, считавшие себя богоизбранным народом и боявшиеся потерять ощущение своей исключительности, связывали с ущербностью не Бога, а самих себя. Сомнения в Боге могли обернуться утратой обретенной иллюзии своей богоизбранности. Высокая духовность этики иудаизма, утверждает Фрейд, происходит «из сознания вины за подавляемую враждебность к Богу. Она имеет незавершенный и незавершимый характер навязчиво-невротических реактивных образований; легко догадаться также, что она служит тайным намерениям наказания»[34].

За иудаизмом последовало христианство, где тема убийства праотца, полагает Фрейд, встает в полный рост. Христианство, с его точки зрения, восприняв многие элементы от других религий средиземноморских народов, отступило от чистого монотеизма, что демонстрировал иудаизм. Данные вкрапления (особенно детали ритуала) несли с собой наследие тотемизма, где убийство праотца явственно читалось. Сознание своей вины перед Богом (отцом), предчувствие беды распространялось не только среди евреев, но и на все народы Средиземноморья. Однако именно евреи предложили выход из состояния общей психологической угнетенности. Подлинным основателем христианства Фрейд считает апостола Павла, который, полагает он, был религиозно одаренным человеком, «темные следы прошлого таились в его душе, готовые к прорыву в более осознанные сферы»[35]. Первородный грех и искупление через жертвенную смерть «стали столпами новой, основанной Павлом религии». По-видимому, предполагает Фрейд, идея избавления человечества выстраивалась под влиянием древних восточных и греческих мистерий. «Первым прозрение прорезалось в сознании еврея Савла из Тарса, называвшего себя в качестве римского гражданина Павлом: мы так несчастны потому, что убили Бога-отца. И совершенно понятно, что эту крупицу истины он не мог охватить иначе, как в бредово-маниакальном одеянии радостной вести: мы избавлены от всякой вины с тех пор, как один из нас пожертвовал своей жизнью для нашего искупления. В этой формулировке убийство Бога, естественно, не упоминалось, однако преступление, которое нужно было искупать жертвенной смертью, не могло быть ничем, кроме убийства. А опосредованием между бредовой идеей и исторической истиной стало уверение, что жертвою явился Сын Божий»[36]. Место блаженного избранничества заняло теперь освободительное искупление. Факт отцеубийства возвращался в память, хотя и в искаженном виде: «Неназванное преступление было заменено допущением некоего туманного первородного греха»[37].

По Фрейду, идея первородного греха, сформулированного апостолом Павлом, стала реализацией сознания вины. Первородный грех – это преступление против Бога, искупаемое только смертью. На деле этим преступлением было убийство обожествленного позднее праотца. «Согласно коренящемуся глубоко в человеческом чувстве закону Талиона, убийство можно искупить только ценой другой жизни; самопожертвование указывает на кровавую вину. И если это приношение в жертву собственной жизни ведет к примирению с отцом-богом, то преступление, которое нужно искупить, может быть только убийством отца»[38]. Само убийство не осталось в памяти, а вместо него было придумано искупление. «Сын Божий в качестве невиновного позволил умертвить себя и тем самым взял на себя вину всех. На сцену должен был выступить именно сын, ведь убийство было совершено над отцом»[39]. В исторической действительности, утверждает Фрейд, избавитель никак не мог принести себя в жертву, он был предводителем банды братьев, убившей отца. Христос, сыгравший роль избавителя, есть лишь результат смещения сознания, он – наследник оставшейся неисполненной мечты о герое, который восстает против отца и убивает его[40]. Амбивалентность отцовского комплекса здесь также смещается. В тотемизме сыновья примиряются с убитым отцом при том условии, что убитый воскрешается в виде Бога, которому они поклоняются. В христианстве «Сын, взявший на себя покаяние, сам стал Богом рядом с Отцом и, собственно, вместо Отца. Происходя из религии Отца, христианство стало религией

[34] Там же. С. 254.

[35] Там же. С. 211.

[36] Там же. С. 255.

[37] Там же.

[38] *Фрейд З.* Тотем и табу. С. 343.

[39] *Фрейд З.* Человек Моисей и монотеистическая религия. С. 211.

[40] См.: там же.

Сына. От рока неизбежного устранения Отца оно не ушло»[41]. «В знак этого замещения древняя тотемистическая трапеза снова оживает как причастие, в котором братья вкушают плоть и кровь Сына, а не Отца, освящаются этим причастием и отождествляют себя с ним. Наш взгляд может проследить в потоке времен тождество тотемистической трапезы с жертвоприношением животных, с богочеловеческим жертвоприношением и с христианской евхаристией, и во всех этих торжествах он открывает отголосок того преступления, которое столь угнетало людей и которым они должны были так гордиться. Христианское причастие, однако, является по существу новым устранением отца, повторением деяния, которое нужно искупить»[42]. «Таким образом,– заключает Фрейд,– в христианском учении человечество самым откровенным образом признается в преступном деянии доисторического времени, потому что самое полное искупление его оно нашло в жертвенной смерти сына»[43].

Фрейд противопоставляет иудаизм и христианство по степени духовности, что в его интерпретации означало уровень отказа от влечений. Духовность, с его точки зрения, есть результат сублимации вытесненных влечений: чем строже накладываемые ограничения на влечения, тем выше уровень духовности. Именно духовность, говорит психоанализ, выводит человека из животного состояния, создает культуру и обеспечивает ее прогресс. Иудаизм, по Фрейду, создав ранее небывалую религиозную и нравственную аскезу, совершил рывок колоссальной силы в духовной сфере. Произошло это благодаря трем факторам. Во-первых, религия Моисея дала евреям более величественное представление о Боге, или о более величественном Боге. Верующий в такого Бога приобщался к его величию, мог сам себя чувствовать приподнятым. Во-вторых, запрет на изготовление образа Бога принуждал почитать Бога, которого нельзя видеть, что принижало чувственное восприятие Бога и развивало абстрактное о нем представление. Это приводило к феномену, известному у невротиков, детей и первобытных народов, а именно всемогуществу мысли. Данный феномен стимулировал появление языка, а тот, в свою очередь,– интеллектуальную деятельность, создавшую мир духовности. В этом мире духовности определяющими были представления, воспоминания и умозаключения в противоположность более низкой психической деятельности, обусловленной восприятием с помощью органов чувств. В-третьих, признание духовных сил, которые не улавливаются чувствами, но способны оказывать сверхмощное воздействие. Тем самым была открыта душа как духовное начало в человеке. В-четвертых, переход от матриархата к патриархату: поворот от матери к отцу означал победу духовности над чувственностью[44].

Подавление чувственности (влечений) подняли, по Фрейду, самосознание личности и народа, что объясняется механизмом индивидуальной психологии. Если «Оно» требует удовлетворения эротической или агрессивной природы, «Я» должно эти требования удовлетворить и получить удовольствие. Однако на пути к этой цели встречаются препятствия внешнего и внутреннего характера. Внешнее препятствие рождает неприятное напряжение, внутреннее – предстает в виде «Сверх-Я». Отказ от влечения в результате влияния «Сверх-Я» рождает удовольствие для «Я», некое эрзац-наслаждение. «Мы, похоже, понимаем механизм наслаждения такого рода. “Сверх-Я” – преемник и представитель родителей (и воспитателей), надзиравших за поведением индивида в первый период его жизни; “Сверх-Я” почти без изменения перенимает функции старших. “Сверх-Я” ввергает “Я” в длительную зависимость, осуществляя на него постоянное давление. Точно как в детстве, “Я” озабочено тем, чтобы не рисковать любовью этого властителя, похвалу с его стороны воспринимает как освобождение и удовлетворение, упрек – как укор совести. Когда “Я” пожертвовало в пользу “Сверх-Я” тем или иным влечением, оно ожидает в награду увеличение любви к себе. Сознание, что любовь эта заслуженна, вызывает гордость. В эпоху, когда авторитет еще не был вобран внутрь в качестве “Сверх-Я”, отношение между грозящей утратой любви и зовом влечения могло быть аналогичным. Когда из любви к родителям ребенок осуществлял отказ от влечения, наступало чувство безопасности и удовлетворения. Особый нарциссический характер гордости мог появиться у этого доброго чувства лишь после того, как сам авторитет стал частью “Я”»[45]. У древних народов роль авторитета берет на себя или великий человек (Моисей у древних евреев), или Бог. В развитии человечества чувственность постепенно пересиливается духовностью, люди от каждого такого шага ощущают гордость и подъем. Позднее духовность преодолевается эмоциональным феноменом веры. «Возможно, общая черта всех подобных психологических ситуаций несколько иная. Возможно, человек просто объявляет более высоким то, что более трудно, и его гордость есть не что иное, как нарциссизм, обостренный сознанием преодоленной трудности»[46].

Противопоставляя христианство иудаизму, атеист Фрейд отдает предпочтение второму, критикуя первое. Апостол Павел, полагает он, стал разрушителем иудаизма, разбудив идеей искупления сознание вины

[41] Там же. С. 256.

[42] *Фрейд З.* Тотем и табу. С. 343, 344.

[43] Там же. С. 343.

[44] См.: *Фрейд З.* Человек Моисей и монотеистическая религия. С. 233–235.

[45] Там же. С. 238.

[46] Там же. С. 239.

в человечестве, отказавшись от богоизбранничества своего народа и от его «зримого знака, обрезания», так что христианство смогло стать универсальной религией. «Во многих аспектах новая религия означала культурный регресс по сравнению со старой, иудаистской, что ведь обычно и случается при вторжении или при допущении новых человеческих масс, стоящих на более низком уровне. Христианская религия не удержала той высоты одуховления, к которой взметнулся иудаизм. Она уже не была строго монотеистической, переняла от окружающих народов многочисленные символические ритуалы, восстановила великое материнское божество и изыскала место для размещения многих божественных образов политеизма в прозрачной оболочке, хотя и на подчиненных позициях. Главное – она не замкнулась, как то сделала религия Атона и следовавшая за нею Моисеева религия, от проникновения суеверных, магических и мистических элементов, которым на протяжении ближайших двух тысячелетий суждено было явиться тяжелой помехой умственному развитию»[47]. Иными словами, «высокая духовность иудаизма», по Фрейду,– это не только результат сублимации и ограничения влечений, но также рационализация интеллекта, освобождение сознания от мистики и подготовка его к адекватному восприятию действительности. Прогрессивная роль христианства Фрейду видится в одном: оно помогло возвращению в сознание вытесненного акта отцеубийства, т.е. реализовало психотерапевтическую, а значит, гуманистическую функцию.

Иудаизм и антисемитизм. Фрейд – еврей, он и его семья пострадали от нацизма. Когда он писал свои работы по религии, нацисты уже пришли к власти и антисемитизм стал официальной идеологией и практикой Третьего рейха. Антисемитизм всегда был силен в Европе, а евреи – гонимым народом, что в годы Второй мировой войны закончилось его геноцидом. Тема антисемитизма почти никогда не звучала в творчестве Фрейда, но в связи с рассмотрением иудаизма и в условиях начавшегося геноцида евреев он на эту тему откликнулся. Фрейд ставит перед собой задачу объяснить, благодаря чему еврейский народ сохранился до нашего времени. Евреи, полагает он, явили стойкость и жизнеспособность главным образом потому, что Моисей своей религией сформировал у них особый характер. Получив от него религию, евреи «уверовали в свое превосходство над другими народами. Они сохранились после этого благодаря тому, что держались поодаль от всех других. Происходившее смешение крови тут мало чему мешало, потому что сплачивающим их началом был идеальный момент, совместное владение определенными интеллектуальными и эмоциональными благами. Моисеева религия действовала таким образом, потому что 1) дала народу приобщиться к великолепию нового представления о Боге, 2) утверждала, что народ избран этим великим Богом и предназначен быть свидетельством его особенного благорасположения, 3) принуждала народ к прогрессу духовности, что и само по себе достаточно важно, и сверх того открывает путь к высокой оценке интеллектуальной работы и к дальнейшему отказу от влечений»[48].

Фрейд называет несколько причин антисемитизма, которые условно можно поделить на культурно-исторические и религиозные. Культурно-исторические причины следующие. Во-первых, евреев обвиняют в пришлости, они, якобы, оказались в Европе позднее современных европейских народов. Фрейд считает этот упрек самым негодным: в Кёльн, например, евреи пришли еще вместе с римлянами, и только потом он был захвачен германцами. Во-вторых, культура и характер евреев отличается от «нордических народов», что вызывает со стороны последних нетерпимость. Еще сильнее раздражает тот факт, что евреи «упорствуют перед лицом любого гнета, что жесточайшим преследованиям не удалось их искоренить, и, больше того, они, наоборот, обнаруживают способность отличаться в хозяйственной жизни и, когда им позволяют, вносят ценный вклад во всех областях культуры»[49].

Главные причины антисемитизма Фрейд видит в религиозной истории человечества, истолкованной им, разумеется, в духе психоанализа. Во-первых, евреев обвиняют в убийстве Бога. Евреи, рассуждает он, не принявшие христианства (их стали называть иудеями), обособились от других народов еще больше. Народы, принявшие христианство, стали обвинять иудеев в убийстве Бога. «В неурезанном виде этот упрек звучал бы так: они не хотят принять к сведению, что они убили Бога, тогда как мы это признаем и от этой вины очищены. Тут уж нетрудно увидеть, сколько истины таится за этим упреком. Почему для евреев оказалось невозможным сделать шаг вперед, несмотря на все искажения содержавшийся в исповедании богоубийства, могло бы стать предметом другого исследования. Они возложили на себя тем самым в известной мере трагическую вину; их заставили за это тяжело поплатиться»[50]. Во-вторых, ревность к евреям, которые выдали свой народ за богоизбранный. В-третьих, обряд обрезания, который достает из подсознания народов доисторический факт кастрации сыновей отцом, что народы предпочли бы забыть. Комплекс кастрации постоянно будит у современных народов воспоминание об отцеубийстве, что влечет утрату психического равновесия и заставляет уйти в невроз. В-четвертых,

[47] Там же. С. 212, 213.

[48] Там же. С. 243, 244.

[49] Там же. С. 215.

[50] Там же. С. 256.

христианские народы, где распространен антисемитизм, стали христианами относительно недавно, оставшись, по сути, варварами, в глубине подсознания будучи верными политеизму. Как правило, христианство им было навязано силой, они «плохо крещены», под штукатуркой их христианства они «остались тем, чем были их предки, потворствовавшие варварскому политеизму. Свою злобу к новой, навязанной им религии они не преодолели, только перенесли ее на источник, откуда пришло к ним христианство. Тот факт, что Евангелия содержат повествование, развертывающееся среди евреев и рассказывающее только о евреях, облегчило им такой перенос. Их ненависть к евреям есть в сущности ненависть к христианам, и не приходиться удивляться, что в немецкой национал-социалистической революции эта внутренняя связь двух монотеистических религий находит столь ясное выражение во враждебном преследовании обеих»[51]. Иными словами, иудаизм и христианство, радикально подавив влечения, стали причиной бурно накапливающейся агрессии, которая в конечном счете обращается против евреев. Евреи объявляются источником всех несчастий, поскольку они – основатели иудаизма и христианства. Открыто это не признается, но психоанализ, вскрывая сложный психологический механизм жизни человека, способен по-своему показать зависимость между религиозной аскезой, агрессией, ею вызванной, и объектом этой агрессии, что Фрейд и пытается сделать.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Фрейд З.* Будущее одной иллюзии // Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура / сост. и вступ. сл. А.М. Руткевича. М., 1991. С. 27–30, 36, 38, 41–45, 49, 52–54, 57–59.
2. *Фрейд З.* Демонологический невроз семнадцатого столетия // Russian Imago 2002. Исследования по психоанализу культуры: сб. М., 2004. С. 53, 54.
3. *Фрейд З.* Недовольство культурой // Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура / сост. и вступ. сл. А.М. Руткевича. М., 1991. С. 76, 84, 85.
4. *Фрейд З.* Тотем и табу // Фрейд З. «Я» и «Оно». Труды разных лет / пер. с нем.; предисл. Б.Р. Нанейшвили, Г.Б. Нанейшвили. Тбилиси, 1991. Кн. 1. С. 333–335, 337, 338, 341, 343, 344.
5. *Фрейд З.* Человек Моисей и монотеистическая религия // Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура / сост. и вступ. сл. А.М. Руткевича. М., 1991. С. 201, 207, 208, 197–205, 209, 211–213, 215, 216, 226, 231–235, 238, 239, 241–244, 250, 252–256.

REFERENCES

1. *Freud Z.* The Future of one illusion // Freud Z. Psychoanalysis. Religion. Culture / comp. and the introduction by A.M. Rutkevich. M., 1991. P. 27–30, 36, 38, 41–45, 49, 52–54, 57–59.
2. *Freud Z.* Demonological neurosis of the seventeenth century // Russian Imago 2002. Research on psychoanalysis of culture: sat. M., 2004. P. 53, 54.
3. *Freud Z.* Dissatisfaction with culture // Freud Z. Psychoanalysis. Religion. Culture / comp. and the introduction by A.M. Rutkevich. M., 1991. P. 76, 84, 85.
4. *Freud Z.* Totem and taboo // Freud Z. "I" and "It". Works of different years / transl. from German; preface B.R. Naneishvili, G.B. Naneishvili. Tbilisi, 1991. Book 1. P. 333–335, 337, 338, 341, 343, 344.
5. *Freud Z.* The man Moses and the monotheistic religion // Freud Z. Psychoanalysis. Religion. Culture / comp. and the introduction by A.M. Rutkevich. M., 1991. P. 201, 207, 208, 197–205, 209, 211–213, 215, 216, 226, 231–235, 238, 239, 241–244, 250, 252–256.

Сведения об авторе

ЖУКОВ Вячеслав Николаевич –
доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; 119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус); главный научный сотрудник сектора философии права, теории и истории государства и права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

ZHUKOV Vyacheslav N. –
Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of theory of state and law and political science of the faculty of law at Lomonosov Moscow state University; 1 Leninskie Gory, bld. 13 (4th academic building), 119991 Moscow, Russia; chief researcher, sector of Philosophy of Law, theory and history of the state and law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

[51] Там же. С. 215, 216.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 9, с. 43–49
STATE AND LAW, 2021, № 9, pp. 43–49

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

НОВЕЛЛИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИИ–2020: ОСВОБОЖДАЯСЬ ОТ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИЛЛЮЗИЙ И ПРАВОВОГО РОМАНТИЗМА

Н.М. Добрынин. КОНСТИТУЦИЯ РОССИИ: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ. СОВРЕМЕННАЯ ВЕРСИЯ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА. Новосибирск: Наука, 2020. – 412 с.

© 2021 г. Н. С. Бондарь

Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

E-mail: bond@ksrf.ru

Поступила в редакцию 06.04.2021 г.

Аннотация. Рецензируемое издание посвящено анализу и раскрытию ключевых характеристик изменений и дополнений, внесенных в Конституцию РФ в 2020 г. На основе современных представлений о важнейших общественных отношениях в работе системно и последовательно характеризуются нормы, институты и сферы жизни социума, затронутые указанными конституционными поправками. Структура работы включает не только обзорные комментарии автора и правовые позиции Конституционного Суда РФ, касающиеся соответствующих блоков конституционных поправок, но и изложение взглядов ученого по ряду сложнейших дискуссионных вопросов современного состояния и тенденций модернизации затрагиваемых поправками элементов российского конституционализма. Такой подход обеспечивает высокий академический уровень представленного материала.

Ключевые слова: Конституция РФ, Конституционный Суд РФ, конституционные поправки, российский конституционализм.

Цитирование: *Бондарь Н.С.* Новеллизация Конституции–2020: освобождаясь от политических иллюзий и правового романтизма
Н.М. Добрынин. Конституция России: настоящее и будущее. Современная версия новейшей истории государства // Государство и право. 2021. № 9. С. 43–49.

DOI: 10.31857/S102694520016726-9

NOVELIZATION OF THE CONSTITUTION–2020: GETTING RID OF POLITICAL ILLUSIONS AND LEGAL ROMANTICISM

N.M. Dobrynin. THE CONSTITUTION OF RUSSIA: THE PRESENT AND THE FUTURE. MODERN VERSION OF THE RECENT HISTORY OF THE STATE. Novosibirsk: Nauka, 2020 – 412 pp.

© 2021 N. S. Bondar

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow

E-mail: bond@ksrf.ru

Received 06.04.2021

Abstract. The reviewed publication is devoted to the analysis and disclosure of the key characteristics of the amendments and additions made to the Constitution of the Russian Federation in 2020. On the basis of modern ideas about the most important public relations, the norms, institutions and spheres of social life affected by these constitutional amendments are systematically and consistently characterized in the work. The structure of the work includes not only the author's general comments and the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation concerning the relevant blocks of constitutional amendments, but also the presentation of the scientist's views on a number of the most complex debatable issues of the current state and trends in the modernization of the elements of Russian constitutionalism affected by the amendments. This approach ensures a high academic level of the presented material.

Key words: The Constitution of the Russian Federation, the Constitutional Court of the Russian Federation, constitutional amendments, Russian constitutionalism.

For citation: *Bondar, N.S. (2021).* Novelization of the Constitution–2020: getting rid of political illusions and legal romanticism
N.M. Dobrynin. The Constitution of Russia: the present and the future. Modern version of the recent history of the state // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 43–49.

2020-й год, наверняка, запомнится гражданам России прежде всего как год конституционных преобразований, внесения обширных и значимых изменений в Конституцию РФ. Их направленность на укрепление государственного единства и целостности Российского государства, повышение уровня социальной защищенности человека и гражданина, закрепление в качестве непререкаемых ценностей и приоритетов семьи, материнства, отцовства и детства, совершенствование сложившейся системы институтов публичной власти именно в этот период приобрела особую актуальность, выкристаллизовалась на фоне усилившихся глобальных и внутренних вызовов.

В политико-правовом плане по-разному можно квалифицировать конституционные перемены 2020 г. Нередко они определяются в научной литературе как конституционная реформа[1], хотя далеко не всегда это подтверждается какими-либо (тем более – убедительными) аргументами. Нет сомнений, что сам по себе текст Конституции 1993 г. претерпел в 2020 г. существенное обновление. Но приведет ли все это к конституционной реформе? Вопрос, как представляется, принадлежит будущему, возможно, даже ближайшему, связанному с перспективами реальных преобразований в обществе и государстве, которые должны быть проведены на основе обновленного текста Конституции.

В этом плане весьма примечательным и позитивным является тот факт, что в новой книге проф. Н.М. Добрынина, где дан широкий, всесторонний анализ конституционных новелл 2020 г., эти процессы не квалифицируются как конституционная реформа. Это тем более важно, если иметь в виду, что анализируемый научный труд (который сам автор скромно определил как учебно-методическое пособие) адресован прежде всего студентам, аспирантам, преподавателям, ориентирован на учебный процесс. А в этом случае забегание вперед, попытки выдать желаемое за действительное были бы особенно сомнительны.

Особо подчеркнем, что среди обилия учебной литературы и других публикаций, адресованных студентам и аспирантам, а также практическим работникам, учебно-методическое пособие «Конституция России: настоящее и будущее», подготовленное Н.М. Добрыниным специально в целях изложения и обсуждения принятых в 2020 г. конституционных поправок, отличается оригинальностью структуры и умелой методической компоновкой основного и вспомогательного материала. Работа автора выделяется в общем ряду также и тем, что это одна из первых книг, посвященных осмыслению и представлению в виде доступного учебно-методического пособия всего содержательного среза последних конституционных поправок – в их неразрывной системной взаимосвязи и ценностном контексте с другими положениями Конституции РФ, которые остались неизменными, а также в органическом единстве с оценками соответствующих новелл Конституции, которые были даны Конституционным Судом РФ, прежде всего в его Заключении от 16 марта 2020 г.

Объективно оправданным является то, что центральное место с точки зрения содержания предлагаемого читателю материала в структуре учебно-методического пособия занимают главы и параграфы,

[1] См., напр.: *Брежнев О.В.* Конституционная реформа 2020 года и развитие конституционного правосудия в России // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 7. С. 3–6; *Клишас А.А.* 2020 год: законодательные итоги и конституционная реформа. URL: https://rg.ru/2020/12/12/ klishas-socorientirovannost-v-deiatelnosti-organov-vlasti-uzhe-oshchutima.html; *Кряжков В.А.* Как конституционная реформа 2020 года изменила Конституционный Суд Российской Федерации // Государство и право. 2020. № 9. С. 18–32. DOI: 102694520011399-9-1; *Пинчук А.П.* О соотношении международного права и национального права РФ в контексте конституционной реформы 2020 г. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-mezhdunarodnogo-prava-i-natsionalnogo-prava-rf-v-kontekste-konstitutsionnoy-reformy-2020-g; и др.

в которых осуществлена группировка соответствующих конституционных поправок с учетом предмета их регулятивного воздействия. Это позволило автору, в свою очередь, выразить не только прямо, конкретно, но и имплицитно свою позицию по поводу обоснованности структурно-системной «прописки» тех или иных поправок (к конкретным главам Конституции и к соответствующим конституционным институтам).

Важно отметить как умелый методологический и методический прием автора то, что все изменения и дополнения, затрагивающие конституционный статус Президента РФ, Федерального Собрания, Правительства РФ и органов правосудия, сосредоточены в рамках одной главы пособия (гл. 2), а не раздроблены, повторяя деление на главы самой Конституции РФ: конечно, ведь все эти поправки касаются не по отдельности Президента России, Федерального Собрания, Правительства РФ и органов правосудия; они единым блоком направлены на совершенствование механизма разделения властей, модернизацию системы сдержек и противовесов, осуществление публично-властных полномочий на различных уровнях организации государственной и муниципальной власти.

В методическом плане структура книги и представленный в ней материал нацеливают читателя на взвешенное, объективное и одновременно лаконичное – строго по существу проблемы – изучение содержания и смысла изменений и дополнений, внесенных в Конституцию РФ в 2020 г.

Одновременно нельзя не поддержать проф. Н.М. Добрынина в стремлении заинтересовать читателя обсуждением – безусловно, в контекстной привязке к анализируемым на страницах книги поправкам,– целого ряда важнейших, фундаментальных проблем современного российского конституционализма. Представляется принципиальным вопрос о том, что конституционализм – категория, имеющая не только научно-теоретическое, но и важное учебно-методическое назначение. По этому поводу приходилось высказываться и ранее, но в учебных планах курса конституционного права данная категория так и не нашла своего места. По нашему убеждению, «конституционализм» должен стать одной из ключевых, исходных, фундаментальных учебно-методических категорий, на основе которой (и вокруг которой!) целесообразно было бы разворачивать институционную структуру всей системы конституционного права в процессе преподавания данной учебной дисциплины. Именно на этой основе, кстати, более рационально можно было решать и такие учебно-методические вопросы, как приближение юридического материала к философии, социологии, психологии, другим областям гуманитарного знания, что сегодня не только оправданно в конституционно-правовой науке, а попросту необходимо, т.к. без этого невозможными становятся как уяснение *правового* содержания (в *смысле «духа»*) конституционных норм в их неразрывной системной взаимосвязи, так и оценка социальных последствий реализации соответствующих конституционных положений, включая и внесенные в Основной Закон страны поправки.

Поэтому оценка поправок, внесенных в Конституцию России в 2020 г. с позиций такой ёмкой и многогранной категории, как конституционализм, заслуживает безусловной поддержки. Со своей стороны, отметим, что при всем многообразии подходов к определению понятия «*конституционализм*» очевидно, что его основополагающие характеристики – как с точки зрения генезиса, происхождения и исторического развития данного явления, так и в гносеологическом плане – связаны в первую очередь и в конечном счете с понятием конституции как основного закона общества и государства.

Однако ставший традиционным для научной литературы подход к конституционализму как исключительно юридической, политико-правовой проблеме явно недостаточен. Перефразировав известное выражение, можно отметить, что *конституционализм – слишком сложное понятие, чтобы отдавать его на откуп одним юристам*. Категория «*конституционализм*» настолько многогранна и универсальна, что способна охватывать своим содержанием явления как собственно правовые, так и неюридические (в т.ч. пред- и постюридические), равно как и метаюридические феномены социального, экономического, политического, культурного характера в той мере, в какой они выступают социокультурной предпосылкой формирования конституционализма и одновременно средой его существования и развития, влияют на его конкретно-историческое содержание.

По нашему мнению, проф. Н.М. Добрынину при обсуждении вопросов, связанных с оценкой конституционных поправок 2020 г., в формате «*Тезисы для обсуждения и дискуссии*» удалось успешно реализовать изложенную выше философско-правовую парадигму, в рамках которой категория конституционализма рассматривается не в качестве линейной, «*плоской*» составляющей социальной онтологии, а оценивается в качестве многомерной модели и одновременно проекции фактически складывающихся в обществе связей, взаимодействий и коммуникаций. Подобный мультидисциплинарный подход автора к обсуждению конституционных поправок, реализованный им в формате тезисов для обсуждения и дискуссии, а также в виде вступительной статьи и заключительных

ремарок, следует только приветствовать: это, безусловно, важная «*изюминка*» представленной книги.

Безусловно, господствующие в общественном сознании оценки конституции, уровень конституционной культуры в обществе и государстве, действенность идей конституционализма определяются в своей основе не самим по себе фактом наличия или отсутствия в государстве юридической конституции (основного закона) и даже не ее «*возрастом*», есть значительно более важные, глубинные – социокультурные – истоки конституционализма. И конечно, вне зависимости от тех или иных подходов все мы знаем, что означают отсутствие в обществе и государстве конституционализма и, соответственно, конституционной законности, конституционного правопорядка, неисполнение конституции.

По нашему убеждению, это не случайно: слишком высок в понятии конституционализма удельный вес того, что проявляется не столько на уровне юридических знаний, сколько на уровне веры, убеждений, обычаев, традиций, нравственных и этических представлений о справедливости и правде.

В этом отношении важно заметить, что проф. Н.М. Добрынин на страницах своей новой книги уделил серьезное внимание еще одной сложнейшей проблеме: соотношению права и нравственности, морали. На наш взгляд, следует осознавать, что оценка содержания и смысла не только конституционных поправок 2020 г., но и вообще в целом Конституции страны не может осуществляться в отрыве от фундаментальных, сложившихся в российском многонациональном народе представлений о ключевых нравственных категориях и ценностях. Другое дело, что при этом необходимо последовательное обеспечение баланса, гармонии этих начал с формально-юридическими, впрочем, как и политическими, характеристиками Основного Закона; незаменимая роль в решении этих задач принадлежит Конституционному Суду РФ[2], что в полной мере учитывает автор, вводя, в частности, в каждую структурную часть книги сюжеты, посвященные правовым позициям Конституционного Суда РФ.

Полагаем, нельзя не учитывать, что базовые конституционные идеалы и ценностные ориентиры (как и смежные с ними принципы, декларации, аксиомы, презумпции, цели) выступают не только, а во многих случаях не столько конституционно-правовыми категориями, сколько *категориями морали, нравственности*, цивилизационных, общедемократических требований; как метаюридическая форма выражения нравственных, социокультурных начал соответствующие категории, имея наиболее абстрактное содержание, наполнены вместе с тем повышенным уровнем концентрации нормативной (конституционно значимой) энергии, ориентированной на законодателя и правоприменителя, включая все отрасли законодательства и все сферы правоприменения. Поэтому нравственно-этическое наполнение содержания конституционных положений не только не умаляет, но, напротив, усиливает их значение как нормативных положений, имеющих прямое действие и обладающих высшей юридической силой.

В данном аспекте считаем важным поддержать проф. Н.М. Добрынина также и в том, что на страницах своей работы при обсуждении соотношения права и нравственности он обращает пристальное внимание на различные аспекты формирования массового правосознания, конституционного мировоззрения: без них уяснение нравственной сущности и Основного Закона страны и вообще права является во многом ущербным, а то и вовсе становится невозможным.

При всем многообразии критериев и факторов оценки достигнутого уровня зрелости системы конституционализма, пожалуй, одним из универсальных является показатель достигнутого в обществе и государстве уровня конституционного правосознания и конституционного мировоззрения. Конституционное правосознание ориентирует личность, социальные группы и общество в целом на поведение на основе оценки реальной конституционно-правовой действительности, включая систему конституционно-правовых норм, нравственно-этических и правовых ценностей, составляющих нормативную базу современного конституционализма.

Соответственно, конституционное сознание и конституционное мировоззрение, будучи самостоятельными составляющими конституционализма, пронизывают все его компоненты. Это касается и отражения правовой действительности, базовых ценностей, и формирования нормативной правовой основы общества и государства, и процесса претворения в жизнь конституционных и иных правовых предписаний.

Более того, сама по себе эффективность Основного Закона, действенность системы конституционализма во многом определяются состоянием конституционной культуры в обществе и государстве, уровнем развития конституционного мировоззрения.

[2] См.: *Бондарь Н.С.* Гармонизация юридических и нравственно-этических начал Конституции: практика конституционного правосудия // Журнал конституционного правосудия. 2018. № 1 (61). С. 6–16; *Его же.* Конституционные ценности и политика: конституционализация политики, но не политизация конституционных ценностей // Журнал конституционного правосудия. 2016. № 1 (49). С. 23–30.

Профессор Н.М. Добрынин, опираясь на такую методологию оценки конституционных поправок 2020 г., побуждает заинтересованного читателя к комплексному и конструктивному восприятию сложившейся картины современного российского конституционализма – без голословного охаивания достигнутых страной результатов конституционного развития, но и без наивного приукрашивания и замалчивания проблем, требующих своего решения.

Представляется правильным в этой связи заметить, что в настоящее время по-прежнему сохраняется существенная неравномерность (асинхронность) между философским, концептуальным осмыслением конституции и системы конституционализма в целом, *с одной стороны*, и государственно-властной правореализационной деятельностью – *с другой*.

Наука здесь зачастую оказывается не востребованной практикой, что в конечном счете приводит к философско-мировоззренческой эклектике, но не на уровне конституционных форм закрепления ценностных начал нашего развития, а при осуществлении законодательной, исполнительной, судебной власти.

Считаем, уже поэтому необходимо понимание того, что философия современного российского конституционализма – это не некая спекулятивная метафизическая юриспруденция, а мировоззренческая основа соединения теории и практики развития общества и государства на основе верховенства права и в соответствии с ценностями конституционализма.

И тем более ценной представляется новая книга проф. Н.М. Добрынина, поскольку в ней удачно сочетаются как традиционные подходы к изложению учебно-методических материалов по отечественному конституционному праву, так и выраженное стремление автора побудить прежде всего обучающихся к критическому осмыслению происходящих в обществе процессов именно с позиций философии современного российского конституционализма, его мировоззренческой парадигмы. В этом нашел свое практическое подтверждение тот факт, что конституционное право во всех трех его ипостасях (как отрасль правовой системы, как юридическая наука и как учебная дисциплина) обладает уникальными качествами, является безусловной конституционной ценностью в нормативно-правовом (регулятивном), научно-доктринальном, профессионально-образовательном плане.

Отметим, подводя итог, что представленное проф. Н.М. Добрыниным учебно-методическое пособие насыщено необходимым теоретическим и практическим материалом, которому в необходимых случаях дается аргументированная авторская, сугубо юридическая интерпретация. Кроме методических материалов, содержащих, в частности, указания на дополнительно рекомендуемую литературу, правовые позиции Конституционного Суда РФ по соответствующим вопросам, статистические ресурсы сети Интернет, в работе также содержатся основные биографические сведения о российских ученых, государственных и общественных деятелях, внесших значительный вклад в историю российской Конституции (в широком понимании данного явления) и в целом конституционализма в нашей стране: это весьма важный в методическом отношении раздел, поскольку без знания хотя бы основных сведений о жизненном и профессиональном пути тех, чьи идеи сегодня в той или иной степени находят воплощение в реальной практике конституционализма, невозможно получить адекватное представление о глубинных мотивах и факторах, под воздействием которых эти идеи рождались, вырабатывались и реализовывались.

Нельзя не обратить внимание также на то, что подготовленное проф. Н.М. Добрыниным учебно-методическое пособие имеет выраженную теоретическую и методическую связь с другими значимыми учебно-методическими разработками автора, опубликованными им в 2015–2019 гг.[3] Все указанные работы автора, включая новое учебно-методическое пособие «Конституция России: настоящее и будущее. Современная версия новейшей истории государства», теперь представляют собой в этом смысле полноценный и полновесный комплекс учебно-методического обеспечения преподавания конституционного права России.

Дело, однако, не только в том, что разработанное проф. Н.М. Добрыниным учебно-методическое пособие будет широко востребовано студентами, аспирантами и преподавателями, государственными и муниципальными служащими, практикующими специалистами. В данном случае имеет место весьма удачное сочетание триединых ценностных характеристик конституционного права: *а) как отрасли, ядра правовой системы* Российской Федерации, которые получили закрепление,

[3] См. об этом: *Добрынин Н.М.* Теория и практика федерализма. Современная версия новейшей истории государства: учеб.-метод. комплекс. 4-е изд., перераб. и доп. Новосибирск, 2015; *Его же.* Конституционное (государственное) право Российской Федерации. Современная версия новейшей истории государства: учеб.: в 2 т. Новосибирск, 2015–2016; *Его же.* Конституционное (государственное) право Российской Федерации. Современная версия новейшей истории государства: учеб. пособие. 5-е изд., перераб. и доп. Новосибирск, 2017; *Его же.* Основы конституционного права Российской Федераций: 100 вопросов и ответов. Современная версия новейшей истории государства: практическое руководство. 5-е изд., перераб. и доп. Новосибирск, 2018; Государственное управление: эффективность и качество. Современная версия новейшей истории государства: учеб. Новосибирск, 2019.

в частности, в конституционных поправках 2020 г.; *б) как юридической науки*, имея в виду прежде всего вытекающие из конституционных новаций 2020 г. принципиально новые методологические, философско-правовые, политико-мировоззренческие проблемы современного конституционализма; *в) как учебной дисциплины,* которая имеет особое значение в обеспечении конституционализации всей системы юридического образования, в решении задач по реализации современной модели подготовки юристов XXI в[4]., но не на основе перманентных процессов реформирования, в частности, с ориентацией на т.н. Болонский процесс с его космополитическими иллюзиями 90-х годов прошлого века, а в русле национальных философско-мировоззренческих основ юридического образования[5], на что нацеливают в т.ч. и конституционные поправки 2020 г.

К этим вопросам проф. Н.М. Добрынин подходит с учетом общей тенденции современного правового развития, повышения роли конституций и конституционного права в национальных правовых системах в условиях правовой глобализации. При этом важен реализованный автором взвешенный, а порой и «читаемый между строк» конструктивно-критический взгляд на вытекающие из отдельных конституционных новаций 2020 г. новые проблемы современного конституционного развития России, как, например, касающиеся пределов конституционного регулирования (с. 166, 167), вытекающих из этого вопросов поиска баланса между основным и детальным, общим и частным в тексте юридической Конституции (с. 168), и т.д. И это вполне нормально, если отдельные авторские размышления на этот счет (например, о реализации идей субсидиарности в новой конституционной парадигме местного самоуправления, с. 176–178) могут вызвать вопросы, потребовать дальнейших исследований. Впрочем, в книге не случайно содержатся, как уже отмечалось, подразделы, содержащие сформулированные ученым тезисы для осмысления и дальнейших дискуссий. Очевидно, что конституционно-правовая наука пока находится на начальном этапе осмысления конституционных новелл 2020 г. Дискуссии будут продолжаться, в т.ч. благодаря новому весьма содержательному новаторскому произведению проф. Н.М. Добрынина.

[4] См. об этом: *Бондарь Н.С.* Российское конституционное право в ценностном измерении: как правовой отрасли, юридической науки, учебной дисциплины // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 4–13.

[5] См.: *Бондарь Н.С.* Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и космополитические иллюзии. Сер. «Библиотечка судебного конституционализма». М., 2014. Вып. 3.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бондарь Н.С.* Гармонизация юридических и нравственно-этических начал Конституции: практика конституционного правосудия // Журнал конституционного правосудия. 2018. № 1 (61). С. 6–16.
2. *Бондарь Н.С.* Конституционные ценности и политика: конституционализация политики, но не политизация конституционных ценностей // Журнал конституционного правосудия. 2016. № 1 (49). С. 23–30.
3. *Бондарь Н.С.* Российское конституционное право в ценностном измерении: как правовой отрасли, юридической науки, учебной дисциплины // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 4–13.
4. *Бондарь Н.С.* Российское юридическое образование как конституционная ценность: национальные традиции и космополитические иллюзии. Сер. «Библиотечка судебного конституционализма». М., 2014. Вып. 3.
5. *Брежнев О.В.* Конституционная реформа 2020 года и развитие конституционного правосудия в России // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 7. С. 3–6.
6. *Добрынин Н.М.* Государственное управление: эффективность и качество. Современная версия новейшей истории государства: учеб. Новосибирск, 2019.
7. *Добрынин Н.М.* Конституционное (государственное) право Российской Федерации. Современная версия новейшей истории государства: учеб.: в 2 т. Новосибирск, 2015–2016.
8. *Добрынин Н.М.* Конституционное (государственное) право Российской Федерации. Современная версия новейшей истории государства: учеб. пособие. 5-е изд., перераб. и доп. Новосибирск, 2017.
9. *Добрынин Н.М.* Конституция России: настоящее и будущее. Современная версия новейшей истории государства. Новосибирск, 2020.
10. *Добрынин Н.М.* Основы конституционного права Российской Федераций: 100 вопросов и ответов. Современная версия новейшей истории государства: практическое руководство. 5-е изд., перераб. и доп. Новосибирск, 2018.
11. *Добрынин Н.М.* Теория и практика федерализма. Современная версия новейшей истории государства: учеб.-метод. комплекс. 4-е изд., перераб. и доп. Новосибирск, 2015.
12. *Клишас А.А.* 2020 год: законодательные итоги и конституционная реформа. URL: https://rg.ru/2020/12/12/ klishas-socorientirovannost-v-deiatelnosti-organov-vlasti-uzhe-oshchutima.html
13. *Кряжков В.А.* Как конституционная реформа 2020 года изменила Конституционный Суд Рос-

сийской Федерации // Государство и право. 2020. № 9. С. 18–32. DOI: 102694520011399-9-1

14. *Пинчук А.П.* О соотношении международного права и национального права РФ в контексте конституционной реформы 2020 г. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-mezhdunarodnogo-prava-i-natsionalnogo-prava-rf-v-kontekste-konstitutsionnoy-reformy-2020-g

REFERENCES

1. *Bondar N.S.* Harmonization of legal and moral-ethical principles of the Constitution: the practice of constitutional justice // Journal of Constitutional Law. 2018. No. 1 (61). P. 6–16 (in Russ.).
2. *Bondar N.S.* Constitutional values and politics: the constitutionalization of politics, but not the politicization of constitutional values // Journal of Constitutional Justice. 2016. No. 1 (49). P. 23–30 (in Russ.).
3. *Bondar N.S.* Russian Constitutional Law in the value dimension: as a legal branch, legal science, academic discipline // Constitutional and Municipal Law. 2013. No. 11. P. 4–13 (in Russ.).
4. *Bondar N.S.* Russian legal education as a constitutional value: national traditions and cosmopolitan illusions. Ser. "Library of judicial constitutionalism". M., 2014. Issue 3 (in Russ.).
5. *Brezhnev O.V.* Constitutional reform of 2020 and the development of constitutional justice in Russia // Constitutional and Municipal Law. 2020. No. 7. P. 3–6 (in Russ.).
6. *Dobrynin N.M.* Public administration: efficiency and quality. The modern version of the recent history of the state: textbook. Novosibirsk, 2019 (in Russ.).
7. *Dobrynin N.M.* Constitutional (State) Law of the Russian Federation. A modern version of the recent history of the state: textbook: in 2 vols. Novosibirsk, 2015–2016 (in Russ.).
8. *Dobrynin N.M.* Constitutional (State) Law of the Russian Federation. A modern version of the recent history of the state: training manual. 5th ed., rev. and add. Novosibirsk, 2017 (in Russ.).
9. *Dobrynin N.M.* The Constitution of Russia: the present and the future. Modern version of the recent history of the state. Novosibirsk, 2020 (in Russ.).
10. *Dobrynin N.M.* Fundamentals of the Constitutional Law of the Russian Federation: 100 questions and answers. A modern version of the recent history of the state: a practical guide. 5th ed., reprint. and add. Novosibirsk, 2018 (in Russ.).
11. *Dobrynin N.M.* Theory and practice of federalism. A modern version of the recent history of the state: studies.– method. the complex. 4th ed., reprint. and add. Novosibirsk, 2015 (in Russ.).
12. *Klishas A.A.* 2020: legislative results and constitutional reform. URL: https://rg.ru/2020/12/12/klishas-socorientirovannost-v-deiatelnosti-organov-vlasti-uzheoshchutima.html (in Russ.).
13. *Kryazhkov V.A.* How the constitutional reform of 2020 changed the Constitutional Court of the Russian Federation // State and Law. 2020. No. 9. P. 18–32. DOI: 102694520011399-9-1 (in Russ.).
14. *Pinchuk A.P.* On the correlation of International Law and national law of the Russian Federation in the context of the constitutional reform of 2020. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-mezhdunarodnogo-prava-i-natsionalnogo-prava-rf-v-kontekste-konstitutsionnoy-reformy-2020-g (in Russ.).

Сведения об авторе

БОНДАРЬ Николай Семенович –
доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке, главный научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; 117218 г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34

Authors' information

BONDAR Nikolay S. –
Doctor of Law, Professor, Honored scientist of the Russian Federation, Honored lawyer of the Russian Federation, retired judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, chief researcher of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., 117218 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 9, с. 50–57
STATE AND LAW, 2021, № 9, pp. 50–57

УДК 347.7+36(001.8)

КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ БИЗНЕСА: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

© 2021 г. Р. И. Газизуллин

Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: rishat.gazizullin@kpfu.ru

Поступила в редакцию 12.05.2021 г.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с социально-правовой ответственностью бизнеса. В частности, автором утверждается, что концепция социальной ответственности бизнеса представляет собой идеологический конструкт, наполненный смыслами, сформированными на протяжении почти двух столетий в результате научной рефлексии отношений между бизнесом, государством и обществом. Предпринята попытка представить данную концепцию как относительно самостоятельную форму организации знания. Подчеркивается, что траектории правовых исследований должны отвечать запросам не только государства, но и общества, личности, одним из которых является потребность установления справедливых начал не только в соблюдении прав, но и обязанностей, ответственности перед личностью и государством. Стремление права к упорядочиванию общественных отношений при помощи нормирования поведения не только физических, но и юридических лиц, демонстрирует обращение к наивысшим нравственно-этическим категориям, одной из которых является «ответственность».

Ключевые слова: теория права, концепт, методология, бизнес, социально-правовая ответственность, социальная ответственность, юридическая ответственность, морально-этические нормы, нравственные основы права, этика бизнеса.

Цитирование: *Газизуллин Р.И.* Концепция социально-правовой ответственности бизнеса: методологический дискурс // Государство и право. 2021. № 9. С. 50–57.

DOI: 10.31857/S102694520016727-0

THE CONCEPT OF SOCIAL AND LEGAL RESPONSIBILITY OF BUSINESS: METHODOLOGICAL DISCOURSE

© 2021 R. I. Gazizullin

Kazan (Volga Region) Federal University

E-mail: rishat.gazizullin@kpfu.ru

Received 12.05.2021

Abstract. The article examines problematic issues related to the social and legal responsibility of business. In particular, the author argues that the concept of social responsibility of business is an ideological construct filled with meanings formed over almost two centuries as a result of scientific reflection on the relationship between business, state and society. An attempt has been made to present this concept as a relatively independent form of knowledge organization. It is emphasized that the trajectories of legal research must meet the needs of not only the state, but also society, the individual, one of which is the need to establish fair principles not only in respect of rights, but also obligations, responsibility to the individual and the state. The desire of law to streamline social relations by means of standardizing the behavior of not only individuals, but also legal entities, demonstrates movement and appeal to the highest moral and ethical categories, one of which is «responsibility».

Key words: theory of law, concept, methodology, business, social and legal responsibility, social responsibility, legal responsibility, moral and ethical standards, moral foundations of law, business ethics.

For citation: *Gazizullin, R.I. (2021).* The concept of social and legal responsibility of business: methodological discourse // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 50–57.

Современные проблемы эпохи неопределенности, неустойчивости и паллиативности в правовом регулировании общественных отношений ставят перед юридической наукой новые задачи поиска и обоснований актуальных для проистекающих реалий мировоззренческих подходов по упорядочиванию деятельности всевозможных социальных институтов. Транспарентность и динамичное развитие правовых систем способствуют целенаправленному расширению алгоритмов научных исследований, направленных на осмысление «правового» и «социального» в многомерном государственно-интегрированном пространстве с позиций признания, соблюдения и защиты прав граждан, их объединений и, собственно, самого государства.

Построение концепции социально-правовой ответственности всех субъектов правовых отношений (индивидуальных и коллективных), акцентирует внимание на различных теоретических и методологических аспектах обосновываемой модели в контекстах сближения многих идей гуманитарной науки к синтезу, всесторонности и междисциплинарности, без которых производство нового знания не представляется возможным.

Между тем преимущественно прикладной характер юридической науки[1], диктуемый как ранее, так и теперь, конъюнктурой рынка труда юристов, оставляет за рамками ее интересов происходящие фундаментальные преобразования в сфере доктринальных тенденций развития института ответственности и осмысления его в социогуманитарных контекстах. Эволюция государственности в условиях глобализации говорит о преобразовании правовой материи, где предопределяющими направлениями становятся: интернационализация прав человека; регионализация прав человека; постепенное «вытеснение» государства из сферы обеспечения экономических прав человека и возложение ответственности, в широком общегуманитарном смысле, на корпорации, прочно занявшие место в конституционных экономиках большинства стран[2]. В полной мере сказанное относится и к выстраиванию обозначенной концепции с уяснением и последующей типологизацией ответственности, демаркированием данного юридического и шире – социального института в рамках изучения заявленной проблематики.

С отмеченных позиций социально-правовая ответственность бизнеса как относительно новое явление (понятие, система) в российском правоведении рассматривается нами в диапазонах исследований гражданского права и шире – общей теории права. Последняя – как «комплексная междисциплинарная наука», исторически формировавшаяся в философском, социологическом, психологическом, экономическом и других научных подходах[3], «вбирает» в себя широкий круг общенаучной проблематики. Ныне траектории правовых исследований должны отвечать запросам не только государства, но и общества, личности, одним из которых является потребность установления справедливых начал не только в соблюдении прав, но и обязанностей, ответственности перед личностью и государством. Становясь одним из ключевых вопросов социогуманитарной, в т.ч. правовой науки, эта социальная и юридическая ответственность представляет собой и субъективную форму, инициирующую социально полезное поведение субъектов права и объективную необходимость согласованности порядка. Стремление права к упорядочиванию общественных отношений при помощи нормирования поведения не только физических, но и юридических лиц (в науке международного права принято говорить и о поведении государств), демонстрирует движение и обращение к наивысшим нравственно-этическим категориям, одной из которых является «ответственность». Возросший запрос, как отмечено, на социальную справедливость почти не предполагает диспропорций в распределении равных обязанностей, а также

[1] См.: *Кроткова Н.В.* История и методология юридической науки («Круглый стол» кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и журнала «Государство и право») // Государство и право. 2016. № 4. С. 5–31; *Батюк В.И., Галузо В.Н.* «Прикладная юриспруденция» или комплексное правоприменение в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2018. № 9. С. 47–53; *Галузо В.Н.* Юридическая наука в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Социально-гуманитарное знание как катализатор общественного развития: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. 31 мая 2019 г.: в 2 ч. / под общ. ред. Е.П. Ткачевой. Белгород, 2019. Ч. II. С. 33–40; *Жуков В.Н.* Юридическая наука // Жуков В.Н. Философия права. Словарь. 2-е изд., дор. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. М., 2021. С. 868–883; *Экимов А.И.* Доверие к юридической науке в России: методологические и праксеологические проблемы // Государство и право. 2021. № 6. С. 63–72.

[2] См.: *Марченко М.Н.* Глобализация и основные тенденции развития национальных и наднациональных государственно-правовых систем в XXI веке. М., 2019.

[3] См.: *Жуков В.Н.* Юриспруденция как наука: возвращение к забытым истинам // Государство и право. 2017. № 9. С. 5–24.

апеллирует к ответственности государства и бизнеса в части их социальных обязательств (обязанностей), на которые должна реагировать современная правовая мысль.

Задавшись целью описания и объяснения правовых аспектов социальной и правовой ответственности бизнеса с тем, чтобы выстроить на этой основе соответствующую концепцию, мы отдаем безусловное предпочтение такому методологическому инструменту, как концепт. Наш выбор обусловлен тремя обстоятельствами:

во-первых, это дает возможность эффективно упорядочить междисциплинарное поле экономики и права, построить необходимые объяснительные схемы;

во-вторых, помогает сформировать определенный способ видения фактов, вовлеченных в предпринятое нами исследование и релевантных его цели и задачам;

в-третьих, посредством оперирования концептами получаем широкую перспективу дальнейших исследований в данном направлении.

Отметим, что важными отличительными признаками концепта являются следующие его теоретические элементы:

1) функционально-смысловая нагруженность (это своего рода устойчивый «сгусток смысла»);

2) фрагментарная множественность составляющих, которые, тем не менее, являют собой целостность (концепт «схватывает» некоторый порядок и связывает разнообразие в единство, в котором можем проследить путь формирования разных смыслов, в конце концов объединенных в данном концепте);

3) способность различных концептов к соотнесению, связности друг с другом, что обусловливает возможность перехода концептов в иные предметные области знания (в данном случае это экономика и право).

Обладая перечисленными признаками, концепты могут выступать в роли системообразующих элементов концепций. Проблематика их создания в свое время была затронута И. Кантом, утверждавшим, что следует различать, с одной стороны, познавательную деятельность в рамках опыта, а с другой – ту категориальную структуру, которая организует этот опыт, придает ему однородность, непрерывность и формальное единство. Иными словами, наш опыт эмпирически реален до бесконечности, и мы можем сколь угодно долго, продолжительно познавать различные его предметы, однако успешно структурировать все познанное и затем свести в единую картину мира можно лишь при условии, что мы используем для рефлексии некие категориальные структуры сознания, как бы «раскладывая по полочкам» все то, что накоплено в опыте.

Концепция в европейской культурной традиции – это научно-познавательное построение: некая умозрительная система, воплощающая определенный способ понимания каких-либо феноменов и репрезентирующая ту или иную идею (совокупность идей) как конструктивный принцип, способствующий полному познанию окружающего мира и отдельных его объектов, находящихся в поле зрения исследователя. Концепция – креатура автора, она всегда несет отпечаток сложившейся культуры научного труда, индивидуального стиля научного мышления и методологического выбора исследователя.

Все многообразие концептов «схватывается» в концепции на более высоком уровне, обеспечивающем интеграцию и систематизацию конкретных знаний, полученных в различных областях научного поиска. Как способ оформления, организации и развертывания того или иного дисциплинарного знания, концепция вводит в данную область исходные принципы, которыми, в свою очередь, предопределяются и базисные схемы рассуждений, и понятия-концепты, а также формируются идеи в обоснование специальных утверждений, фиксирующих в дальнейшем новое знание.

С учетом приведенных выше положений можем представить концепцию как относительно самостоятельную форму организации знания. Концепция:

а) воплощает собой определенный способ видения изучаемого объекта;

б) репрезентирует идею как конструктивный принцип создания определенной картины мира;

в) очерчивает возможные в заданных рамках горизонты познания;

г) онтологизирует в базисной теоретической структуре компоненты личностного знания[4].

В понятии концепции особо акцентируем внимание на двух аспектах: во-первых, это «моментальность» «схватывания», во-вторых, его диалектическая соотносительность и целостность. Концепция обладает открытостью к новым смыслам, допускает их формирование и развитие на базе уже имеющихся концептов, которым свойственна обусловленная данной культурой устойчивость, повторяемость, фиксируемость смысловых единиц, в целом обеспечивающих познавательный образ мира.

Все обозначенные свойства концепта и концепции как элементов научного дискурса представляют несомненный интерес для предпринятого нами

[4] См.: *Неретина С.С., Огурцов А.П.* Концепция // Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 308, 309.

исследования, отправная точка которого – концепция социальной и правовой ответственности бизнеса.

В нашем понимании концепция социальной ответственности бизнеса – это методологически выстраиваемая форма организации междисциплинарного знания, то есть такой познавательной области, где доминирующее направление развития задают представители не одной, а разных наук, и их общими усилиями достигается результат комплексного характера, имеющий теоретическую и практическую значимость, соответственно, с позиций философии, экономики, права и др. Анализу и разработке данной концепции в ее правовом осмыслении посвящено дальнейшее изложение.

Определим, что концепция социальной и правовой ответственности бизнеса – это способ междисциплинарного понимания, репрезентации и объяснения сферы предпринимательства, интегрированный посредством идеи общего блага, достижимого в процессе сбалансированного встраивания экономики в общество и социальный порядок при помощи права.

Предпринятое исследование проводится как концептуальный анализ правовых аспектов данного феномена, объединенных под общим именованием «правовая концепция социально-правовой ответственности бизнеса». В самом широком смысле объектом исследования является научная рефлексия по поводу гармоничного существования человека в структуре «бизнес – государство – общество». В узкоюридическом смысле – дискурс в нормативную сферу с выявлением механизмов ответственности для бизнеса, имеющих и регулятивное и охранительное значение.

Как представляется, предложенная нами интерпретация находится в рамках конституционной экономики, т.е. экономики, направленной на удовлетворение экономических и социальных прав, гарантированных Конституцией РФ. О возникновении и развитии концепции социальной ответственности бизнеса можно говорить в общем плане, в широком контексте генезиса человеческой способности рефлексировать, конструировать смыслы и оперировать ими для достижения сознательно поставленных целей.

В узком смысле следует сконцентрироваться на методологической верификации этой способности, а именно в глубинах экономической, социально-политической, финансовой и правовой мысли XX столетия, особенно второй его половины, когда сформировались направления исследований, определившие понятие социальной ответственности бизнеса, его природу и практическую реализацию в жизни общества, в т.ч. посредством изучения законодательного массива. Очевидно, что подобное обособление и дальнейшее развитие концепции социальной ответственности бизнеса стало возможным лишь в социокультурной системе определенного исторического типа, на такой стадии цивилизации, когда окончательно наступила эпоха корпораций, доминантных в деловом секторе, впечатляющих своими размерами и всемирной известностью. Что же касается правовой (юридической) ответственности, то ее предназначение, претерпевая существенные модификации, также как останавливает на себе пристальное внимание юридического научного сообщества, так и требует дальнейшего совершенствования.

На протяжении целого столетия, вплоть до середины XX в., усиливалась и становилась особенно яркой эмпирическая очевидность обстоятельств, в конце концов послуживших источником первых теоретических обобщений по поводу социальной ответственности бизнеса.

Представляется, что одним из первых в социогуманитарной науке обозначившим проблему социальной ответственности владельцев частной собственности было марксистское учение. Изучая непреходящие противоречия между общественным характером производства и частным капиталистическим способом присвоения результатов труда, его основатели акцентировали внимание на социальной ответственности представителей, как бы мы сейчас сказали, бизнеса. Данный социальный проект не теряет своей актуальности, приобретая адептов различных концепций социального и правового государства в рамках признания, соблюдения и защиты конституционных прав человека и гражданина[5]. Позднее американский экономист Горвард Боуэн в известной работе «Социальная ответственность бизнесмена» (1953) отмечает, что социальная ответственность заключается в «принятии таких решений либо следовании такой линии поведения, которые были бы желательны с позиций целей и ценностей общества»[6].

Несколько десятилетий, как отмечал А.С. Бондарев, в юридической науке не наблюдается попыток соединения различных концепций юридической ответственности. Продолжая понимать ее как: ответственность за совершенное правонарушение, реализацию санкций (О.Э. Лейст, Л.С. Явич); меру государственного принуждения (И.С. Самощенко, М.Х. Фарукшин); наказание (Н.С. Малеин); обязанность претерпевать лишение (С.С. Алексеев) и т.д., в то же время совершенно упускается из вида

[5] См.: *Khazoeva N.O., Khaziev A.K., Klyushina E.V., Stepanenko G.N., Stepanenko R.F.* Marxism in the modern world: social-philosophical analysis. Utopia y Praxis Latinoamericana. 2019. Т. 24. No. 5. С. 51–56.

[6] Цит. по: *Горошилов А.А., Карибов А.П.* Эволюция концепции социальной ответственности бизнеса // Вестник ВолГУ. 2007. Сер. 3. Вып. 11. С. 139.

субъективная сторона ответственности, ее психические компоненты, осознание субъектами права своих юридических обязанностей и др. (Д.А. Липинский, Ф.И. Хамидуллина[7]). Признание позитивной стороны юридической ответственности (осмысление ее ценности для своих и общественных интересов), а не только ретроспективного ее значения, превращает данную категорию в фундаментальную, подчеркивая ее социальное, нравственно-психологическое и гражданское предназначение[8], что важно для построения нашей теоретической модели.

Было установлено, в частности, что социальная ответственность корпораций проявляется там и тогда, где и когда менеджмент принимает решения, мотивированные не столько прямым экономическим или техническим интересом фирм, сколько стремлением приобрести и наращивать положительный репутационный вес за счет активного участия в решении социальных проблем общества, с которыми государство справляется недостаточно эффективно. Опыт свидетельствовал, что подобная стратегическая линия менеджмента имеет долгосрочную перспективу всеобщего устойчивого развития и благополучия.

В таком ключе представлен следующий эволюционный этап концепции социальной ответственности бизнеса, хронологически определяемый серединой 70 – началом 80-х годов прошлого века. Вместо абсолютизации максимальной прибыли было предложено сконцентрировать усилия на том ее уровне, который обеспечивал бы соответствие экономическим, правовым, этическим и дискреционным ожиданиям, которые общество предъявляет корпорациям в данный период времени. Эти идеи получили обоснование в трудах А. Кэрролла и его последователей, доказавших, что «использование в корпоративных стратегиях принципов социальной ответственности увеличивает адаптивность и эффективность предпринимательской системы, с одной стороны, и повышает статус предприятия в глазах общества и государства, с другой стороны»[9].

К тому же периоду относится интеллектуальное обогащение концепции социальной ответственности бизнеса за счет теории «этики бизнеса», сформировавшейся в США и в ряде государств Западной Европы. Этические вопросы ведения бизнеса приобрели актуальность на фоне участившихся проявлений коррупции, касались воспитания бизнесменов в духе «этического сознания», трактовавшегося с позиций этики утилитаризма, этики долга (деонтической этики) и этики справедливости.

Их рассмотрение составило бы предмет целого ряда специальных исследований, находящихся за рамками поставленных нами задач. Здесь ограничимся лишь общим замечанием, что именно на втором этапе эволюции концепции социальной ответственности бизнеса произошло своего рода наращивание смыслов, их приращение за счет весомого этического компонента, когда и деловой мир, и научное сообщество пришли к убеждению о невозможности отделить поведение хозяйствующих субъектов от его истинной мотивации, направленности на достижение целей добра либо каких-то иных, этически не оправданных целей. Такая постановка вопроса дает возможность изучать нравственные основания права (конституционного, уголовного, гражданского, административного и т.д.), что ныне реализуется успешно в юридической науке[10].

Добавим кстати, что события, связанные с пандемией COVID-19, в очередной раз подтвердили важность не только этических, но и правовых смыслов концепции социальной ответственности бизнеса. Так, по данным мониторинга ФАС, в Российской Федерации к апрелю 2020 г. средняя цена медицинских масок и антисептиков выросла по сравнению с «доковидным» началом года почти втрое[11]. Вправе ли производители медицинских товаров воспользоваться неблагоприятной эпидемиологической ситуацией в условиях пандемии, чтобы увеличить прибыль? Можно ли считать подобную бизнес-модель социально ответственной и этически приемлемой? Повлияла ли она на репутацию производителей, и если да, то в какой мере? А может быть, такие кейсы целесообразно регулировать на законодательном уровне? Эти и другие похожие вопросы, поставленные в связи с этическим обоснованием концепции социальной ответственности бизнеса, остаются во многом риторическими и пока еще ждут своего решения, в т.ч. в сугубо юридических контекстах.

---

[7] См.: *Хамидуллина Ф.И.* Этический компонент в мировоззрении юриста // Казанская наука. 2013. № 4. С. 167–169.

[8] См.: *Бондарев А.С.* Юридическая ответственность – исключительно позитивное свойство субъектов права // Правоведение. 2008. № 1. С. 133–144; *Малько А.В., Кроткова Н.В., Липинский Д.А.* Обзор Всероссийской научно-практической конференции в форме «круглого стола» журналов «Государство и право», «Правовая политика и правовая жизнь», «Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки» «Правовая политика в сфере юридической ответственности» // Государство и право. 2018. № 2. С. 106–115.

[9] *Горошилов А.А., Карибов А.П.* Указ. соч. С. 140.

[10] См.: *Хамидуллина Ф.И.* Этическая концепция гражданского права // Ученые записки Казанского ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155, кн. 4. С. 184–188; *Вайпан В.А.* Теория справедливости: право и экономика. М., 2017.

[11] См.: Мониторинг цен на медицинские маски // Официальный сайт ФАС // https://fas.gov.ru/pages/monitoring-cen-na-maski (дата обращения: 17.02.2021).

На самом деле высокая рискогенность отмеченной ситуации акцентирует внимание уже не только на роли государства и его ответственности в преодолении возникших сложнейших социально-экономических проблем. Все более обостряющаяся ситуация с рисками предпринимательства, обязательственными и страховыми рисками подчеркивает необходимость и целесообразность концептуального осмысления способов и механизмов распределения рисков в гражданском обороте, особенно исходящим из-за пределов юрисдикции Российской Федерации. Осознанное допущение и прогнозирование возможных негативных последствий, способных повлечь нарушение социальных и экономических прав граждан требует принятия на себя ответственности бизнеса. В этой связи прогностическая роль выстраиваемой концепции становится и обладает превентивными свойствами, подчеркивающими социальное значение права и экономики[12]. Необходимость перспективных исследований в изучении, прогнозировании и предвидении рисков в социально-правовой сфере с точки зрения определения ответственности субъектов правоотношений, установления компенсаторных средств в праве и др.[13], справедливо подчеркивает Ю.А. Тихомиров. В данном смысле концептуальный подход к проблемам социально-правовой ответственности бизнеса представляется своевременным.

Есть веские основания полагать, что мы являемся свидетелями расширения обозначенного концептуального каркаса. Развитие общепринятых двух пониманий социальной ответственности, сложившихся в экономической литературе: с одной стороны, сюда относится вся социальная деятельность компании, направленная во внешнюю среду с целью создать благоприятный имидж; с другой – включается внутренняя деятельность, обеспечивающая предоставление разнообразных социальных благ работникам компании[14], подчеркивает интегральный интерес и экономической, и юридической наук.

Преемственность и эволюция идей, обоснованных на том или ином этапе развития концепции социальной ответственности бизнеса, отчетливо видна и в нормативной сфере, например, в «Руководстве по социальной ответственности». Это национальный стандарт Российской Федерации, введенный 15 марта 2013 г., идентичный международному стандарту ИСО 26000:2010 «Руководство по социальной ответственности» (ISO 26000:2010 “Guidance on social responsibility”)[15].

Документ констатирует, в частности, что «мировой опыт деятельности организаций и сторон, заинтересованных в успехе этой деятельности, способствует все большему осознанию потребности в социально ответственном поведении и его преимуществ. Целью социальной ответственности является содействие устойчивому развитию»[16].

Констатация такого положения дел на уровне международных и национальных стандартов является, по нашему мнению, своего рода итогом развития представлений о взаимоотношениях бизнеса, общества и государства в достижении общей цели благосостояния и процветания.

* * *

Предпринятый нами анализ процессов возникновения и развития концепции социальной и правовой ответственности бизнеса показывает, что необходимой предпосылкой ее формирования послужило углубленное осмысление опыта индустриальной эпохи, отмеченной не только очевидными технологическими успехами, но и беспрецедентной поляризацией социума, ростом экономического неравенства и несовершенством законодательной сферы. Что же касается собственно процессов формирования концепции, то они отмечены общей тенденцией перехода от эмоциональных оценок и критического анализа к усилению рационализма, аксиологических и прагматических аспектов исследования.

Таким образом, эволюцию концепции социальной правовой ответственности бизнеса можно образно представить в виде ветвящегося дерева, дающего такие «побеги», которые уже существенно «переросли» границы решения собственно управленческих, экономических и юридических проблем. Обозначенная идея построения концепции социальной и правовой ответственности бизнеса являет собой значительным образом идеологический конструкт, наполненный смыслами, сформированными на протяжении почти двух столетий в результате научной рефлексии отношений между бизнесом, государством и обществом.

В эволюции концепции отмечена общая тенденция перехода от эмоциональных оценок и критического анализа к усилению рационализма, аксиологических и прагматических аспектов исследования

[12] См.: Степаненко Р.Ф. Правовые риски как предмет исследования общей теории права: проблемы и перспективы методологии междисциплинарности // Государство и право. 2018. № 6. С. 13–22.

[13] См.: *Тихомиров Ю.А.* Прогнозы и риски в правовой сфере // Журнал росс. права. 2014. № 3 (207). С. 5–16.

[14] См.: *Горошилов А.А., Карибов А.П.* Указ. соч. С. 141.

[15] См.: ГОСТ Р ИСО 26000–2012 «Руководство по социальной ответственности»: национальный стандарт Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://docs.cntd.ru/document/1200097847 (дата обращения: 17.02.2021).

[16] Там же.

посредством методологии междисциплинарности, значение которой для социогуманитаристики вряд ли оспоримо.

Концепция социальной ответственности бизнеса может быть схематично представлена в виде «дерева смыслов», отдельные ответвления которого отражают экономические, этические, аксиологические и прагматические аспекты ведения бизнеса. При этом все заложенные в концепции смыслы являются открытыми для дальнейшего развития в междисциплинарном поле. Одним из наиболее перспективных направлений смыслового развития концепции социальной ответственности бизнеса считаем юридическое – ему и будет посвящено дальнейшее исследование автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Батюк В.И., Галузо В.Н.* «Прикладная юриспруденция» или комплексное правоприменение в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2018. № 9. С. 47–53.
2. *Бондарев А.С.* Юридическая ответственность – исключительно позитивное свойство субъектов права // Правоведение. 2008. № 1. С. 133–144.
3. *Вайпан В.А.* Теория справедливости: право и экономика. М., 2017.
4. *Галузо В.Н.* Юридическая наука в Российской Федерации: состояние и перспективы развития // Социально-гуманитарное знание как катализатор общественного развития: сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. 31 мая 2019 г.: в 2 ч. / под общ. ред. Е.П. Ткачевой. Белгород, 2019. Ч. II. С. 33–40.
5. *Горошилов А.А., Карибов А.П.* Эволюция концепции социальной ответственности бизнеса // Вестник ВолГУ. 2007. Сер. 3. Вып. 11. С. 139–141.
6. *Жуков В.Н.* Юридическая наука // Жуков В.Н. Философия права. Словарь. 2-е изд., дор. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. М., 2021. С. 868–883.
7. *Жуков В.Н.* Юриспруденция как наука: возвращение к забытым истинам // Государство и право. 2017. № 9. С. 5–24.
8. *Кроткова Н.В.* История и методология юридической науки («Круглый стол» кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и журнала «Государство и право») // Государство и право. 2016. № 4. С. 5–31.
9. *Малько А.В., Кроткова Н.В., Липинский Д.А.* Обзор Всероссийской научно-практической конференции в форме «круглого стола» журналов «Государство и право», «Правовая политика и правовая жизнь», «Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки» «Правовая политика в сфере юридической ответственности» // Государство и право. 2018. № 2. С. 106–115.
10. *Марченко М.Н.* Глобализация и основные тенденции развития национальных и наднациональных государственно-правовых систем в XXI веке. М., 2019.
11. *Неретина С.С., Огурцов А.П.* Концепция // Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 308, 309.
12. *Степаненко Р.Ф.* Правовые риски как предмет исследования общей теории права: проблемы и перспективы методологии междисциплинарности // Государство и право. 2018. № 6. С. 13–22.
13. *Тихомиров Ю.А.* Прогнозы и риски в правовой сфере // Журнал росс. права. 2014. № 3 (207). С. 5–16.
14. *Хамидуллина Ф.И.* Этическая концепция гражданского права // Ученые записки Казанского ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. 2013. Т. 155, кн. 4. С. 184–188.
15. *Хамидуллина Ф.И.* Этический компонент в мировоззрении юриста // Казанская наука. 2013. № 4. С. 167–169.
16. *Экимов А.И.* Доверие к юридической науке в России: методологические и праксеологические проблемы // Государство и право. 2021. № 6. С. 63–72.
17. *Khazoeva N.O., Khaziev A.K., Klyushina E.V., Stepanenko G.N., Stepanenko R.F.* Marxism in the modern world: social-philosophical analysis. Utopia y Praxis Latinoamericana. 2019. Т. 24. No. 5. С. 51–56.

REFERENCES

1. *Batyuk V.I., Galuzo V.N.* “Applied jurisprudence” or complex law enforcement in the Russian Federation // Law and the state: theory and practice. 2018. No. 9. P. 47–53 (in Russ.).
2. *Bondarev A.S.* Legal responsibility is an exclusively positive property of legal entities // Law studies. 2008. No. 1. P. 133–144 (in Russ.).
3. *Vaipan V.A.* Theory of justice: Law and Economics. M., 2017 (in Russ.).
4. *Galuzo V.N.* Legal science in the Russian Federation: the state and prospects of development // Socio-humanitarian knowledge as a catalyst for social development: collection of scientific works based on the materials of the International scientific and practical conference on May 31, 2019: in 2 parts / under the general editorship of E.P. Tkacheva. Belgorod, 2019. Part II. P. 33–40 (in Russ.).
5. *Goroshilov A.A., Karibov A.P.* Evolution of the concept of social responsibility of business // Herald of the

Volgograd state University. 2007. Ser. 3. Issue 11. P. 139–141 (in Russ.).

6. *Zhukov V.N.* Legal science // Zhukov V.N. Philosoph y of Law. Dictionary. 2nd ed., rev. and add. / ed. and comp. V.N. Zhukov. M., 2021. P. 868–883 (in Russ.).
7. *Zhukov V.N.* Jurisprudence as a science: a return to forgotten truths // State and Law. 2017. No. 9. P. 5–24 (in Russ.).
8. *Krotkova N.V.* History and methodology of legal science ("Round Table" of the Department of theory of state and law and political science of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow state University and the journal "State and Law") // State and Law. 2016. No. 4. P. 5–31 (in Russ.).
9. *Mal'ko A.V., Krotkova N.V., Lipinsky D.A.* Review of the All-Russian scientific and practical conference in the form of the "Round Table" of the journals "State and Law", "Legal policy and legal life", "Vector of Science of Togliatti state University. Series: Legal sciences" "Legal policy in the field of legal responsibility" // State and Law. 2018. No. 2. P. 106–115 (in Russ.).
10. *Marchenko M.N.* Globalization and the main trends in the development of national and supranational state-legal systems in the XXI century. M., 2019 (in Russ.).
11. *Neretina S.S., Ogurtsov A.P.* Concept // New philosophical encyclopedia. M., 2001. Vol. 2. P. 308, 309 (in Russ.).
12. *Stepanenko R.F.* Legal risks as a subject of research of the General theory of law: problems and prospects of the methodology of interdisciplinarity // State and Law. 2018. No. 6. P. 13–22 (in Russ.).
13. *Tikhomirov Yu.A.* Forecasts and risks in the legal sphere // Journal of Russ. law. 2014. No. 3 (207). P. 5–16 (in Russ.).
14. *Khamidullina F.I.* Ethical concept of Civil Law // Scientific notes of the Kazan University. Ser.: Humanities. 2013. Vol. 155, book 4. P. 184–188 (in Russ.).
15. *Khamidullina F.I.* The ethical component in the lawyer's worldview // Kazan science. 2013. No. 4. P. 167–169 (in Russ.).
16. *Ekimov A.I.* Trust in legal science in Russia: methodological and praxeological problems // State and Law. 2021. No. 6. P. 63–72 (in Russ.).
17. *Khazoeva N.O., Khaziev A.K., Klyushina E.V., Stepanenko G.N., Stepanenko R.F.* Marxism in the modern world: social-philosophical analysis. Utopia y Praxis Latinoamericana. 2019. Vol. 24. No. 5. P. 51–56.

Сведения об авторе

ГАЗИЗУЛЛИН Ришат Ильнурович –
кандидат экономических наук, доцент Института управления, экономики и финансов Казанского (Приволжского) федерального университета; 420008 г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18

Authors' information

GAZIZULLIN Rishad I. –
candidate of Economic Sciences, associate Professor at the Institute of Management, Economics and Finance, Kazan Federal (Volga Region) University; 18 Kremlevskaya str., 420008 Kazan, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 9, с. 58–64
STATE AND LAW, 2021, № 9, pp. 58–64

БЕЗУСЛОВНОЕ И УСЛОВНОЕ КАК КАТЕГОРИИ ДИАЛЕКТИКИ ПРАВА

© 2021 г. Г. Н. Уткин

Российская академия наук, г. Москва

E-mail: utkin-gn@yandex.ru

Поступила в редакцию 19.01.2021 г.

Аннотация. В статье раскрыта концептуальная, смыслообразующая роль категорий безусловного и условного в праве. При этом в центр внимания ставится их диалектическая взаимосвязь как друг с другом, так и с другими категориями. Диалектика безусловного и условного раскрывается посредством достижения единства трех этапов теоретического анализа, что позволяет представить безусловное и условное, с одной стороны, как моменты содержания всех понятий, посредством которых вообще выражается мысль о праве в самых разных аспектах и элементах; с другой стороны, вся совокупность категорий, включенных в диалектический анализ, предстает в качестве элементов содержания безусловного и условного как смысловых единиц, выражающих универсальные характеристики права в его особенности, выделенности из других форм общественной жизни.

Ключевые слова: безусловное, условное, категория, научное понятие, базовое правовое понятие, диалектика, право, правопонимание, универсальное.

Цитирование: *Уткин Г.Н.* Безусловное и условное как категории диалектики права // Государство и право. 2021. № 9. С. 58–64.

DOI: 10.31857/S102694520016728-1

UNCONDITIONAL AND CONDITIONAL AS CATEGORIES OF THE DIALECTIC OF LAW

© 2021 G. N. Utkin

Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: utkin-gn@yandex.ru

Received 19.01.2021

Abstract. The article reveals the conceptual, meaning-forming role of the categories of the unconditional and conditional in law. At the same time, their dialectical relationship with each other and with other categories is put in the center of attention. The dialectic of the unconditional and conditional is revealed by achieving the unity of the three stages of theoretical analysis, which allows us to present the unconditional and conditional, on the one hand, as the content of all concepts, through which the idea of law is generally expressed in various aspects and elements; on the other hand, the entire set of categories subject to dialectical analysis appears as elements of the content of the unconditional and conditional as semantic units that Express the universal characteristics of law in its features, isolation from other forms of social life.

Key words: unconditional, conditional, category, scientific concept, basic legal concept, dialectics, law, legal understanding, universal.

For citation: *Utkin, G.N. (2021).* Unconditional and conditional as categories of the dialectic of law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 58–64.

Посредством понятий, как известно, формируется сущностная характеристика права. Однако для этого пригодны не любые понятия. А именно, к ним не следует относить понятия, имеющие предметную привязку, обозначающие предметы или явления, т.е., говоря языком формальной логики, конкретные понятия. Категориальный смысл могут иметь только абстрактные понятия, выражающие мысль о тех или иных свойствах как таковых. Однако и они не все могут включаться в категориальное мышление, но лишь те, посредством которых выражена мысль об универсальных, предметно не привязанных (непредметных) свойствах. Ясно, что число категорий хоть и достаточно велико, но все же не столь обширно, как понятийный аппарат мышления, а потому и категориальный анализ, диалектический по своему методологическому оснащению, носит обозримый характер.

Категории можно отнести к смысловым единицам, имеющим общенаучный статус, поскольку они, выражая важные моменты всех типов связей объективных явлений, могут быть применены в познавательном процессе в любой предметной области. Безусловное и условное относятся к этим понятиям.

Поскольку в общеправовой теории понятийный каркас составляют именно такие единицы, постольку возникает объективная необходимость в диалектике как методологии, способе осмысления в т.ч. и права во всем многообразии его проявлений в пространственном, временном, историческом, культурном, антропологическом измерениях. А если это так, тогда данный тип понятий приобретает значимость и все характерные черты, присущие категориям диалектики.

В общеправовой теории раскрытие диалектических связей категорий принципиально важно: оно дает целостную картину предмета исследования на предельном уровне абстракции, раскрывают динамику, органичную связь смысловых единиц, посредством которой можно выразить мысль о праве как в его природе и сущности, так и на уровне совокупности проявлений.

Надо отметить, что проблемы диалектики в применении к праву регулярно ставятся отечественными учеными[1]. При этом общим для всех известных нам работ является, во-первых, использование для характеристики права, правовой жизни в диалектическом ключе классического, гегелевско-марксистского набора категорий, во-вторых, сам правовой материал, служит лишь иллюстративной основой для рассуждений об общих закономерностях, присущих праву. Как следствие, право предстает лишь в своих универсальных характеристиках, но пока не в своей особенности в сравнении с другими формами жизни людей.

Иными словами, применяемый в общеправовой теории категориальный анализ достаточным назвать нельзя, пока не будет раскрыта диалектика специфических именно для правовой сферы и правосознания связей, характеристик, свойств, выраженных в специфическом категориальном аппарате. А категориальный уровень раскрытия проблем общеправовой теории необходим и значим именно потому, что на нем осуществляются интерпретации всего их массива.

Теоретический анализ на категориальном уровне позволяет понимать право как универсальную форму совместного бытия людей, а не просто как определенную сферу, область общественной жизни. И если в эмпирическом плане такое понимание права не совсем определенно, то с точки зрения теории и вообще понимания феномена права это необходимый методологический ход, который позволяет и на эмпирику правовой жизни смотреть иначе[2].

Проблема безусловного и условного в праве не только в категориальном аспекте, но и на понятийном уровне не получила ни в общеправовой теории, ни в философии права сколько-нибудь заметного освещения. Это означает, что важная составная часть любой теоретико-правовой проблемы ускользает от внимания исследователя, и правовые явления в необходимой полноте, целостности в теории не предстают.

Но данные категории собственно правовыми не являются, они выражают определенный аспект связей между материальными и духовными явлениями независимо от предметной области, они являются категориями, характеризующими всеобщие свойства реальности. Они, стало быть, являются философскими по своему характеру, т.е., во-первых, выражают определенность любого явления специфическим способом его связи с другими явлениями; во-вторых, они могут быть поняты во всей глубине только во взаимоопределимости, т.е. не имеют друг по отношению к другу родовидового характера, как любые понятия формальной логики; в-третьих, они обнаруживают себя в диалектике взаимосвязи со всеми другими категориями. Последние прежде всего выступают формами выражения безусловного и условного.

Исходя из сказанного, можно утверждать, что категориальный анализ безусловного и условного в праве обеспечивается решением проблемы их

[1] См., напр.: *Васильев А.М.* Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права М., 1976; *Керимов Д.А.* Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. М., 2003; *Сырых В.М.* Логические основания общей теории права: в 3 т. Т. 1. Элементный состав. М., 2000.

[2] См., напр.: *Мамардашвили М.К.* Беседы о мышлении. М., 2015.

взаимоопределимости, а также проблемы их выраженности в других категориальных формах. Последовательно осветим эти проблемы.

Относительно проблемы взаимоопределимости категорий безусловного и условного нужно сказать следующее. В контексте формально-логического анализа условное прежде всего является отрицанием безусловного, поскольку безусловное и условное – крайние состояния.

Но в диалектическом смысле все зависит от того, с какой категории начинается саморазвертывание их содержания. Здесь такой симметрии нет, т.е. безусловное не является отрицанием условного, а выступает его предположением и требованием; отрицание есть такое снятие содержания категории, которое делает его моментом содержания противоположной категории и становится условием ее самоопределенности. Условное не является произвольным и самостоятельным, а организовано безусловным. Безусловное же делает условное уместным, обоснованным, законным; оно есть, в числе прочего, механизм передачи права субъекту.

Далее. Развертывание содержания категорий безусловного и условного через выраженность в них моментов содержания других категорий позволяет дать целостную характеристику права. В этом плане решение второй из поставленных проблем видится в следующем.

Логика перехода от одной категориальной пары к другой является логикой саморазвертывания содержания категорий безусловного и условного. При этом важно понимать, что последовательность перехода от одной категориальной пары к другой в применении к каждому отдельному предмету мышления разная.

Такой категориальной парой для характеристики безусловного и условного, по нашему мнению, выступают *причина и следствие*. Через их диалектику, а также специфику связи через них с другими категориями, может быть осмыслено их содержание. Без этого своеобразного «смыслового фильтра» характеристика безусловного и условного через систему категорий будет носить только аналоговый характер и отражать лишь отдельные их моменты. Категории же причины и следствия в их диалектике отражают рассматриваемые категории во всей полноте.

Безусловное и условное можно понимать как формы выражения причины и следствия.

Если рассматривать условное и безусловное вне связи друг с другом, тогда условное, несомненно, всегда детерминировано, оно – из области причинно-следственных связей. Безусловное же индетерминистично, поскольку по своему определению не имеет своей причины. В плоскости анализа права это значит следующее: безусловное в его рамках есть произвольное, т.е. закон неустановленный, сакральный, рационально немыслимый. И тогда право не может быть иным, нежели правом силы, правом власти. Но тогда любое иное право превращается в условность, и тем самым безусловное себя изживает.

В категориальном же анализе мы с неизбежностью переходим от детерминизма к телеологизму, когда речь идет уже не о причинах, а о целях, и не о следствиях, а о средствах. Диалектическая связь безусловного и условного, таким образом, носит телеологический характер. Из данного утверждения вытекает очень важный вывод: если рассматривать безусловное и условное как универсальные свойства, тогда станет ясным, что они универсальны именно для характеристики общественной жизни и деятельности человека, ибо только он может ставить цели, действовать целенаправленно. Условное в этом плане предстает как целесообразное, тогда как безусловное – как целеполагающее, предшествующее целесообразности.

В применении к праву целеполагание принимает форму императивов. Именно в императивности целеполагания содержится характеристика права с точки зрения безусловного. Это также означает, что безусловное следует понимать и как механизм целеполагания, и как принцип предъявления права, т.е. безусловное выступает в праве как *общее*. Как следствие, условное начинает характеризовать право как *особенное*.

Вне связи с безусловным особенность права есть его отличность от других, родственных форм организации общественной жизни. Эта отличность состоит в санкционировании, а именно, с одной стороны, в делегировании легальных действий принуждения уполномоченному на то органу, а, с другой стороны, в легальной же материализованности ответственности.

Санкционирование как особенное – это условное; санкции являются условными, относительными и потому изменчивыми. К слову, в рамках соображений и требований справедливости санкция не условна, а безусловна, т.е. совпадает с природой деяния. При таком понимании условного безусловное состоит в способности быть самому себе основанием.

Итак, согласно логике связи безусловного и условного как общего и особенного, не закон и не норма определяют санкции, а суд, и в своей оговоренности (законодательными средствами) санкции не должны представлять собой угрозу выбору деяния.

В диалектической связи общего и особенного обычно присутствует также единичное. Однако в применении к праву (когда безусловное

интерпретировано как суд, а условное – как санкция) важно сделать уточнение, а именно, единичное здесь представлено как поступок, конкретное отношение и может порождать в крайнем случае сиюминутное право, право неустойчивое, относительное, в котором право в целом не выражено и в нем не находится, т.е. для характеристики права с точки зрения его природы единичное не годится.

Далее. Особенное как отдельное в применении к праву лучше интерпретировать посредством категорий *элемента* и *системы*. Каким образом можно выразить их в контексте категорий безусловного и условного?

Как безусловное следует охарактеризовать именно элемент, система же предстает как условное. Чтобы понять, почему это так, следует задать вопрос: система формируется на основании совокупности элементов или, наоборот, система делает нечто отдельное элементом? Связь здесь неоднозначная, но в применении к анализу права следует признать, что система права условна. Не случайно в общеправовой теории она, в сущности, ничем не отличается от структуры права. Кроме того, существует не одна система права, но элементы их, тем не менее, одни и те же, а именно нормативные акты в широком смысле слова.

Но право может быть определено не только как система. Оно также характеризуется как целое, и потому логика рассуждения требует перейти для раскрытия содержания категорий безусловного и условного к диалектике *целого* и *части*.

Право как целое безусловно потому, что в целом оно направлено только на свое воспроизводство, т.е. оно само себе цель, как целое оно выступает организующим, структурирующим началом императивов, правил.

В любой своей части право является обусловленным и условным. Как только, например, отрасли праву (как элементу системы права) придается смысл безусловного, оно всегда в конце концов приобретает свойство целого и закономерно обосабливается. Это объясняет, в частности, тот факт, что отраслевая наука далеко отошла от общеправовой теории и мало в ней нуждается, поскольку все основания для развертывания, например, уголовного права, обнаруживаются в нем самом.

Но часть не может быть самодостаточной, и в конкретной отрасли права (отрасли, институте, норме) не заложены все необходимые и достаточные его основания. Безосновность просматривается только в праве в целом.

В контексте рассматриваемых категорий интересным представляется характеристика разделения права на публичное и частное: первое не может не быть безусловным, а второе всегда условное, и именно поэтому, в частности, действительный публичный интерес всегда первичен.

Далее. Право как целое лишь мыслится таковым. Это означает, что оно абстрактно. Стало быть, логика рассуждения позволяет выразить безусловное и условное в каркасе категорий *абстрактного* и *конкретного*.

Понятно, что безусловное характеризует право в абстракции, а условное характеризует право, скорее, в его конкретности. Право в абстракции есть свойство социальной реальности, обретшее известную самостоятельность от нее, противопоставляемое ей и выступающее целью как таковой, элементом механизма детерминации человеческой деятельности и отношений. Это, в частности, означает, что право как свойство просвечивает в любой конкретности и, стало быть, на любом уровне действия права должен быть момент безусловного. И безусловное присутствует в реальности как предположение, что вся она подчинена закону.

Общность цели делает право лишь возможным; конкретность же целеполагания превращает правовое воздействие на поведение и отношения в организационно-технический способ моделирования и управления, что является далеким от правового способа регулирования, нормирования, принуждения и суда[3].

Будучи абстрактным, право является имманентной *формой* общественной жизни. Безусловное – внутренняя форма права, ее принцип. Но если право – совокупность принципов, тогда оно есть также и совокупность безусловностей. В этом категориальном выражении право смыкается с моралью.

Условное, понятно, характеризует право с точки зрения его содержания.

Таким образом, например, вопрос о повышении правовой культуры есть вопрос о повышении уровня признания безусловного (но не как безапелляционного, конечно).

Развитие права в направлении действия принципов укрепляет его безусловные начала. Развитие же права посредством дифференциации его норм и правил как средств, обеспечивающих осуществление его обслуживающей роли, неизбежно ведет к превращению права в условное, что порождает сознание зыбкости правоотношений и относительности (если не видимости) конкретных прав.

Далее. Важный шаг в достижении понимания значимости условного и безусловного в праве связан с их интерпретацией в контексте категорий *необходимости* и *случайности*. В данном случае

[3] См. об этом: *Малахов В.П.* Общая теория права и государства: курс лекций. М., 2018. С. 98–100.

плодотворным может быть следующий тезис: безусловное характеризует право со стороны случайного, тогда как условное выражает право как необходимость.

Не противоречит ли данный тезис тому, что в праве безусловное выражено прежде всего законом; разве закон не выражает необходимость? Противоречия нет. К закону не применимы характеристики с точки зрения необходимости и случайности; он просто есть. Поскольку закон в правовом смысле вбирает в себя все атрибуты закона природного, постольку и он оказывается за пределами осмысления в контексте категорий необходимого и случайного. Рассуждения о необходимости или случайности закона в правовой области касаются исключительно законотворческой практики, а не характеристики природы права и правового закона.

Однако безусловное в праве имеет форму не только закона. Безусловное случайно, потому что оно внедетерминистично, а не потому, что оно несущественно и может быть, а может не быть. Условное же не может быть случайным, иначе оно не относится к праву; оно необходимо. Право – не произвол социальных сил, а с необходимостью существующий социальный институт, который власть и иные социальные силы могут лишь использовать в той или иной мере и в определенном направлении.

Далее. На данной стадии категориального анализа логично перейти к раскрытию содержания безусловного и условного в контексте категорий *сущности* и *явления*.

Условное характеризуется как явление, поскольку явление всегда обусловлено, оно – проявление определенных обстоятельств, условий. Условное есть явление и в том смысле, что явление не может быть объяснено из него самого, но лишь через обнаружение его органичной и, вместе с тем, противоречивой связи с сущностью.

Важно отметить, что любые правовые явления, как условное, не могут быть случайными, хотя, вследствие значимости в праве внешней формы как условного в абсолютном смысле, многие из них предстают как видимость, сущность которых обнаружить не всегда удается; условное же как необходимое есть такое явление, в котором всегда представлена, не буквально, но по смыслу, сущность.

Сущность права обычно видят в его назначении, и в этом плане у права можно выявить сущности разных уровней, начиная с организации общественной жизни на нормативно-регулирующих началах и заканчивая легитимацией государственной власти и легализацией ее воли. Все зависит от того, насколько дифференцирован взгляд на то, какую роль должно играть право в общественной жизни, какие функции оно в состоянии выполнять.

Но если сущность права заключена в его назначении, тогда она такое же условное, как и любое правовое явление. Диалектика безусловного и условного при этом рушится. Интерпретация категорий сущности и явления посредством категорий безусловного и условного позволяет преодолеть понимание сущности права как его назначения.

Сущность права выражена в безусловном в трех смыслах. Прежде всего, она безусловна, потому что ее невозможно изменить или даже влиять на нее. Например, бесполезно реформировать право в его историко-культурной существенности; можно лишь изменить внешние атрибуты права, внедрить в правовую практику определенные правовые явления. Но обусловить безусловное, каковым является историко-культурная конкретность права, невозможно.

Сущность права также безусловна, потому что обладая не только социальной значимостью, но и самоценностью, оно в первую очередь воспроизводит само себя. И в этом его социокультурная природа.

Наконец, фундамент права составляет самообоснованность закона. Можно всегда найти основания конкретных законов, но сам механизм закона от этого не меняется. Как следствие, можно говорить и о самообоснованности деятельности законодателя. Не случайно исторически истоком права является религия, позволяющая выразить властную волю как священное, а волю законодателя – как сакральное[4].

В данном пункте, как представляется, логичен переход к интерпретации безусловного и условного в контексте категорий *возможности* и *действительности*.

Безусловное как характеристика сущности выражается в возможном, а точнее – в формально возможном. Реально возможное не может быть охарактеризовано как безусловное; оно условно.

Условное как явление – исключительно действительное, но, будучи также способностью, интенцией, оно и возможное. Это создает опасность интерпретации права только в контексте условного. Таким, например, сложилось понимание права в рамках марксистской правовой теории; преимущественно оно сохранилось и в современной отечественной общеправовой теории, сориентированной на практику, т.е. на условность (обусловленность) права.

[4] См., напр.: *Мальцев Г.В.* Культурные традиции права. М., 2016; *Проди П.* История справедливости: от плюрализма форумов к современному дуализму совести и права. М., 2017.

В диалектике возможного и действительного становится очевидным органичное единство права и правосознания.

Далее следует выявить моменты содержания безусловного и условного в праве посредством их связи с категориями *внутреннего* и *внешнего*, а именно, безусловное следует признать внутренним для права, условное же следует признать внешним для права, во-первых, потому что в нем выражена функционально-обслуживающая сущность права, определенность его широким диапазоном социальных условий и факторов, а во-вторых, потому, что оно не отражает природу права.

Хотя и в этом аспекте складывается парадоксальное положение: следуя логике категориального анализа, мы охарактеризовали безусловное как случайное, а условное как необходимое. Получается, что внутренним для характеристики права является его случайность, а внешним – необходимость. Это означает, однако, что право существует адекватным образом, будучи произвольным, тогда как необходимость в правовом смысле является следствием действия внешних факторов, т.н. среды права[5].

Проведенный краткий категориальный анализ безусловного и условного в контексте категорий диалектики не следует считать исчерпывающим всю проблему, он – только первый этап, так сказать, вхождение в диалектику права.

Второй этап также хорошо известен. Подход, лежащий в его основе, разработан и осуществлен в свое время Г.В.Ф. Гегелем[6], развернувшим диалектику смысловых единиц, отражающих не всеобщие свойства действительности, бытия и мышления, а именно правовую сторону бытия человека, что потребовало определения иного категориального ряда.

В современной отечественной общеправовой теории и философии права в основном (сначала усилиями В.С. Нерсесянца[7]) этот подход начал возрождаться как методология. а не просто как материал из истории политико-правовой мысли. Однако характерным для юридической интерпретации понятия «категория» является концентрация лишь на одном из его значений, а именно, на понимании категории в смысле некоего множества, класса явлений, элементов, предметов и т.п. В сущности, при таком понимании «категория» оказывается словом-омонимом. Ясно, что категории в таком смысле диалектической связью не характеризуются, адекватным остается только формально-логический анализ.

Как закономерное следствие отмеченного, за категориальным анализом в большинстве современных работ диалектика не особо заметна, а потому категориальный и понятийный анализ трудно разделить.

Завершающим этапом категориального анализа безусловного и условного мы полагаем развертывание их смыслов в контексте собственно правовых, базовых, понятий, составляющих основное содержание правосознания и характеризующих его (как и право, которое в данной плоскости анализа тождественно правосознанию) в его особенности, качественной определенности.

Безусловное и условное вплетаются в смысловую и функциональную связь с базовыми правовыми понятиями (концептами по их мыслительной конструкции). Можно с достаточным основанием утверждать, что безусловное и условное, выступая моментами содержания этих понятий – прежде всего правового, нормального, правильного, законного и дозволенного[8], во-первых, втягивают их в круг философских категорий диалектики, во-вторых, сообщают им самим свойства категорий, в-третьих, позволяют обнаружить диалектическую связанность этих понятий как моментов содержания друг друга. Правовая реальность здесь тождественна реальности в целом, а правосознание является фильтром, сквозь который преломляются все моменты социальной действительности.

* * *

Таким образом, общая логика категориального анализа безусловного и условного такова: если на первом этапе все категории диалектики предстают как формы выражения мысли о безусловном и условном, на втором этапе безусловное и условное предстают как моменты содержания категорий, раскрывающих различные стороны правового бытия человека, общества и государства, то на завершающем этапе безусловное и условное выступают моментами содержания правовых понятий как элементов правосознания, характерными для правосознания особенностями их диалектической связи.

Полагаем, что обоснованными будут следующие выводы.

1. Категориальный анализ безусловного и условного позволяет раскрыть противоречивость права и понять, почему право вынуждено постоянно обновляться. Но обновление с неизбежностью

[5] См. об этом, напр.: *Сигалов К.Е.* Среда права: дис... д-ра юрид. наук. М., 2010.

[6] См.: *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М., 1990.

[7] Его концепция в концентрированном виде выражена в работе «Философия права».

[8] Система и содержание базовых правовых понятий описана, в частности, в: *Малахов В.П.* Теория правосознания. Опыт формирования. М., 2020. С. 64–140.

обесценивает безусловное, безусловное снимается, условное же становится относительным и случайным, и тогда оно становится единственным свойством права. Как следствие, закон теряет внутреннюю силу и обретает ее только во внешнем, а именно, в принуждении. Но право, исчерпывающееся принуждением, оказывается мнимо безусловным. Возникает парадоксальная ситуация: право должно меняться, оставаясь неизменным.

2. Проведенный категориальный анализ безусловного и условного позволяет выявить новые и важные грани феномена права, выразить его универсальные характеристики в новом смысловом аспекте.

3. Диалектический подход к пониманию категорий безусловного и условного призван, в числе прочего, продемонстрировать принцип правопонимания, основанный не на элементном составе права (что характерно для так называемых классических типов правопонимания), а на характеристике природы права с точки зрения его универсальных свойств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Васильев А.М.* Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права М., 1976.
2. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М., 1990.
3. *Керимов Д.А.* Методология права: предмет, функции, проблемы философии права. М., 2003.
4. *Малахов В.П.* Общая теория права и государства: курс лекций. М., 2018. С. 98–100.
5. *Малахов В.П.* Теория правосознания. Опыт формирования. М., 2020. С. 64–140.
6. *Мальцев Г.В.* Культурные традиции права. М., 2016.
7. *Мамардашвили М.К.* Беседы о мышлении. М., 2015.
8. *Проди П.* История справедливости: от плюрализма форумов к современному дуализму совести и права. М., 2017.
9. *Сигалов К.Е.* Среда права: дис... д-ра юрид. наук. М., 2010.
10. *Сырых В.М.* Логические основания общей теории права: в 3 т. Т. 1. Элементный состав. М., 2000.

REFERENCES

1. *Vasiliev A.M.* Legal categories. Methodological aspects of the development of the system of categories of the theory of law. M., 1976 (in Russ.).
2. *Hegel G.V.F.* Philosophy of Law. M., 1990 (in Russ.).
3. *Kerimov D.A.* Methodology of law: subject, functions, problems of the Philosophy of Law. M., 2003 (in Russ.).
4. *Malakhov V.P.* General theory of law and the state: course of lectures. M., 2018. P. 98–100 (in Russ.).
5. *Malakhov V.*P. Theory of legal consciousness. Experience of formation. M., 2020. P. 64–140 (in Russ.).
6. *Maltsev G.V.* Cultural traditions of law. M., 2016 (in Russ.).
7. *Mamardashvili M.K.* Conversations about thinking. M., 2015 (in Russ.).
8. *Prodi P.* The history of justice: from the pluralism of forums to the modern dualism of conscience and law. M., 2017 (in Russ.).
9. *Sigalov K.E.* The environment of law: dis. ... Doctor of Law. M., 2010 (in Russ.)
10. *Syrykh V.M.* Logical foundations of the General theory of law: in 3 vols. Vol. 1. Elemental composition. M., 2000 (in Russ.).

Сведения об авторе

УТКИН Григорий Николаевич –
кандидат юридических наук, советник вице-президента Российской академии наук;
119991 г. Москва, Ленинский пр-т, д. 14

Authors' information

UTKIN Grigory N. –
PhD in Law, adviser to the Vice-President of the Russian Academy of Sciences;
14 Leninskiy ave., 119991 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 9, с. 65–74
STATE AND LAW, 2021, № 9, pp. 65–74

В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

КОНСТИТУЦИОННЫЙ КОНТРОЛЬ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КАКИМ ОН МОЖЕТ БЫТЬ ПОСЛЕ УПРАЗДНЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ (УСТАВНЫХ) СУДОВ

© 2021 г. В. А. Кряжков

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва

E-mail: vladimir-kryazhkov@yandex.ru

Поступила в редакцию 11.05.2021 г.

Аннотация. Статья посвящена проблемам конституционного контроля в субъектах Российской Федерации. Исследуются его истоки, связанные с образованием и функционированием на этом уровне конституционных (уставных) судов, раскрываются причины, не позволившие конституционной юстиции субъектов Российской Федерации за 30 лет стать полноценным государственно-правовым институтом. Показано, как в результате конституционной реформы происходило упразднение данных судов, и появилась рекомендация федерального законодателя о создании вместо них конституционных (уставных) советов при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации. Анализируется правовое регулирование организации и деятельности подобных органов в отечественной и зарубежной практике. С ее учетом и на основе существующих конституционно-правовых возможностей формулируются предложения о статусе указанных советов (их природе, порядке формирования и работы, полномочиях и решениях), позволяющем им быть эффективным органом конституционного (уставного) контроля в субъектах Российской Федерации.

Ключевые слова: субъект Российской Федерации, конституционный контроль, конституционные (уставные) суды, конституционные (уставные) советы.

Цитирование: *Кряжков В.А.* Конституционный контроль в субъектах Российской Федерации: каким он может быть после упразднения конституционных (уставных) судов // Государство и право. 2021. № 9. С. 65–74.

При написании статьи использована нормативно-правовая база СПС «КонсультантПлюс».

DOI: 10.31857/S102694520016757-3

CONSTITUTIONAL CONTROL IN THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION: HOW HI CAN BE AFTER THE ABOLITION OF CONSTITUTIONAL (STATUTORY) COURTS

© 2021 V. A. Kryazhkov

National Research University "Higher School of Economics", Moscow

E-mail: vladimir-kryazhkov@yandex.ru

Received 11.05.2021

Abstract. The article is devoted to the problems of constitutional control in the subjects of the Russian Federation. The article examines its origins related to the formation and functioning of constitutional (statutory) courts at this level, reveals the reasons that did not allow the constitutional justice of the subjects of the Russian Federation to become a full-fledged state legal institution for 30 years. It is shown how, as a result of the constitutional reform, these courts were abolished, and a recommendation of the federal legislator appeared on the creation of constitutional (statutory) councils under the legislative (representative) state authorities of the subjects of the Russian Federation instead of

them. The article analyzes the legal regulation of the organization and activities of such bodies in domestic and foreign practice. Taking this into account and based on the existing constitutional and legal possibilities, proposals are formulated on the status of these councils (their nature, the procedure for their formation and work, powers and decisions), which allows them to be an effective body of constitutional (statutory) control in the subjects of the Russian Federation.

Key words: subject of the Russian Federation, constitutional control, constitutional (statutory) courts, constitutional (statutory) councils.

For citation: *Kryazhkov, V.A. (2021).* Constitutional control in the subjects of the Russian Federation: how hi can be after the abolition of constitutional (statutory) courts // State and Law, No. 9. P. 65–74.

When writing the article, the regulatory framework of the "ConsultantPlus" was used.

Конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации: состояние дел накануне их упразднения

Первые органы конституционного контроля в субъектах Российской Федерации в форме конституционных судов были учреждены в начале 90-х годов республиками Дагестан (1991), Башкортостан (1992), Кабардино-Балкария (1992), Карелия (1993), Мордовия (1993), Саха (Якутия) (1991) и Тыва (1992). Примером в данном отношении стал Конституционный Суд РСФСР, образованный в октябре 1991 г. Легитимность же действиям по созданию таких судов придавалась принятой в тот период Концепцией судебной реформы в РСФСР, которая признавала необходимость органов конституционного контроля республик в составе РСФСР[1], а также Федеральным договором от 31 марта 1992 г., который относил судоустройство в республиках к совместному ведению их органов государственной власти и федеральных органов государственной власти[2].

Кроме названных судов в республиках на основе Закона СССР от 23 декабря 1989 г. «О конституционном надзоре в СССР» (ст. 2, 4)[3] формировались комитеты конституционного надзора. Они функционировали в Коми (1991–1994), Татарстане (1990–2000) и Северной Осетии – Алании (1990–2002) до появления в указанных республиках конституционных судов.

Положения о конституционных (уставных) судах не получили отражение в Конституции РФ 1993 г.[4] Это обстоятельство, на наш взгляд, не лишало действующих на тот момент конституционных судов республик легитимности и не препятствовало созданию новых конституционных судов в республиках и уставных судов в других субъектах Российской Федерации. Возможность их функционирования вытекала из общих норм Конституции РФ. В частности, из того, что Российская Федерация – демократическое федеративное правовое государство (ст. 1). Ее субъекты имеют свое законодательство (ч. 2 ст. 5, ч. 1, 2 ст. 66), самостоятельно образуют собственные органы государственной власти (ч. 2 ст. 11, ч. 1 ст. 77). На субъекты Российской Федерации возлагается обязанность совместно с Российской Федерацией обеспечивать конституционность в государстве, защищать права и свободы человека и гражданина (п. «а», «б» ч. 1 ст. 72).

Правовая неопределенность, связанная с конституционными (уставными) судами субъектов Российской Федерации, была снята Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 г. «О судебной системе Российской Федерации»[5]. Согласно ст. 4, 17 и 27 данного Закона указанные суды:

признавались частью судебной системы Российской Федерации, организационно не входящей в федеральную судебную систему;

они именовались судами субъектов Российской Федерации, создание которых находилось на усмотрении соответствующего субъекта Российской Федерации;

создавались и упразднялись законами субъектов Российской Федерации;

наделялись полномочиями для рассмотрения вопросов соответствия законов субъекта Российской Федерации, нормативных актов органов государственной власти и органов местного

[1] См.: постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 44, ст. 1435.

[2] Данные положения были инкорпорированы в Конституцию РФ (п. «о» ст. 72). Иным субъектам Российской Федерации полномочия в указанной сфере не предоставлялись (см.: Конституция (Основной Закон) Российской Федерации – России. Приложение. М., 1992).

[3] См.: Ведомости СНД и ВС СССР. 1989. № 29, ст. 572.

[4] Отметим, предложения о необходимости включения в текст будущей российской Конституции положений о данных судах обсуждались на Конституционном совещании, но по разным причинам они не были поддержаны (см.: *Митюков М.А., Барнашов А.М.* Очерки конституционного правосудия. Томск, 1999. С. 281).

[5] См.: СЗ РФ. 1997. № 1, ст. 1.

самоуправления субъекта Российской Федерации конституции (уставу) субъекта Российской Федерации, а также для толкования конституции (устава) субъекта Российской Федерации[6];

финансировались за счет средств бюджета соответствующего субъекта Российской Федерации.

Однако подобное регулирование мало сказалось на активности субъектов Российской Федерации по созданию судебных органов конституционного (уставного) контроля. По состоянию на 2020 г. конституционные суды функционировали в 12 республиках: Адыгее (с 1997 г.), Башкортостане (с 1996 г.), Дагестане (с 1991 г.), Ингушетии (с 2009 г.), Кабардино-Балкарии (с 1993 г.), Карелии (с 1994 г.), Коми (с 1994 г.), Марий Эл (с 1998 г.), Саха (Якутия) (с 1992 г.), Северной Осетии – Алании (с 2002 г.), Татарстане (с 2000 г.) и Чеченской Республике (с 2006 г.), а уставные суды – в Калининградской области (с 2003 г.), Свердловской области (с 1998 г.) и г. Санкт-Петербурге (с 2000 г.).

Правовые предпосылки для формирования конституционных (уставных) судов (без последующих действий по их созданию) были еще в 34 субъектах Российской Федерации. Среди них можно выделить тех, кто учредил указанные суды и принял соответствующие законы о них (Карачаево-Черкесская Республика, Курганская, Московская, Самарская и Тюменская области, Ханты-Мансийский автономный округ), и тех, кто только учредил названные суды, т.е. признал их необходимость в своих конституциях (уставах) (республики Алтай, Удмуртия, Хакасия; Забайкальский, Камчатский, Краснодарский, Пермский края; Амурская, Архангельская, Белгородская, Воронежская, Калужская, Кемеровская, Кировская, Ленинградская, Магаданская, Сахалинская, Смоленская, Тверская, Тульская области; Еврейская автономная область; автономные округа Ненецкий и Ямало-Ненецкий).

В рассматриваемый период имели место и случаи отказа от органов конституционного контроля[7]. В частности, были упразднены конституционные суды Мордовии (1993–1994), Бурятии (1995–2018), Тывы (2003–2018) и уставный суд Челябинской области (2012–2014), а также была ликвидирована Уставная палата Иркутской области (1996–1998).

Почему конституционная юстиция субъектов Российской Федерации за три десятилетия не сформировалась как полноценный государственно-правовой институт? Причины этого разнообразны, но среди них ключевыми, на наш взгляд, являются:

а) определенная пассивность федерального центра, который, не препятствуя созданию конституционных (уставных) судов, одновременно и не проявлял активности в данном отношении, не побуждал субъектов Российской Федерации к соответствующим действиям;

б) установка федерального законодателя на создание конституционных (уставных) судов по усмотрению самих субъектов Российской Федерации, а также в целом недоурегулированность статуса данных судов, которые не имели правовой основы в виде специального федерального закона о них[8];

в) неудовлетворительная практика работы отдельных судов. Например, по состоянию на 2020 г. Конституционный суд Чеченской Республики за 14 лет не принял ни одного постановления. По нашим подсчетам, за весь период своей деятельности к 2020 г. в среднем в год по одному постановлению принимали конституционные суды Дагестана, Ингушетии, Кабардино-Балкарии и Марий Эл, по два постановления принимали конституционные суды Адыгеи и Башкортостана. Подобное положение, надо понимать, не связано с конституционно-правовым благополучием и не вина названных судов, а есть отражение их реальной востребованности на региональном уровне, где складывается такой тип государственной власти, которая функционирует без опоры на принцип разделения властей и не нуждается в арбитрах по разрешению конституционно-правовых споров.

Отрицательное отношение к этим судам могло также формироваться и в связи с их принципиальностью при рассмотрении дел. Примером являются Уставный суд Челябинской области и Конституционный суд Ингушетии, некоторые решения которых не разделялись региональными органами

[6] Согласно Определению Конституционного Суда РФ от 06.03.2003 г. № 103-О (см.: СЗ РФ. 2003. № 17, ст. 1658) субъект Российской Федерации имел вправо с учетом природы данных судов и в пределах своих полномочий, не нарушая компетенцию федеральных судов, дополнять названные полномочия конституционных (уставных) судов.

[7] О причинах таких решений см.: *Сунгуров А., Захарова А.* Уставные суды в субъектах Российской Федерации: сравнительный политико-правовой анализ // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 2 (129). С. 124–129.

[8] О необходимости принятия такого закона и его содержании см.: *Кряжков В.А.* Конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации (правовые основы и практика). М., 1999. С. 36. Можно отметить, что соответствующий законопроект вносился на рассмотрение Государственной Думы парламентом Северной Осетии – Алании в 2014 г., но был отклонен ею по той причине, что федеральное законодательство содержит достаточно положений о конституционных (уставных) судах и специальный закон о них не нужен (см.: *Цалиев М.А.* Судебная власть субъектов Российской Федерации: история и современность // Российское право: образование, практика, наука. 2015. № 4. С. 39, 40).

государственной власти. Более того, такие решения, по сути, признавались Конституционным Судом РФ ничтожными, поскольку он своими постановлениями провозглашал не противоречащими Конституции РФ, не утратившими юридическую силу и действующими те законы, которые указанными судами были аннулированы как противоречащие основным законам названных субъектов Российской Федерации[9]. Данные эксцессы, полагаем, усиливали представления о бесполезности конституционной юстиции субъектов Российской Федерации.

Иногда в качестве причины, затрудняющей образование и функционирование конституционных (уставных) судов, называли финансовые расходы на их содержание. Однако это в большей степени преувеличение, поскольку расходы на указанные суды относительно незначительны (десятые-сотые доли процента от суммы расходов бюджета субъекта Российской Федерации) и многократно меньше, чем субъект Российской Федерации тратит на иные органы государственной власти[10].

Как состоялось упразднение конституционных (уставных) судов

Упразднение конституционных (уставных) судов произошло достаточно неожиданно и без каких-либо обоснований. Предпосылки к этому создал Закон о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г.,[11] которым в Конституцию РФ (ч. 3 ст. 118) было включено положение о том, что «судебную систему Российской Федерации составляют Конституционный Суд Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, федеральные суды общей юрисдикции, арбитражные суды, мировые судьи субъектов Российской Федерации». Конституционный Суд РФ в своем Заключении от 16 марта 2020 г. № 1-З[12], касаясь данной новеллы, констатировал, что она согласуется с Конституцией РФ (ст. 71 (п. «о»), ст. 125, 126, 128), а приведенный перечень судов является исчерпывающим, что не противоречит ст. 10 и 11 Конституции РФ, иным положениям гл. 1 Конституции РФ и ее гл. 2 и 9.

Названная конституционная норма в интерпретации Конституционного Суда РФ сама по себе поставила под вопрос дальнейшее существование конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации. Некоторые надежды оставляла позиция Президента РФ, который в контексте обсуждения указанной поправки к Конституции РФ пояснял, что она автоматически не упраздняет конституционные (уставные) суды. Там, где в них есть потребность, они должны функционировать[13]. Подобное мнение высказывали и отдельные руководители республик. Так, Председатель парламента Республики Саха (Якутия) П.В. Гоголев, выступая 12 марта 2020 г. на пленарном заседании Государственного собрания по вопросу одобрения Закона о поправке к Конституции РФ, признал недопустимым отказ от конституционного контроля в субъектах Российской Федерации: если есть основной закон субъекта Российской Федерации, то должен быть и правовой механизм его охраны[14]. Председатель Госсовета Республики Татарстан Ф. Мухаметшин, выражая сожаление по поводу того, что не удалось включить в Конституцию РФ норму о конституционных судах республик, отмечал, что конституционное (уставное) правосудие с учетом положений ст. 72 и 73 Конституции РФ должно сохраниться[15].

Однако Федеральный конституционный закон от 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ[16], следуя обновленной Конституции РФ, признал утратившими силу положения Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», касающиеся конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации (поправку инициировали сенатор А. Клишас и депутат Государственной Думы П. Крашенинников). Этим же Законом (ст. 5) определялось:

отмененные положения о конституционных (уставных) судах вступают в силу с 1 января 2023 г. и до указанного срока названные суды должны быть упразднены[17];

---

[9] См.: постановления Конституционного Суда РФ: от 02.12.2013 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 4 Закона Челябинской области “О транспортном налоге” в связи с запросом Законодательного Собрания Челябинской области» // СЗ РФ. 2013. № 50, ст. 6669; от 06.12.2018 г. № 44-П «По делу о проверке конституционности Закона Республики Ингушетия “Об утверждении Соглашения об установлении границ между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой” и Соглашения об установлении границ между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой в связи с запросом Главы Республики Ингушетия» // СЗ РФ. 2018. № 51, ст. 8095.

[10] См.: *Кряжков В.А.* Региональная конституционная юстиция в Российской Федерации: состояние и пути развития // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 3 (60). С. 159; *Петренко Д.С.* Конституционная (уставная) юстиция в субъектах Российской Федерации (современные правовые проблемы и перспективы). М., 2007. С. 117, 118.

[11] См.: СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

[12] См.: СЗ РФ 2020. № 12, ст. 1855.

[13] См.: *Мавлиев А., Чулков К.* Суды могут ликвидировать по уставу // Петербургский дневник. 2020. 19 авг. // Дайджест официальных материалов и публикаций периодической печати. Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии. 2020. № 5. С. 109.

[14] См.: Четырнадцатое (внеочередное) пленарное заседание Государственного собрания (Ил Тумен) Республики Саха (Якутия). 12 марта 2020 г. Стенограмма. Архив автора.

[15] См.: Коммерсантъ (Казань). 2020. 20 нояб.

[16] См.: СЗ РФ. 2020. № 50 (ч. I), ст. 8029.

[17] К настоящему времени уже упразднены Конституционный суд Карелии (15 марта 2021 г.) и Уставный суд Калининградской области (1 апреля 2021 г.). С 1 июля

со дня вступления в силу настоящего Закона (т.е. после 19 декабря 2020 г.): конституционные (уставные) суды не принимают новые дела к производству, а рассмотрение принятых дел должно быть завершено с вынесением решения до дня, с которого в соответствии с законом субъекта Российской Федерации эти суды упраздняются, но не позднее 1 января 2023 г.; новые судьи конституционных (уставных) судов не назначаются, а действующим судьям, прекратившим исполнение своих полномочий в связи с упразднением судов, а также тем судьям, которые ранее прекратили исполнение своих полномочий, обеспечивается сохранение в соответствии с федеральным и региональным законодательством гарантий (включая материальное и социальное обеспечение), предусмотренных для судей конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации в отставке[18].

В названном Законе не конкретизируется требование Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» (ч. 3 ст. 17), согласно которому «никакой суд не может быть упразднен, если отнесенные к его ведению вопросы осуществления правосудия не были одновременно переданы в юрисдикцию другого суда». Это упущение в какой-то степени исправляется законами субъектов Российской Федерации. В частности, в Законе г. Санкт-Петербурга от 12 апреля 2021 г. № 149-34 «Об упразднении Уставного суда Санкт-Петербурга» закреплено: «Рассмотрение дел о соответствии законов Санкт-Петербурга, нормативных правовых актов органов государственной власти Санкт-Петербурга, органов местного самоуправления в Санкт-Петербурге Уставу Санкт-Петербурга после упразднения Уставного суда Санкт-Петербурга осуществляется в соответствии с федеральным законодательством» (ст. 1). Схожая норма присутствует и в Уставном законе Калининградской области от 1 декабря 2020 г. № 485 «Об упразднении Уставного суда Калининградской области и признании утратившими силу отдельных законодательных актов Калининградской области», согласно которой правосудие по вопросам, отнесенным к ведению Уставного суда, после вступления в силу настоящего закона осуществляется в соответствии с подсудностью, определенной федеральным законодательством (ст. 1). Вместе с тем, отметим, даже и при отсутствии приведенных установлений по смыслу п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2007 г. № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части»[19] полномочия упраздняемых конституционных (уставных) судов должны осуществляться судами общей юрисдикции.

В Законе от 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ не разъясняется вопрос относительно того, сохраняют ли свое юридическое значение решения упраздняемых конституционных (уставных) судов. По состоянию на 2020 г. за весь период работы ими было принято только постановлений более 900, в т.ч., например, Конституционным судом Карелии – 121 постановление, Конституционным судом Коми – 112, Конституционным судов Саха (Якутия) – 140 и Уставным судом Свердловской области – 118 постановлений[20]. Данные акты, как представляется, являясь источником права, по общему правилу не утрачивают свою силу с упразднением указанных судов и продолжают действовать, но постольку, поскольку они не противоречат конституции (уставу) соответствующего субъекта Российской Федерации и этим субъектом не принято иное решение.

Упразднение конституционных (уставных) судов постфактум объяснялось по-разному: отсутствием базы для их работы и «неудобностью» для местных властей (С.А. Авакьян); неспособностью субъектов Российской Федерации воспользоваться предоставленным правом по созданию данных органов, что побудило федеральную власть унифицировать ситуацию (П.А. Астафичев, А.Л. Васин); тем, что эти суды исчерпали себя, поскольку региональные законы ныне приведены в соответствие с федеральными и Конституционный Суд РФ правомочен проверять не только законы, но и законопроекты субъектов Российской Федерации на соответствие Конституции РФ (П. Крашенинников). Вместе с тем можно констатировать, что директивная установка на лишение возможности субъектам Российской Федерации иметь конституционные (уставные) суды означает усиление централизации государственной власти, свидетельствует о сужении их самостоятельности в вопросах собственного ведения, потенциально ослабляет российскую конституционную юстицию в целом и защиту прав и свобод граждан.

Конституционные (уставные) советы как альтернатива конституционной юстиции субъектов Российской Федерации

2021 г. согласно принятому Закону г. Санкт-Петербурга от 12.04.2021 г. № 149-34 прекращает свою работу Уставный суд Санкт-Петербурга.

[18] В качестве примера установления таких гарантий см: Закон Республики Карелия от 25.02.2021 г. № 2547-ЗРК «Об упразднении Конституционного суда Республики Карелия и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Республики Карелия». URL: publication.pravo.gov.ru

[19] См.: Росс. газ. 2007. 8 дек.

[20] Подсчеты нами проводились на основе данных, размещенных на официальных сайтах действующих конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации.

Согласно Федеральному конституционному закону от 8 декабря 2020 г. № 7-ФКЗ субъекты Российской Федерации вправе принять решение о создании конституционных (уставных) советов, действующих при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации (ч. 7 ст. 5). Это положение можно квалифицировать как предельно общую рекомендацию относительно института конституционного контроля в субъектах Российской Федерации. Она позволяет субъекту Российской Федерации:

не создавать вообще какой-либо орган конституционного (уставного) контроля с учетом, что соответствующий контроль (надзор) за региональным законодательством осуществляется в различных формах федеральными органами государственной власти (Президентом РФ, Конституционным Судом РФ и иными федеральными судами, Минюстом России, прокуратурой РФ). Однако такое решение свидетельствовало бы об утрате субъектом Российской Федерации своих прерогатив и возможностей обеспечивать демократическое функционирование власти на основе верховенства своих основных законов и принципа разделения властей, собственными средствами защищать права и свободы граждан;

как гипотетический вариант, создать на основе своей конституции (устава) орган конституционного (уставного) контроля в форме, например, конституционного (уставного) комитета, что согласуется с Конституцией РФ (ч. 2 ст. 11, п. «а», «н» ч. 1 ст. 72, ч. 1 ст. 77) и Федеральным законом от 6 октября 1999 г. «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (ст. 2)[21], гарантирующих принцип самостоятельности субъектов Российской Федерации в определении своей системы органов государственной власти. Более того, отдельные авторы полагают, что с позиций существующего конституционно-правового регулирования не исключается даже учреждение конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, не включенных в судебную систему Российской Федерации[22];

в соответствии с рекомендацией федерального законодателя предусмотреть создание конституционного (уставного) совета при законодательном (представительном) органе государственной власти субъекта Российской Федерации. О намерении сделать это, например, уже заявил Председатель Госсовета Республики Татарстан Ф. Мухаметшин, полагая, что конституционный совет может стать органом защиты конституционных прав жителей Республики Татарстан[23].

Есть ли аналоги названных советов в государственной практике? Подобный орган – Конституционно-правовой совет – действовал в Венгрии с начала 80-х годов прошлого столетия. Он избирался парламентом преимущественно из числа депутатов (в его состав не входили члены правительства), наделялся полномочиями контролировать конституционность всех правовых норм, приостанавливать исполнение акта, противоречащего Конституции Венгрии, за исключением изданных Государственным собранием и Президиумом. Установив неконституционность какой-либо правовой нормы, Совет мог лишь потребовать ее пересмотра самим создателем этой нормы. Окончательное решение относительно такой нормы принимало Государственное собрание либо иной компетентный орган. Правом обращаться в Конституционно-правовой совет наделялись Государственное собрание, его депутаты и комитеты, правительство и иные структуры национального масштаба, а также члены самого Совета, но частные лица такой возможности не имели. Парламент регулярно заслушивал отчеты Совета о его деятельности[24].

Схожие характеристики имел Комитет конституционного надзора СССР, учрежденный в 1988 г.[25] Согласно Конституции СССР (ст. 125) и Закону СССР «О конституционном надзоре в СССР» Комитет определялся как самостоятельный орган конституционного надзора, подчиняющийся только Конституции СССР. Он избирался сроком на 10 лет из числа специалистов в области политики и права (исключалось вхождение этих лиц в состав органов, акты которых были подконтрольны Комитету), не имел права аннулировать антиконституционные законы, но наделялся полномочиями по собственной инициативе или по поручению уполномоченных государственных органов общесоюзного масштаба давать заключения о соответствии Конституции СССР проектов законов

[21] См.: СЗ РФ. 1999. № 42, ст. 5005.

[22] См.: *Гриценко Е.* Федерализм и местное самоуправление в свете российской конституционной реформы 2020 года // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 4 (137). С. 88; *Клеандров М.И.* Конституционные изменения 2020 г. и механизмы правосудия: плюсы и минусы // Государство и право. 2020. № 10. С. 19.

[23] См.: URL: https://www.tatar-inform.ru/news/v-tatarstane-hoty-at-sozdat-konstitutsionnyy-sovet-pri-respublikanskom-parlamente (дата обращения: 04.05.2021).

[24] См.: *Туманов В.А.* Судебный контроль за конституционностью нормативных актов // Сов. государство и право. 1988. № 3. С. 15, 16; *Галмаи Г.* Опыт конституционного правосудия в Венгрии // Государство и право. 1993. № 9. С. 63.

[25] См.: Закон СССР от 01.12.1988 г. «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР» // Ведомости СНД и ВС СССР. 1988. № 49, ст. 727.

СССР, проектов и действующих актов Верховного Совета СССР и его палат, законов союзных республик[26]. Данные заключения направлялись на рассмотрение Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР, которые могли их утвердить или отклонить. Если Комитет принимал заключение по актам других государственных органов, то он направлял его соответствующему органу для устранения нарушений, что обуславливало приостановление исполнения противоречащего Конституции СССР и закону СССР такого акта. По представлению Комитета Съезд, Верховный Совет и Совет Министров СССР могли отменить подобный акт. Самостоятельной юрисдикцией Комитет обладал в отношении нормативных правовых актов, нарушающих основные права и свободы человека, закрепленные в Конституции СССР и в международных актах, участником которых являлся СССР. Заключения Комитета о неконституционности этих актов влекли утрату ими юридической силы.

Ныне специфический орган конституционного контроля функционирует в парламенте Финляндии. Это – его постоянно действующая Конституционная комиссия, избираемая из числа депутатов. Она наделяется полномочиями выносить отзывы о конституционности законопроектов и иных вопросов, поступающих на ее рассмотрение, а также об отношении законопроектов к международным конвенциям о правах человека (§ 74 Конституции). Данная Комиссия готовит отзывы по законопроектам и доклады по иным вопросам, оценивая их с позиций соблюдения установленных процедур и соответствия конституционным нормам, а также вправе предлагать конкретные рекомендации по разрешению правовых коллизий. Ее выводы по процедурным моментам имеют рекомендательное значение, а о конституционности проверяемых норм обязательны для парламента. Они не связывают правотворческую деятельность правительства, но оно учитывает мнение Конституционной комиссии[27].

Дополнить этот перечень органов можно Конституционным советом Французской Республики, который в различных процедурах осуществляет конституционный контроль законов до их промульгации и применяемых законов, содержащих предположительно положения, нарушающие конституционные права и свободы, а также контролирует соблюдение правил избрания Президента Французской Республики, депутатов и сенаторов и проведения референдума. Положение, объявленное им неконституционным, не подлежит ни промульгации, ни применению. Решения Совета не могут быть обжалованы. Они обязательны для публичных органов и для всех административных и судебных органов (ст. 56–63 Конституции Франции).

Представленные органы объединяет то, что они являются несудебными органами конституционного контроля (надзора), образуются парламентами, нацелены на проверку преимущественно принимаемых законов, хотя предметом их контроля могут быть и действующие законы, а также иные нормативные правовые акты. Если в советском (социалистическом) прошлом, где не признавалось разделение властей, их решения (за редким исключением) имели рекомендательное значение, то в современных условиях им придаются свойства окончательности и обязательности. Некоторые конституционно-правовые элементы организации и деятельности названных органов могут, на мой взгляд, в адаптированном виде использоваться применительно к учреждаемым конституционным (уставным) советам субъектов Российской Федерации.

Принимая во внимание сказанное, а также то, что федеральный законодатель сформулировал только идею о праве субъекта Российской Федерации создавать конституционный (уставной) совет при своем законодательном (представительном) органе государственной власти, полагаю, что в данном случае субъект Российской Федерации обладает широким усмотрением при определении статуса названного органа конституционного контроля. При этом он должен вписываться в систему общих ценностей, принципов и норм, установленных Конституцией РФ, быть не декоративным, а эффективно работающим государственным органом. С этой целью субъект Российской Федерации, принимая решение о создании подобного органа, мог бы прежде всего на конституционном (уставном) уровне в качестве ключевых элементов его статуса закрепить, что конституционный (уставной) совет:

является высшим самостоятельным постоянно действующим органом государственной власти субъекта Российской Федерации, образуемым с целью обеспечения верховенства его основного закона и защиты прав и свобод граждан;

создается при законодательном (представительном) органе субъекта Российской Федерации. Такой подход гарантирует совету большую защищенность и стабильность функционирования, ориентирует на включенность, прежде всего, в сферу

[26] Для справки: за время работы почти 80% всех вопросов Комитет конституционного надзора СССР рассмотрел по собственной инициативе (см.: *Митюков М.А.* Предтеча конституционного правосудия: взгляды, проекты, и институциональные предпосылки (30 – начало 90-х гг. XX в.). М., 2006. С. 117).

[27] См.: *Жданов И.Н.* Роль Конституционной комиссии Финляндии в имплементации норм международного и европейского права // Современное международное право: глобализация и интеграция. Liber Amicorum в честь профессора П.Н. Бирюкова: сб. науч. ст. Воронеж, 2016. С. 86–93; *Его же.* Взаимодействие международного и национального права Финляндии. М., 2020. С. 41–49.

законотворчества, но не исключает его деятельность и за ее пределами. При этом «прописка» совета при парламенте не может автоматически придавать ему консультативно-совещательное значение, а также не входит в противоречие с его характеристикой как самостоятельной государственной структурой[28];

может формироваться с учетом принципа разделения властей разными способами, в том числе в таком порядке, когда кандидатуры в совет (его руководителей) предлагает высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации), а окончательное решение по ним принимает парламент субъекта Российской Федерации. Приемлем и вариант, когда члены совета в равных пропорциях назначаются законодательным и исполнительным органами государственной власти субъекта Российской Федерации;

состоит из лиц – специалистов в области права (исключается их вхождение в состав органов, акты которых подконтрольны совету, возможно установление и иные требований и запретов), именуемых конституционными (уставными) советниками, одна часть которых (руководство совета) могла бы работать на профессиональной постоянной основе, а другая – на общественных началах. Такая модель, например, обсуждается в Якутии. Она вполне допустима, апробирована применительно к деятельности депутатов законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации. В этом отношении интересен и многолетний опыт конституционных судов земель ФРГ, все судьи которых осуществляют свои полномочия по совместительству. Их обязанности в данных судах рассматриваются как приоритетные, а должность определяется как почетная. По мере необходимости судьи освобождаются от основной работы для отправления правосудия, им возмещаются издержки, положена оплата за время заседания суда (как вид дневного жалования) и компенсируются дорожные расходы[29]. Что-то подобное можно предусмотреть и для членов совета, работающих на общественных началах;

наделяется полномочиями осуществлять проверку на соответствие конституции (устава) субъекта Российской Федерации:

законов об изменении конституции (устава) и конституционных (уставных) законов – в обязательном порядке и до их подписания главой субъекта Российской Федерации;

законов и договоров (соглашений) субъектов Российской Федерации – до их подписания главой субъекта Российской Федерации и при наличии запроса, исходящего от главы или правительства субъекта Российской Федерации,-парламента или группы его депутатов;

действующих (применяемых) законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, затрагивающих права и свободы граждан и их объединений – по обращениям высших органов государственной власти субъекта Российской Федерации, депутатов парламента, граждан и их объединений;

уставов и иных нормативных правовых актов муниципальных образований – по обращениям региональных органов государственной власти, граждан и их объединений;

а также осуществляет иные полномочия, например, дает официальное толкование конституции (устава) субъекта Российской Федерации, участвует в процедурах проведения местных выборов и референдумов, вступления в должность главы субъекта Российской Федерации, применения мер конституционно-правовой ответственности в отношении органов государственной власти субъекта Российской Федерации и органов местного самоуправления, представляет парламенту доклады о состоянии конституционной (уставной) законности;

в установленном порядке принимает обращения к рассмотрению и выносит по ним окончательные и обязательные решения (заключения или постановления), которыми, в частности, признает соответствующими или несоответствующими конституции (уставу) проверяемые законы и иные нормативные правовые акты субъекта Российской Федерации (не соответствующие конституции (уставу) акты (положения) утрачивают силу), а также признает акты или их отдельные положения соответствующими конституции (уставу) в истолковании, данном советом. Решения советов учитываются федеральными судами и иными органами государственной власти,

[28] Для понимания того, насколько относительно положение государственного органа, можно обратить внимание на статус Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики, которая находилась в составе Верховного суда, но определялась как самостоятельный и независимый (в т.ч. от Верховного суда) орган конституционного контроля, принимающий окончательные и обязательные решения. В то же время Конституционный суд Республики Беларусь, являясь самостоятельным институтом, по сути, с 2008 г. превратился в орган при Президенте РБ, осуществляющий исключительно предварительный нормоконтроль всех принимаемых парламентом законов до их подписания президентом (см.: Конституционная юстиция в странах Восточной Европы: проблемы теории и практики / отв. ред. Я. Залесный. М., 2019. С. 142–194, 295–364). И ещё один пример: Государственный Совет РФ согласно Конституции РФ (п. «е.5» ст. 83) и Федеральному закону от 08.12.2020 г. «О Государственном Совете Российской Федерации» (см.: СЗ РФ. 2020. № 50 (ч. II), ст. 8039) характеризуется как конституционный государственный орган, но фактически состоит при Президенте РФ, возглавляется им и властными полномочиями не обладает.

[29] См.: *Кряжков В.А.* Конституционные суды земель Германии // Государство и право. 1995. № 5. С. 122.

что было бы правильно отразить в федеральном законодательстве;

финансируется из бюджета субъекта Российской Федерации, которое должно обеспечивать возможность осуществления независимой деятельности Совета.

Конституционные (уставные) положения о конституционном (уставном) совете должны конкретизироваться в соответствующем законе (конституционном или уставном, если таковой предусмотрен) субъекта Российской Федерации, а также в регламенте совета.

Таким образом, создание конституционных (уставных) советов при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации вполне возможно. При этом предложенный нами вариант их статуса – один из возможных и может различаться с учетом устремлений данных субъектов, во всяком случае до того момента, когда федеральным законодателем будут определены общие принципы организации и деятельности названных советов.

* * *

Конституционные (уставные) суды уходят в прошлое. Опыт их функционирования представляет собой уникальный исторический фрагмент конституционной юстиции Российской Федерации. Не исключено, что по мере развития и углубления федеративных отношений потребность в данном институте может возникнуть снова и «даже с удвоенной силой»[30]. Пока же в контексте конституционных преобразований субъектам Российской Федерации предлагается апробировать новую форму конституционного (уставного) контроля – конституционные (уставные) советы. Они не привычны и вряд ли станут равноценной заменой конституционным (уставным) судам, но многое зависит от самих субъектов Российской Федерации, их стремления образовывать эти советы с максимально полезными функциями для государственности и граждан, а также от поощрительных действий федеральных органов государственной власти в данном отношении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Астафичев П.А.* Проблемы организации конституционной (уставной) юстиции в субъектах Российской Федерации // Конституция. Конституционализм. Конституционный Суд / под ред. А.А. Ливеровского, А.И. Овчинникова. М., 2021. С. 66, 67.
2. *Галмаи Г.* Опыт конституционного правосудия в Венгрии // Государство и право. 1993. № 9. С. 63.
3. *Гриценко Е.* Федерализм и местное самоуправление в свете российской конституционной реформы 2020 года // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 4 (137). С. 88.
4. *Жданов И.Н.* Взаимодействие международного и национального права Финляндии. М., 2020. С. 41–49.
5. *Жданов И.Н.* Роль Конституционной комиссии Финляндии в имплементации норм международного и европейского права // Современное международное право: глобализация и интеграция. Liber Amicorum в честь профессора П.Н. Бирюкова: сб. науч. ст. Воронеж, 2016. С. 86–93.
6. *Клеандров М.И.* Конституционные изменения 2020 г. и механизмы правосудия: плюсы и минусы // Государство и право. 2020. № 10. С. 19.
7. *Кряжков В.А.* Конституционное правосудие в субъектах Российской Федерации (правовые основы и практика). М., 1999. С. 36.
8. *Кряжков В.А.* Конституционные суды земель Германии // Государство и право. 1995. № 5. С. 122.
9. *Кряжков В.*А. Региональная конституционная юстиция в Российской Федерации: состояние и пути развития // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 3 (60). С. 159.
10. *Мавлиев А., Чулков К.* Суды могут ликвидировать по уставу // Петербургский дневник. 2020. 19 авг. // Дайджест официальных материалов и публикаций периодической печати. Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии. 2020. № 5. С. 109.
11. *Митюков М.*А. Предтеча конституционного правосудия: взгляды, проекты, и институциональные предпосылки (30 – начало 90-х гг. XX в.). М., 2006. С. 117.
12. *Митюков М.А., Барнашов А.М.* Очерки конституционного правосудия. Томск, 1999. С. 281.
13. *Петренко Д.С.* Конституционная (уставная) юстиция в субъектах Российской Федерации (современные правовые проблемы и перспективы). М., 2007. С. 117, 118.
14. *Сунгуров А., Захарова А.* Уставные суды в субъектах Российской Федерации: сравнительный политико-правовой анализ // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 2 (129). С. 124–129.
15. *Туманов В.А.* Судебный контроль за конституционностью нормативных актов // Сов. государство и право. 1988. № 3. С. 15, 16.

[30] *Астафичев П.А.* Проблемы организации конституционной (уставной) юстиции в субъектах Российской Федерации // Конституция. Конституционализм. Конституционный Суд / под ред. А.А. Ливеровского, А.И. Овчинникова. М., 2021. С. 66, 67.

16. *Цалиев М.А.* Судебная власть субъектов Российской Федерации: история и современность // Российское право: образование, практика, наука. 2015. № 4. С. 39, 40.

REFERENCES

1. *Astafichev P.A.* Problems of the organization of constitutional (statutory) justice in the subjects of the Russian Federation // Constitution. Constitutionalism. The Constitutional Court / ed. by A.A. Liverovsky, A.I. Ovchinnikov. M., 2021. P. 66, 67 (in Russ.).
2. *Galmai G.* Experience of constitutional justice in Hungary // State and Law. 1993. No. 9. P. 63 (in Russ.).
3. *Gritsenko E.* Federalism and local self-government in the light of the Russian constitutional reform of 2020 // Comparative Constitutional Review. 2020. No. 4 (137). P. 88 (in Russ.).
4. *Zhdanov I.N.* Interaction of international and national law of Finland. M., 2020. P. 41–49 (in Russ.).
5. *Zhdanov I.N.* The role of the Constitutional Commission of Finland in the implementation of the norms of international and European law // Modern International Law: globalization and integration. Liber Amicorum in honor of Professor P.N. Biryukov: collection of scientific works. Voronezh, 2016. P. 86–93 (in Russ.).
6. *Kleandrov M.I.* Constitutional changes in 2020 and mechanisms of justice: pros and cons // State and Law. 2020. No. 10. P. 19 (in Russ.).
7. *Kryazhkov V.A.* Constitutional justice in the subjects of the Russian Federation (legal bases and practice). M., 1999. P. 36 (in Russ.).
8. *Kryazhkov V.A.* Constitutional courts of the lands of Germany // State and Law. 1995. No. 5. P. 122 (in Russ.).
9. *Kryazhkov V.A.* Regional constitutional justice in the Russian Federation: the state and ways of development // Comparative Constitutional Review. 2007. No. 3 (60). P. 159 (in Russ.).
10. *Mavliev A., Chulkov K.* Courts can liquidate according to the charter // St. Petersburg diary. 2020. 19 Aug. // Digest of official materials and publications of the periodical press. Constitutional justice in the CIS and Baltic countries. 2020. No. 5. P. 109 (in Russ.).
11. *Mityukov M.A.* The forerunner of constitutional justice: views, projects, and institutional prerequisites (30 – early 90^{s} of the XX century). M., 2006. P. 117 (in Russ.).
12. *Mityukov M.A., Barnashov A.M.* Essays of constitutional justice. Tomsk, 1999. P. 281 (in Russ.).
13. *Petrenko D.S.* Constitutional (statutory) justice in the subjects of the Russian Federation (modern legal problems and prospects). M., 2007. P. 117, 118 (in Russ.).
14. *Sungurov A., Zakharova A.* Statutory courts in the subjects of the Russian Federation: comparative political and legal analysis // Comparative Constitutional Review. 2019. No. 2 (129). P. 124–129 (in Russ.).
15. *Tumanov V.A.* Judicial control over the constitutionality of normative acts // Soviet State and Law. 1988. No. 3. P. 15, 16 (in Russ.).
16. *Tsaliev M.A.* Judicial power of the subjects of the Russian Federation: history and modernity // Russian law: education, practice, science. 2015. No. 4. P. 39, 40 (in Russ.).

Сведения об авторе

КРЯЖКОВ Владимир Алексеевич –
доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор Департамента публичного права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; 101000 г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20

Authors' information

KRYAZHKOV Vladimir A. –
Doctor of Law, Professor, Honored lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Public Law of the Faculty of Law of the National Research University "Higher School of Economics"; 20 Myasnitskaya str., 101000 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 9, с. 75–89
STATE AND LAW, 2021, № 9, pp. 75–89

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ЭТИКА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И БИОИНЖЕНЕРИИ

© 2021 г. И. А. Умнова-Конюхова[1, *], И. А. Алешкова[2, **]

[1]Российский государственный университет правосудия, г. Москва
[2]Институт научной информации общественных наук Российской академии наук (ИНИОН РАН), г. Москва

[*]E-mail: ikonyukhova@yandex.ru
[**]E-mail: ialeshkova@mail.ru

Поступила в редакцию 26.04.2021 г.

Аннотация. Статья посвящена анализу различных научных позиций, осмыслению, раскрытию и прогнозированию развития института прав человека в условиях внедрения информационных цифровых технологий и биоинженерии с точки зрения их обусловленности требованиями этики.
Авторы, в целом признавая значимость введения новых информационных и биоинженерных технологий для развития цивилизации, в то же время намерены показать не только позитивные, но и негативные последствия их влияния. Отмечаются основные этические риски для универсальной концепции прав человека, выражающиеся в обезличивании человека как индивида и нанесении вреда его естественно-правовой природе, жизни, достоинству, здоровью и свободе. В работе рассматриваются этико-правовые ценности прав человека в научной доктрине и международном праве, обращается внимание на этические аспекты развития цифровых прав и биоправ человека, отмечается актуальность защиты права на неприкосновенность частной жизни.

Ключевые слова: этика, цифровизация, биоинженерия, права человека, цифровое право, биоправо, цифровые права, биоправа, этико-правовые ценности права, право на неприкосновенность частной жизни.

Цитирование: *Умнова-Конюхова И.А., Алешкова И.А.* Права человека и этика в условиях развития информационных цифровых технологий и биоинженерии // Государство и право. 2021. № 9. С. 75–89.

Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ «Экспансия», номер проекта 20-111-50076.

DOI: 10.31857/S102694520016729-2

HUMAN RIGHTS AND ETHICS IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF INFORMATION DIGITAL TECHNOLOGIES AND BIOENGINEERING

© 2021 I. A. Umnova-Konyukhova[1, *], I. A. Aleshkova[2, **]

[1]Russian state University of justice, Moscow
[2]Institute of scientific information on social Sciences (INION RAS), Moscow

[*]E-mail: ikonyukhova@yandex.ru
[**]E-mail: ialeshkova@mail.ru

Received 26.04.2021

Abstract. The article is devoted to the analysis of various scientific positions, understanding, disclosure and forecasting of the development of the institute of human rights in the context of the widespread influence of information digital technologies and bioengineering from the point of view of their conditionality with the requirements of ethics. The authors, generally recognizing the importance of the introduction of new information and bioengineering technologies of the development of civilization, at the same time intend to show not only positive, but also negative consequences of their influence. The main ethical risks for the universal concept of human rights, expressed in the depersonalization of a person as an individual and harming his natural-legal nature, life, dignity, health and freedom, are noted. The paper examines the ethical and legal values of human rights in scientific doctrine and international law, draws attention to the ethical aspects of the development of digital rights and human bio-rights, and notes the relevance of the right to privacy.

Key words: ethics, digitalization, bioengineering, human rights, digital law, bio-law, digital rights, bio-law, ethical and legal values and principles of law, the right to privacy.

For citation: *Umnova-Konyukhova, I.A., Aleshkova, I.A. (2021).* Human rights and ethics in the context of the development of information digital technologies and bioengineering // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9. pp. 75–89.

This article was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research «Expansion», project number 20-111-50076.

Введение

Научно-техническая революция второй половины XX – начала XXI в. обозначила два заметных направления технологического прорыва – информационные цифровые технологии и биоинженерия как ведущая сфера внедрения биотехнологий. Каждое из этих направлений, а также их синтез выводит на целый комплекс этико-правовых проблем, связанных с развитием содержания и реализацией прав и свобод человека.

Внедрение цифро- и биотехнологий, а также их взаимосвязанное развитие имеет как положительные, так и отрицательные последствия. В частности, позитивным результатом синтеза цифровых технологий и биоинженерии в области медицины стало ускорение и повышение доступности диагностики при оценке угроз жизни и здоровью человека, внедрение искусственного интеллекта в медицину, оптимизирующего работу медицинских учреждений, формирование системы телемедицинских технологий и др. Позитивное влияние цифровых технологий на права человека выражается также в том, что появляется больше возможностей в поиске и управлении информацией через виртуальные источники информации; происходит экономия времени при реализации правомочий; расширяются способы взаимодействия человека, общества и государства.

Однако стоит признать, что ни государства, ни общество, ни конкретные люди и их социальные группы не были готовы к столь быстрому появлению новых возможностей, в том числе взаимодействия в дистанционном цифровом формате. Возникла своеобразная «черная дыра», с одной стороны, между создателями и операторами новых технологий и, с другой стороны, теми, кто их использует и потребляет, оплачивает соответствующие услуги.

Как отмечает, в частности, М. Залньериуте, новые и появляющиеся цифровые технологии создают уникальные и беспрецедентные по остроте проблемы для прав человека, поскольку цифровая инфраструктура – как материальная, так и виртуальная – как правило, принадлежит и координируется не государственными субъектами, поведение и политика которых традиционно ограничивается законодательством о правах человека, а частными субъектами. Эти проблемы еще более усугубляются беспрецедентной концентрацией власти в руках нескольких компаний, которые получили ее путем коммерциализации и использования личной информации людей. Существующие усилия, направленные на добровольную «социальную и корпоративную ответственность» и этические обязательства технологических и рекламных компаний, недостаточны и не в состоянии решить эти проблемы[1].

Отсутствие необходимых правовых регуляторов и действенных механизмов контроля за внедрением и применением новых технологий создало благоприятную почву для злоупотребления этими технологиями, нанесения вреда человеку и обществу на глубинном уровне существования человека как такового (human being), т.е. его геному, интеллекту, душе, психике и т.п. Использование в жизнедеятельности человека интенсивно развивающихся

[1] См.: *Zalnieriute M.* The Necessity for Binding Human Rights Obligations for Private Actors in the Digital Age: A Submission to the UN Human Rights Council on New and Emerging Technologies. 2019. UNSW Law Research Paper No. 19–81. P. 1–6. URL: https://ssrn.com/abstract=3470951 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3470951

биомедицинских технологий особенно в таких направлениях как синтетическая биология, геномная медицина и генная инженерия оказывают существенное влияние на отклонение человека от траекторий, заданных естественной природой. Вопрос об их двойном назначении является одним из самых обсуждаемых в научной литературе[2], как отмечают, к примеру, С. Миллер и М. Дж. Селгелид. Растет число ученых, которые подчеркивают не только позитивные перспективы их использования, но и высказывают серьезные опасения (А. Роджерс, Д.Д. де Бузинген, Дж.Х. Эванс, Х. Джоас, К. Касим и др.)[3]. Дискуссионными являются инновации, влекущие изменения в человеческом организме, которые могут оказывать влияние на развитие и природу человека в целом, а соответственно, затрагивают будущие поколения[4]. Вышеназванные проблемы напрямую выходят на вопросы этики человеческой жизни и общественной нравственности, трансформация которых влечет за собой изменение гуманистической направленности содержания прав человека.

1. Общие этико-правовые проблемы влияния цифровых и биоинженерных технологий на развитие и реализацию прав человека

Универсальные права человека до научно-технологического прорыва второй половины XX – начала XXI в. характеризовались как стабильно развивающиеся правовые константы, обеспечивающие не только частный и публичный интересы, но и определяющие вектор развития государства и права. Они признавались как на международном, так и внутригосударственном уровнях продуктом согласия и компромисса, их содержание включало гуманистические и общесоциальные ценности, а главной их особенностью являлась преемственность в различных культурах.

Глобализация и прорывные технологии стали причиной изменения заложенных в правах человека положений метаэтики[5], а также породили конфликт между универсальными правами человека и такими прорывными технологиями как цифровизация и биоинженерия. По мнению Р.Э. Эшкрофта и Б. Чиарелли, появление биоправ предопределило необходимость их взаимодействия с биоэтикой[6]. Аналогичным образом, как отмечают Т. Мерфи, Г.О. Куинн, Н. Бостром, реализация цифровых возможностей в парадигме цифровых прав человека усилило этические аспекты цифрового правового статуса личности[7]. Этические вопросы научно-технологического развития, которые когда-то возникали только в узком контексте взаимоотношений, теперь поднимаются в разных государствах, обществах, культурах, на разных континентах и рассматриваются в общем контексте прогресса и регресса, о чем пишут, в частности, Р.М. Грин, А. Донован, С.А. Джаусс и др[8].

Расширение влияния цифровых технологий и биоинженерии на общественные отношения обусловило интенсивное формирование цифрового права и биологического права как новых правовых комплексов, а в перспективе – отраслей права нового поколения[9]. Наряду с проблемами систематизации правовых норм, регулирующих цифровые и биотехнологические отношения, цифровое право и биоправо должны быть наполнены этическими нормами и вытекающими из них соответствующими ценностными ориентирами. В определенной мере можно утверждать, что ныне уже положено начало учета биоправом требований биоэтики (В.Р. Поттер, Р. Чедвик, Д. Уилсон, Т.Л. Бошамп,

---

[2] См.: *Miller S., Selgelid M.J.* Ethical and Philosophical Consideration of the Dual-use Dilemma in the Biological Sciences // Science and Engineering Ethics. 2007. Vol. 13. P. 523–580.

[3] См., напр.: *Rogers A., Durand De Bousingen D.D.* Bioethics in Europe. Council of Europe Press, 1995; *Evans J.H.* The History and Future of Bioethics: A sociological view. Oxford. 2012; *Joas H.* The Sacredness of the Person: A new genealogy of human rights. Georgetown UP, 2013; *Qasim Q. (ed.)* Molecular remission of infant B-ALL after infusion of universal TALEN gene-edited CAR T cells // Science Translational Medicine. 2017. Vol. 9 (374). P. 1–8.

[4] См., напр.: *Nordberg A.* Cutting edges and weaving threads in the gene editing (Я)evolution: reconciling scientific progress with legal, ethical, and social concerns // Journal of Law and the Biosciences. 2018. P. 35–83; *Ashcroft R.E.* Could Human Rights Supersede Bioethics? // Human Rights Law Review. 2010. Vol. 10. Issue 4. P. 639–660; *Ashcroft R.E.* Euthanasia and the nature of suffering in addiction. Addiction. 2018. Vol. 113. No. 7. P. 1183, 1184; *Ashcroft R.E.* Law and the perils of philosophical grafts // Journal of medical ethics. 2018. Vol. 44. No. 1. P. 72.

[5] См.: *Tristram Engelhardt Jr. H. (ed.)* Global bioethics: the collapse of the consensus. Salem, Massachusetts, 2006; *Grear A., Weston B.H.* The Betrayal of Human Rights and the Urgency of Universal Corporate Accountability: Reflections on a Post-Kiobel Lawscape // Human Rights Law Review. 2015. No. 15 (1). P. 21–44.

[6] См.: *Ashcroft R.E.* Could Human Rights Supersede Bioethics? P. 639–660; *Chiarelli B. (ed.)* Global Bioethics – the Perspective of Human Survival. Rijeka, 2011.

[7] См.: *Murphy T., Cuinn G.O.* Works in Progress: New Technologies and the European Court of Human Rights // Human Rights Law Review. 2010. No. 10 (4). P. 601–638; *Бостром Н.* Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / пер. с англ. С. Филина. М., 2016.

[8] См.: *Green R.M. (ed.)* Global Bioethics: Issues of Conscience for the Twenty-First Century. New York, 2009.

[9] Об отраслях права нового поколения см.: *Умнова И.А.* Тенденции и перспективы развития правовых систем в условиях глобализации права // Российское законодательство: тенденции и перспективы. М., 2013. С. 77–97; *Умнова (Конюхова) И.А.* Конституционное право и международное публичное право: теория и практика взаимодействия. М., 2016. С. 71–89; *Малько А.В., Афанасьев С.Ф., Борисова В.Ф., Кроткова Н.В.* Обзор методологического семинара на тему «Цифровое право: методология исследования» (18 апреля 2019 г., Саратовская государственная юридическая академия, Саратовский филиал Института государства и права РАН) // Государство и право. 2019. № 8. С. 122–128. DOI: 10.31857/S013207690006253-0

Дж. Чилдресс)[10], а цифровым правом – соответственно, императивов цифровой этики (Т. Байнум)[11]. Но данные вектора конвергенции права и этики находятся еще только, на наш взгляд, в зачаточном состоянии. Создатели и пользователи цифровыми и биотехнологическими ресурсами не придерживаются соответствующих требований цифровой этики и биоэтики, взаимодействующих с правом.

Следует отметить растущую обеспокоенность российских и зарубежных исследователей процессами трансформации универсальных прав человека, вступающими в определенных случаях в конфликт с этическими нормами. К примеру, ряд отечественных ученых призывают искать оптимальные варианты стратегии развития права в целом и прав человека, в частности[12]. Ныне все чаще высказывается обеспокоенность роста неблагоприятного влияния новых технологий на устоявшуюся этико-правовую концепцию прав человека[13]. Как отмечает В.Д. Зорькин, на каждом этапе в истории человечества важнейшим показателем его разумности является степень развитости социально-нормативной системы, включающей право, личную мораль и общественную мораль (нравственность)[14].

В условиях интенсивного развития информационно-коммуникационных цифровых технологий и биоинженерии стало реальностью не только расширение правового регулирования общественных отношений, но и новое интерпретирование содержания общепризнанных универсальных прав человека, гарантий и пределов их ограничения. Возникла необходимость осмысления факта появления цифровых прав и биоправ как прав четвертого поколения, выявления этических требований к их содержанию и созданию оптимальных моделей правового регулирования.

Отсутствие социальной сплоченности, а также солидарной ответственности государств перед человечеством в сфере использования передовых цифро- и биотехнологий являются вопросами, требующими консолидации усилий при их решении со стороны международного сообщества и государств. К сожалению, консолидация усилий в цифровых технологиях и в биоинженерии остается перспективой, а не реальностью. Односторонние прорывы в технологиях со стороны узких исследовательских структур отдельных государств, нарушающие одновременно нормы этики и права свидетельствуют о проблемах противостояния гуманизма с трансгуманизмом, о кризисе управляемости данными процессами, влияющими на судьбу человечества. В частности, заявление профессора Шэньчжэньского университета Хэ Цзянькуй из КНР о том, что ему впервые удалось создать генетически модифицированных детей, произошло в условиях существования запретов на международном уровне относительно редактирования генов[15]. На следующий день после этого выступления китайские власти, ученые и медики официально заявили, что не имеют никакого отношения к скандальному эксперименту по рождению генетически модифицированных

---

[10] Считается, что термин «биоэтика» в научной литературе впервые был использован В.Р. Поттером, в изданной им в 1971 г. работе «Биоэтика: мост в будущее» он называл биоэтику «мостом» между «фактами» и «ценностями» (см.: *Potter V.R.* Bioethics: Bridge to the future. Englewood Cliffs, N.J. Prentice-Hall. 1971). Принципы биоэтики комплексно охватывают философию, медицину, биологию, экологию, право и др. К классическим принципам биоэтики относятся гуманизм, уважение достоинства, уважение автономии личности, справедливость, недопустимость причинения вреда, *целостность* человеческой личности (см.: *Beauchamp T.L., Childress J.F.* Principles of biomedical ethics. 4th ed. Oxford, 1994).

[11] Цифровая этика разрабатывалась с 1940-х годов (Н. Винер, Й. Вайценбаум). В большинстве своем она касалась в основном профессиональных вопросов компьютерных ученых. Ныне этические проблемы воздействия компьютерных технологий затрагивают не только профессию, но и общество в целом, а следовательно, и права человека (см.: *Bynum T.* Компьютерная и информационная этика. Стэнфордская энциклопедия философии. В: Zalta EN (ed) – 2015). URL:-http://plato.stanford.edu/archives/win2015/entries/ethics-computer/

[12] См.: *Кроткова Н.В.* «Круглый стол»: «Права человека и стратегия устойчивого развития» // Государство и право. 1998. № 11. С. 57–66; *Степин В.С.* Права человека в эпоху глобализации и диалога культур // Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов. М., 2009. С. 8–17; *Хабриева Т.Я.* Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал росс. права. 2018. № 9. С. 5–16; *Галузо В.Н., Канафин Н.А.* Цифровое право в Российской Федерации: нонсенс или реальность? // Право и государство: теория и практика. 2018. № 8. С. 118–125.

[13] См.: *Москалева О.* Опасности, которые таит цифровизация // Жилищное право. 2017. № 10. С. 63–72; *Соловых Н.Н.* Цифровая экономика диктует необходимость квалифицированных кадров с новыми компетенциями // Росс. следователь. 2018. № 5. С. 64–68; *Талапина Э.В.* Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал росс. права. 2018. № 2. С. 5–17; *Варламова Н.В.* Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды ИГП РАН. 2019. № 4. Т. 14. С. 9–46; *Камалова Г.Г.* Правовое обеспечение конфиденциальности информации в цифровую эпоху: современное состояние институциализации и перспективы // Государство и право. 2019. № 6. С. 74–83; *Скляр М.А., Кудрявцева К.В.* Цифровизация: основные направления, преимущества и риски // Экономическое возрождение России. 2019. № 3 (61). С. 106, 107; *Малько А.В., Афанасьев С.Ф., Борисова В.Ф., Кроткова Н.В.* Проблемы цифровизации в сфере осуществления правосудия // Государство и право. 2020. № 10. С. 151–159. DOI: 10.31857/S102694520012242–7; *Eichhorst W., Rinne U.* Digital Challenges for the Welfare State. Bonn, Germany Policy Paper. 2017. No. 134. P. 5–9; *Kleinberg J., Ludwig J., Mullainathan S. & Sunstein C.R.* Discrimination in the Age of Algorithms // Journal of Legal Analysis. 2018. Vol. 10. P. 113–174.

[14] См.: *Зорькин В.Д.* Право против хаоса. М., 2019. С. 31.

[15] См.: *Воронин Н.* Китайский профессор объявил о рождении генетически модифицированных детей. Ученые в гневе // News BBS. Русская служба. URL: https://www.bbc.com/russian/features-46347487. 26.11.2018

детей. Научное сообщество Китая-опубликовало открытое письмо, категорически осуждающее его работу[16].

Отсутствие солидарности наблюдается у государств и в отношении синтеза цифровых и биотехнологий в контексте создания т.н. виртуальных или цифровых «личностей»-роботов (например, о проблемах виртуализации и цифровизации субъектов права пишут В.Д. Зорькин, Э.В. Талапина, Т.Я. Хабриева)[17]. Уже возникли прецеденты формирования правового статуса так называемой «электронной личности». В 2016 г. в Европарламентом был представлен свод правил, согласно которому роботы с искусственным интеллектом получают статус «электронной личности» и наделяются определенными правами и обязанностями. Королевство Саудовская Аравия стала первым в истории государством, «предоставившим» в 2017 г. антропоморфному роботу Софии гражданство, хотя это скорее выглядело как рекламная кампания[18]. Очевидно, что признание такой практики напрямую выходит на вопросы этики, социально-нравственных и духовно-религиозных ценностных ориентиров. Встает вопрос об обозначении пределов виртуальности лица для правовой среды. Не только с правовой, но и с этической точки зрения не может быть субъектом права лицо, не связанное с юридически значимой и прозрачной идентификацией в цифровом виртуальном пространстве и потому не способное нести правовую ответственность. У государства не может быть отношений, обязательств с лицом, которое не идентифицировало себя как личность, оно не может гарантировать человеку права и свободы или привлечь к ответственности того, кто за «никнеймом» скрывает свои реальные персональные данные. У государства не может быть также правовых отношений с роботом или искусственным интеллектом. В реальности оно выстраивает правовые связи с тем лицом или лицами (коллективом), которые оперируют данным роботом (искусственным интеллектом) в виртуальном пространстве в определенно заданных целях.

Таким образом, общие этико-правовые проблемы влияния цифровых и биоинженерных технологий на развитие и реализацию прав человека выходят на глубинные аспекты гуманистической сущности права и субъектов правоотношений, на проблемы этического наполнения прав человека, заставляют осуществить новое прочтение универсальных прав для гарантирования их содержания и развития. В контексте задач систематизации правовых норм в систему отраслей права нового поколения, а именно цифрового права и биоправа особое значение приобретает синтез последних, соответственно, с цифровой этикой и биоэтикой.

2. Этико-правовые ценности прав человека в цифровом праве и биоправе: научные подходы и международно-правовое регулирование

В научной литературе все больше внимания уделяется универсальным ценностям этики и их синхронизации с фундаментальными ценностями прав человека, которые подвергаются испытанию и трансформации на фоне непрерывной конкуренции между ними. В частности, английские ученые Т. Родден, Ю. Роджерс, А. Селлен, Р. Харпер, анализируя процессы развития, отмечают, что в поликультурном мире часто могут возникать конфликтующие системы ценностей[19]. Э. Вальдес и Х.А. Лекарос подчеркивают значимость формирования нового образа мышления в связи с происходящими трансформациями ценностей[20].

Среди вызовов фундаментальным правовым ценностям цифровизация и биоинженерия занимают лидирующее место. В юридической литературе при анализе этих проблем акцент ставится на необходимость верификации пределов трансформации устоявшихся ценностей и изменения менталитета, основанного на общественной нравственности (морали). На наш взгляд, следует определить общие, совпадающие у права и этики ценностные подходы в этом направлении. Данные подходы должны обеспечить трансформацию этико-социальных норм в систему правовых норм, определяющих содержание цифровых и биоинженерных отношений в контексте их влияния на права человека и, соответственно, обязанности государства и иных субъектов права по их реализации в рамках требований этико-социальной парадигмы человеческого общества.

---

[16] См.: *Воронин Н.* «Это безумие»: от китайского профессора-генетика открестились клиника, университет и коллеги // BBC. 2018. 27 нояб. URL: https://www.bbc.com/russian/news-46360329

[17] См.: *Талапина Э.В.* Указ. соч. С. 17; *Хабриева Т.Я.* Указ. соч. С. 12; *Зорькин В.Д.* Providentia или о праве будущего в эпоху цифровизации // Государство и право. 2020. № 6. С. 7–19.

[18] См. об этом: *Кудрявцев Н.* Человекоподобный робот получил гражданство Саудовской Аравии. URL: https://www.popmech.ru/technologies/news-393732-chelovekopodobnyy-robot-poluchil-grazhdanstvo-saudovskoy-aravii (дата обращения: 09.04.2021); *Клеандров М.И.* О направлениях совершенствования механизма судебной власти в обеспечении справедливости правосудия // Государство и право. 2021. № 3. С. 8. DOI: 10.31857/S102694520014034-8

[19] См.: Быть человеком: взаимодействие человека и компьютера в 2020 году. Исследования Microsoft, Кембридж, Великобритания, 2008. С. 57; *Sellen A., Rogers Y., Harper R. & Rodden T.* Reflecting human values in the digital age // Communications of the ACM. 2009. Vol. 52. No. 3. P. 58–66.

[20] См.: *Valdés E. & Lecaros J.A. (eds.)* Biolaw and Policy in the Twenty-First Century.: International Library of Ethics, Law, and the New Medicine. 2019.

Важно оговориться, что границы между правовыми ценностями прав человека размыты. Нередко права человека одновременно рассматриваются как универсальные. Это касается не только международно-правовых актов и законодательства государств, но и аналитических документов, отражающих современные научно-доктринальные подходы. В частности, в Аналитическом докладе 2020 г. «Этика и «цифра»: этические проблемы цифровых технологий», представленном РАНХиГС и Центром подготовки руководителей цифровой трансформации, отмечается важность не только формирования новых подходов к решению этических проблем в цифровой среде, но и значимость сохранения общечеловеческих ценностей, в т.ч. таких как добросовестность, помощь нуждающимся, уважение прав человека, гуманизм, добродетельность[21].

Необходимо заметить, что в отношении цифрового права система этико-правовых принципов практически еще не вычленена наукой как целостная конструкция. Внимание исследователей больше привлекает реализация традиционных общепризнанных принципов прав человека в парадигме взаимодействия с требованиями этики личности и общественной нравственности.

Не менее сложной взаимосвязью этики и права видится конвергенция этико-социальных ценностей и принципов биоправа. Круг названных принципов неустойчив, и в научной литературе значительно варьируется. При этом некоторые ученые предпринимают попытку выделить те принципы права, которые полностью совпадают с этическими принципами. К примеру, в системе принципов биоправа Lü Yao-Huai рассматривает следующие этические принципы: уважения; информированного согласия; равновесия (между защитой частной жизни и общественной безопасностью); социальной ректификации (очищения), отмечая их важное значение в правовом регулировании вопросов, связанных с использованием новых биотехнологий[22].

Принципы биоправа обусловлены естественными правами человека и, в свою очередь, определяют рамки их регулирования. А. Оллеро, рассматривая принцип биологической (физической и психологической) автономии, обращает внимание на значимость его согласованности с правом на жизнь, правом на достоинство, свободой совести и др[23]. К. Касонато в своем научном исследовании указывает на важность принципа достоверности при формировании биоправа[24].

На международно-правовом уровне предпринята попытка обозначить связь этических принципов с общепризнанными принципами прав человека для их учета в процессе развития цифровизации и биоинженерии. Можно констатировать, что в определенной мере уже сформулированы основные принципы международного цифрового права и международного биоправа.

Некоторые из принципов международного цифрового права зафиксированы в Конвенции о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (Орхусская конвенция) (1998 г., вступила в силу в 2001 г.), в Окинавской хартии глобального информационного общества (2000 г.), в Женевской декларации принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» (2003 г.), в Тунисской программе для информационного общества (2005 г.), в Политической декларации Политического форума высокого уровня по устойчивому развитию (2019 г.).

В Окинавской хартии глобального информационного общества, принятой представителями восьми ведущих государств, включая Российскую Федерацию, особое внимание обращено на ~~новые~~ возможности взаимного сотрудничества в целях противодействие злоупотреблениям, подрывающим целостность глобальных сетей; устойчивого развития и безопасности информационно-коммуникативных сетей и цифровых технологий; сокращения разрыва в цифровых достижениях и др[25]. В Тунисской программе для информационного общества 2005 г.[26] подчеркивается значимость использования искусственного интеллекта в сфере защиты универсальных прав человека. В ней отмечается значимость цифровой солидарности и необходимость создания условий для мобилизации людских, финансовых и технологических ресурсов, а также для преодоления разрыва в цифровых технологиях[27].

---

[21] См.: URL: https://ethics.cdto.center/1_1

[22] См.: *Yao-Huai L.* Privacy and data privacy in contemporary China // Ethics and Information Technology. 2005. No. 7. P. 7–15.

[23] См.: *Ollero A.* La invisibilidad del otro. Eutanasia y dignidad humana // Aldaba. 2004. No. 32. P. 139–164.

[24] См.: *Casonato C.* The Essential Features of 21st Century Biolaw. In: *Valdés E., Lecaros J. (eds)* Biolaw and Policy in the Twenty-First Century. International Library of Ethics, Law, and the New Medicine. 2019. Vol. 78. P. 347.

[25] См.: Окинавская хартия Глобального информационного общества. Окинава, 2000. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3170 (дата обращения: 11.02.2021).

[26] См.: Тунисская программа для информационного общества. Тунис, 2005 г. URL: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/agenda_wsis.pdf (дата обращения: 11.02.2021).

[27] См.: План действий. Женева, 2003 г. Повестка дня цифровой солидарности. URL: https://www.itu.int/net/wsis/outcome/booklet.pdf (дата обращения: 11.02.2021).

В контексте систематизации норм цифровизации, соединяющих этические и правовые требования, особый интерес представляет Рекомендация от 22 октября 2020 г. 2344 «Интерфейс “мозг-компьютер”: новые права или новые угрозы для основных свобод?», принятая Постоянной комиссией, действующей от имени ПАСЕ. В ней обращено внимание на значимость этических принципов в связи с развитием искусственного интеллекта и его влияние на права человека. ПАСЕ считает, что в отношении разработки и применения нейротехнологий и интерфейсов «мозг-компьютер» должны применяться следующие этические принципы: полезность и предотвращение вредоносного использования. Эти технологии должны разрабатываться и применяться в целях, согласующихся с уважением прав и достоинства человека (п. 6.1.); безопасностью и предосторожностью (п. 6.2.); приватностью и конфиденциальностью (п. 6.3.); автономией и запретом на использование технологии против воли субъекта (п. 6.4.); свободой действий и ответственностью человека (п. 6.5); равенством, добросовестностью и инклюзивностью (п. 6.6.); обеспечением доверия общественности за счет транспарентности, консультаций и обучения/просвещения (п. 6.7.)[28].

Система норм биоправа представлена еще более широко на международном уровне. В Декларации от 12 ноября 1997 г. «Об ответственности нынешних поколений перед будущими поколениями» были выделены общие нормы, имеющие важное значение для биоправа: устойчивое развитие; предосторожность; недопустимость никаких посягательств на существо и формы человеческой жизни; недопустимость пагубных изменений экосистем; недопустимость того, чтобы научно-технический прогресс во всех областях наносил ущерб жизни на планете Земля; обеспечение ценности генома человека; биологическое и культурное многообразие; солидарная ответственность и ряд др.

Значительное влияние на формирование международной системы принципов, регулирующих реализацию достижений биотехнологии в жизнедеятельности человека, оказали Руководящие принципы этики, и рекомендации по защите человека, установленные для медицинских исследований на человеке 1979 г. («Бельмонтские принципы»). В них были сформулированы три основные этические установки, касающиеся медицинских исследований на человеке: уважение личности, благо (благодеяние) и справедливость. Конечно, эти три универсальных положения принципа не исчерпывают все этические требования к биомедицинским исследованиям и их внедрению, но представляют собой исходный этический каркас для разработки правовых ограничений проведения исследований и экспериментов на человеке, проведения преобразований в его теле и разуме. Так, принцип уважения личности применительно к биоправу состоит из двух основных требований: а) уважение автономии индивидов, которые способны делать самостоятельный выбор и принимать решения; б) защита лиц, которые имеют ограниченную автономию (т.е. в той или иной степени зависимых от других или особо уязвимых), от различных форм вреда или иных злоупотреблений в сфере биоинженерии, биомедицины и других сферах, влияющих на экологию человека. Принцип блага (благодеяния) формируется, на наш взгляд, из двух базисных правил: 1) добиваться максимально возможной пользы или блага для человека и 2) не причинять вред от использования биотехнологий или сводить его к минимуму в условиях объективной необходимости их применения.

На реализацию задачи учета требований этики в биоинженерии нацелена также Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека от 19 октября 2005 г.,[29] объединившая целый каталог общих универсальных и отраслевых норм биоправа как международно-правовых стандартов. Из общих норм в каталог вошли: уважение человеческого достоинства, прав человека и основных свобод; приоритет интересов и благосостояния отдельного человека над интересами науки или общества; уважение неприкосновенности личности; неприкосновенность частной жизни и конфиденциальности; равенство, справедливость и равноправие; недопустимость дискриминации и стигматизации; уважение культурного разнообразия и плюрализма; солидарность и социальное сотрудничество; запрет умаления прав человека; самостоятельность в принятии решений и индивидуальной ответственности; недопущение маргинализации и отчуждения лиц на каких бы то ни было основаниях; социальная ответственность перед будущими поколениями и др.

Отраслевые нормы биоправа коснулись конкретных требований к медицинской и биоинженерной деятельности: минимизация любого возможного вреда в процессе применения и развития научных знаний, медицинской практики и технологий; обязательном предварительном, свободном и информированном согласии соответствующего лица на основе надлежащей информации; допустимости отзыва согласия на медицинское вмешательство; сдержанности, исходя из нравственных

[28] См.: Рекомендация ПАСЕ 2344 «Интерфейс “мозг-компьютер”: новые права или новые угрозы основным свободам?» (Страсбург, 2020). URL: https://rm.coe.int/adoptedtextscp-oct-20-ru/1680a043a6 (дата обращения: 11.02.2021).

[29] Принята Генеральной конференцией ЮНЕСКО по докладу Комиссии III на 18-м пленарном заседании (см.: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml).

установок, выработанных в сознании общества, медицины, науках о жизни и технологиях применительно к человеку; поощрении профессионализма, честности, добросовестности и транспарентности в принятии решений и рассмотрении биоэтических проблем.

Одновременно с общими и отраслевыми нормами ~~принципами~~ биоправа в системе современного международного биоправа развиваются каталоги специальных норм. Так, во Всеобщей декларации от 11 ноября 1997 г. «О геноме человека и правах человека»[30], исходя из общих принципов уважения достоинства человеческой личности, равноправия и взаимного уважения людей, определены следующие специальные нормы генома человека: недопустимость сведения идентичности человека к его генетическим характеристикам; уважение человеческой уникальности и многообразия; запрет на получение доходов на геноме человека; обязательное согласие человека на исследования, лечение или диагностику, связанные с геномом; запрет дискриминации по признаку генетических характеристик; конфиденциальность генетических данных; недопустимость превалирования над уважением прав, основных свобод и достоинством человека; запрет клонирования и др.

К началу нынешнего столетия были намечены общие контуры концепции «генетической конституции человека». Такая задача была реализована в Международной декларации о генетических данных человека 2003 г., в которой были обозначены общие нормы уникальности и идентичности генетической конституции человека[31]. Наряду с нормами генома человека в основу генетической конституции человека должны быть положены, как представляется, также ограничительные нормы клонирования человека.

На уровне европейского правового пространства действует Конвенция «О защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине» ETS № 164 (заключена в г. Овьедо 04.04.1997 г., вступила в силу 01.12.1999 г., с последующими изм.). В «Конвенции Овьедо» нашло отражение существенное количество норм биоправа: уважение частной жизни, в т.ч., когда это касается сведений о здоровье; уважение желания человека на информированность о состоянии своего здоровья; соблюдение целостности личности при применении достижений биологии и медицины; приоритет интереса и блага человека над интересами общества или науки; доступность медицинской помощи приемлемого качества; медицинское вмешательство, включая вмешательство с исследовательскими целями, в соответствии с профессиональными требованиями и стандартами; добровольное согласие на медицинское вмешательство; обязательное информирование о цели и характере вмешательства, а также о его последствиях и рисках; запрет дискриминации по признаку генетического наследия; недопустимость изменения генома наследников человека; запрет создания эмбрионов человека в исследовательских целях; ограниченное правом, но допустимое изъятие органов и тканей у живых доноров в целях трансплантации; запрет на извлечение финансовой выгоды от тела человека и его частей; ограниченное правом, но допустимое использование изъятых частей тела человека[32]. Как видно из перечня данных норм, наряду с конкретными запретами по некоторым вопросам формируется лишь общий, векторный режим развития биоправа в контексте защиты человеческого достоинства, его здоровья и идентичности.

Правовые пределы применения достижений цифровизации и биоинженерии взаимосвязанно включают этические и правовые аспекты ограничения воздействия на человека и его организм. При этом нередко обнаруживается регулятивная дихотомия общих универсальных и отраслевых или специальных норм права. В частности, ключевым критерием противодействия инфекциям и вирусам является норма, согласно которой права одного человека, страдающего инфекционным заболеванием, не должны нарушать права другого человека на охрану здоровья. Именно с этим связано то, что противоэпидемические и медицинские мероприятия подчас приобретают принудительный характер. Однако здесь имеется и иная, оборотная сторона реализации достижений технологий – добровольность и доступность таких достижений, определяемая свободой выбора и автономией личности.

Представляется, что в контексте взаимосвязи этики и права следует особое внимание уделить внимание свободе выбора и равенству возможностей. Ученые обращают внимание на рост неравенства и соответственно на отсутствие свободы выбора при внедрении цифровых технологий и биоинженерии как на этико-правовую проблему.

Вопрос социального неравенства всегда был в обществе одним из актуальных и варьировался во взаимосвязи с социально-экономическим статусом, гендера и т.д. В результате распространения биотехнологий и цифровых режимов социального взаимодействия создается предпосылка

[30] Принята на 29-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО.

[31] См.: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/genome_dec.shtml

[32] См.: URL: https://rm.coe.int/168007d004

к возникновению новой конфигурации неравенства, обусловленной различием именно в возможностях. В числе основных проблем неравенства при цифровизации учеными отмечаются отсутствие равных возможностей доступа к Интернету, различные уровни электронной грамотности, различные способности восприятия новых цифровых возможностей, связанные с аналитическим психотипом людей и т.д.[33] Проблема неравенства выявляется также при рассмотрении последствий внедрения биотехнологий. В частности, безнравственное использование новых технологий биоинженерии может привести к нарушению прав на традиционную семью, на достоинство, на будущее, на здоровье, на безопасность и др.

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что общие этико-правовые проблемы влияния цифровых и биоинженерных технологий на развитие и реализацию прав человека связаны с отсутствием универсальной концепции этико-правовых ценностей, которые могли бы обеспечить гуманизм и гармонию в естественной эволюции человеческой цивилизации, сохранение идентичности человеческой личности – human being, равновесие различных культур и традиций, а также баланс частных и публичных интересов.

3. Актуализация проблем этического содержания цифровых прав и биоправ. Право на неприкосновенность частной жизни в условиях развития цифровизации и биоинженерии

В условиях интенсивного развития цифровизации и биоинженерии возникли обособленные группы т.н. цифровых прав и биоправ человека. Появление данных видов прав актуализировало этические аспекты их содержания и реализации.

Понятие «цифровые права» устойчиво входит в научный оборот в отечественном и зарубежном правоведении. Одновременно исследователями отмечаются этические аспекты их содержания. В числе цифровых прав, содержание которых охватывает требования этики, выделяются: право на доступ к цифровой информации, право на доступ к Интернету, право на цифровые услуги, право на цифровую коммуникацию, право на защиту персональных данных (право на цифровую конфиденциальность), право на забвение, право на защиту от нежелательной цифровой информации, право на удаление положительной информации, размещенной в сети Интернет, право на информационную приватность, право на свободу выбора цифрового профиля, право на информационную безопасность, право на цифровую автономию, право на цифровую идентификацию и др. Система данных прав в государствах формируется в нормативных актах об информации[34].

В исследованиях правоведы также отмечают этико-социальное наполнение связи биотехнологий с правами человека[35]. Эта корреляция прослеживается в группе биоправ, т.е. прав, связанных с человеческим организмом. Можно выделить три основных блока биоправ: 1) связанные непосредственно с человеческим организмом: так называемые соматические (т.е. права на сохранение жизни, смерть, тело, органы, защиту от генетически модифицированных организмов и др.); 2) репродуктивные права (права на искусственное оплодотворение, клонирование, трансплантацию, аборт, стерилизацию, перемену пола, и т.д.); 3) направленные на защиту от вызовов и угроз экологии и биологической идентичности человека (права на биобезопасность, чистую воду, чистый воздух, защиту от содомии, гендерную или генетическую идентичность, самоидентификацию и др.).

Безнравственное пользование возможностями биотехнологий, влияющими на человеческий организм и способными в конечном счете изменить или даже трансформировать человеческое тело и сознание, может привести к социальной дезориентации и злоупотреблению правом, войти в противоречия с общественной нравственностью, культурой и традициями общества, вызвать социальный протест и социальное напряжение. Соответственно, одним из актуальных остается вопрос об ответственности за нарушения прав человека, который неоднократно поднимался в научной литературе, а в условиях интенсивного развития биотехнологий стал глобальным[36].

Внедрение цифровых технологий и биоинженерии оказало влияние не только на содержание цифровых прав и биоправ. Трансформации подвергается содержание традиционных, общепризнанных

[33] См., напр.: Цифра и власть: цифровые технологии в государственном управлении / под ред. С.Д. Козлова, О.Н. Слоботчикова. М., 2020.

[34] См., напр.: Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I), ст. 3448.

[35] См.. напр.: *Vasak K.* Human Rights: A Thirty-Year Struggle: The Sustained Efforts to Give Force of the Universal Declaration of Human Rights. 1977. P. 29–32; *Carlos J.* Cassagne Los nuevos derechos y garantías // Revista de Investigações Constitucionais. 2016. Vol. 3. No. 1. P. 59–108; *Brokowski C., Adli M.* CRISPR Ethics: Moral Considerations for Applications of a Powerful Tool // Journal of Molecular Biology. 2018. Vol. 431. Issue 1. P. 88–101; *Nordberg A. (ed.)* Op. cit. P. 35–83; *Molly K.* Land and Jay D. Aronson, New Technologies for Human Rights Law and Practice 2018. Cambridge University Press; Трансформации прав человека в современном мире / отв. ред. А.Н. Савенков. М., 2018.

[36] См.: *Orts E.W., Anton D.K. & Shelton D.* Human Rights, the Environment, and Corporate Accountability // Environmental Protection and Human Rights. 2017. P. 863–976; *Bantekas I., University B., Oette L.* School of Oriental and African Studies. London, 2016. P. 4–48.

прав человека. Особую озабоченность у экспертов вызывают цифровые и биоинженерные вызовы праву человека на неприкосновенность частной жизни.

Так, ученые Ф. Расо, Х. Хиллигосс, В. Кришнамурти, К. Бавиц и Л. Ким в статье, посвященной изучению подходов к обеспечению соблюдения и защиты прав человека в условиях применения цифровых и информационных технологий, обращают внимание на то, что право на неприкосновенность частной жизни станет уязвимым и слабо защищенным, поскольку зависит от сбора и использования огромных объемов данных для составления прогнозов, которые во многих случаях служат для закрепления существующих социальных моделей предвзятости и дискриминации[37].

Х.С. Сотра, подчеркивая, что в эпоху больших данных неприкосновенность частной жизни находится под угрозой, а различные формы наблюдения представляют угрозу свободе, считает, что в этой ситуации важно найти компромисс между «полезностью» и «свободой», аргументируя это тем, что: а) большие данные угрожают конфиденциальности и позволяют слежку, б) отсутствуют альтернативы образу жизни, предполагающие использование больших данных, что ведет к чему-то вроде принудительного участия в цифровых отношениях, в) слежка посредством больших данных нейтрализует неприкосновенность частной жизни и тем самым представляет угрозу свободе, потому что собранной информацией можно злоупотреблять, и люди не имеют права не наблюдаться (даже если наблюдение полностью щадящее)[38].

В целом следует отметить «диффузию» права на неприкосновенность частной жизни, так как происходит его «испарение», «рассеивание» из системы личных прав человека за счет снижения реальной возможности его реализации в условиях цифрового технологического уклада.

Попытки Европейского Суда по правам человека сохранить устоявшиеся правовые гарантии права на неприкосновенность частной жизни опираясь на этические устои, все чаще ослабляются из-за различных культур государств, влияющих на внутригосударственные подходы к трактовке допустимых пределов правовых ограничений цифровых технологий.

Очевидным является влияние биоинженерных технологий на развитие содержания и реализацию права на неприкосновенность частной жизни. С прогрессом биомедицинских технологий цивилизация получила не только новые возможности, но и ряд вопросов, касающихся этики частной жизни человека, в т.ч. в условиях использования генной инженерии. Каковы пределы вмешательства в генетику человека? Кому принадлежит генетика человека: это достояние человечества или сфера частной жизни индивида? На наш взгляд, исходной посылкой для ответа на эти вопросы должно быть понимание того, что биологическая и генетическая неприкосновенность являются частью содержания неприкосновенности частной жизни. С одной стороны, биоинженерия существенно расширила биологические, в т.ч. репродуктивные возможности человека (лечение бесплодия, экстракорпоральное оплодотворение, культивирование эмбрионов, трансплантация органов и тканей), а с другой – такие технологии, как вмешательство в наследственный генетический биологический материал человека, суррогатное материнство, клонирование, репродукция зародышевого материала[39], затрагивают не только право на жизнь, но и на неприкосновенность частной жизни.

Среди исследователей можно обнаружить различие взглядов на пределы допустимого расширения такого рода возможностей, а также на то, что следует относить к положительным или негативным факторам. Споры ведутся вокруг того, что первично в рамках реализации данных возможностей: приватность или общественный интерес, индивидуальные или коллективные потребности? Исследователи из КНР утверждают, что обеспечение неприкосновенности частной жизни второстепенно по сравнению с обеспечением общественного порядка. Так, Лю Яо-Хуай прогнозирует усиление влияния западных взглядов на неприкосновенность частной жизни. Однако, традиционная китайская культура, по его мнению, не примет по этому вопросу полностью западную позицию[40]. В западноевропейском пространстве индивидуализм традиционно выступает как доминанта в этико-правовых регуляторах обеспечения права на неприкосновенность частной жизни. В нашей стране проводится позиция, суть которой состоит в том, что неприкосновенность частной жизни должна быть обеспечена при применении биотехнологий, однако необходимо учитывать также баланс публичных и частных интересов. В законодательстве

[37] См.: *Raso F. (ed.)* Artificial Intelligence & Human Rights: Opportunities & Risks // Berkman Klein Center for Internet & Society Research Publication. 2018. URL: https://ssrn.com/abstract=3259344 или http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3259344 (дата обращения: 10.09.2020).

[38] См.: *Sætra H.S.* Freedom under the gaze of Big Brother: Preparing the grounds for a liberal defence of privacy in the era of Big Data // Technology in Society. 2019. No. 58. P. 1–7.

[39] См.: *Кувырченкова Т.В.* Актуальные проблемы регулирования личных прав и свобод человека в условиях модернизации Российского государства // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер. «Право». 2015. № 2. С. 174–185.

[40] См.: *Yao-Huai L.* Op. cit. P. 7–15.

Российской Федерации, регулирующем применение биотехнологий, частная жизнь охраняется в единстве с целями защиты человеческого достоинства, свободы и неприкосновенности человека, его здоровья и идентичности[41].

Заключение

Необходимость совершенствования согласованного этического и правового регулирования прав человека в связи с развитием цифровизации и биоинженерии очевидна. Нам видятся актуальными следующие направления этического контекста прав человека для снижения негативного влияния новых технологий:

достижение синтеза цифрового права и цифровой этики, биоправа и биоэтики, концептуально обеспечивающего неприкосновенность и устойчивость высших ценностей прав человека;

— формирование смежной конструкции этико-правовых ценностей прав человека, их последовательная систематизация на международном и национальном (государственном) правовом уровнях;

— этизация или морализация цифровых прав и биоправ как прав нового поколения;

— расширение этико-правовых гарантий неизменности содержания традиционных или основных (общепризнанных) прав и свобод, предопределяющих вектор гуманистического развития цивилизации. К таковым относятся: права на неприкосновенность частной жизни, на достоинство, на свободу выбора, на защиту от дискриминации, на охрану здоровья, на автономию, на безопасность и на идентичность человека и другие. Сохранение традиционного содержания данных прав позволит обеспечить право человека оставаться таковым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бостром Н.* Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / пер. с англ. С. Филина. М., 2016.
2. Быть человеком: взаимодействие человека и компьютера в 2020 году. Исследования Microsoft, Кембридж, Великобритания, 2008. С. 57.
3. *Варламова Н.В.* Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды ИГП РАН. 2019. № 4. Т. 14. С. 9–46.
4. *Воронин Н.* Китайский профессор объявил о рождении генетически модифицированных детей. Ученые в гневе // News BBS. Русская служба. URL: https://www.bbc.com/russian/features-46347487. 26.11.2018
5. *Воронин Н.* «Это безумие»: от китайского профессора-генетика открестились клиника, университет и коллеги // BBC. 2018. 27 нояб. URL: https://www.bbc.com/russian/news-46360329
6. *Галузо В.Н., Канафин Н.А.* Цифровое право в Российской Федерации: нонсенс или реальность? // Право и государство: теория и практика. 2018. № 8. С. 118–125.
7. *Зорькин В.Д.* Право против хаоса. М., 2019. С. 31.
8. *Зорькин В.Д.* Providentia или о праве будущего в эпоху цифровизации // Государство и право. 2020. № 6. С. 7–19.
9. *Камалова Г.Г.* Правовое обеспечение конфиденциальности информации в цифровую эпоху: современное состояние институциализации и перспективы // Государство и право. 2019. № 6. С. 74–83.
10. *Клеандров М.И.* О направлениях совершенствования механизма судебной власти в обеспечении справедливости правосудия // Государство и право. 2021. № 3. С. 8. DOI: 10.31857/S102694520014034–8
11. *Кроткова Н.В.* «Круглый стол»: «Права человека и стратегия устойчивого развития» // Государство и право. 1998. № 11. С. 57–66.
12. *Кувырченкова Т.В.* Актуальные проблемы регулирования личных прав и свобод человека в условиях модернизации Российского государства // Вестник Тверского гос. ун-та. Сер. «Право». 2015. № 2. С. 174–185.
13. *Кудрявцев Н.* Человекоподобный робот получил гражданство Саудовской Аравии. URL: https://www.popmech.ru/technologies/news-393732-chelovekopodobnyy-robot-poluchil-grazhdanstvo-saudovskoy-aravii (дата обращения: 09.04.2021).
14. *Малько А.В., Афанасьев С.Ф., Борисова В.Ф., Кроткова Н.В.* Обзор методологического семинара на тему «Цифровое право: методология исследования» (18 апреля 2019 г., Саратовская государственная юридическая академия, Саратовский филиал Института государства и права РАН) // Государство и право. 2019. № 8. С. 122–128. DOI: 10.31857/S013207690006253-0
15. *Малько А.В., Афанасьев С.Ф., Борисова В.Ф., Кроткова Н.В.* Проблемы цифровизации в сфере осуществления правосудия // Государство

[41] См.: Закон РФ от 22.12.1992 г. № 4180–1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека»; Федеральные законы: от 05.07.1996 г. № 86-ФЗ «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности»; от 20.05.2002 г. № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека»; от 03.12.2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации»; от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»; от 23.06.2016 г. № 180-ФЗ «О биомедицинских клеточных продуктах».

и право. 2020. № 10. С. 151–159. DOI: 10.31857/S102694520012242-7

16. *Москалева О.* Опасности, которые таит цифровизация // Жилищное право. 2017. № 10. С. 63–72.
17. *Скляр М.А., Кудрявцева К.В.* Цифровизация: основные направления, преимущества и риски // Экономическое возрождение России. 2019. № 3 (61). С. 106, 107.
18. *Соловых Н.Н.* Цифровая экономика диктует необходимость квалифицированных кадров с новыми компетенциями // Росс. следователь. 2018. № 5. С. 64–68.
19. *Степин В.С.* Права человека в эпоху глобализации и диалога культур // Всеобщая декларация прав человека: универсализм и многообразие опытов. М., 2009. С. 8–17.
20. *Талапина Э.В.* Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал росс. права. 2018. № 2. С. 5–17.
21. Трансформации прав человека в современном мире / отв. ред. А.Н. Савенков. М., 2018.
22. *Умнова И.А.* Тенденции и перспективы развития правовых систем в условиях глобализации права // Российское законодательство: тенденции и перспективы. М., 2013. С. 77–97.
23. *Умнова (Конюхова) И.А.* Конституционное право и международное публичное право: теория и практика взаимодействия. М., 2016. С. 71–89.
24. *Хабриева Т.Я.* Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал росс. права. 2018. № 9. С. 5–16.
25. Цифра и власть: цифровые технологии в государственном управлении / под ред. С.Д. Козлова, О.Н. Слоботчикова. М., 2020.
26. *Ashcroft R.E.* Could Human Rights Supersede Bioethics? // Human Rights Law Review. 2010. Vol. 10. Issue 4. P. 639–660.
27. *Ashcroft R.E.* Euthanasia and the nature of suffering in addiction. Addiction. 2018. Vol. 113. No. 7. P. 1183, 1184.
28. *Ashcroft R.E.* Law and the perils of philosophical grafts // Journal of medical ethics. 2018. Vol. 44. No. 1. P. 72.
29. *Bantekas I., University B., Oette L.* School of Oriental and African Studies. London, 2016. P. 4–48.
30. *Beauchamp T.L., Childress J.F.* Principles of biomedical ethics. 4th ed. Oxford, 1994.
31. *Brokowski C., Adli M.* CRISPR Ethics: Moral Considerations for Applications of a Powerful Tool // Journal of Molecular Biology. 2018. Vol. 431. Issue 1. P. 88–101.
32. *Bynum T.* Компьютерная и информационная этика. Стэнфордская энциклопедия философии. В: Zalta EN (ed) – 2015). URL:-http://plato.stanford.edu/archives/win2015/entries/ethics-computer/
33. *Carlos J.* Cassagne Los nuevos derechos y garantías // Revista de Investigações Constitucionais. 2016. Vol. 3. No. 1. P. 59–108.
34. *Casonato C.* The Essential Features of 21st Century Biolaw. In: *Valdés E., Lecaros J. (eds)* Biolaw and Policy in the Twenty-First Century. International Library of Ethics, Law, and the New Medicine. 2019. Vol. 78. P. 347.
35. *Chiarelli B. (ed.)* Global Bioethics – the Perspective of Human Survival. Rijeka, 2011.
36. *Eichhorst W., Rinne U.* Digital Challenges for the Welfare State. Bonn, Germany Policy Paper. 2017. No. 134. P. 5–9.
37. *Evans J.H.* The History and Future of Bioethics: A sociological view. Oxford. 2012.
38. *Grear A., Weston B.H.* The Betrayal of Human Rights and the Urgency of Universal Corporate Accountability: Reflections on a Post-Kiobel Lawscape // Human Rights Law Review. 2015. No. 15 (1). P. 21–44.
39. *Green R.M. (ed.)* Global Bioethics: Issues of Conscience for the Twenty-First Century. New York, 2009.
40. *Joas H.* The Sacredness of the Person: A new genealogy of human rights. Georgetown UP, 2013.
41. *Kleinberg J., Ludwig J., Mullainathan S. & Sunstein C.R.* Discrimination in the Age of Algorithms // Journal of Legal Analysis. 2018. Vol. 10. P. 113–174.
42. *Miller S., Selgelid M.J.* Ethical and Philosophical Consideration of the Dual-use Dilemma in the Biological Sciences // Science and Engineering Ethics. 2007. Vol. 13. P. 523–580.
43. *Molly K.* Land and Jay D. Aronson, New Technologies for Human Rights Law and Practice 2018. Cambridge University Press.
44. *Murphy T., Cuinn G.O.* Works in Progress: New Technologies and the European Court of Human Rights // Human Rights Law Review. 2010. No. 10 (4). P. 601–638.
45. *Nordberg A.* Cutting edges and weaving threads in the gene editing (Я)evolution: reconciling scientific progress with legal, ethical, and social concerns // Journal of Law and the Biosciences. 2018. P. 35–83.
46. *Ollero A.* La invisibilidad del otro. Eutanasia y dignidad humana // Aldaba. 2004. No. 32. P. 139–164.
47. *Orts E.W., Anton D.K. & Shelton D.* Human Rights, the Environment, and Corporate Accountability // Environmental Protection and Human Rights. 2017. P. 863–976.
48. *Potter V.R.* Bioethics: Bridge to the future. Englewood Cliffs, N.J. Prentice-Hall. 1971.
49. *Qasim Q. (ed.)* Molecular remission of infant B-ALL after infusion of universal TALEN gene-edited

CAR T cells // Science Translational Medicine. 2017. Vol. 9 (374). P. 1–8.

50. *Raso F. (ed.)* Artificial Intelligence & Human Rights: Opportunities & Risks // Berkman Klein Center for Internet & Society Research Publication. 2018. URL: https://ssrn.com/abstract=3259344 или http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3259344 (дата обращения: 10.09.2020).
51. *Rogers A., Durand De Bousingen D.D.* Bioethics in Europe. Council of Europe Press, 1995.
52. *Sellen A., Rogers Y., Harper R. & Rodden T.* Reflecting human values in the digital age // Communications of the ACM. 2009. Vol. 52. No. 3. P. 58–66.
53. *Sætra H.S.* Freedom under the gaze of Big Brother: Preparing the grounds for a liberal defence of privacy in the era of Big Data // Technology in Society. 2019. No. 58. P. 1–7.
54. *Tristram Engelhardt Jr. H. (ed.)* Global bioethics: the collapse of the consensus. Salem, Massachusetts, 2006.
55. *Valdés E. & Lecaros J.A. (eds.)* Biolaw and Policy in the Twenty-First Century.: International Library of Ethics, Law, and the New Medicine. 2019.
56. *Vasak K.* Human Rights: A Thirty-Year Struggle: The Sustained Efforts to Give Force of the Universal Declaration of Human Rights. 1977. P. 29–32.
57. *Yao-Huai L.* Privacy and data privacy in contemporary China // Ethics and Information Technology. 2005. No. 7. P. 7–15.
58. *Zalnieriute M.* The Necessity for Binding Human Rights Obligations for Private Actors in the Digital Age: A Submission to the UN Human Rights Council on New and Emerging Technologies. 2019. UNSW Law Research Paper No. 19–81. P. 1–6. URL: https://ssrn.com/abstract=3470951 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3470951

REFERENCES

1. *Bostrom N.* Artificial intelligence. Stages. Threats. Strategies / transl. from English by S. Filina. M., 2016 (in Russ.).
2. To be a person: the interaction of a person and a computer in 2020. Microsoft Research, Cambridge, UK, 2008. P. 57 (in Russ.).
3. *Varlamova N.V.* Digital rights – a new generation of human rights? // Proceedings of the ISL of the RAS. 2019. No. 4. Vol. 14. P. 9–46 (in Russ.).
4. *Voronin N.* Chinese professor announced the birth of genetically modified children. Scientists in anger // News BBS. Russian service. URL: https://www.bbc.com/russian/features-46347487. 26.11.2018 (in Russ.).
5. *Voronin N.* "This is madness": the clinic, the university and colleagues disowned the Chinese professor-geneticist // BBC. 2018. 27 Nov. URL: https://www.bbc.com/russian/news-46360329 (in Russ.).
6. *Galuzo V.N., Kanafin N.A.* Digital Law in the Russian Federation: nonsense or reality? // Law and the state: theory and practice. 2018. No. 8. P. 118–125 (in Russ.).
7. *Zorkin V.D.* Law against chaos. M., 2019. P. 31 (in Russ.).
8. *Zorkin V.D.* Providentia or about the law of the future in the era of digitalization // State and Law. 2020. No. 6. P. 7–19 (in Russ.).
9. *Kamalova G.G.* Legal provision of information confidentiality in the digital era: the current state of institutionalization and prospects // State and Law. 2019. No. 6. P. 74–83 (in Russ.).
10. *Kleandrov M.I.* On the directions of improving the mechanism of judicial power in ensuring the fairness of justice // State and Law. 2021. No. 3. P. 8. DOI: 10.31857/S102694520014034–8 (in Russ.).
11. *Krotkova N.V.* "Round Table": "Human rights and the strategy of sustainable development" // State and Law. 1998. No. 11. P. 57–66 (in Russ.).
12. *Kuvyrchenkova T.V.* Actual problems of regulation of personal rights and freedoms of a person in the conditions of modernization of the Russian state // Herald of the Tver state University. Ser. "Law". 2015. No. 2. P. 174–185 (in Russ.).
13. *Kudryavtsev N.* The humanoid robot received the citizenship of Saudi Arabia. URL: https://www.popmech.ru/technologies/news-393732-chelovekopodobnyy-robot-poluchil-grazhdanstvo-saudovskoy-aravii (accessed: 09.04.2021) (in Russ.).
14. *Mal'ko A.V., Afanasyev S.F., Borisova V.F., Krotkova N.V.* Review of the methodological seminar on "Digital Law: research methodology" (April 18, 2019, Saratov State Law Academy, Saratov branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences) // State and Law. 2019. No. 8. P. 122–128. DOI: 10.31857/S013207690006253–0 (in Russ.).
15. *Mal'ko A.V., Afanasyev S.F., Borisova V.F., Krotkova N.V.* Problems of digitalization in the field of justice // State and Law. 2020. No. 10. P. 151–159. DOI: 10.31857/S102694520012242–7 (in Russ.).
16. *Moskaleva O.* The dangers of digitalization // Housing Law. 2017. No. 10. P. 63–72 (in Russ.).
17. *Sklyar M.A., Kudryavtseva K.V.* Digitalization: main directions, advantages and risks // The economic revival of Russia. 2019. No. 3 (61). P. 106, 107 (in Russ.).
18. *Solovykh N.N.* The digital economy dictates the need for qualified personnel with new competencies // Russ. investigator. 2018. No. 5. P. 64–68 (in Russ.).

19. *Stepin V.S.* Human rights in the era of globalization and dialogue of cultures // Universal Declaration of Human Rights: universalism and diversity of experiences. M., 2009. P. 8–17 (in Russ.).

20. *Talapina E.V.* Law and digitalization: new challenges and prospects // Journal of Russ. law. 2018. No. 2. P. 5–17 (in Russ.).

21. Transformations of human rights in the modern world / res. ed. A.N. Savenkov. M., 2018 (in Russ.).

22. *Umnova I.A.* Trends and prospects of development of legal systems in the context of the globalization of law // Russian legislation: trends and prospects. M., 2013. P. 77–97 (in Russ.).

23. *Umnova (Konyukhova) I.A.* Constitutional Law and Public International Law: theory and practice of interaction. M., 2016. P. 71–89 (in Russ.).

24. *Khabrieva T. Ya.* Law before the challenges of digital reality // Journal of Russ. law. 2018. No. 9. P. 5–16 (in Russ.).

25. Digit and power: digital technologies in public administration / ed. by S.D. Kozlov, O.N. Slobotchikova. M., 2020 (in Russ.).

26. *Ashcroft R.E.* Could Human Rights Supersede Bioethics? // Human Rights Law Review. 2010. Vol. 10. Issue 4. P. 639–660.

27. *Ashcroft R.E.* Euthanasia and the nature of suffering in addiction. Addiction. 2018. Vol. 113. No. 7. P. 1183, 1184.

28. *Ashcroft R.E.* Law and the perils of philosophical grafts // Journal of medical ethics. 2018. Vol. 44. No. 1. P. 72.

29. *Bantekas I., University B., Oette L.* School of Oriental and African Studies. London, 2016. P. 4–48.

30. *Beauchamp T.L., Childress J.F.* Principles of biomedical ethics. 4th ed. Oxford, 1994.

31. *Brokowski C., Adli M.* CRISPR Ethics: Moral Considerations for Applications of a Powerful Tool // Journal of Molecular Biology. 2018. Vol. 431. Issue 1. P. 88–101.

32. *Bynum T.* Computer and information ethics. Stanford Encyclopedia of Philosophy. B: Zalta EN (ed) – 2015). URL: http://plato.stanford.edu/archives/win2015/entries/ethics-computer/

33. *Carlos J.* Cassagne Los nuevos derechos y garantías // Revista de Investigações Constitucionais. 2016. Vol. 3. No. 1. P. 59–108.

34. *Casonato C.* The Essential Features of 21st Century Biolaw. In: *Valdés E., Lecaros J. (eds)* Biolaw and Policy in the Twenty-First Century. International Library of Ethics, Law, and the New Medicine. 2019. Vol. 78. P. 347.

35. *Chiarelli B. (ed.)* Global Bioethics – the Perspective of Human Survival. Rijeka, 2011.

36. *Eichhorst W., Rinne U.* Digital Challenges for the Welfare State. Bonn, Germany Policy Paper. 2017. No. 134. P. 5–9.

37. *Evans J.H.* The History and Future of Bioethics: A sociological view. Oxford. 2012.

38. *Grear A., Weston B.H.* The Betrayal of Human Rights and the Urgency of Universal Corporate Accountability: Reflections on a Post-Kiobel Lawscape // Human Rights Law Review. 2015. No. 15 (1). P. 21–44.

39. *Green R.M. (ed.)* Global Bioethics: Issues of Conscience for the Twenty-First Century. New York, 2009.

40. *Joas H.* The Sacredness of the Person: A new genealogy of human rights. Georgetown UP, 2013.

41. *Kleinberg J., Ludwig J., Mullainathan S. & Sunstein C.R.* Discrimination in the Age of Algorithms // Journal of Legal Analysis. 2018. Vol. 10. P. 113–174.

42. *Miller S., Selgelid M.J.* Ethical and Philosophical Consideration of the Dual-use Dilemma in the Biological Sciences // Science and Engineering Ethics. 2007. Vol. 13. P. 523–580.

43. *Molly K.* Land and Jay D. Aronson, New Technologies for Human Rights Law and Practice 2018. Cambridge University Press.

44. *Murphy T., Cuinn G.O.* Works in Progress: New Technologies and the European Court of Human Rights // Human Rights Law Review. 2010. No. 10 (4). P. 601–638.

45. *Nordberg A.* Cutting edges and weaving threads in the gene editing (Я)evolution: reconciling scientific progress with legal, ethical, and social concerns // Journal of Law and the Biosciences. 2018. P. 35–83.

46. *Ollero A.* La invisibilidad del otro. Eutanasia y dignidad humana // Aldaba. 2004. No. 32. P. 139–164.

47. *Orts E.W., Anton D.K. & Shelton D.* Human Rights, the Environment, and Corporate Accountability // Environmental Protection and Human Rights. 2017. P. 863–976.

48. *Potter V.R.* Bioethics: Bridge to the future. Englewood Cliffs, N.J. Prentice-Hall. 1971.

49. *Qasim Q. (ed.)* Molecular remission of infant B-ALL after infusion of universal TALEN gene-edited CAR T cells // Science Translational Medicine. 2017. Vol. 9 (374). P. 1–8.

50. *Raso F. (ed.)* Artificial Intelligence & Human Rights: Opportunities & Risks // Berkman Klein Center for Internet & Society Research Publication. 2018. URL: https://ssrn.com/abstract=3259344 или http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3259344 (accessed: 10.09.2020).

51. *Rogers A., Durand De Bousingen D.D.* Bioethics in Europe. Council of Europe Press, 1995.

52. *Sellen A., Rogers Y., Harper R. & Rodden T.* Reflecting human values in the digital age // Communications of the ACM. 2009. Vol. 52. No. 3. P. 58–66.

53. *Sætra H.S.* Freedom under the gaze of Big Brother: Preparing the grounds for a liberal defence of privacy in the era of Big Data // Technology in Society. 2019. No. 58. P. 1–7.

54. *Tristram Engelhardt Jr. H. (ed.)* Global bioethics: the collapse of the consensus. Salem, Massachusetts, 2006.

55. *Valdés E. & Lecaros J.A. (eds.)* Biolaw and Policy in the Twenty-First Century.: International Library of Ethics, Law, and the New Medicine. 2019.

56. *Vasak K.* Human Rights: A Thirty-Year Struggle: The Sustained Efforts to Give Force of the Universal Declaration of Human Rights. 1977. P. 29–32.

57. *Yao-Huai L.* Privacy and data privacy in contemporary China // Ethics and Information Technology. 2005. No. 7. P. 7–15.

58. *Zalnieriute M.* The Necessity for Binding Human Rights Obligations for Private Actors in the Digital Age: A Submission to the UN Human Rights Council on New and Emerging Technologies. 2019. UNSW Law Research Paper No. 19–81. P. 1–6. URL: https://ssrn.com/abstract=3470951 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3470951

Сведения об авторах

УМНОВА-КОНЮХОВА Ирина Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования РФ, руководитель научного направления конституционно-правовых исследований Российского государственного университета правосудия; 117418 г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69

АЛЕШКОВА Ирина Александровна – кандидат юридических наук, заведующая сектором НБИ по социальным наукам ИНИОН РАН; 117418 г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21

Authors' information

UMNOVA-KONYUKHOVA Irina A. - Doctor of Law, Professor, Honorary worker of higher professional education of the Russian Federation, Head of the scientific direction of constitutional and legal research of the Russian state University of justice; 69 Novocheremushkinskaya str., 117418 Moscow, Russia

ALESHKOVA Irina A. – PhD in Law, Head of the Scientific and Bibliographic information Sector, INION RAS; 51/21 Nakhimovsky ave., 117418 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 9, с. 90–98
STATE AND LAW, 2021, № 9, pp. 90–98

ББК: 67.400.3; 67.410
УДК: 342.7; 342.4; 443.1

ПРАВО НА ПОЛУЧЕНИЕ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ: СУБЪЕКТЫ ОКАЗАНИЯ И ПОЛУЧЕНИЯ ПОМОЩИ, ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРАВА И ЕГО РАЗВИТИЕ

© 2021 г. П. А. Скобликов

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: skoblikov@list.ru

Поступила в редакцию 26.01.2021 г.

Аннотация. Конституция РФ гарантирует каждому право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно. При этом каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью защитника (адвоката) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения. В статье указываются субъекты предоставления и получения квалифицированной юридической помощи, раскрывается содержание приведенных конституционных положений, показывается, в какой мере они реализованы в действующем законодательстве, какие проблемы возникают в ходе правоприменения и каких позиций придерживается Конституционный Суд РФ. Наряду с этим очерчиваются векторы совершенствования правовой политики, в т.ч. уголовной политики, а также обосновываются социально-правовые и другие меры с тем, чтобы устройство общества и государства полнее и точнее соответствовали указанным положениям Конституции РФ.

Ключевые слова: Конституция РФ, конституционное право, Конституционный Суд РФ, правовая политика, уголовная политика, квалифицированная юридическая помощь, бесплатная юридическая помощь, право пользоваться помощью защитника, адвокат, нотариус, представитель потерпевшего, юридические лица.

Цитирование: *Скобликов П.А.* Право на получение квалифицированной юридической помощи: субъекты оказания и получения помощи, основное содержание права и его развитие // Государство и право. 2021. № 9. С. 90–98.

DOI: 10.31857/S102694520016730-4

THE RIGHT TO RECEIVE QUALIFIED LEGAL AID: WHO HELPS AND WHO IS HELPED, THE BASIC CONTENT OF THE RIGHT AND ITS DEVELOPMENT

© 2021 P. A. Skoblikov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: skoblikov@list.ru

Received 26.01.2021

Abstract. The Constitution of the Russian Federation guarantees each the right to receive qualified legal assistance. In cases stipulated by law, legal assistance is provided free of charge. Every person detained, taken into custody, accused of committing a crime has the right to be assisted by a counsel (a lawyer) from the moment of detention, arrest or indictment, respectively. The article indicates the subjects of providing and receiving qualified legal assistance, reveals the content of the above constitutional provisions, shows how and to what extent they are implemented in the current legislation, what problems arise in the course of law enforcement, and what legal positions are taken by the Constitutional Court of the Russian Federation. At the same time, the author outlines the vectors of improving legal policy, including criminal policy, and also justifies socio-legal and other measures to ensure that the structure of society and the state more fully and accurately comply with the specified provisions of the Constitution of the Russian Federation.

Key words: Constitution of the Russian Federation, constitutional law, Constitutional Court of the Russian Federation, legal policy, criminal policy, qualified legal assistance, free legal assistance, right to use the help of a lawyer, lawyer, notary, representative of the victim, legal entities.

For citation: *Skoblikov, P.A. (2021).* The right to receive qualified legal aid: who helps and who is helped, the basic content of the right and its development // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9. pp. 90–98.

Несмотря на очевидную значимость и необходимость закрепленного в ст. 48 Конституции РФ права каждого на квалифицированную юридическую помощь, не стихает полемика по вопросам, касающимся его сущности, содержания, субъектов оказания помощи, общей системы реализации и гарантированного обеспечения[1]. Опубликовано не менее сотни научных статей, защищено более десятка диссертаций на соискание ученых степеней[2] по темам, обусловленным указанным правом.

Не вызывает сомнений, что исследования в этом направлении будут продолжаться. Законодательство, закрепляющее механизм реализации права на юридическую помощь, постепенно совершенствуется, но всё еще не отвечает в полной мере требованиям времени; соответствующие нормы наличествуют в различных отраслях, институтах законодательства и нуждаются как в согласовании, так и в дальнейшем развитии. Конституционный Суд РФ в своих определениях и постановлениях неоднократно обращался к различным сторонам многогранного правового предписания, заключенного в ст. 48 Конституции РФ, но ни в одном акте содержание рассматриваемого права не раскрыто системно, исчерпывающим образом.

1. Часть 1 ст. 48 Конституции РФ гарантирует *каждому* квалифицированную юридическую помощь. Следовательно, речь идет не только о гражданах Российской Федерации, но и лицах без гражданства, гражданах и подданных иных государств, проживающих или пребывающих на территории Российской Федерации. Право на квалифицированную юридическую помощь имеют также юридические лица, ведущие свою деятельность на территории Российской Федерации.

Для получения такой помощи заинтересованное лицо может обратиться в юридическую консультацию, коллегию адвокатов, адвокатское бюро, адвокатский кабинет, в которых работают адвокаты, имеющие необходимую подготовку. Можно также обратиться к практикующим юристам, не являющимся адвокатами, но имеющим юридическое образование, определенный опыт работы и зарегистрированными в качестве индивидуальных предпринимателей, оказывающих юридические услуги, либо являющихся наемными работниками в юридических фирмах. В последнем случае клиент заключает договор об оказании юридических услуг с юридическим лицом.

[1] См.: *Ботнев В.К.* Квалифицированная юридическая помощь как конституционно-правовая гарантия защиты прав и свобод человека и гражданина: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 2.

[2] Следует также отметить, что большинство из них подготовлено 10–20 лет назад (см., напр.: *Мельниченко Р.Г.* Конституционное право на юридическую помощь: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001; *Панченко В.Ю.* Юридическая помощь личности: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004; *Мухудинова Н.Р.* Обеспечение конституционного права каждого на получение квалифицированной юридической помощи в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2005; *Закомолдин А.В.* Квалифицированная юридическая помощь в уголовном процессе России: понятие, содержание, гарантии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2007; *Бондарь О.Н.* Квалифицированная юридическая помощь – конституционная гарантия судебной защиты прав и свобод человека и гражданина в РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2008; *Любовенко Е.С.* Конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи и механизм его гарантирования: российский и зарубежный опыт: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тверь, 2008; *Скиба Е.В.* Реализация конституционного права на квалифицированную юридическую помощь в досудебном производстве по уголовным делам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010; *Васильев А.А.* Конституционное право на бесплатную квалифицированную юридическую помощь в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012; *Назарова М.В.* Обеспечение права на квалифицированную юридическую помощь в арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013; *Амельков Н.С.* Оказание квалифицированной юридической помощи заявителю и свидетелю в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014).

Коммерческие и некоммерческие организации, которые регулярно испытывают потребность в получении квалифицированной юридической помощи, вправе вводить в свои структуры юридические подразделения и укомплектовывать их лицами, имеющими юридическое образование, достаточный опыт работы в этой сфере и специализирующимися на актуальных направлениях юридической деятельности. Такие организации, при необходимости, направляют своих работников-юристов на семинары и курсы повышения квалификации, чтобы поддерживать их подготовку в актуальном состоянии. Если образовательный процесс осуществляется в учреждении, прошедшем государственную аккредитацию и имеющем соответствующую лицензию, расходы на обучение сотрудников относятся на счет прочих расходов, связанных с производством и реализацией (ст. 264 НК РФ). К ним применяется льготная ставка налогообложения.

2. Предполагается, что квалифицированные юридические услуги оказывают адвокаты, к деловым и моральным качествам которых в законодательстве предъявляются повышенные требования, а за соблюдением этих требований осуществляется косвенный контроль со стороны государства. Получающие указанный статус лица должны иметь высшее юридическое образование или учёную степень по юридической специальности, стаж работы по юридической специальности не менее двух лет, а при его отсутствии пройти стажировку в адвокатском образовании, в любом случае сдать квалификационный экзамен, не иметь не снятой или непогашенной судимости за совершение умышленного преступления (ст. 9 Федерального закона от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»[3] (далее – Закон № 63-ФЗ)). Они должны соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката, при нарушении которого, а также неисполнении или ненадлежащем исполнении своих профессиональных обязанностей перед доверителем могут быть лишены своего статуса.

Адвокатура является профессиональным сообществом юристов и как институт гражданского общества не входит в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления; в законодательстве также установлен ряд конкретных гарантий независимости адвокатов (п. 1 ст. 3, ст. 18 Закона № 63-ФЗ). Такой порядок в определенной степени гарантирует независимость адвокатов и возможность активной защиты ими доверителей.

3. В некоторых пределах квалифицированную юридическую помощь физическим лицами и организациям оказывают нотариусы, которые в защиту прав и законных интересов клиентов совершают нотариальные действия от имени Российской Федерации. В рамках этой деятельности они проводят правовой анализ представленных документов и полученной от клиентов информации, консультируют их по вопросам применения норм законодательства, готовят для них проекты юридически значимых документов. Как и адвокаты, нотариусы имеют высшее юридическое образование и для допуска к нотариальной деятельности сдают квалификационный экзамен. При этом они должны обладать стажем работы по юридической специальности не менее пяти лет, обязательно пройти стажировку и соответствовать ряду иных требований (ст. 2, 3[1] Основ законодательства Российской Федерации о нотариате[4]). Здоровая конкуренция на рынке юридических услуг обеспечивает их надлежащее качество и приемлемую стоимость, доступность[5].

В юридической литературе высказано мнение, что квалифицированную юридическую помощь могут оказывать исключительно адвокаты – если под ней понимать правовую помощь, осуществляемую специальным субъектом, подтвердившим свои знания и умения в этой области, что позволяет с большой долей вероятности гарантировать ее качественность[6]. С этим нельзя согласиться хотя бы потому, что нотариусы отвечают всем указанным в данном определении критериям.

4. Обязательными условиями предоставления квалифицированной юридической помощи является наличие достаточного количества специалистов[7], распределенных пропорционально плотности населения и местным потребностям в юридических

[3] См.: СЗ РФ. 2002. № 23, ст. 2102.

[4] См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10, ст. 357; СЗ РФ. 2003. № 50, ст. 4855; ...; 2021. № 18, ст. 3064.

[5] В юридической литературе обосновывается тезис о том, что непременной гарантией права граждан на получение квалифицированной юридической помощи является доступность такой помощи для большинства населения и всех, кто в ней нуждается. И с этим трудно спорить. Государство обязано создавать условия, при которых реализация права на доступ к правосудию не будет зависеть от правовой осведомленности человека, его финансовых и иных возможностей (см.: *Альбрант Н.В.* Доступность юридической помощи как конституционный принцип // Вестник Челябинского гос. ун-та. Сер.: Право. 2015. № 25 (380). С. 26–31).

[6] См.: *Ходилина М.В.* Правовая позиция Конституционного Суда России относительно права каждого на получение квалифицированной юридической помощи // Пробелы в росс. законодательстве. 2010. № 1. С. 205–209.

[7] Согласно данным седьмого регулярного обзора Европейской комиссии по эффективности правосудия в Российской Федерации приходится 49.4 адвоката на каждые 100 тыс. человек; и это трехкратно меньше, чем в среднем по европейским странам (162 адвоката). Больше всего адвокатов на Кипре – 425 на 100 тыс. (по этому показателю его опережает не входящий в СЕ Израиль – 737.9 на 100 тыс.), а меньше всех – в Азербайджане (всего девять на 100 тыс.) (см.: *Химшиашвили П., Алехина М.* Адвокатов в России оказалось в три раза меньше по сравнению с Европой // Информационное агентство РБК. 2018. 4 окт.).

услугах, обладающих юридическим образованием требуемого качества, имеющим актуальный опыт работы по специальности, мотивированных к успешной деятельности по оказанию юридической помощи. В связи с этим государство должно поддерживать открытие и функционирование в субъектах Российской Федерации нужного количества образовательных организаций, предоставляющих высшее юридическое образование. Необходимо также через утверждение федеральных государственных образовательных стандартов, установление иных государственных требований к подготовке и переподготовке юристов обеспечивать надлежащее качество их наличного образования, стимулировать их к работе по специальности на тех территориях, где существует потребность в дополнительном количестве юристов. Особого внимания требуют труднодоступные и малонаселенные пункты постоянного проживания[8]. Контакты с юристами и своевременное получение юридически значимой информации затрудняют также недостаточная технологическая оснащенность многих территорий. М.С. Шайхуллин отмечает, что в нашей стране насчитывается более 123 тыс. населенных пунктов без телефонной связи[9], которая на современном этапе развития является одним из основных способов получения персонализированной, а также иной значимой в юридическом плане информации, в т.ч. посредством доступа к сети Интернет.

5. С целью реализации положения, вытекающего из ст. 48 и 7 Конституции РФ, об оказании в юридической помощи в необходимых случаях бесплатно в Российской Федерации принят и действует Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ (в ред. от 26.07.2019 г.) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»[10] (далее – Федеральный закон № 324-ФЗ). Указанный Закон исходит из принципа социальной справедливости и социальной ориентированности при оказании бесплатной юридической помощи.

Как правило, бесплатная юридическая помощь оказывается гражданам Российской Федерации. В отдельных случаях, предусмотренных федеральными законами и международными договорами Российской Федерации, такая помощь предоставляется иностранным гражданам и лицам без гражданства.

Бесплатная юридическая помощь предоставляется в трех основных видах: 1) правовое консультирование в устной и письменной форме; 2) составление заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера; 3) представление интересов гражданина в судах, государственных и муниципальных органах, организациях в случаях и в порядке, которые установлены законодательством.

Предусматривается функционирование как государственной, так и негосударственной систем оказания такой помощи.

Участниками государственной системы бесплатной юридической помощи являются: 1) федеральные органы исполнительной власти и подведомственные им учреждения; 2) органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации и подведомственные им учреждения; 3) органы управления государственных внебюджетных фондов; 4) государственные юридические бюро. Государственные юридические бюро вправе привлекать к оказанию бесплатной юридической помощи адвокатов и (или) иных субъектов, оказывающих бесплатную юридическую помощь.

Объем бюджетных ассигнований из федерального бюджета для обеспечения государственных гарантий реализации права граждан на получение бесплатной юридической помощи, а также обеспечение финансирования этих расходов устанавливается Правительством РФ. Органы государственной власти субъектов Российской Федерации определяют орган исполнительной власти соответствующего субъекта, ответственный за оказание бесплатной юридической помощи, и его компетенцию, а также подведомственные ему учреждения, иные организации, входящие в государственную систему бесплатной юридической помощи на территории субъекта Российской Федерации, установление их компетенции, в том числе решение вопросов об учреждении и обеспечении деятельности государственных юридических бюро. Также указанные органы государственной власти определяют размер и порядок оплаты труда адвокатов и иных субъектов, оказывающих бесплатную юридическую помощь гражданам в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи, компенсации их расходов на оказание бесплатной юридической помощи и реализуют ряд иных полномочий в этой сфере.

В соответствии с Федеральным законом № 324-ФЗ правом на получение всех видов бесплатной юридической помощи в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи имеют следующие категории граждан: 1) малоимущие граждане; 2) инвалиды I и II группы; 3) ветераны Великой Отечественной войны, Герои Российской Федерации, Герои Советского Союза, Герои Социалистического Труда, Герои

[8] Подробнее об этом см., напр.: *Фомичев И.А.* Проблемы оказания бесплатной юридической помощи в труднодоступных и малонаселенных пунктах // Междунар. журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. Вып. 10–2 (37). С. 167–170.

[9] См.: *Шайхуллин М.С.* К вопросу о механизме правового регулирования взаимодействия адвокатуры и органов местного самоуправления в России // Административное и муниципальное право. 2016. № 10. С. 28–32.

[10] См.: СЗ РФ. 2011. № 48, ст. 6725.

Труда Российской Федерации; 4) дети-инвалиды, дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, лица из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также их законные представители и представители, если они обращаются за оказанием бесплатной юридической помощи по вопросам, связанным с обеспечением и защитой прав и законных интересов таких детей; 5) граждане, пострадавшие в результате чрезвычайной ситуации; и ряд иных категорий остро нуждающихся и слабо защищенных граждан (ст. 20).

Законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации могут устанавливаться дополнительные гарантии реализации права граждан на получение бесплатной юридической помощи.

Негосударственная система бесплатной юридической помощи формируется на добровольных началах. Участниками негосударственной системы бесплатной юридической помощи являются юридические клиники (студенческие консультативные бюро, студенческие юридические бюро и другие) и негосударственные центры бесплатной юридической помощи. Последние могут создавать некоммерческие организации, адвокаты, адвокатские образования, адвокатские палаты субъектов Российской Федерации, нотариусы, нотариальные палаты.

6. Закрепленное в ч. 2 ст. 48 Конституции РФ право пользоваться помощью адвоката (защитника) является конкретизацией более общего права, предусмотренного ч. 1 той же статьи,– права каждого на получение квалифицированной юридической помощи[11]. При этом ч. 2 ст. 48 дополнительно гарантирует защиту от необоснованных ограничений предусмотренного ст. 22 Конституции РФ права на свободу и личную неприкосновенность и не может толковаться как ограничивающая право на квалифицированную юридическую помощь адвоката, как допускающая эту помощь лишь с момента объявления человеку протокола задержания или постановления о применении до предъявления обвинения меры пресечения в виде заключения под стражу, либо предъявления постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Такая помощь должна быть предоставлена каждому лицу, в т.ч. в рамках уголовного преследования в любых его формах[12].

Содержащаяся в ч. 2 ст. 48 Конституции РФ норма указывает на сущностные признаки, характеризующие фактическое положение лица как остро нуждающегося в правовой помощи в силу того, что его конституционные права, прежде всего на свободу и личную неприкосновенность, ограничены. Поэтому конституционное право пользоваться помощью адвоката (защитника) возникает у конкретного лица с того момента, когда ограничение его прав становится реальным. При этом факт уголовного преследования и, следовательно, направленная против лица обвинительная деятельность могут подтверждаться актом о возбуждении в отношении данного лица уголовного дела либо проведением в отношении него следственных действий (обыска, опознания, допроса и др.) и иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против него[13]. Более того, защитник может участвовать в уголовном судопроизводстве до возбуждения уголовного дела – с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, что нашло закрепление в п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ.

Поскольку такие действия направлены на выявление уличающих лицо, в отношении которого ведется уголовное преследование, фактов и обстоятельств, ему должна быть безотлагательно предоставлена возможность обратиться за помощью к адвокату (защитнику) и заключить с ним соглашение об оказании юридической помощи. Тем самым обеспечиваются условия, позволяющие этому лицу получить должное представление о своих правах и обязанностях, о выдвигаемом против него обвинении а, следовательно, эффективно защищаться, и гарантирующие в дальнейшем от признания недопустимыми полученных в ходе расследования доказательств (ч. 2 ст. 50 Конституции РФ).

7. Если обвиняемый уклоняется от явки в орган предварительного расследования или суд либо объявлен в розыск – всё это не лишает его права на помощь адвоката (защитника). Последнего может пригласить сам обвиняемый либо иные лица по его поручению либо согласию. Адвокат вступает в уголовное дело в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера. При этом никто не вправе требовать от него дополнительных документов и проверять волеизъявление обвиняемого (ч. 4 ст. 49 УПК РФ; Определение Судебной

[11] См.: постановление Конституционного Суда РФ от 28.01.1997 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан Б.В. Антипова, Р.Л. Гитиса и С.В. Абрамова» // СЗ РФ. 1997. № 7, ст. 871.

[12] См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.1996 г. № 8-П по делу о проверке конституционности статей 1 и 21 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» // СЗ РФ. 1996. № 15, ст. 1768.

[13] См.: постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // СЗ РФ. 2000. № 27, ст. 2882.

коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14.01.2020 г. № 46-УДП19-42).

8. Положение ч. 2 ст. 48 Конституции РФ корреспондирует ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, а также ст. 5 и 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которым каждому арестованному или задержанному сообщаются незамедлительно причины ареста и предъявляемое обвинение, и обеспечивается право на безотлагательное решение судом вопроса о законности задержания и справедливое публичное разбирательство дела при предоставлении возможности защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника.

С этого момента – когда уголовное преследования становится безусловным и очевидным – в уголовно-процессуальном законодательстве предусмотрены дополнительные гарантии права на получение помощи защитника. В соответствии с ч. 4 ст. 50 УПК РФ если в течение 24 часов с момента задержания подозреваемого или заключения подозреваемого, обвиняемого под стражу явка защитника, приглашенного задержанного, невозможна, то дознаватель или следователь принимает меры по назначению защитника в порядке, определенном советом Федеральной палаты адвокатов.

Кроме того, для отдельных категорий подозреваемых и обвиняемых с указанного времени участие защитника является обязательным: для несовершеннолетних; тех, кто не владеет языком, на котором ведется производство по делу; тех, кто в силу физических или психических недостатков не может самостоятельно осуществлять свое право на защиту; и некоторых иных (ч. 1 ст. 51 УПК РФ). В этих случаях если защитник не приглашен самим подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого, то дознаватель, следователь или суд обеспечивает участие защитника в уголовном судопроизводстве (ч. 3 ст. 51 УПК РФ). Отказ подозреваемого, обвиняемого от помощи защитника в этих случаях недействителен.

Если дознание или предварительное следствие не производились (так может происходить, например, в делах частного обвинения), то защитник допускается к участию в деле с момента принятия его судом к своему производству.

9. Вознаграждение адвокатам, участвующим в уголовном деле по назначению, выплачивается из федерального бюджета. Размер вознаграждения определяется постановлением Правительства РФ и, как правило, ежегодно корректируется вслед за инфляцией[14]. Работа в ночное время, выходные и праздничные дни оплачивается по повышенным ставкам. Однако участие защитника по назначению не является для обвиняемого безвозмездным при любых обстоятельствах. Суммы, выплачиваемые адвокату, участвующему в уголовном деле по назначению дознавателя, следователя или суда, относятся к процессуальным издержкам (п. 1 ч. 2 ст. 131 УПК РФ) и по общему правилу при вынесении обвинительного приговора взыскиваются с осужденного (ст. 132 УПК РФ), если только обвиняемый не заявил об отказе от защитника. В случае же реабилитации обвиняемого (подсудимого) процессуальные издержки возмещаются за счет средств федерального бюджета.

10. В отличие от подозреваемого и обвиняемого, потерпевший и гражданский истец в уголовном процессе не наделены правом ходатайствовать о предоставлении им адвоката в качестве представителя по назначению. При этом они не всегда имеют материальную возможность пригласить адвоката по своему выбору, в том числе и потому, преступление причинило им значительный имущественный и иной вред[15].

В связи с этим потерпевший и гражданский истец имеют право прибегнуть к помощи не только адвоката, но и любого лица, которое, по их мнению, вполне способно оказать достаточную юридическую помощь, и ходатайствовать об участии этого лица в уголовном процессе в качестве их представителя[16].

---

[14] См., напр.: постановления Правительства РФ: от 21.05.2019 г. № 634 «О внесении изменений в Положение о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации»; от 30.05.2020 г. № 793 «О внесении изменений в Положение о возмещении процессуальных издержек, связанных с производством по уголовному делу, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации».

[15] См.: *Скобликов П.А.* Уголовно-правовая защита пострадавших от преступлений. М., 2004.

[16] См.: определения Конституционного Суда РФ: от 05.12.2003 г. № 446-О «По жалобам граждан Л.Д. Вальдмана, С.М. Григорьева и региональной общественной организации “Объединение вкладчиков “МММ”” на нарушение конституционных прав и свобод рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и Федерального закона “Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации”; от 05.02.2004 г. № 25-О «По жалобе гражданки Ивкиной Валентины Оноприевны на нарушение ее конституционных прав частью первой статьи 45 и статьей 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Отдельного рассмотрения заслуживают вопросы оказания квалифицированной юридической помощи потерпевшим от тех преступлений, за которые виновные преследуются в порядке частного обвинения. Если личность виновных известна, предварительное расследование не проводится, дознаватель и прокурор к работе не подключаются, а потерпевшие самостоятельно собирают доказательства, выводят формулу обвинения, готовят документы для обращения в суд и поддерживают обвинение в суде, опровергают доводы стороны защиты. Эта работа по силам не каждому дипломированному юристу, от него требуются не только соответствующие знания, но также специальные навыки и умения, опыт участия в специфическом уголовном процессе, причем в необычной роли – роли частного обвинителя.

Как следствие, потерпевшие здесь находятся в худшем положении по сравнению с теми, в интересах кого возбуждаются дела публичного и частно-публичного обвинения. Ведь в последних случаях доказательства совершения преступления и причастности к ним подозреваемых, обвиняемых обязаны собирать дознаватель или дознаватель, а также прокурор, содействие им оказывают оперативные работники. Обвинительный акт или обвинительное заключение составляется в органе предварительного расследования, а обвинение в суде поддерживает прокурор. Иными словами, описанный порядок порождает ~~не-~~равенство процессуальное неравенство потерпевших от разных преступлений.

Кроме того, фактическое неравенство наблюдается также и среди потерпевших от преступлений, которые преследуются в порядке частного обвинения. Те из них, кто имеет достаточно финансовых средств, чтобы пригласить квалифицированного юриста, получают преимущество перед пострадавшими от аналогичных преступлений, но не располагающих такими средствами и потому вынужденных отказаться от обращения за уголовно-правовой защитой, либо пытающихся выступать в уголовном судопроизводстве самостоятельно, но в силу отсутствия необходимых знаний, умений и опыта не справляющихся со своей задачей.

Реакцией на указанную проблему является выступление Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева[17], предложившего обсудить вопрос об упразднении процедуры частного обвинения и отнесении уголовных дел о нанесении побоев, умышленном причинении легкого вреда здоровью и клевете к категории уголовных дел частно-публичного обвинения, по которым будет проводиться дознание[18].

Реализация данного предложения, по всей видимости, может иметь определенный позитивный эффект, поскольку нынешние обязанности потерпевшего и частного обвинителя (по сбору доказательств, предварительной квалификации содеянного, подготовке документов для представления в суд, поддержанию обвинения в суде и др.) возьмут на себя дознаватель и прокурор. Вместе с тем результат видится не однозначным. Правоприменительная практика сложилась таким образом, что потерпевшим от преступлений публичного и частно-публичного обвинения непросто добиться возбуждения уголовного дела. По их заявлениям работники органов предварительного расследования часто отказывают в возбуждении уголовного дела, причём количество отказных решений кратно превышает количество решений о возбуждении уголовных дел. Сформировалась и развивается, адаптируется под изменяющиеся условия система приёмов и уловок, направленных на то, чтобы облегчить и закамуфлировать необоснованные и незаконные отказы в возбуждении уголовных дел[19]. Таким образом сотрудники органов предварительного расследования регулируют себе нагрузку, уклоняются от расследования неудобных уголовных дел и т.д[20]. Не менее важно, что на начальной стадии уголовного процесса сотрудники органов предварительного расследования обладают значительными дискреционными полномочиями. Так, они решают, есть ли основание для возбуждения уголовного дела (согласно ч. 2 ст. 140 УПК РФ основанием для возбуждения уголовного дела является наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления). Мировой судья при приеме заявления о преступлении, которое преследуется в порядке частного обвинения, такую оценку давать не уполномочен. Если заявление соответствует формульным требованиям (указаны сведения о заявителе, лице, привлекаемом к уголовной ответственности, описаны событие преступления, место, время, а также обстоятельств его совершения, наличествует подпись заявителя и др.) – судья его обязан принять и начать производство по делу.

---

[17] См.: *Лебедев В.* Осуждению не подлежит // Росс. газ. 2020. 13 окт.

[18] Для иллюстрации этого предложения В.М. Лебедев указал, что в 2019 г. в порядке частного обвинения рассмотрены уголовные дела в отношении 9.8 тыс. лиц, из них осуждены 3.5 тыс. лиц, или 36%, оправданы 759 лиц, или 8%, прекращены уголовные дела в отношении 5.5 тыс. лиц, или 56% (вероятно, среди оснований прекращения преобладает примирение потерпевшего и подсудимого).

[19] См.: *Скобликов П.А.* Противодействие правоохранителей возбуждению уголовных дел: система типичных приемов и уловок // Закон. 2016. № 7. С. 92–105.

[20] См.: *Скобликов П.А.* Мотивы необоснованных и незаконных отказов в возбуждении уголовных дел // Уголовный процесс. 2013. № 4. С. 68–74.

* * *

Автор статьи выдвигает другое предложение – о том, чтобы в случае вынесения приговора по делу частного обвинения расходы по оплате услуг представителя потерпевшего (частного обвинителя) в полном объеме производилось бы за счёт федерального бюджета с последующим взысканием в порядке регресса с осужденного.

Ну а если законодательным органом будет поддержано предложение В.М. Лебедева об отнесении указанной категории дел к делам частно-публичного обвинения, то надо сохранить за потерпевшим от указанных им преступлений в качестве альтернативы право на обращение непосредственно в суд, в порядке частного обвинения; и выбор оставить за потерпевшим.

Вместе с тем правоведы высказывают идею об уравнивании в правах обвиняемого и потерпевшего в любых делах, о наделении потерпевшего правом ходатайствовать перед органами предварительного расследования и судом о предоставлении ему адвоката в качестве представителя по назначению. Такой порядок наилучшим образом соответствовал бы ч. 1 ст. 48 Конституции РФ, а также ее ст. 52, гарантирующей потерпевшим доступ к правосудию, и ч. 3 ст. 123, устанавливающей, что судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон.

В качестве первого шага в этом направлении было правильно наделить таким правом потерпевших от тяжких преступлений против жизни и здоровья, а в дальнейшем – по мере улучшению финансовых возможностей государства – расширять круг лиц, обладающих указанным правом,

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Альбрант Н.В.* Доступность юридической помощи как конституционный принцип // Вестник Челябинского гос. ун-та. Сер.: Право. 2015. № 25 (380). С. 26–31.
2. *Амельков Н.С.* Оказание квалифицированной юридической помощи заявителю и свидетелю в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.
3. *Бондарь О.Н.* Квалифицированная юридическая помощь – конституционная гарантия судебной защиты прав и свобод человека и гражданина в РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2008.
4. *Ботнев В.К.* Квалифицированная юридическая помощь как конституционно-правовая гарантия защиты прав и свобод человека и гражданина: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 2.
5. *Васильев А.А.* Конституционное право на бесплатную квалифицированную юридическую помощь в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012.
6. *Закомолдин А.В.* Квалифицированная юридическая помощь в уголовном процессе России: понятие, содержание, гарантии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2007.
7. *Любовенко Е.С.* Конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи и механизм его гарантирования: российский и зарубежный опыт: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тверь, 2008.
8. *Мельниченко Р.Г.* Конституционное право на юридическую помощь: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2001.
9. *Мухудинова Н.Р.* Обеспечение конституционного права каждого на получение квалифицированной юридической помощи в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2005.
10. *Назарова М.В.* Обеспечение права на квалифицированную юридическую помощь в арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.
11. *Панченко В.Ю.* Юридическая помощь личности: общетеоретический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2004.
12. *Скиба Е.В.* Реализация конституционного права на квалифицированную юридическую помощь в досудебном производстве по уголовным делам: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
13. *Скобликов П.А.* Мотивы необоснованных и незаконных отказов в возбуждении уголовных дел // Уголовный процесс. 2013. № 4. С. 68–74.
14. *Скобликов П.А.* Противодействие правоохранителей возбуждению уголовных дел: система типичных приемов и уловок // Закон. 2016. № 7. С. 92–105.
15. *Скобликов П.А.* Уголовно-правовая защита пострадавших от преступлений. М., 2004.
16. *Фомичев И.А.* Проблемы оказания бесплатной юридической помощи в труднодоступных и малонаселенных пунктах // Междунар. журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. Вып. 10–2 (37). С. 167–170.
17. *Химшиашвили П., Алехина М.* Адвокатов в России оказалось в три раза меньше по сравнению с Европой // Информационное агентство РБК. 2018. 4 окт.
18. *Ходилина М.В.* Правовая позиция Конституционного Суда России относительно права каждого на получение квалифицированной юридической помощи // Пробелы в росс. законодательстве. 2010. № 1. С. 205–209.

19. *Шайхуллин М.С.* К вопросу о механизме правового регулирования взаимодействия адвокатуры и органов местного самоуправления в России // Административное и муниципальное право. 2016. № 10. С. 28–32.

REFERENCES

1. *Albrant N.V.* Accessibility of legal aid as a constitutional principle // Herald of the Chelyabinsk state University. Ser.: Law. 2015. No. 25 (380). P. 26–31 (in Russ.).
2. *Amelkov N.S.* Rendering qualified legal assistance to the applicant and the witness in criminal proceedings: abstract ... PhD in Law. M., 2014 (in Russ.).
3. *Bondar O.N.* Qualified legal assistance – the constitutional guarantee of judicial protection of human and civil rights and freedoms in the Russian Federation: abstract ... PhD in Law. Rostov n/D., 2008 (in Russ.).
4. *Botnev V.K.* Qualified legal assistance as a constitutional and legal guarantee of the protection of human and civil rights and freedoms: abstract ... Doctor of Law. M., 2013. P. 2 (in Russ.).
5. *Vasiliev A.A.* The constitutional right to free qualified legal assistance in the Russian Federation: abstract ... PhD in Law. Saratov, 2012 (in Russ.).
6. *Zakomoldin A.V.* Qualified legal assistance in the criminal process of Russia: concept, content, guarantees: abstract ... PhD in Law. Samara, 2007 (in Russ.).
7. *Lyubovenko E.S.* The constitutional right to receive qualified legal assistance and the mechanism of its guarantee: Russian and foreign experience: abstract ... PhD in Law. Tver, 2008 (in Russ.).
8. *Melnichenko R.G.* The constitutional right to legal assistance: abstract ... PhD in Law. Volgograd, 2001 (in Russ.).
9. *Mukhudinova N.R.* Ensuring the constitutional right of everyone to receive qualified legal assistance in the Russian criminal process: abstract ... PhD in Law. Izhevsk, 2005 (in Russ.).
10. *Nazarova M.V.* Ensuring the right to qualified legal assistance in the arbitration process: abstract ... PhD in Law. M., 2013 (in Russ.).
11. *Panchenko V. Yu.* Legal assistance to the individual: a general theoretical aspect: abstract ... PhD in Law. Krasnoyarsk, 2004 (in Russ.).
12. *Skiba E.V.* Implementation of the constitutional right to qualified legal assistance in pre-trial proceedings in criminal cases: abstract ... PhD in Law. M., 2010 (in Russ.).
13. *Skoblikov P.A.* Motives of unjustified and illegal refusals to initiate criminal cases // Criminal process. 2013. No. 4. P. 68–74 (in Russ.).
14. *Skoblikov P.A.* Opposition to the law enforcement authorities to initiate criminal proceedings: a system of typical techniques and tricks // Law. 2016. No. 7. P. 92–105 (in Russ.).
15. *Skoblikov P.A.* Criminal and legal protection of victims of crime. M., 2004 (in Russ.).
16. *Fomichev I.A.* Problems of providing free legal aid in remote and sparsely populated areas // Intern. journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. Issue 10–2 (37). P. 167–170 (in Russ.).
17. *Himshiashvili P., Alyokhina M.* There were three times fewer lawyers in Russia compared to Europe // RBC News Agency. 2018. 4 Oct. (in Russ.).
18. *Khodilina M.V.* The legal position of the Constitutional Court of Russia regarding the right of everyone to receive qualified legal assistance // Gaps in Russ. legislation. 2010. No. 1. P. 205–209 (in Russ.).
19. *Shaikhullin M.S.* On the issue of the mechanism of legal regulation of interaction between the bar and local self-government bodies in Russia // Administrative and Municipal Law. 2016. No. 10. P. 28–32 (in Russ.).

Сведения об авторе

СКОБЛИКОВ Петр Александрович –
доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
ORCID: 0000-0001-7875-7036

Authors' information

SKOBLIKOV Petr A. –
Doctor of Law, leading researcher of the Criminal Law, criminal procedure and criminology Department at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 9, с. 99–106
STATE AND LAW, 2021, № 9, pp. 99–106

ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕЖИМА ЗОН ЭКОЛОГИЧЕСКОГО БЕДСТВИЯ И ЗОН ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ СИТУАЦИИ

© 2021 г. И. П. Кожокарь

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: 89272234877@mail.ru

Поступила в редакцию 16.06.2021 г.

Аннотация. В статье рассмотрен правовой режим зон экологического бедствия и зон чрезвычайной ситуации. Автор обращается к правовому регулированию указанных зон, существовавшему в 90-е гг. XX вв. Далее дается подробная характеристика истории разработки и рассмотрения законопроекта «О статусе зон экологического бедствия и регулировании хозяйственной и иной деятельности на их территории»: оцениваются его достоинства и недостатки, выясняются возможные причины отклонения данного законопроекта. Осуществлен анализ действующего российского экологического законодательства, регламентирующего основы правового режима зон экологического бедствия через миграционные, регистрационные, природоохранные и уголовно-правовые правила. Делается вывод о необходимости разработки федерального закона «О зонах экологического бедствия в Российской Федерации».

Ключевые слова: зоны экологического бедствия, зоны чрезвычайной ситуации, антропогенная нагрузка, деградация флоры и фауны, благоприятная окружающая среда, экологическое законодательство.

Цитирование: *Кожокарь И.П.* Особенности правового режима зон экологического бедствия и зон чрезвычайной ситуации // Государство и право. 2021. № 9. С. 99–106.

DOI: 10.31857/S102694520016731-5

FEATURES OF THE LEGAL REGIME OF ENVIRONMENTAL DISASTER ZONES AND EMERGENCY ZONES

© 2021 I. P. Kozhokar

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: 89272234877@mail.ru

Received 16.06.2021

Annotation. The article considers the legal regime of environmental disaster zones and emergency zones. The author refers to the legal regulation of these zones that existed in the 90s of the XX century. Further, a detailed description of the history of the development and consideration of the draft law "On the status of environmental disaster zones and the regulation of economic and other activities on their territory" is given: its advantages and disadvantages are evaluated, and possible reasons for the rejection of this draft law are clarified. The article also analyzes the current Russian environmental legislation, which regulates the basis of the legal regime of environmental disaster zones through migration, registration, environmental protection and criminal law rules. It is concluded that it is absolutely necessary to develop the Federal Law "On Environmental Disaster Zones in the Russian Federation".

Key words: ecological disaster zones, emergency zones, anthropogenic load, degradation of flora and fauna, favorable environment, environmental legislation.

For citation: *Kozhokar, I.P. (2021).* Features of the legal regime of environmental disaster zones and emergency zones // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9. pp. 99–106.

Согласно ст. 42 Конституции РФ каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, а ст. 41 гарантирует право каждого на охрану здоровья. Само по себе существование территорий с экстремально и хронически высоким загрязнением окружающей среды является нарушением вышеуказанных конституционных положений и соответствующих им гарантий.

Актуальность доктринального изучения особенностей правового режима экологически неблагополучных зон предопределена усилением антропогенной нагрузки на окружающую среду, которая находится под негативным воздействием преимущественно ресурсопотребляющей экономики. К сожалению, современные экономические системы приводят к техногенному истощению природных богатств, а также к разрушению естественных экологических систем.

Из государственного доклада Минприроды России за 2019 г. следует, что распространение негативных процессов – водной и ветровой эрозии, засоления, переувлажнения, подтопления и заболачивания почв, развивающихся вследствие действия природных и антропогенных факторов, приводит к снижению плодородия почв. Деградированные почвы перестают выполнять природно-хозяйственные функции и могут изменять природно-климатические условия, что, в свою очередь, приводит к снижению эффективности земледелия и сельскохозяйственного производства в целом (в т.ч. к выбытию земельных участков из сельскохозяйственного оборота)[1].

В Рекомендациях, подготовленных Росгидрометом от 26 апреля 2011 г., отмечается, что в Российской Федерации принято выделять три степени неблагополучия экосистем: «(1) экологическое напряжение; (2) чрезвычайная экологическая ситуация; (3) экологическое бедствие»[2].

Правовой режим экологически неблагополучных территорий впервые получил нормативное регулирование в Законе РСФСР от 19 декабря 1991 г. № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды»[3]. Указанный Закон определял два типа таких территорий, отличающихся по степени деградации. Так, в ст. 58 содержался правовой режим зон чрезвычайной экологической ситуации (далее – зона ЧЭС), который устанавливался в случае «надвигающейся угрозы», а в ст. 59 – правовой режим зон экологического бедствия (далее – зона ЭБ), актуального в случае свершившегося бедствия.

Распоряжением Правительства РФ от 5 апреля 1992 г. № 659-р[4] Минэкологии России совместно с Миннауки России было поручено разработать критерии, которые могли бы быть использованы для объявления территорий зоной ЭБ и зоной ЧС. Во исполнение названного распоряжения Минприроды РФ совместно с иными ведомствами разработало Методику для выявления зон ЧЭС и зон ЭБ[5], действующую и доныне.

В тот исторический период значительная часть территорий получила статус «зон ЭБ» (например, Челябинская область[6], Курганская область[7], Республика Саха (Якутия)[8], а некоторые участки РСФСР, загрязненные в результате чернобыльской катастрофы,– статус «зоны национального экологического бедствия»[9].

Заметим, что правовой режим зон ЭБ и зон ЧС фактически исчерпывался нормами ст. 58–59 Закона РСФСР «Об охране окружающей природной среды». Однако 14 июля 2001 г. группой депутатов в Государственную Думу ФС РФ был внесен законопроект № 115008–3 «О статусе зон ЭБ и регулировании хозяйственной и иной деятельности на их территории»[10].

В Пояснительной записке[11] к указанному законопроекту, в частности, отмечалось, что необходимость

---

[1] См.: О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2019 году. Государственный доклад. М., 2020. С. 189.

[2] См.: Р 52.24.756–2011. Рекомендации. Критерии оценки опасности токсического загрязнения поверхностных вод суши при чрезвычайных ситуациях (в случаях загрязнения) (утв. Росгидрометом 26.04.2011). Ростов н/Д., 2011.

[3] См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 10, ст. 457.

[4] См.: распоряжение Правительства РФ от 05.04.1992 г. № 659-р «О разработке проектов решений по охране окружающей природной среды» // В официальных источниках опубликовано не было.

[5] См.: Методика «Критерии оценки экологической обстановки территорий для выявления зон чрезвычайной экологической ситуации и зон экологического бедствия» (утв. Минприроды России 30.11.1992 г. // В официальных источниках опубликована не была.

[6] См.: распоряжение Председателя ВС РФ от 30.03.1992 г. № 2598рп-1 «О социальной поддержке населения Челябинской области, проживающего в зоне экологического бедствия» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15, ст. 814.

[7] См.: распоряжение Председателя ВС РФ от 28.07.1992 г. № 3381рп-1 «Об оказании финансовой помощи населению Курганской области, проживающему в зоне экологического бедствия // Росс. газ. 1992. 15 авг.

[8] См.: распоряжение ВС РФ от 03.08.1992 г. № 3405рп-1 «О выделении средств на социальную защиту населения Вилюйского бассейна Республики Саха (Якутия), оказавшегося в зоне экологического бедствия» // Там же.

[9] См.: постановление СНД РСФСР от 29.05.1990 г. «О неотложных мерах по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС в ряде областей РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 1, ст. 12.

[10] В официальных источниках опубликован не был.

[11] См.: Пояснительная записка «К проекту федерального закона “О статусе зон экологического бедствия и регулировании хозяйственной и иной деятельности на их

создания правового регулирования для экологически неблагоприятных территорий обусловлена значительным количеством таких территорий в Российской Федерации. Так, в числе экологически неблагополучных были названы такие регионы, как Иркутская область (города Ангарск и Братск), Свердловская область (город Каменск), Кемеровская область (Кузбасс), Оренбургская область (город Орск), Челябинская область (города Карабаш и Магнитогорск) и т.д. Во всех из указанных субъектах Российской Федерации наблюдалось продолжительное нарушение требований природоохранительного законодательства, некорректная градообразующая политика, недостаточное финансирование природоохранительных мероприятий. Следствием обозначенных проблем стало ухудшение не только состояния окружающей среды в указанных субъектах Федерации, но и существенный рост заболеваемости и смертности среди граждан, проживающих на соответствующих территориях.

В Пояснительной записке к указанному законопроекту также подчеркивалась необходимость «вывода территорий» из состояния экологического бедствия. Очевидно, что созданию такого механизма предшествует соответствующая работа законодателя, преследующего цель создания необходимой правовой основы, направленной как на установление, так и на преодоление и «снятие» с территорий статуса «зон ЭБ».

В законопроекте предлагались такие легальные понятия, как «экологическое бедствие территорий», «зона ЭБ», «критерии экологического бедствия», «экологический риск», «риск для здоровья человека», «государственный социально-гигиенический мониторинг», «государственный экологический контроль в зонах экологического бедствия».

Оценивая состояние правового обеспечения регулирования отношений в зонах экологического бедствия, разработчики законопроекта о статусе зон ЭБ отмечали, что двух статей, посвященных экологически неблагополучным территориям, недостаточно для правового обеспечения целостного механизма, прежде всего, вывода территорий из соответствующего неблагополучного состояния. Кроме того, указанные нормы не регулируют порядок снятия статуса зон ЭБ; не учитывают порядок привлечения инвестиций на реализацию соответствующих мероприятий; не упоминают о возможных превентивных мерах, направленных на предотвращение возникновения таких зон и т.д.

Как следует из анализа ст. 58–59 Закона РСФСР «Об охране окружающей природной среды», единственным решением проблемы зон ЭБ и зон ЧС законодатель видит остановку хозяйственной деятельности в соответствующих зонах, однако при этом не учитывается, что такое решение приводит к усугублению социального напряжения на соответствующих территориях. Стало быть, основной задачей законодателя должна быть разработка нормативной платформы, обеспечивающей вывод территории из экологически неблагополучного состояния, а также обеспечение экономической аттракции хозяйствующих субъектов в развитии этих территорий. Так, А.А. Транин замечает, что одним из радикальных решений проблемы экологически неблагополучных территорий может стать «глубокая модернизация промышленных предприятий», предполагающая в т.ч. внедрение наилучших доступных технологий[12].

Очевидно, что на момент внесения в Государственную Думу ФС РФ рассматриваемого законопроекта актуальным остается необходимость принятия отдельного федерального закона, регулирующего правовой режим зон ЭБ и зон ЧС.

Спустя почти три года, когда законопроект о зонах ЭБ был повторно внесен в Государственную Думу с скорректированным названием «О зонах ЭБ», в пояснительной записке к законопроекту вновь отмечалось, что почти 15% территории Российской Федерации находится «в критическом или околокритическом состоянии»[13].

В своем официальном отзыве «На проект Федерального закона № 115008-3 “О зонах экологического бедствия”» Правительство РФ высказало отрицательное отношение к обозначенному законопроекту по ряду причин: во-первых, меры, предусмотренные законопроектом, требуют существенных финансовых затрат из федерального бюджета; во-вторых, законопроект некорректно относит отдельные полномочия к сфере органов местного самоуправления, хотя в действительности они таковыми не являются; в-третьих, требуют доработки отдельные легальные определения, содержащиеся в законопроекте[14].

В Заключении Правового управления аппарата Государственной Думы ФС РФ также содержится критическая оценка исследуемого законопроекта, что аргументируется несогласованностью положений этого законопроекта с нормами Налогового кодекса РФ в части предоставления налоговых льгот, с нормами Уголовного кодекса РФ, Водного кодекса РФ, а также

территории”» // В официальных источниках опубликована не была.

[12] См.: *Транин А.А.* Зоны экологического бедствия: тенденции развития законодательства // Государство и право. 2012. № 12. С. 35–43.

[13] См.: Пояснительная записка «К проекту Федерального закона “О зонах экологического бедствия”» // В официальных источниках опубликована не была.

[14] В официальных источниках опубликован не был.

Федерального закона «Об охране окружающей среды» в части использования понятийного аппарата[15].

10 апреля 2009 г. после ряда отрицательных заключений законопроект о зонах ЭБ был отклонен Государственной Думой[16]. По мнению А.Я. Рыженкова, основная причина отклонения законопроекта о зонах ЭБ стала – это необходимость выделения значительных средств из федерального бюджета для оздоровления экологически неблагополучных территорий[17]. Такого же мнения придерживается и С.А. Боголюбов[18].

На международном уровне разработан Модельный закон о зонах ЭБ (далее – Модельный закон)[19], что само по себе свидетельствует о том, что международное сообщество государств – участников СНГ признает важность правового регулирования режима зон ЭБ. Модельный закон содержит ряд легальных дефиниций, в числе которых «зона ЭБ», «критерии экологического бедствия», «оценка риска для здоровья населения», «риск для здоровья населения», «санитарно-эпидемиологическая экспертиза», «субъект экологической опасности», «угроза здоровью населения», «устойчивое состояние окружающей среды», «экологическое бедствие».

Так, при определении термина «зона ЭБ» Модельный закон отдает приоритет главным образом трем критериям: 1) снижение качества здоровья граждан, проживающих на соответствующей территории; 2) деградация естественных экологических систем; 3) существенное ухудшение основных природных компонентов.

Примечательно, что в Модельном законе особо подчеркивается, что структура законодательства государств – участников СНГ о зонах ЭБ состоит как из природоохранительного законодательства в целом, так и из специального нормативного правового акта, посвященного зонам ЭБ.

Кроме порядка объявления территорий зоной ЭБ и снятия этого статуса Модельный закон также содержит положения о мероприятиях по выводу территорий из состояния ЭБ, особенности хозяйственной или иной деятельности в этих территориях, а также экономический механизм. К примеру, экономический механизм включает в себя определение источников финансирования соответствующих мероприятий, к числу которых отнесены прежде всего бюджетные средства, а также иные источники (например, поступления от кредитных организаций, инвестиционные отчисления, поступления от юридических и физических лиц и др.). При этом традиционно стимулом к осуществлению деятельности, направленной на улучшение экологического благополучия соответствующих зон, выступают налоговые привилегии, в том числе освобождение от уплаты налогов. Важно, что Модельный закон упоминает о необходимости введения обязательного страхования экологических рисков и рисков для здоровья населения.

Нынешнее состояние правового регулирования зон ЭБ по-прежнему находится на уровне наличия одной отсылочной нормы, которая отсылает к фактически отсутствующему законодательству. Так, зонам ЭБ и зонам ЧС посвящена одна статья, структурно расположенная в отдельной гл. VIII Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (в ред. от 09.03.2021 г.) «Об охране окружающей среды» (далее – Закон № 7-ФЗ)[20].

Итак, речь идет о ст. 57 указанного Федерального закона, в которой содержится два пункта. Согласно п. 1 «порядок объявления и установления режима зон ЭБ устанавливается законодательством о зонах ЭБ». При этом законодательство о зонах ЭБ в Российской Федерации отсутствует. Поэтому верно высказывание Н.И. Хлуденевой о том, что правовой режим зон ЭБ – «яркий пример пробельности экологического законодательства»[21].

Добавим, что нормы о зонах ЭБ также можно встретить и в Водном кодексе РФ[22]. Так, в соответствии с п. 1 ст. 67 Кодекса «зонами ЭБ, зонами ЧС могут объявляться водные объекты и речные бассейны, в которых в результате техногенных и природных явлений происходят изменения, представляющие угрозу здоровью или жизни человека, объектам животного и растительного мира, другим объектам окружающей среды».

Обращает на себя внимание, что в рассмотренной норме права законодатель вновь отсылает к специальному законодательству: природоохранительному, которое должно регулировать правовой режим зон ЭБ,

---

[15] См.: Заключение ПУ Аппарата ГД ФС РФ от 18.03.2009 г. № 2.2-1/1028 (повторно к первому чтению) по проекту федерального закона № 115008–3 «О зонах экологического бедствия» // В официальных источниках опубликовано не было.

[16] См.: постановление ГД ФС РФ от 10.04.2009 г. № 1935-5 ГД «О проекте Федерального закона № 115008-3 "О зонах экологического бедствия"» // СЗ РФ. 2009. № 16, ст. 1878.

[17] См.: *Рыженков А.Я.* Правовой режим зон экологического бедствия // Современное право. 2014. № 7. С. 22.

[18] См.: Институты экологического права / С.А. Боголюбов и др. М., 2010. С. 387.

[19] См.: Модельный закон о зонах экологического бедствия (о статусе зон экологического бедствия и регулировании хозяйственной и иной деятельности на их территории): принят в г. Санкт-Петербурге 03.12.2009 г. Постановлением 33-9 на 33-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников СНГ. 2010. № 46. С. 83–107.

[20] См.: СЗ РФ. 2002. № 2, ст. 133.

[21] *Хлуденева Н.И.* Дефекты правового регулирования охраны окружающей среды. М., 2014.

[22] См.: СЗ РФ. 2006. № 23, ст. 2381.

и законодательству в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, которое должно регулировать правовой режим зон ЧС. Однако, как мы уже установили, по крайней мере первое из названных видов законодательства в Российской Федерации фактически отсутствует.

Ключевым в правовом режиме зон ЭБ следует признать порядок наделения территории соответствующим статусом. В действующем природоохранительном законодательстве такой порядок не урегулирован. По этой причине необходимо апеллировать к все еще действующему Временному порядку объявления территории зоной ЧЭС (далее – Временный порядок)[23]. Структурно указанный правовой акт содержит общие положения и два основных раздела, посвященных объявлению территории зоной ЧЭС и соответственно снятию этого статуса.

Примечательно, что уже в п. 1.1 Временного порядка дается легальная дефиниция термина «зоны ЧЭС», под которыми предложено понимать «участки территории Российской Федерации, где в результате хозяйственной и иной деятельности происходят устойчивые отрицательные изменения в окружающей природной среде, угрожающие здоровью населения, состоянию естественных экологических систем, генетических фондов растений и животных, приостановка и предотвращение которых невозможны только за счет организационно-управленческого потенциала и материально-финансовых ресурсов данной территории».

Целью придания территории такого статуса является реабилитация экологически неблагополучных территорий, уменьшение антропогенной нагрузки на те природные компоненты, которые находятся на соответствующей территории, осуществление комплекса мероприятий, способных улучшить качество поврежденных либо истощенных природных ресурсов и сократить негативное воздействие этой ситуации на качество жизни и здоровье населения соответствующей территории.

В основе объявления территории зоной чрезвычайной экологической ситуации должен лежать конкретный подзаконный акт, а именно Указ Президента РФ. При этом для придания той или иной территории этого статуса необходимо руководствоваться уже названными ранее Критериями, утвержденными Минприроды РФ 30 ноября 1992 г.

Механизм объявления территории зоной ЧЭС начинается с такой процедуры, как инициация, заключающаяся в подготовке материалов, содержащих сведения о состоянии окружающей среды на соответствующей территории. В качестве инициаторов выступают федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъекта РФ, органы местного самоуправления этих территорий. В соответствии с Временным порядком инициатор направляет обращение в Правительство РФ, которое в свою очередь поручает Минприроды России осуществить государственную экологическую экспертизу материалов, представленных инициатором. Конечным результатом работы Минприроды России в этом случае должен стать проект Указа Президента РФ «Об объявлении территории зоной чрезвычайной экологической ситуации». В юридической литературе отмечается, что в числе инициаторов объявления территории зоной ЭБ должны быть и представители общественности[24].

Что касается порядка снятия этого статуса с территории, то он во многом аналогичен порядку объявления: Правительство РФ определяет срок, по истечении которого Минприроды России вновь обязано провести государственную экологическую экспертизу и по ее результатам подготовить проект Указа Президента РФ «О снятии с территории статуса зоны чрезвычайной экологической ситуации».

Добавим, что кроме вышеупомянутых норм действующего природоохранительного законодательства в отечественном законодательстве термин «зона ЭБ» встречается в значительном количестве нормативных актов, которые в своей совокупности формируют отдельные положения правового режима зон ЭБ. По Уголовному кодексу РФ наиболее опасными считаются те экологические преступления, которые совершены в зоне ЭБ: ч. 2 ст. 247 – «нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов»; ч. 2 ст. 250 – загрязнение вод[25]; ч. 2 ст. 254 – порча земли; ч. 1 ст. 256 – незаконная добыча водных биоресурсов[26]. Из анализа вышеупомянутых норм Уголовного кодекса РФ можно сделать следующий вывод: правовой режим зон ЭБ отличается особенностями наряду с особо охраняемыми природными территориями, т.е. и для зон ЭБ, и для ООПТ законодатель предусматривает отличный от обычного особый правовой режим.

[23] См.: приказ Минприроды России от 06.02.1995 г. № 45 «Об утверждении Временного порядка объявления территории зоной чрезвычайной экологической ситуации» // В официальных источниках опубликован не был.

[24] См. об этом: *Храмова И.С., Андреева М.С.* Зоны экологического бедствия: сложности правового регулирования и необходимость модернизации законодательства // Новая наука: современное состояние и пути развития. 2015. № 6–3. С. 221.

[25] См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 12.

[26] См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.11.2010 г. № 26 (в ред. от 31.10.2017 г.) «О некоторых вопросах применения судами законодательства об уголовной ответственности в сфере рыболовства и сохранения водных биологических ресурсов (часть 2 статьи 253, статьи 256, 258.1 Уголовного кодекса РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 1.

Однако сказанное вовсе не означает тождества в правовых режимах этих двух особых видов территорий: разница между приданием территории правового статуса «зоны ЭБ» и правового статуса «ООПТ» заключается в задачах, которые преследует законодатель при формировании особого правового режима для каждой из названных территорий.

Кроме того, термин «зона ЭБ» фигурирует и в Федеральном законе от 23 ноября 1995 г. № 174-ФЗ (в ред. от 30.12.2020 г.) «Об экологической экспертизе»[27] в контексте того, что документы, предназначенные для обоснования необходимости придания той или иной территории статуса зоны ЭБ являются объектом государственной экологической экспертизы федерального уровня, что в целом соответствует механизму объявления территории зоной ЭБ.

Отметим, что объявление экологически неблагополучной территории зоной ЭБ является основанием для ограничения на этой территории конституционного права граждан на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства (ст. 8 Закона РФ от 25.06.1993 г. № 5242–1[28]), что обусловлено необходимостью реанимации таких территорий и ограничения, а в некоторых случаях и исключения любого антропогенного воздействия на них. Аналогичное правило об ограничениях регистрации по месту пребывания и жительства содержится и в Постановлении Правительства РФ от 17 июля 1995 г. № 713[29].

Смежная норма содержится в п. 2 ст. 5 Федерального закона от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ[30], где отмечается, что в зонах ЭБ может быть установлен разрешительный порядок регистрации по месту жительства и учета по месту пребывания. Что касается иностранных граждан, то при въезде на территорию зоны ЭБ, они обязаны иметь специальное разрешение[31].

Проанализировав существующие нормы, которые прямо или косвенно связаны с правовым регулированием зон ЭБ, мы приходим к выводу об отсутствии в Российской Федерации нормативной основы правового режима зон ЭБ. В этом смысле мы разделяем мнение Е.С. Болтановой, которая отметила следующее: «вряд ли можно говорить о какой-либо системности в закреплении в России правового режима зон ЭБ, даже более того – о его наличии»[32]. Прав и С.А. Боголюбов, отметивший, что в отечественном законодательстве нет классификации экологически неблагополучных территорий, что препятствует отграничению зон ЭБ от смежных состояний экологического неблагополучия[33].

Примечательно, что зоны ЭБ упоминаются и в Экологической доктрине РФ[34]. Так, в ней отмечается, что для обеспечения конституционного права каждого на достоверную информацию о состоянии окружающей среды необходим комплекс мероприятий, к числу которых относится «проведение работ по выявлению зон ЭБ». Кроме того, в доктрине обращается внимание, что одним из экологических приоритетов в здравоохранении является оказание помощи тем гражданам, которые проживают в зоне ЭБ.

Правовой режим зон ЧС содержится в нормах Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ (в ред. от 08.12.2020 г.) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (далее – Закон № 68-ФЗ)[35]. Указанный Закон дает весьма ограниченное по своему содержанию определение понятия «зона ЧС», под которой предлагает понимать территорию, на которой сложилась ЧС. Следовательно, для уяснения термина «зона ЧС» большую ценность имеет дефиниция термина «чрезвычайная ситуация». Добавим, что термин «ЧЭС» отсутствует в Законе № 68-ФЗ, однако его можно обнаружить в ином Федеральном законе – «О регулировании деятельности российских граждан и российских юридических лиц в Антарктике»[36]. Указанный правовой акт не оперирует термином «зона ЧЭС», а под «ЧЭС» понимает «инцидент, который оказывает любое значительное и вредное воздействие

---

[27] См.: URL: http://pravo.gov.ru

[28] См.: Закон РФ от 25.06.1993 г. № 5242–1 (в ред. от 08.12.2020 г.) «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» // Там же.

[29] См.: постановление Правительства РФ от 17.07.1995 г. № 713 (в ред. от 25.05.2017 г.) «Об утверждении Правил регистрации и снятия граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации и перечня лиц, ответственных за прием и передачу в органы регистрационного учета документов для регистрации и снятия с регистрационного учета граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации» // Там же.

[30] См.: Федеральный закон от 18.07.2006 г. № 109-ФЗ (в ред. от 08.06.2020 г.) «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // Там же.

[31] См.: постановление Правительства РФ от 11.10.2002 г. № 754 (в ред. от 14.07.2006 г.) «Об утверждении перечня территорий, организаций и объектов, для въезда на которые иностранным гражданам требуется специальное разрешение» // СЗ РФ. 2002. № 41, ст. 3995.

[32] *Болтанова Е.С.* Правовой режим зон экологического бедствия и зон чрезвычайной ситуации // Экологическое право. 2017. № 1. С. 33–39.

[33] См.: *Боголюбов С.А.* Зоны экологического бедствия, зоны чрезвычайных ситуаций // Аграрное и земельное право. 2009. № 11 (59). С. 64.

[34] См.: распоряжение Правительства РФ от 31.08.2002 г. № 1225-р «Об Экологической доктрине Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 36, ст. 3510.

[35] См.: URL: http://pravo.gov.ru

[36] См.: Федеральный закон от 05.06.2012 г. № 50-ФЗ (в ред. от 08.12.2020 г.) «О регулировании деятельности российских граждан и российских юридических лиц в Антарктике» // Там же.

на окружающую среду Антарктики или создает неотвратимую угрозу такого воздействия».

При ликвидации ЧС большую значимость приобретает предварительное определение границ соответствующей зоны: эта задача возложена на руководителя ликвидации ЧС. Руководителю необходимо руководствоваться классификацией ЧС природного и техногенного характера[37]. Так, существуют шесть типов ЧС: 1) локального характера; 2) муниципального характера; 3) межмуниципального характера; 4) регионального характера; 5) межрегионального характера; 6) федерального характера. В основу данной классификации положен как территориальный признак, так и материальный, заключающийся в количестве людей, погибших либо получивших ущерб здоровью, а также размере материального ущерба, выражающихся в конкретной денежной сумме.

Несмотря на несформированность правового режима зон ЭБ и зон ЧС, ученые-юристы – специалисты в сфере экологического права говорят о том, что режим этих зон есть «развивающийся институт экологического законодательства»[38].

* * *

В заключение мы можем сформулировать следующие выводы.

Значительная техногенная и антропогенная нагрузка на окружающую среду, обусловленная в том числе загрязняющим влиянием крупных промышленных центров, ресурсопотребляющей экономикой, преимущественно энерго- и материалоемкими производствами, а также устаревшими технологиями, требуют внимательного отношения законодателя к вопросам окружающей среды, в т.ч. к зонам ЭБ и зонам ЧС.

Правовой режим зон ЭБ, действующий в Российской Федерации, состоит из разрозненных норм права, которые сосредоточены в отдельных правовых актах, и включает в себя нормы миграционного, уголовного, природоохранного законодательства.

Необходимо рекомендовать законодателю разработать проект федерального закона «О зонах экологического бедствия в Российской Федерации», устранив пробел, обнаруженный в норме ст. 57 Закона № 7-ФЗ. При создании нового корпуса специальных норм, регулирующих правовой режим зон ЭБ важно учитывать нормы Модельного закона. Принятие указанного федерального закона необходимо, прежде всего, для обеспечения конституционного права каждого на благоприятную окружающую среду.

Правовой режим зон ЭБ должен включать следующие обязательные элементы:

нормы, содержащие конкретные предписания превентивного характера, направленные на недопущение экологического бедствия;

нормы, устанавливающие порядок и критерии объявления территории зоной ЭБ;

нормы, предусматривающие механизм вывода территории из состояния экологического бедствия, в т.ч. конкретные природоохранительные мероприятия, финансово-экономическое обеспечение (в том числе механизм привлечения инвестиционных ресурсов), регулярный мониторинг показателей эффективности проводимых мероприятий, федеральный надзор в этой сфере;

нормы, вводящие конституционное ограничения для граждан, проживающих на соответствующей территории, в том числе миграционные, регистрационные и иные;

нормы, регламентирующие порядок осуществления хозяйственной деятельности на территории, которая объявлена зоной ЭБ: здесь важно отдать приоритет не консервации действующих предприятий, способной «заморозить» социально-экономическую активность населения, увеличить социальное напряжение и сократить число рабочих мест, а реабилитации действующих предприятий за счет внедрения наилучших доступных технологий и иных энерго- и материалоемких производств;

нормы, адресованные гражданам, проживающим на территории зоны ЭБ, создающие для них дополнительные гарантии, льготы, компенсации, обеспечивающие, прежде всего, восстановление их здоровья, и препятствующие оттоку населения с этих территорий;

нормы, содержащие механизмы контроля и надзора за исполнением правового режима зон ЭБ;

нормы, предусматривающие механизм снятия с территории статуса «зоны ЭБ»;

нормы, посвященные последующему дополнительному мониторингу состояния окружающей среды на территории, имевшей статус зоны ЭБ.

При формировании нормативной основы зон ЭБ важны совокупные усилия представителей бизнеса, науки и органов государственной власти. Это обеспечит формирование эффективно работающего законодательства в сфере правового режима зон ЭБ.

При введении новых терминов в терминологические ряды экологического законодательства, регулирующего правовой режим зон ЭБ, важно учитывать уже действующий категориальный аппарат

---

[37] См.: постановление Правительства РФ от 21.05.2007 г. № 304 (в ред. от 20.12.2019 г.) «О классификации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Там же.

[38] *Выпханова Г.В.* Теоретические основы развития эколого-правовой науки // Журнал росс. права. 2011. № 12. С. 133.

экологического законодательства, а именно легальные дефиниции, содержащиеся в Законе № 7-ФЗ.

Для предупреждения ошибок и недочетов, которые были выявлены в законопроекте о зонах ЭБ, в Федеральном законе «О зонах экологического бедствия в Российской Федерации» необходимо сделать акцент на финансово-экономическую составляющую порядка вывода территорий из состояния «зон ЭБ»: признавая потребность в большом объеме финансовых ресурсов, предлагаем разрабатывать альтернативные бюджету источники финансирования природоохранительных мероприятий, в т.ч. привлечение отечественных и зарубежных инвестиций.

Под зоной экологического бедствия предлагаем понимать часть территории Российской Федерации, которая в результате любой формы антропогенной либо иной нагрузки подверглась существенному стойкому ухудшению основных природных компонентов, разрушению естественных экологических систем, деградации флоры и фауны, а также иному негативному воздействию, в т.ч. снижению качества жизни и здоровья граждан, проживающих на соответствующей территории;

Законодателю следует разработать классификацию экологически неблагополучных территорий: одних «зон ЭБ» для определения ухудшения состояния окружающей среды явно недостаточно, требуются правовые режимы смежных экологически неблагополучных состояний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Боголюбов С.А.* Зоны экологического бедствия, зоны чрезвычайных ситуаций // Аграрное и земельное право. 2009. № 11 (59). С. 64.
2. *Болтанова Е.С.* Правовой режим зон экологического бедствия и зон чрезвычайной ситуации // Экологическое право. 2017. № 1. С. 33–39.
3. *Выпханова Г.В.* Теоретические основы развития эколого-правовой науки // Журнал росс. права. 2011. № 12. С. 133.
4. Институты экологического права / С.А. Боголюбов и др. М., 2010. С. 387.
5. О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2019 году. Государственный доклад. М., 2020. С. 189.
6. *Транин А.А.* Зоны экологического бедствия: тенденции развития законодательства // Государство и право. 2012. № 12. С. 35–43.
7. *Рыженков А.Я.* Правовой режим зон экологического бедствия // Современное право. 2014. № 7. С. 22.
8. *Хлуденева Н.И.* Дефекты правового регулирования охраны окружающей среды. М., 2014.
9. *Храмова И.С., Андреева М.С.* Зоны экологического бедствия: сложности правового регулирования и необходимость модернизации законодательства // Новая наука: современное состояние и пути развития. 2015. № 6–3. С. 221.

REFERENCES

1. *Bogolyubov S.A.* Zones of ecological disaster, zones of emergency situations // Agrarian and land law. 2009. No. 11 (59). P. 64 (in Russ.).
2. *Boltanova E.S.* The legal regime of environmental disaster zones and emergency zones // Environmental Law. 2017. No. 1. P. 33–39 (in Russ.).
3. *Vypkhanova G.V.* Theoretical foundations of the development of ecological and legal science // Journal of Russ. law. 2011. No. 12. P. 133 (in Russ.).
4. Institutes of Environmental Law / S.A. Bogolyubov, et al. M., 2010. P. 387 (in Russ.).
5. On the state and protection of the environment of the Russian Federation in 2019. State Report. M., 2020. P. 189 (in Russ.).
6. *Tranin A.A.* Zones of ecological disaster: trends in the development of legislation // State and Law. 2012. No. 12. P. 35–43 (in Russ.).
7. *Ryzhenkov A. Ya.* Legal regime of environmental disaster zones // Modern law. 2014. No. 7. P. 22 (in Russ.).
8. *Khludeneva N.I.* Defects of legal regulation of environmental protection. M., 2014 (in Russ.).
9. *Khramova I.S., Andreeva M.S.* Zones of ecological disaster: the complexity of legal regulation and the need to modernize legislation // New science: the current state and ways of development. 2015. No. 6–3. p. 221 (in Russ.).

Сведения об авторе

КОЖОКАРЬ Игорь Петрович –
доктор юридических наук, доцент, заведующий сектором философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

Kozhokar Igor P. –
Doctor of Law, associate Professor, Head of the Department of Philosophy of Law, history and theory of state and law, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 9, с. 107–116
STATE AND LAW, 2021, № 9, pp. 107–116

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА «ЦИФРОВОЙ ЗРЕЛОСТИ»

© 2021 г. Т. А. Полякова[1]*, А. В. Минбалеев[1, 2]**

[1]Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва
[2]Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

**E-mail: polyakova_ta@mail.ru*
***E-mail: alexmin@bk.ru*

Поступила в редакцию 02.08.2021 г.

Аннотация. В статье исследуется правовая природа института «цифровой зрелости» на основе анализа. Рассматривается правовое обеспечение внедрения и использования показателей «цифровой зрелости» в рамках процессов цифровой трансформации. Произведен анализ применяемых имеющихся в действующем законодательстве и научной литературе дефиниций «цифровой зрелости», выделены показатели «цифровой зрелости». На основе анализа состояния правового регулирования и правовой природы понятия «цифровая зрелость» авторы определяют ее как результат (уровень) развития того или иного субъекта или объекта, института или направления в рамках реализации стратегических задач по цифровой трансформации, который характеризуется как общим, так и специальным набором показателей (индикаторов). Обосновывается вывод о необходимости законодательного закрепления дефиниции данного понятия на уровне федерального закона или постановления Правительства РФ.
Анализ правового регулирования отношений, возникающих в связи с обеспечением «цифровой зрелости», свидетельствует об отсутствии методологического обеспечения данных процессов, отсутствии единого подхода к пониманию того, что представляет собой «цифровая зрелость», какие общие и специальные показатели и критерии их оценки необходимо использовать.
В статье делается вывод, что, исходя из законодательства, зачастую сложно понять, что требуется от того или иного субъекта для обеспечения «цифровой зрелости» и как ее достичь. Развитие института «цифровой зрелости» в дальнейшем будет опираться на практическую реализации законодательно закрепленных моделей. В этой связи авторы полагают, что целесообразным было бы использование экспериментов по официальному внедрению данных показателей на уровне функционирования отдельных субъектов для апробации и выявления перспективной модели развития института «цифровой зрелости». В условиях сложившейся ситуации приходится констатировать необходимость развития института сквозь призму оценки практической реализации и выполнения показателя «цифровая зрелость» при проведении процессов цифровой трансформации как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: информационное общество, правовое обеспечение, «цифровая зрелость», цифровые технологии, цифровая трансформация, цифровая экономика.

Цитирование: *Полякова Т.А., Минбалеев А.В.* Понятие и правовая природа «цифровой зрелости» // Государство и право. 2021. № 9. С. 107–116.

Статья написана в рамках Государственного задания № 0136-2021-0042 «Правовое регулирование цифровой экономики, искусственного интеллекта информационной безопасности».

DOI: 10.31857/S102694520016732-6

THE CONCEPT AND LEGAL NATURE OF DIGITAL MATURITY

© 2021 T. A. Polyakova[1] *, A. V. Minbaleev[1, 2]**

[1]Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow
[2]Kutafin Moscow state Law University (MSAL)

**E-mail: polyakova_ta@mail.ru*
***E-mail: alexmin@bk.ru*

Received 02.08.2021

Abstract. The article examines the legal nature of the institute of digital maturity. Being considered the legal grounds for the introduction and use of digital maturity indicators as part of digital transformation processes. The authors analyze the definitions of digital maturity given in the current legislation and scientific literature and outline the indicators of digital maturity.

Based on the analysis of legal regulation and the legal nature of the digital maturity concept, the authors define it as the result (level) of the development of a particular subject, object, institution or development direction as part of the digital transformation implementation. This result is characterized by a certain general and special set of indicators (indicators). The article proposes to formalize this definition as part of a federal law or a decree of the Government of the Russian Federation.

The analysis of the legal regulation of relations connected with the digital maturity provision indicates a clear lack of methodological support for these processes, the lack of a unified approach to understanding what digital maturity is, and what general and special indicators and criteria for their assessment should be used.

The article concludes that, based on the existing legislation, it is often difficult to understand what requirements exist for a certain actor to ensure the digital maturity and how it is to be achieved. The future development of the concept of digital maturity will largely be based on the practical implementation of legally fixed models. In this regard, the authors believe that an instrumental means is carrying out the experiments on the official implementation of these indicators at the level of individual subjects, thus testing it and identifying a promising model for the digital maturity development. In the current situation, there exists a need for the development of the institute by assessing the practical implementation of digital maturity as part of digital transformation processes both at the federal and regional levels in the Russian Federation.

Key words: information society, legal support, digital maturity, digital technologies, digital transformation, digital economy.

For citation: *Polyakova, T.A., Minbaleev, A.V. (2021).* The concept and legal nature of digital maturity // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 107–116.

The article was written within the framework of the State Task No. 0136-2021-0042 “Legal regulation of the digital economy, artificial intelligence of information security”.

Введение

В соответствии с Указом Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» в качестве одной из приоритетных национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года определена цифровая трансформация. При этом ключевым показателем, характеризующим достижение данной цели, обозначено «достижение “цифровой зрелости” ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, а также государственного управления»[1]. В развитие указанного акта принят ряд документов, в которых отражается официальная позиция понимания, что представляет собой «цифровая зрелость». Однако следует обратить внимание на то, что, к сожалению, единого понимания этого понятия до сих пор не сформировалось. Вместе с тем в юридической науке пристального внимания к данному институту, попыток оценки его ценности и значимости в информационном обществе не наблюдается. Это позволяет констатировать, что в очередной раз мы сталкиваемся с феноменом опережающего использования в системе правового регулирования недостаточно определенного с позиции права понятия, не нашедшего пока базового теоретического, системного правового анализа.

Современное состояние правового обеспечения «цифровой зрелости»

В системе правового регулирования активно происходит закрепление положений о реализации показателя «цифровой зрелости». Так, приказом Минцифры России от 18 ноября 2020 г. № 600 (в ред. от 14.01.2021 г.) «Об утверждении методик расчета целевых показателей национальной цели развития Российской Федерации “Цифровая трансформация”» утверждены Методика расчета показателя «Достижение “цифровой зрелости” ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, а также государственного управления» и Методика расчета показателя «Достижение “цифровой зрелости” ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, а также государственного управления для субъекта Российской Федерации»[2]. Данным ведомственным актом устанавливаются критерии для расчета показателя «цифровая зрелость» на федеральном уровне и на уровне субъектов Российской Федерации. Это касается таких ключевых

[1] См.: СЗ РФ. 2020. № 30, ст. 4884.

[2] Документ в официальных источниках опубликован не был.

отраслей экономики, как: промышленность, сельское хозяйство, строительство, развитие городской среды, транспорт и логистика, энергетическая инфраструктура, финансовые услуги. Кроме того, во многом аналогичные критерии также устанавливаются и для здравоохранения, образования и науки, государственного управления.

Для формирования возможности определения значений целевого показателя «Достижение "цифровой зрелости" ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, а также государственного управления» приказом Минцифры России от 18 ноября 2020 г. № 601 утверждена Методика расчета прогнозных значений данного целевого показателя на период до 2030 года[3].

Так, в рамках государственного управления Указом Президента РФ от 4 февраля 2021 г. № 68 в числе показателя для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации установлена «цифровая зрелость» органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций в сфере здравоохранения, образования, городского хозяйства и строительства, общественного транспорта[4]. Постановлением Правительства РФ от 3 апреля 2021 г. № 542 утверждены методики расчета данных показателей[5].

На уровне отдельных отраслей экономики, социальных сфер-принимаются стратегии цифровой трансформации, в которых раскрывается показатель «цифровая зрелость» и определяются программы, реализация которых позволит его достигнуть в соответствующей отрасли или сфере[6].

Методологические аспекты исследования «цифровой зрелости»

Методологически рассмотрение категории «цифровая зрелость» осложняется рядом факторов. Прежде всего, как представляется, это оценочная категория, которая сложно воспринимается правом и редко им используется. Само понятие «цифровая» также достаточно неоднозначно воспринимается как в научной литературе, так и в законодательстве[7]. Семантически «цифровая зрелость» на первый взгляд может толковаться как определенный итог, результат, связанный со значительными показателями, свидетельствующими о возможности совершения чего-то большего. Но это понятие может рассматриваться и как определенный показатель качественных и количественных результатов, причем как конечных, так и промежуточных в рамках определенного процесса. Это может оцениваться и в качестве определенного обстоятельства, факта, в т.ч. юридического (современные подходы нацеливают на необходимость достижения «цифровой зрелости», вводятся критерии, свидетельствующие о таком достижении). Таким образом, на основе даже системного анализа достаточно сложно определить анализируемую категорию как целостно воспринимаемую и имеющую конкретное толкование. В отношении понятия «зрелость» можно выделить несколько синонимов: показатель, результат, значение, достижение, возможность, готовность, допустимость, значительность и другие. Каждый из них несет на себе определенную семантическую нагрузку и, сравнивая их с понятием «зрелость», можно констатировать детерминированность ее выбора законодателем его новизной для законодательства. Новаторский, инновационный характер цифровизации, стремление к прорывным результатам влекут за собой и необходимость использования нового термина, который привлекал бы внимание общественности, заставлял задумываться о его нетривиальности, государственной важности. Кроме того, данный подход действительно оказывает и психологическое воздействие на общество и отдельных субъектов, на которых возлагается

[3] См.: приказ Минцифры России от 18.11.2020 г. № 601 «Об утверждении методик расчета прогнозных значений целевых показателей национальной цели развития Российской Федерации "Цифровая трансформация"» // В официальных источниках опубликован не был.

[4] См.: Указ Президента РФ от 04.02.2021 г. № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 6, ст. 966.

[5] См.: постановление Правительства РФ от 03.04.2021 г. № 542 «Об утверждении методик расчета показателей для оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также о признании утратившими силу отдельных положений постановления Правительства Российской Федерации от 17 июля 2019 г. № 915» // СЗ РФ. 2021. № 16 (ч. III), ст. 2770.

[6] См., напр.: Паспорт Стратегии цифровой трансформации транспортной отрасли Российской Федерации (утв. Минтрансом России) // В официальных источниках опубликован не был.

[7] См.: Правовое регулирование цифровых технологий в России и за рубежом. Роль и место правового регулирования и саморегулирования в развитии цифровых технологий. Саратов, 2019. С. 10–12; Механизмы и модели регулирования цифровых технологий. М., 2020. С. 10–15; Цифровая трансформация: вызовы праву и векторы научных исследований / Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев [и др.]. М., 2020. С. 15–24.

обеспечение достижения «цифровой зрелости» как стратегической национальной задачи.

Между тем аксиологически «цифровая зрелость» представляет собой ценность для государства, общества, отдельных отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления, а также для отдельных субъектов, которым устанавливается в качестве показателя, например, государственным корпорациям, отдельным должностным лицам, органам власти. Таким образом, ценностные ориентиры связываются с признанием для общества и государства «цифровой зрелости» как новой ценности, к которой нужно стремиться и достигать для повышения благосостояния, качества жизни и работы граждан, улучшения доступности и качества государственных услуг, повышения степени информированности и цифровой грамотности, развития экономического потенциала и информационного общества в Российской Федерации в целом. Полагаем, что она вполне может занять свое место в иерархии новых ценностей, которые акад. В.С. Степин рассматривал как трансформирующие ценностные основания техногенного типа цивилизационного развития[8]. Ценность детерминирована и необходимостью осуществления цифровой трансформации, обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина. Это своего рода вызов, обусловленный цифровизацией и информатизацией[9]. Цифровизация как и глобализация «вносит в нашу жизнь колоссальную неустойчивость, обнажающую хрупкость, зыбкость, неопределенность современного мира»[10]. Введение нового ключевого показателя достижения цифровой трансформации – серьезный шаг, который требует пристального внимания со стороны как науки, так и общественности. При этом основной сложностью является непонимание многими, что представляет собой предлагаемая государством новая категория, насколько систематизированы критерии по оценке ее достижения, насколько они носят императивный характер? Какое правовое значение будет иметь достижение цифровой зрелости в условиях ее недостаточной определенности? Такое положение является социально значимым и потребует значительной разъяснительной, правовой и организационной работы.

Понятие «цифровая зрелость»

Что же представляет собой эта категория с позиции права, имеет ли легитимный характер? В Указе Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «цифровая зрелость» – показатель, который является одним из критериев достижения национальной цели – цифровой трансформации. В новой редакции государственной программы Российской Федерации «Информационное общество» «цифровая зрелость» рассматривается как важный результат цифровой трансформации и «переход к принятию управленческих решений на основе данных»[11]. В качестве одного из ожидаемых непосредственных результатов основных мероприятий данной государственной программы указывается, что это «оценка уровня готовности к цифровой трансформации (цифровой зрелости) государственных корпораций и компаний с государственным участием». То есть происходит фактическое отождествление понятий «цифровая трансформация» и «цифровая зрелость», при этом предлагается рассмотрение зрелости как результата процесса трансформации, а также непосредственно самого процесса, в рамках которого происходят качественные и количественные изменения, обусловленные новым критерием принятия управленческих решений.

Применительно к понятию «цифровая зрелость» используется и понятие «цифровая готовность». Так, согласно приложению № 1 Методических рекомендаций по цифровой трансформации государственных корпораций и компаний с государственным участием, в котором предлагаются определения используемых в рекомендациях терминов, «цифровая зрелость компании» предлагается рассматривать как синоним понятия «цифровая готовность компании». Под последней же понимаются «оцениваемые степень цифровой трансформации направлений деятельности компании, приспособленности цифровой инфраструктуры к внедрению цифровых решений, уровень цифровых компетенций сотрудников и компании и совершенство системы управления цифровой трансформацией, в том числе на базе сравнения с лучшими международными практиками»[12], т.е. само понятие раскрывается через конкретные позиции, которые оцениваются по определенным критериям, что и позволяет говорить о цифровой готовности

[8] См.: *Степин В.С.* Современные цивилизационные кризисы и проблемы новых стратегий развития»: науч. изд. М., 2018. С. 24; *Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В.* Новые векторы развития информационного права в условиях цивилизационного кризиса и цифровой трансформации // Государство и право. 2020. № 5. С. 76, 77. DOI: 10.31857/S013207690009678–7

[9] См.: *Савенков А.Н.* Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 413, 414.

[10] *Зорькин В.Д.* Цивилизация права и развитие России. 2-е изд.. испр. и доп. М., 2016. С. 254, 255.

[11] См.: постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 313 (в ред. от 31.03.2021 г.) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Информационное общество”» // СЗ РФ. 2014. № 18 (ч. II), ст. 2159.

[12] См.: Приложение № 1 к Методическим рекомендациям по цифровой трансформации государственных корпораций и компаний с государственным участием (утв. Минцифры России) // В официальных источниках опубликовано не было.

(зрелости). Таким образом, «цифровая зрелость» рассматривается как совокупность показателей, свидетельствующих о достижении определенных результатов и завершенности или незавершенности цифровой трансформации. В качестве таких показателей, индикаторов можно выделить:

степень цифровой трансформации направлений деятельности того или иного субъекта (органа власти, государственной корпорации, образовательной организации, организации здравоохранения и т.п.);

приспособленность цифровой инфраструктуры к внедрению цифровых решений. В качестве показателя такой приспособленности должны вводиться специальные сертификаты, уровни соответствия, цифровые паспорта и свидетельства. Сегодня уже внедряется институт цифрового паспорта. Так, согласно официальной информации Министерства промышленности и торговли РФ в ГИСП стало доступно получение цифрового паспорта промышленного предприятия. Введен в действие специальный сервис «Цифровой паспорт промышленного предприятия», который на основе данных о реализуемых проектах цифровизации рассчитывает текущий уровень цифрового развития. Будучи одним из основных направлений программы по осуществлению цифровой трансформации Минпромторга России, он имеет целью реализовать цифровизацию максимального количества производственных и административных процессов промышленных предприятий. Предполагается, что такой паспорт будет ключевым индикатором (показателем) цифровой зрелости промышленных предприятий и позволит определить уровень цифровизации всей промышленности Российской Федерации. Данный сервис позволит определить уровень цифровизации того или иного предприятия и отраслей промышленности страны, узнать информационно-технологические, в т.ч. цифровые, решения для промышленных предприятий, «подобрать ИТ-решения, ранжированные согласно сложности их внедрения, и ознакомиться с перечнем мер поддержки, направленных на повышение уровня цифровизации и внедрение технологических решений»[13]. Ключевым инструментом Минпромторга России является создание и обеспечение функционирования инфраструктуры, делающей реально выполнимой реализацию проектов цифровой трансформации промышленности в Российской Федерации. В связи с этим реализуются проекты «по разработке и (или) внедрению цифровых технологий и платформенных решений, включающих в себя венчурное финансирование и иные институты развития для преобразования приоритетных отраслей экономики и социальной сферы, включая здравоохранение, образование, промышленность, сельское хозяйство, строительство, городское хозяйство, транспортную и энергетическую инфраструктуру, финансовые услуги, посредством внедрения цифровых технологий и платформенных решений, призванных обеспечить технологическую независимость государства, возможности коммерциализации отечественных исследований и разработок, а также ускорение технологического развития российских компаний и обеспечение конкурентоспособности разрабатываемых ими продуктов и решений на глобальном рынке»[14]. Предполагается, что реализация этих мероприятий позволит обеспечить новый уровень как для создания условий, необходимых для получения «цифровых паспортов» предприятиями промышленности, так и позволят обеспечить адаптацию «для предприятий с разным уровнем цифровой зрелости в целях повышения количества предприятий, способных в полной мере использовать возможности цифровизации»;

использование отечественных информационных технологий, в том числе информационно-технологических решений. Так, при оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, критерием «цифровой зрелости» органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаций в сфере здравоохранения, образования, городского хозяйства и строительства, общественного транспорта выступает «использование ими отечественных информационно-технологических решений[15]. Применительно к стратегиям цифровой трансформации государственных компаний в их долгосрочных программах развития рекомендуется дополнять их такими ключевыми показателями эффективности, как «объем инвестиций в цифровую трансформацию», «доля расходов на закупку российского программного обеспечения», «увеличение вложений в отечественные решения в сфере информационных технологий»

[13] Информация Минпромторга России. «В ГИСП стало доступно получение Цифрового паспорта промышленного предприятия» // Документ в официальных источниках опубликован не был.

[14] См.: приказ Минпромторга России от 23.06.2016 г. № 2091 (в ред. от 01.06.2020 г.) «Об утверждении Концепции развития государственной информационной системы промышленности» // В официальных источниках опубликован не был.

[15] См.: Указ Президента РФ от 04.02.2021 г. № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 6, ст. 966.

и др.[16] Делается акцент при достижении «цифровой зрелости» в процессе цифровой трансформации в части использования отечественных разработок в сфере искусственного интеллекта[17]. Так, в одном из поручений Президента РФ по итогам конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта», состоявшейся 4 декабря 2020 г., Правительству РФ поставлена задача «разработать и утвердить стратегии цифровой трансформации не менее десяти отраслей экономики, социальной сферы, государственного управления в целях достижения их «цифровой зрелости», которые должны учитывать обязательность внедрения конкурентоспособного отечественного программного обеспечения и программно-аппаратных комплексов, созданных на основе технологий искусственного интеллекта»[18]. Такая же задача поставлена в части разработки и утверждения стратегий цифровой трансформации и совершенствования документов стратегического планирования субъектов Российской Фендерации;

уровень цифровых компетенций сотрудников и компании, должностных лиц и иных субъектов[19];

совершенство системы управления цифровой трансформацией. Данный показатель, скорее всего, необходимо рассматривать как завершающий в стадии оценки «цифровой зрелости», так как результатом цифровой трансформации должен быть переход к принятию управленческих решений на основе данных. Совершенствование данной системы должно осуществляться как на основе сопоставительного анализа среди передовых практик аналогичных субъектов внутри государства, так и на базе сравнения с передовым международным опытом, а также сравнения с задаваемыми государством, организациями минимальными критериями и показателями роста развития систем управления.

В утвержденной Минпромторгом России Стратегии цифровой трансформации обрабатывающих отраслей промышленности в целях достижения их «цифровой зрелости» до 2024 года и на период до 2030 года[20] под «цифровой зрелостью» промышленных предприятий понимается их готовность встраивания в новый технологический уклад, использующий новейшие достижения цифровых технологий. В Стратегии цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования «цифровая зрелость» рассматривается как «достижение ключевыми отраслями и уполномоченными органами исполнительной власти целевых показателей»[21].

Таким образом, ныне отсутствует единый подход к пониманию «цифровой зрелости». Специалистами в сфере цифровой трансформации она определяется как «комплексный показатель, характеризующий степень развития организации, институции или региона в части использования цифровых решений и цифровых технологий»[22]. Данное определение также не отражает сущности исследуемого понятия, поскольку не учитывает всех субъектов и объектов, в отношении которых может определяться «цифровая зрелость», а также целый ряд показателей, через которые она оценивается. Анализ юридической литературы свидетельствует, что определение «цифровой зрелости» пока авторами не дается, исследователи в основном опираются в этой части на общие положения документов стратегического планирования[23].

Таким образом, анализ доктрины, правовых норм и практики применения подходов к достижению «цифровой зрелости» позволяют определить ее как результат (уровень) развития того или иного субъекта или объекта, института или направления развития в рамках реализации мероприятий по цифровой трансформации, который характеризуется определенным общим и специальным набором показателей (индикаторов). При этом можно говорить как об определенном промежуточном или конечном результате. Официальное определение «цифровой зрелости», на наш взгляд, целесообразно закрепить на уровне федерального закона или подзаконного нормативного правового акта, например, постановления Правительства РФ.

---

[16] См.: Методические рекомендации по цифровой трансформации государственных корпораций и компаний с государственным участием (утв. Минцифры России) // В официальных источниках опубликованы не были.

[17] См.: *Егорова М.А., Минбалеев А.В., Кожевина О.В., Дюфло А.* Основные направления правового регулирования использования искусственного интеллекта в условиях пандемии // Вестник СПбУ. Право. 2021. Т. 12. № 2. С. 250, 251; *Минбалеев А.В., Титова Е.В.* Проблемы использования технологий искусственного интеллекта в спортивной сфере и правовые ограничения // Человек. Спорт. Медицина. 2020. Т. 20. № 2. С. 114, 115.

[18] См.: Перечень поручений по итогам конференции по искусственному интеллекту (утв. Президентом РФ 31.12.2020 № Пр-2242) // В официальных источниках опубликован не был.

[19] См.: Модель компетенций команды цифровой трансформации в системе государственного управления / под ред. М.С. Шклярука, Н.С. Гаркуши. М., 2020. С. 15–32.

[20] Документ в официальных источниках опубликован не был.

[21] См.: Стратегия цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования (утв. Минобрнауки России) // В официальных источниках опубликована не была.

[22] Стратегия цифровой трансформации: написать, чтобы выполнить / под ред. Е.Г. Потаповой, П.М. Потеева, М.С. Шклярук. М., 2021. С. 179.

[23] См.: *Алтухов А.В., Ершова И.В., Кашкин С.Ю.* Платформенное право как драйвер развития инноваций // Предпринимательское право. 2020. № 4. С. 17–24; *Козлова Н.В., Суханова Н.В., Ворожевич А.С., Алешковский И.А.* Цифровая трансформация в контексте приоритетов государственной научно-технической политики и вопросы совершенствования правового регулирования цифровой экономики в Российской Федерации // Предпринимательское право. 2020. № 4. С. 3–16.

Проблемы и перспективы развития показателей «цифровой зрелости»

Исследование свидетельствует о том, что показатели «цифровой зрелости» не носят системного характера. Между тем полагаем необходимым на основе научных исследований, теоретически и методологически обоснованных выводов методологически выстроить разные подходы к оценке «цифровой зрелости» для различных объектов, субъектов, институтов и направлений развития. Явно существует необходимость обобщения и развития ее общих показателей, которые были бы характерны для всех отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления. Методологически особые требования, критерии и показатели «цифровой зрелости» должны устанавливаться отдельно для государственного управления и для разных отраслей экономики, социальной сферы. Кроме того, в рамках стимулирующей политики для предприятий реального сектора экономики целесообразно разработать рекомендуемые показатели для оценки их «цифровой зрелости». Применительно к социальной сфере существует необходимость закрепления общих показателей «цифровой зрелости», а также ее индикаторов для образования и науки, сферы здравоохранения. В дальнейшем должна быть произведена оценка достаточности общих показателей для отдельных социальных сфер и принято решение о возможном выделении специальных индикаторов для отдельных направлений, например, сферы культуры.

Правовое обеспечение «цифровой зрелости» помимо официального закрепления ее показателей должно развиваться в части разработки мер по обеспечению достижения «цифровой зрелости, в том числе стимулирующего характера. Например, согласно Основным направлениям бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов в целях активного использования преимуществ новых технологических решений и «достижения “цифровой зрелости” ключевых отраслей экономики и социальной сферы, государственного управления планируется реализация комплекса мер, направленного на обеспечение цифровой трансформации:

расширение налоговых льгот в целях создания условий для опережающего развития отечественных высокотехнологичных компаний и повышения привлекательности российской юрисдикции для IT-бизнеса, в том числе: снижение размера ставки страховых взносов с 14% до 7,6% (снижение эффективного ставки в 2 раза до ~5%); снижение налога на прибыль до 3%; отмена льготы НДС при продаже иностранного программного обеспечения;

создание системы правового регулирования цифровой экономики, основанного на гибком подходе в каждой сфере, а также внедрение гражданского оборота на базе цифровых технологий;

создание глобальной конкурентоспособной инфраструктуры передачи, обработки и хранения данных преимущественно на основе отечественных разработок;

создание “сквозных” цифровых технологий преимущественно на основе отечественных разработок;

создание комплексной системы финансирования проектов по разработке/внедрению цифровых технологий и платформенных решений, включая механизмы грантов, льготного кредитования, венчурного финансирования;

внедрение цифровых технологий и платформенных решений в сферах государственного управления и государственных услуг;

переход на процедуры электронных торгов в целях повышения эффективности реализации государственного и муниципального имущества;

переход на исключительно электронный способ сдачи и хранения организациями документов первичной отчетности и подтверждающих документов исполнения государственных и муниципальных контрактов»[24].

Минкомсвязью России также в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 5 декабря 2019 г. № 1598 реализуется мера государственной поддержки, направленная на ускорение процессов цифровой трансформации предприятий отраслей экономики и обеспечения ими «цифровой зрелости» посредством льготных инструментов кредитования через уполномоченные банки[25]. Предусмотрены также дополнительные возможности участия в данном механизме как для российских организаций, реализующих мероприятия по цифровой трансформации и внедрению цифровых технологий и информационных технологий, так и для компаний, разрабатывающих эти технологии, которые теперь могут воспользоваться услугой льготного факторинга; «поддержка проектов компаний

[24] См.: Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов (утв. Минфином России) // В официальных источниках опубликованы не были.

[25] См.: Постановление Правительства РФ от 05.12.2019 г. № 1598 «Об утверждении правил предоставления из федерального бюджета субсидий в рамках поддержки проектов по преобразованию приоритетных отраслей экономики и социальной сферы на основе внедрения отечественных продуктов, сервисов и платформенных решений, созданных на базе “сквозных” цифровых технологий, с применением льготного кредитования» // СЗ РФ. 2019. № 50, ст. 7387.

на приобретение в том числе российских технологических решений, включая программное обеспечение и программно-аппаратные комплексы. Максимальный размер льготного кредита на один проект составляет до 5 млрд руб., на комплексную программу (совокупность проектов) – до 10 млрд руб. по льготной ставке от 1% до 5% годовых»[26].

Для обеспечения «цифровой зрелости» целесообразно и введение системы скоринга и сопоставительного оценивания, рейтингования субъектов, выполняющих соответствующие показатели. В связи с этим Президентом РФ по итогам расширенного заседания президиума Государственного совета, состоявшегося 28 сентября 2020 г., Правительству РФ совместно с рабочей группой Государственного Совета по направлению «коммуникации, связь, цифровая экономика» **поручено** рассмотреть «возможность формирования рейтингов «цифровой зрелости» федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации»[27].

Все указанные организационные меры правового характера во многом отражают ранее систематизированные показатели «цифровой зрелости» и должны найти отражение в нормативном обеспечении процессов цифровой трансформации.

Заключение

Анализ правового регулирования отношений, возникающих в связи с обеспечением «цифровой зрелости», свидетельствует об отсутствии должного методологического обеспечения данных процессов, а также единого подхода к пониманию того, что представляет собой «цифровая зрелость», какие общие и специальные показатели и критерии их оценки необходимо использовать. Зачастую сложно понять, что требуется от того или иного субъекта для обеспечения «цифровой зрелости» и как ее достичь.

Несмотря на методическое обеспечение процессов расчета показателя «цифровая зрелость» остается множество вопросов об обоснованности включения тех или иных показателей, о возможности учета дополнительных показателей, о возможности корректировки показателей и включения в их число новых. Актуальным также является вопрос о расширении числа субъектов, к которым может применяться требование по достижению «цифровой зрелости», например, в судебной системе[28]. Эта проблема требует самостоятельных научно обоснованных решений.

Полагаем, что развитие института «цифровой зрелости» в дальнейшем будет опираться на практическую реализацию законодательно закрепленных моделей. В этой связи целесообразным представляется использование экспериментов по внедрению данных показателей на уровне отдельных субъектов для апробации и выявлении перспективной модели развития. В условиях сложившейся ситуации приходится констатировать необходимость развития института сквозь призму оценки практической реализации и выполнения показателя «цифровая зрелость» при проведении процессов цифровой трансформации как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации, а также в рамках единой системы публичной власти в перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алтухов А.В., Ершова И.В., Кашкин С.Ю.* Платформенное право как драйвер развития инноваций // Предпринимательское право. 2020. № 4. С. 17–24.
2. *Егорова М.А., Минбалеев А.В., Кожевина О.В., Дюфло А.* Основные направления правового регулирования использования искусственного интеллекта в условиях пандемии // Вестник СПбУ. Право. 2021. Т. 12. № 2. С. 250, 251.
3. *Зорькин В.Д.* Цивилизация права и развитие России. 2-е изд.. испр. и доп. М., 2016. С. 254, 255.
4. *Козлова Н.В., Суханова Н.В., Ворожевич А.С., Алешковский И.А.* Цифровая трансформация в контексте приоритетов государственной научно-технической политики и вопросы совершенствования правового регулирования цифровой экономики в Российской Федерации // Предпринимательское право. 2020. № 4. С. 3–16.
5. Механизмы и модели регулирования цифровых технологий. М., 2020. С. 10–15.
6. *Минбалеев А.В., Титова Е.В.* Проблемы использования технологий искусственного интеллекта в спортивной сфере и правовые ограничения // Человек. Спорт. Медицина. 2020. Т. 20. № 2. С. 114, 115.
7. Модель компетенций команды цифровой трансформации в системе государственного управле-

[26] См.: Письмо Минкомсвязи России от 05.08.2020 г. № МП-П11-200-21387 «О реализуемом механизме льготного кредитования» // В официальных источниках опубликовано не было.

[27] См.: Перечень поручений по итогам расширенного заседания президиума Государственного совета (утв. Президентом РФ 24.10.2020 г. № Пр-1726ГС) // В официальных источниках опубликован не был).

[28] См.: *Svirin Y.A., Mokhov A.A., Minbaleev A.V., etc.* The concept of electronic justice and its development prospects in the Russian Federation // Laplage in Journal. 2021. No. 7 (2). P. 108–118.

ния / под ред. М.С. Шклярука, Н.С. Гаркуши. М., 2020. С. 15–32.

8. *Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В.* Новые векторы развития информационного права в условиях цивилизационного кризиса и цифровой трансформации // Государство и право. 2020. № 5. С. 76, 77. DOI: 10.31857/S013207690009678-7
9. Правовое регулирование цифровых технологий в России и за рубежом. Роль и место правового регулирования и саморегулирования в развитии цифровых технологий. Саратов, 2019. С. 10–12.
10. *Савенков А.Н.* Государство и право в период кризиса современной цивилизации. М., 2020. С. 413, 414.
11. *Степин В.С.* Современные цивилизационные кризисы и проблемы новых стратегий развития»: науч. изд. М., 2018. С. 24.
12. Стратегия цифровой трансформации: написать, чтобы выполнить / под ред. Е.Г. Потаповой, П.М. Потеева, М.С. Шклярук. М., 2021. С. 179.
13. Цифровая трансформация: вызовы праву и векторы научных исследований / Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев [и др.]. М., 2020. С. 15–24.
14. *Svirin Y.A., Mokhov A.A., Minbaleev A.V., etc.* The concept of electronic justice and its development prospects in the Russian Federation // Laplage in Journal. 2021. No. 7 (2). P. 108–118.

REFERENCES

1. *Altukhov A.V., Ershova I.V., Kashkin S. Yu.* Platform law as a driver of innovation development // Business Law. 2020. No. 4. P. 17–24 (in Russ.).
2. *Egorova M.A., Minbaleev A.V., Kozhevina O.V., Duflo A.* The main directions of legal regulation of the use of artificial intelligence in the conditions of a pandemic // Herald of SPbU. Law. 2021. Vol. 12. No. 2. P. 250, 251 (in Russ.).
3. *Zorkin V.D.* The civilization of law and the development of Russia. 2nd ed., rev. and add. M., 2016. P. 254, 255 (in Russ.).
4. *Kozlova N.V., Sukhanova N.V., Vorozhevich A.S., Aleshkovsky I.A.* Digital transformation in the context of priorities of the state scientific and technical policy and issues of improving the legal regulation of the digital economy in the Russian Federation // Business Law. 2020. No. 4. P. 3–16 (in Russ.).
5. Mechanisms and models of regulation of digital technologies. M., 2020. P. 10–15 (in Russ.).
6. *Minbaleev A.V., Titova E.V.* Problems of using artificial intelligence technologies in the sports sphere and legal restrictions // Man. Sport. Medicine. 2020. Vol. 20. No. 2. P. 114, 115 (in Russ.).
7. Competency model team digital transformation in the system of public administration / ed. by M.S. Shklyaruk, N.S. Garkusha. M., 2020. P. 15–32 (in Russ.).
8. *Polyakova T.A., Minbaleev V.A., Krotkova N.V.* New vectors of development of Information Law in the context of the crisis of civilization and digital transformation // State and Law. 2020. No. 5. P. 76, 77. DOI: 10.31857/S013207690009678-7 (in Russ.)
9. Legal regulation of digital technologies in Russia and abroad. The role and place of legal regulation and self-regulation in the development of digital technologies. Saratov, 2019. P. 10–12 (in Russ.).
10. *Savenkov A.N.* State and law in the period of the crisis of modern civilization. M., 2020. P. 413, 414 (in Russ.).
11. *Stepin V.S.* Modern civilization crises and problems of new development strategies: scientific ed. M., 2018. P. 24 (in Russ.).
12. The strategy of digital transformation: to write, to run / ed. by E.G. Potapova, M.P. Poteyev, M.S. Shklyaruk. M., 2021. P. 179 (in Russ.).
13. Digital transformation: challenges to law and the vectors of scientific research / T.A. Polyakova, A.V. Minbaleev [and others]. M., 2020. P. 15–24 (in Russ.).
14. *Svirin Yu. A., Mokhov A.A., Minbaleev A.V., etc.* The concept of electronic justice and prospects for its development in the Russian Federation // Laplag in the journal. 2021. No. 7 (2). P. 108–118.

Сведения об авторах

ПОЛЯКОВА Татьяна Анатольевна –
доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, и.о. заведующей сектором информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
SPIN-код: 4224-3174
AuthorID: 732015
ORCID: 0000-0003-3791-2903

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович –
доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА); 125993 г. Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9; главный научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
SPIN-код: 7148-1527
AuthorID: 651824
ORCID: 0000-0001-5995-1802

Authors' information

POLYAKOVA Tatyana A. –
Doctor of Law, Professor, chief researcher, Acting Head of the Information Law and international information security Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

MINBALEEV Alexey V. –
Doctor of Law, associate Professor, Head Department of Information Law and digital technologies of Kutafin Moscow state Law University (MSAL); 9 Sadovaya-Kudrinskaya str., 125993 Moscow, Russia; chief researcher, Information Law and international information security Sector, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 9, с. 117–124
STATE AND LAW, 2021, № 9, pp. 117–124

ЭНЕРГЕТИКА И ПРАВО

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПУБЛИЧНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В НЕФТЯНОЙ СФЕРЕ ЭНЕРГЕТИКИ

© 2021 г. В. Ю. Гусяков

Севастопольский государственный университет

E-mail:apkrf1@bk.ru

Поступила в редакцию 14.05.2021 г.

Аннотация. В статье рассматриваются конституционно-правовые основы публичной организации предпринимательской деятельности в Российской Федерации, что связано, с одной стороны, с конституционными принципами единого экономического пространства на территории Российской Федерации, такими как допущение различной правосубъектности в отношении права собственности на природные ресурсы, обязательное нормативное разграничение предметов ведения между различными органами государственной власти и, с другой стороны, императивным характером правового регулирования публичной организации предпринимательской деятельности, в т.ч. в нефтяной сфере. В связи с этим обращено внимание на необходимость непротиворечивости правового регулирования бухгалтерского учета, валютных операций, налоговой системы, экологической безопасности и других наиболее важных правовых институтов в регулировании предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: предпринимательство, нефть, недра, Конституция, публичная организация, бухгалтерский учет, валютное регулирование.

Цитирование: *Гусяков В.Ю.* Конституционно-правовые основы публичной организации предпринимательской деятельности в нефтяной сфере энергетики // Государство и право. 2021. № 9. С. 117–124.

DOI: 10.31857/S102694520016734-8

CONSTITUTIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF THE PUBLIC ORGANIZATION OF BUSINESS ACTIVITY WITHIN THE OIL SECTOR OF THE ENERGY-PRODUCING INDUSTRY

© 2021 V. Yu. Gusyakov

Sevastopol state University

E-mail:apkrf1@bk.ru

Received 14.05.2021

Annotation. The article deals with constitutional and legal foundations of the public organization of business activity within the oil sector of the energy-producing industry in the Russian Federation. It is on the one hand connected with the basic constitutional principles of the common economic area in the Russian Federation such as the admission of varying legal standing in relation to proprietorial right to natural resources, the obligatory normative separation of the jurisdiction between different governmental agencies, and on the other hand the mandatory legal regulation of the public organization of business activity, particularly within the oil sector. Due to this, attention is paid to the necessity of consistency regarding the legal regulation of accounting, currency transactions, tax system, sustainability issues and other most important legal bodies of business activity regulation.

Key words: business activity, oil, subsoil, Constitution, public organization, accountancy, currency regulation.

For citation: *Gusyakov, V. Yu. (2021).* Constitutional and legal foundations of the public organization of business activity within the oil sector of the energy-producing industry // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9. pp. 117–124.

Предметом регулирования публичных отраслей права являются общественные отношения, построенные на принципах власти и подчинения, а также основанные на принуждении обязанных лиц. В сфере публичных правоотношений преобладают императивные нормы, обязательные к исполнению и не подлежащие изменению или дополнению участниками правоотношений.

В целом принципы и цели публично-правового регулирования закреплены в Конституции РФ.

В юридической литературе подчеркивается, что «право имеет прямое отношение к публичному интересу и прежде всего по причине своей предназначенности к его обеспечению»[1]. При этом «правовой механизм включает в себя следующие средства: а) нормативное признание публичных интересов в качестве социальной ценности; б) обеспечение их юридического приоритета в жизненных ситуациях; в) правовое обеспечение; г) система защиты д) презумпция регулирования и решения правовых задач»[2].

В преамбуле Конституции РФ заложены принципы равноправия и самоопределения народов, а также суверенная государственность Российской Федерации, незыблемость ее демократической основы, необходимость обеспечения благополучия и процветания Российской Федерации, ответственность перед нынешним и будущими поколениями. Фактически в преамбуле Конституции РФ указаны основные сферы публичного интереса и закреплено признание публичных интересов в качестве социальной ценности, отражены публично-правовые интересы государства в целом, и, в частности, в сфере предпринимательской деятельности.

В нефтяной сфере энергетики публично-правовые отношения являются определяющими, основанными на конституционных положениях. Конституционные нормы закрепляют принципы и сферы регулирования публично-правовых отношений в нефтяном секторе энергетики.

Публичный интерес проявляется в общих интересах государства и общества; а также в установлении специальных функций и полномочий органов государственной власти.

В Энергетической стратегии определены публичные цели развития нефтяного комплекса:

стабильное, бесперебойное и экономически эффективное удовлетворение внутреннего спроса на нефть и продукты ее переработки;

активное, без ущерба для внутренних потребностей и будущих поколений граждан, участие в обеспечении мирового спроса на нефть и нефтепродукты;

обеспечение стабильных поступлений в доходную часть консолидированного бюджета в соответствии со значением энергетического сектора в формировании валового внутреннего продукта и экспорта на заданном временном этапе государственной энергетической политики;

инвестиционно-инновационное обновление комплекса, направленное на повышение энергетической, экономической и экологической эффективности его функционирования.

Перечисленные цели относятся к сфере публично-правового регулирования со стороны государства.

В последующих конституционных положениях закреплены принципы экономической деятельности, а также принципы построения публично-правовых отношений. Так, ст. 8 Конституции РФ гласит, что гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, а также поддержка конкуренции и свободы экономической деятельности. В ч. 2 указанной статьи закреплено, что в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности.

Согласно ст. 9 Конституции РФ земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности. Вопросы владения, пользования и распоряжения недрами находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов Федерации.

В ст. 11 Конституции РФ содержится важное правило о том, что разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации осуществляется Конституцией РФ, федеративным и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий.

В ст. 53 Конституции РФ указано, что каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц.

В ст. 56 Конституции РФ установлено, что в условиях чрезвычайного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя в соответствии с федеральным конституционным законом могут устанавливаться отдельные

[1] *Тихомиров Ю.А.* Современное публичное право: учеб. М., 2008. С. 140.

[2] Там же. С. 141.

ограничения прав и свобод с указанием пределов и срока их действия.

Перечисленные конституционные положения определяют основы публичной организации предпринимательской деятельности в целом, включая публичную организацию в нефтяной отрасли.

Общее содержание предпринимательских отношений и публичных отношений в сфере предпринимательства раскрыто в Модельном законе о предпринимательстве, принятом Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ[3]. В Модельном законе определено, в частности, что закон направлен на регулирование отношений, связанных с государственным регулированием и контролем (надзором) в сфере предпринимательства, основанные на власти и подчинении (публичные отношения в сфере предпринимательства). Основам публичной организации предпринимательской деятельности посвящен разд. III названного Закона. Так, в гл. 8 названы следующие формы публичной организации предпринимательства:

система законодательства государства и иные источники правового регулирования предпринимательства;

система публичных органов государства, осуществляющих регулирование и контроль (надзор) в сфере предпринимательства;

система способов публичной организации предпринимательства, применяемых в соответствии с законодательством государства.

К способам публичной организации предпринимательства отнесены:

государственная регистрация лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, а также в случаях, предусмотренных законом, их имущества и сделок;

выдача разрешений на осуществление отдельных видов предпринимательской деятельности (лицензирование);

защита конкуренции;

тарифное регулирование;

техническое регулирование;

определение обязательных требований к бухгалтерскому учету и отчетности;

организация налогообложения в сфере предпринимательства;

определение порядка приватизации предпринимателями публичного имущества;

определение порядка национализации имущества предпринимателей;

поддержка малого и среднего предпринимательства;

внешнеторговое и валютное регулирование и контроль;

иные способы, прямо предусмотренные законодательством государства.

Указанные в Модельном законе о предпринимательстве способы публичной организации предпринимательства отражают в целом конституционные основы регулирования предпринимательской деятельности.

Например, как показывает анализ, одним из способов публичной организации предпринимательства является порядок создания и осуществления деятельности публичных акционерных компаний в нефтяной отрасли. В частности, способом публичной организации предпринимательства является государственная регистрация лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, а также в случаях, предусмотренных законом, их имущества и сделок. Экономическая деятельность публичных акционерных обществ в нефтяной отрасли имеет специфику: формирование и использование основных и оборотных средств, спрос и предложение на рынке нефти и нефтепродуктов; инвестициями под проекты; кредитно-финансовой системой; результатами осуществления хозяйственной деятельности (формирование и распределение прибыли, ценообразование и др.).

В соответствии со ст. 71 Конституции РФ в ведении Российской Федерации, в частности, находятся: формирование федеральных органов государственной власти; федеральная государственная собственность и управление ею; установление основ федеральной политики и федеральные программы в области государственного, экономического, экологического, социального, культурного и национального развития Российской Федерации; установление правовых основ единого рынка; финансовое, валютное, кредитное, таможенное регулирование, денежная эмиссия, основы ценовой политики; федеральные экономические службы, включая федеральные банки и др.

В процессе проведения анализа системы публичных органов, осуществляющих регулирование и контроль (надзор) в нефтяной сфере энергетики выявлено, что требуется совершенствование системы управления, в частности, путем создания единого органа управления.

В области технического регулирования требуется создание непротиворечивой единообразной правовой основы, обеспечивающей рациональную

[3] Принят в г. Санкт-Петербурге 27.11.2015 г. Постановлением № 43-8 на 43-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (в официальных источниках не публиковался).

добычу и использование нефтяных ресурсов. Как показал анализ материалов практики, возникают споры по вопросам несоблюдения требований технического законодательства, положений технических проектов, лицензионных требований и др.

Важнейшая публично-правовая сфера – это определение обязательных требований к бухгалтерскому учету и отчетности. Постановлением Правительства РФ от 6 марта 1998 г. № 283 была утверждена Программа реформирования бухгалтерского учета в соответствии с международными стандартами финансовой отчетности[4].

Цель реформирования системы бухгалтерского учета – приведение национальной системы бухгалтерского учета в соответствие с требованиями рыночной экономики и международными стандартами финансовой отчетности. Ныне идет процесс реформирования порядка учета и отчетности добывающих компаний. Как верно подчеркивается в юридической и экономической литературе, «страны, экспортирующие полезные ископаемые и нефть, в большей степени сталкиваются с проблемами недобросовестного государственного управления»[5].

Согласно положениям приказа Минфина России от 1 июля 2004 г. № 180 «Об одобрении Концепции развития бухгалтерского учета и отчетности в Российской Федерации на среднесрочную перспективу»[6] дальнейшее развитие бухгалтерского учета и отчетности необходимо осуществлять по следующим основным направлениям:

1) повышение качества информации, формируемой в бухгалтерском учете и отчетности;

2) создание инфраструктуры применения МСФО;

3) изменение системы регулирования бухгалтерского учета и отчетности;

4) усиление контроля качества бухгалтерской отчетности;

5) существенное повышение квалификации специалистов, занятых организацией и ведением бухгалтерского учета и отчетности, аудитом бухгалтерской отчетности, а также пользователей бухгалтерской отчетности.

Как показывает отечественный и мировой опыт, развитие бухгалтерского учета и отчетности должно происходить в тесной связи с изменениями экономической ситуации в стране и отвечать характеру и уровню развития хозяйственного механизма.

В области организации налогообложения в нефтяной отрасли в течение последних лет Правительством РФ принят ряд мер, направленных на стимулирование добычи углеводородного сырья, сокращение фискальной нагрузки на нефтяную и газовую отрасли, а также модернизацию нефтепереработки в Российской Федерации. В частности, установлены:

понижающие коэффициенты к ставке НДПИ для трудноизвлекаемых запасов;

для новых морских месторождений углеводородного сырья установлен ряд налоговых преференций по основным видам налогов, в т.ч. НДПИ, а также предусмотрено освобождение от уплаты вывозной таможенной пошлины на определенный срок для углеводородного сырья, добытого на новых морских месторождениях;

продлена пониженная ставка НДПИ при добыче нефти на участках недр, расположенных на территории Республики Саха (Якутия), Иркутской области, Красноярского края и иных территориях;

распространены «налоговые каникулы» по НДПИ на газ горючий природный и газовый конденсат, добытый на территории полуострова Гыданский;

предусмотрен дифференцированный подход к установлению ставки НДПИ при добыче газа горючего природного в зависимости от условий разработки месторождений и иных факторов.

Одним из возможных направлений совершенствования системы налогообложения и ее оптимизации считается поэтапный переход от налогового маневра к налогообложению добавленного дохода нефтяных компаний[7].

Представляется, что оптимальные налоговые системы должны выполнять стимулирующую и регулирующую функции: 1) стимулировать освоение низкорентабельных месторождений или не прекращать разработку залежей в периоды низких цен на нефть; 2) регулировать использование сверхдоходов, образующихся при эксплуатации высокоэффективных нефтедобывающих объектов.

В связи с этим представляется целесообразным, что механизм системы налогообложения нефтяной отрасли в условиях финансового кризиса должен включать такие налоги, как дифференцированный

[4] См.: СЗ РФ. 1998. № 11, ст. 1290.

[5] *Кондрат Е.Н.* Правонарушения в финансовой сфере России. Угрозы финансовой безопасности и пути противодействия. М., 2014.

[6] См.: Бухгалтерский учет. 2004. № 16.

[7] См.: *Горбунова Е.Н.* К вопросу о реформировании налоговой политики России в нефтяной отрасли: от «налогового маневра» к налогообложению добавленного дохода нефтяных компаний // Юрист. 2016. № 23. С. 36–40; *Романова В.В.* Тенденции правового регулирования общественных отношений в нефтяной отрасли // Юрид. мир. 2015. № 12. С. 53–57.

НДПИ, налог на дополнительный доход, платежи на воспроизводство МСБ. В этом направлении целесообразно развитие государственного регулирования.

На уровне корпоративного регулирования целесообразно оптимизировать налоговые обязательства используя возможности формирования учетной политики.

Следующая важная публичная сфера в нефтяной отрасли – определение порядка приватизации предпринимателями публичного имущества.

В современных экономико-социальных и политических условиях в соответствии с положениями Закона о приватизации принят Указ Президента РФ от 4 августа 2004 г. № 1009 «Об утверждении Перечня стратегических предприятий и стратегических акционерных обществ»[8]. В данный перечень включены предприятия, осуществляющие производство продукции (работ, услуг), имеющей стратегическое значение для обеспечения обороноспособности и безопасности государства, защиты нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан Российской Федерации, в т.ч. предприятия нефтяной отрасли (Акционерная компания по транспорту нефти «Транснефть», г. Москва). Издано также распоряжение Правительства РФ от 8 февраля 2017 г. № 227-р (в ред. от 17.03.2018 г.) «Об утверждении прогнозного плана приватизации федерального имущества и основных направлений приватизации федерального имущества на 2017–2019 годы».

Одной из сфер публичной организации государственного регулирования предпринимательской деятельности является определение порядка национализации имущества предпринимателей. Важность государственного регулирования национализации отмечается в работах Е.П. Губина[9]. В ст. 235 ГК РФ к основаниям прекращения права собственности отнесена национализация. Под национализацией понимается обращение в государственную собственность имущества, находящегося в собственности граждан и юридических лиц. Национализация производится на основании ст. 306 ГК РФ с возмещением стоимости этого имущества и других убытков.

В доктрине конституционного и гражданского права неоднократно отмечалось, что в федеральном законодательстве фактически отсутствует правовое регулирование условий и порядка реквизиции и национализации[10].

В судебной практике в связи с отсутствием специального закона о национализации принимаются решения о признании недействительными действий и принимаемых подзаконных актов о национализации. В Российской Федерации остается актуальным вопрос о принятии специального закона[11]. В сфере национализации, как и в отношениях приватизации, переплетаются частноправовые и публично-правовые интересы. Отсутствие специального закона приводит к возникновению спорных ситуаций. Очевидно, что необходим специальный закон о национализации.

В проекте федерального закона № 500676-5 «О возмездном изъятии (национализации) имущества социально неэффективных собственников»[12] предлагалось следующее понятие национализации: «возмездное изъятие (национализация) имущества, находящегося в собственности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей,– принудительное обращение такого имущества в собственность Российской Федерации или в государственную собственность субъекта Российской Федерации с предварительным и равноценным возмещением Российской Федерацией или субъектом Российской Федерации собственнику установленной арбитражным судом его стоимости и понесенных в результате такого изъятия убытков, осуществляемое в целях предотвращения или устранения негативных социально-экономических последствий, явившихся следствием использования собственником такого имущества в предпринимательской деятельности». Т.е. национализация могла быть осуществлена при обнаружении признаков неэффективного использования имущества. Предлагалось также определение социально неэффективного собственника – это юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, действия или бездействие которого при использовании находящегося в его собственности

[8] См.: СЗ РФ. 2004. № 32, ст. 3313.

[9] См.: *Губин Е.П.* Национализация как инструмент государственного регулирования рыночной экономики // Росс. судья. 2005. № 2. С. 42–46.

[10] См.: *Гаджиев К.Т.* Защита конституционных прав человека при изъятии земельных участков для государственных и муниципальных нужд // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. № 3; *Белых В.С.* Основные направления совершенствования части первой Гражданского кодекса Российской Федерации // Предпринимательское право. 2010. № 1; *Винницкий А.В.* Публичная собственность. М., 2013.

[11] См.: *Кожокарь И.П.* Аксиологические дефекты нормативной подсистемы механизма гражданско-правового регулирования // Право и экономика. 2016. № 8. С. 4–8; *Букреев В.В., Рудык Э.Н., Смирнов О.В.* Противодействие недружественному поглощению и рейдерству предприятий минерально-сырьевого комплекса России (имущественный аспект) // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2012. № 6. С. 14–33.

[12] Редакция, внесенная в Государственную Думу ФС РФ, текст по состоянию на 11.02.2011 г (в официальных источниках не публиковался).

имущества в предпринимательской деятельности повлекли негативные последствия.

Полагаем, что данный проект целесообразно дополнить специальными правилами о национализации предприятий нефтяной отрасли, как это предусмотрено в законодательстве о приватизации.

Следующая сфера публичной организации государственного регулирования предпринимательской деятельности – поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства. С вопросами развития конкуренции непосредственно связан и вопрос поддержки малого и среднего предпринимательства в нефтяной сфере.

Эти вопросы находятся в зоне особого внимания со стороны государства[13]. В Постановлении Правительства РФ от 31 марта 1997 г. № 360 были заложены основные направления совершенствования экономических отношений и развития конкуренции в нефтегазовом комплексе, в т.ч. на основе поддержки развития малого и среднего бизнеса и предоставления ему независимым производителем недискриминационного права доступа к магистральным транспортным системам[14]. В распоряжении Правительства РФ от 21 апреля 2003 г. № 494-р «Об утверждении Основ государственной политики в области использования минерального сырья и недропользования»[15] подчеркивалось, что в целях обеспечения эффективной работы предприятий добывающей промышленности необходимо осуществлять содействие формированию добывающих компаний, имеющих высококонкурентную способность на мировом рынке добычи и переработки минерального сырья, а также расширение участия предприятий малого и среднего бизнеса в деятельности в области использования минерального сырья и недропользования. В распоряжении Правительства РФ от 21 июня 2010 г. № 1039-р «Об утверждении Стратегии развития геологической отрасли Российской Федерации до 2030 года»[16] для привлечения субъектов малого и среднего предпринимательства к разработке месторождений, не представляющих интереса для крупных компаний, предусматриваются:

разработка критериев определения участков недр, не представляющих интереса для крупных компаний;

упрощение порядка предоставления таких участков недр в пользование в целях разработки и добычи полезных ископаемых;

обеспечение возможности переуступки прав пользования такими участками недр в пользу субъектов малого и среднего предпринимательства на рыночных условиях.

Принят также общий Закон, направленный на развитие малого предпринимательства[17], но специальных положений о формировании малого предпринимательства в отдельных отраслях экономики он не содержит.

Еще одна сфера публичной организации государственного регулирования предпринимательства – внешнеторговое и валютное регулирование и контроль.

Закон РФ от 21 мая 1993 г. № 5003-1 «О таможенном тарифе»[18] определяет порядок применения ставок вывозных таможенных пошлин, установления ставок вывозных таможенных пошлин и перечня товаров, в отношении которых они применяются, случаи освобождения от уплаты вывозной таможенной пошлины, особенности применения ставок ввозных таможенных пошлин в зависимости от страны происхождения товаров и условий их ввоза, а также особенности предоставления тарифных преференций и тарифных квот.

В соответствии с указанным Законом Постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2013 г. № 155[19] Министерство экономического развития РФ определено как уполномоченный федеральный орган исполнительной власти, осуществляющим мониторинг цен на нефть сырую марки «Юралс» на мировых рынках нефтяного сырья (средиземноморском и роттердамском).

В связи с тем, что в сфере осуществления внешнеторговой деятельности большой объем занимает экспорт нефти и нефтепродуктов, требуется совершенствование таможенной политики и налогового регулирования[20]. Материалы судебной и иной практики свидетельствуют о необходимости совершенствования законодательства об экспорте нефти.

В целях обеспечения реализации единой государственной валютной политики, а также

[13] См.: распоряжение Правительства РФ от 13.11.2009 г. № 1715-р «Об Энергетической стратегии России на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2009. № 48, ст. 5836.

[14] См.: СЗ РФ. 1997. № 19, ст. 2230.

[15] См.: СЗ РФ. 2003. № 17, ст. 1637.

[16] См.: СЗ РФ. 2010. № 26, ст. 3399.

[17] См.: Федеральный закон от 24.07.2007 г. № 209-ФЗ (в ред. от 27.11.2017 г.) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 31, ст. 4006.

[18] См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 23, ст. 821.

[19] См.: СЗ РФ. 2013. № 9, ст. 951.

[20] См.: *Ткаченко С.В.* Пробелы регулирования правоотношений по налогообложению акцизами средних дистиллятов // Налоги. 2017. № 3. С. 40–43.

устойчивости валюты Российской Федерации и стабильности внутреннего валютного рынка Российской Федерации как факторов прогрессивного развития национальной экономики и международного экономического сотрудничества принят Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ (в ред. от 07.03.2018 г.) «О валютном регулировании и валютном контроле»[21].

Особо важное место занимают вопросы государственного регулирования хозяйственной деятельности нефтяных компаний, связанной с пользованием природными ресурсами. В подготовленной Секретариатом Конституционного Суда РФ Информации «Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2013–2015 годов)»[22], которая посвящена дефектам нормотворчества, выявленным Конституционным Судом РФ на протяжении 2013–2015 гг. при разрешении дел о конституционности соответствующего нормативного регулирования, приведен такой пример: в Постановлении от 2 июня 2015 г. № 12-П по делу о проверке конституционности ч. 2 ст. 99, ч. 2 ст. 100 Лесного кодекса РФ и положений постановления Правительства РФ «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Заполярнефть» признаны положения ч. 2 ст. 99 ЛК РФ и постановления Правительства РФ «Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства» не соответствующими Конституции РФ, ее ст. 9 (ч. 1) во взаимосвязи со ст. 19 (ч. 1 и 2), ст. 34 (ч. 1), ст. 35 (ч. 1), ст. 42 и 55 (ч. 3) в той мере, в какой – в силу неопределенности нормативного содержания, порождающей их неоднозначное истолкование и, следовательно, произвольное применение,– при установлении на их основании размера возмещения вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства, в частности при разрешении вопроса о возможности учета фактических затрат, понесенных причинителем вреда в процессе устранения им загрязнения лесов, образовавшегося в результате разлива нефти и нефтепродуктов, данные положения не обеспечивают надлежащий баланс между законными интересами лица, добросовестно реализующего соответствующие меры, и публичным интересом, состоящим в максимальной компенсации вреда, причиненного лесам. Тем самым выявлено отсутствие в системе действующего правового регулирования четкого и непротиворечивого правового механизма возмещения вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства. Проблемы возмещения вреда природным объектам особо остро стоят в сфере деятельности нефтяных компаний.

* * *

В целом на основе анализа необходимо отметить, что пока в Российской Федерации не создана целостная непротиворечивая правовая основа государственного регулирования предпринимательской деятельности. А государственное регулирование предпринимательской деятельности в целом и инновационной деятельности, в частности, как подчеркивается в Распоряжении Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р, пока недостаточно конкурентоспособно[23].

В литературе отмечается, что нормы права в сфере экономики имеют тенденцию к специализации по отраслям производства или видам деятельности[24]. Полагаем, что в рамках этой тенденции целесообразно сформировать в соответствии с конституционными основами законодательство, регламентирующее предпринимательские отношения в нефтяной отрасли, в т.ч. создать правовую основу, обеспечивающую государственное регулирование в нефтяном секторе экономики. Как отправная основа может быть предложена Государственная программа «О правовой основе государственного регулирования отношений в нефтяной отрасли энергетики Российской Федерации». Считаем, что отраженные в Модельном законе о предпринимательстве направления, формы, способы государственного регулирования предпринимательской деятельности и выявленные судебной практикой средства государственного регулирования предпринимательской деятельности соответствуют конституционным основам регулирования предпринимательства и могут быть положены в основу системной правовой базы, обеспечивающей государственное регулирование предпринимательской деятельности в нефтяной отрасли в Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белых В.С.* Основные направления совершенствования части первой Гражданского кодекса Российской Федерации // Предпринимательское право. 2010. № 1.

[21] См.: СЗ РФ. 2003. № 50, ст. 4859.

[22] См.: URL: http://www.ksrf.ru/ (по состоянию на 04.07.2016).

[23] См.: СЗ РФ. 2012. № 1, ст. 216.

[24] См.: Предпринимательское право Российской Федерации: учеб. / отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2017. С. 91.

2. *Букреев В.В., Рудык Э.Н., Смирнов О.В.* Противодействие недружественному поглощению и рейдерству предприятий минерально-сырьевого комплекса России (имущественный аспект) // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2012. № 6. С. 14–33.
3. *Винницкий А.В.* Публичная собственность. М., 2013.
4. *Гаджиев К.Т.* Защита конституционных прав человека при изъятии земельных участков для государственных и муниципальных нужд // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. № 3.
5. *Горбунова Е.Н.* К вопросу о реформировании налоговой политики России в нефтяной отрасли: от «налогового маневра» к налогообложению добавленного дохода нефтяных компаний // Юрист. 2016. № 23. С. 36–40.
6. *Губин Е.П.* Национализация как инструмент государственного регулирования рыночной экономики // Росс. судья. 2005. № 2. С. 42–46.
7. *Кожокарь И.П.* Аксиологические дефекты нормативной подсистемы механизма гражданско-правового регулирования // Право и экономика. 2016. № 8. С. 4–8.
8. *Кондрат Е.Н.* Правонарушения в финансовой сфере России. Угрозы финансовой безопасности и пути противодействия. М., 2014.
9. Предпринимательское право Российской Федерации: учеб. / отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2017. С. 91.
10. *Романова В.В.* Тенденции правового регулирования общественных отношений в нефтяной отрасли // Юрид. мир. 2015. № 12. С. 53–57.
11. *Тихомиров Ю.А.* Современное публичное право: учеб. М., 2008. С. 140, 141.
12. *Ткаченко С.В.* Пробелы регулирования правоотношений по налогообложению акцизами средних дистиллятов // Налоги. 2017. № 3. С. 40–43.

Сведения об авторе:

ГУСЯКОВ Вячеслав Юрьевич –
кандидат юридических наук, доцент Севастопольского государственного университета; 299053 г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33

REFERENCES

1. *Belykh V.S.* The main directions of improving part one of the Civil Code of the Russian Federation // Business Law. 2010. No. 1 (in Russ.).
2. *Bukreev V.V., Rudyk E.N., Smirnov O.V.* Counteraction to unfriendly takeover and raiding of enterprises of the mineral resource complex of Russia (property aspect) // Property relations in the Russian Federation. 2012. No. 6. P. 14–33 (in Russ.).
3. *Vinnitsky A.V.* Public property. M., 2013 (in Russ.).
4. *Gadzhiev K.T.* Protection of constitutional human rights during the seizure of land plots for state and municipal needs // State power and local self-government. 2009. No. 3 (in Russ.).
5. *Gorbunova E.N.* On the issue of reforming the tax policy of Russia in the oil industry: from the "tax maneuver" to taxation of the added income of oil companies // Lawyer. 2016. No. 23. P. 36–40 (in Russ.).
6. *Gubin E.P.* Nationalization as an instrument of state regulation of the market economy // Russ. judge. 2005. No. 2. P. 42–46 (in Russ.).
7. *Kozhokar I.P.* Axiological defects of the normative subsystem of the mechanism of civil law regulation // Law and economics. 2016. No. 8. P. 4–8 (in Russ.).
8. *Kondrat E.N.* Offenses in the financial sphere of Russia. Threats to financial security and ways to counteract them. M., 2014 (in Russ.).
9. Business Law of the Russian Federation: textbook / ed. by E.P. Gubin, P.G. Lakhno. 3rd ed., reprint. and additional. M., 2017. P. 91 (in Russ.).
10. *Romanova V.V.* Trends in the legal regulation of public relations in the oil industry // Legal world. 2015. No. 12. P. 53–57 (in Russ.).
11. *Tikhomirov Yu.A.* Modern public law: textbook. M., 2008. P. 140, 141 (in Russ.).
12. *Tkachenko S.V.* Gaps in the regulation of legal relations on taxation by excise taxes of medium distillates // Taxes. 2017. No. 3. P. 40–43 (in Russ.).

Authors' information

GUSYAKOV Vyacheslav Yu. –
PhD in Law, associate Professor of Sevastopol state University; 33 Universitetskaya str., 299053 Sevastopol, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 9, с. 125–137
STATE AND LAW, 2021, № 9, pp. 125–137

ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И УНИВЕРСАЛИЗАЦИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

© 2021 г. В. А. Карташкин

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: v.kartashkin@mail.ru

Поступила в редакцию 14.04.2021 г.

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме универсализации прав человека, происходящей по мере развития международных отношений. Автор рассматривает универсализацию в качестве процесса со свойственной ей динамикой развития, которая в конечном счете приведет к ее всеобщности и признанию всеми государствами. Особое внимание уделяется ретроспективным аспектам, а также базовым составляющим процесса такой универсализации. При этом универсализм прав человека исследуется сквозь призму общечеловеческих ценностей. Статья завершается выводом о том, что углубление межгосударственного сотрудничества – это единственный возможный путь к созданию устойчивых и прочных отношений между государствами, который неизбежно приведет к торжеству общечеловеческих ценностей и всеобщей универсализации прав человека.

Ключевые слова: международные отношения, универсализация прав человека, основные права и свободы человека, общечеловеческие ценности, традиционные ценности, универсализм, регионализм.

Цитирование: *Карташкин В.А.* Развитие международных отношений и универсализация прав человека // Государство и право. 2021. № 9. С. 125–137.

DOI: 10.31857/S102694520016735-9

DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL RELATIONS AND UNIVERSALIZATION OF HUMAN RIGHTS

© 2021 V. A. Kartashkin

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: v.kartashkin@mail.ru

Received 14.04.2021

Annotation. The article is devoted to the actual problem of the universalization of human rights, which occurs with the development of international relations. The author considers universalization as a process with its characteristic dynamics of development, which will eventually lead to its universality and recognition by all states. Special attention is paid to the retrospective aspects, as well as the basic components of the process of such universalization. At the same time, the universalism of human rights is examined through the prism of universal values. The article concludes with the conclusion that the deepening of interstate cooperation is the only possible way to create stable and strong relations between states, which will inevitably lead to the triumph of universal values and the universal universalization of human rights.

Key words: international relations, universalization of human rights, basic human rights and freedoms, universal values, traditional values, universalism, regionalism.

For citation: *Kartashkin, V.A. (2021).* Development of international relations and universalization of human rights // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9. Pp. 125–137.

Проблема универсализации прав человека является одной из острейших не только в реалиях текущего этапа глобализации и развития международных отношений, но и в современном научно-экспертном сообществе, представители которого уделяют ей самое пристальное внимание, о чем свидетельствуют научные работы последних 15 лет[1].

Следует заметить, что разные авторы применяют различные термины, анализируя вопросы, непосредственно связанные с универсализацией прав человека, зачастую не замечая нюансов и смысловых оттенков используемых понятий и категорий. В частности, речь идет о таких терминах, как: «универсальность прав человека»[2]; «универсальная идентичность прав человека»[3]; «универсализм прав человека»[4]; «глобальная стандартизация прав человека»[5]; «всеобщность прав человека»[6] и т.п.

Дело в том, что любой исследователь, приступая к анализу такого сложного социально-правового феномена, какой является универсализация прав человека, должен для себя однозначно решить вопрос об *универсальности* или *относительности* прав человека, поскольку одна часть ученых руководствуется безотлагательной необходимостью «создания единых правовых стандартов и формирования универсальных прав человека»[7], другая – «основывается на необходимости принимать во внимание региональные особенности, отражающие национальное, социокультурное, религиозное многообразие и уникальность»[8], придерживаясь в своих теоретических конструкциях т.н. «концепции социокультурной обусловленности понимания прав человека»[9].

Следует особо подчеркнуть, что универсализация прав человека не означает их всеобщность[10], но, учитывая то важное обстоятельство, что семантика самого термина «универсализация» (например, в отличие от понятия «универсальность») указывает на его контент в качестве *процесса*, а как известно, любому процессу свойственна *динамика*, с определенной долей уверенности можно утверждать, что рано или поздно процесс универсализации прав человека приведет к их всеобщности. Главное, чтобы указанный процесс носил естественный характер, исключая всяческие попытки его искусственной акселерации, поскольку только на основе общечеловеческих ценностей возможна всеобщность прав человека.

Права человека с момента их возникновения всегда и повсюду неизменно развиваются в условиях противоречий. С одной стороны, происходит процесс их развития, и государства берут на

---

[1] См., напр.: *Аксенов А.Б.* Всеобщая декларация прав человека и проблема универсализации прав человека // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 1. С. 59–62; *Анохин Ю.В.* Об универсализации прав человека в условиях глобализации // Сибирский юридический форум: проблемы обеспечения прав человека: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. / под ред. Ю.В. Анохина. Барнаул, 2020. С. 8–11; *Марченко М.*Н. Проблемы универсализации прав человека в условиях глобализации // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2015. № 1 (39). С. 81–88; *Севостьянова И.Е.* Проблемы универсализации прав человека в контексте процессов глобализации // Современные тенденции развития права в условиях глобализации: сравнительно-правовой аспект: сб. материалов III Всеросс. науч.-практ. конф. с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. Симферополь, 2018. С. 658–663; *Donnelly J.* The Relative Universality of Human Rights // Human Rights Quarterly. 2007 (May). Vol. 29. No. 2. P. 304, 305; *Willem van Genugten.* The Universalization of Human Rights: Reflections on Obstacles and the Way Forward // Global values in a changing World / S. Zweegers and A.M. de Groot (eds.) Amsterdam, 2012. P. 205–236.

[2] *Абасов Г.Г. оглы.* Проблема универсальности прав человека // Права человека – высшее достижение современной цивилизации: материалы науч.-практ. конф. 27 ноября 2015 года. г. Симферополь. Симферополь, 2016. С. 5–9; *Талапина Э.В.* Об универсальности прав человека // Государство и право. 2019. № 12. С. 57–66; и др.

[3] *Иохим А.Н.* От политизации прав человека к формированию универсальной идентичности: анализ эволюции западного гуманитарного дискурса // Вестник Московского ун-та. Сери.12: Политические науки. 2018. № 6. С. 7–18.

[4] *Рахмон Д.С.* Права человека в условиях глобализации: универсализм и релятивизм в праве // Права человека: история, теория, практика. Взгляды на некоторые вопросы прав человека профессорско-преподавательского состава кафедры прав человека и сравнительного правоведения юрид. фак-та ТНУ 2006–2016 гг. / под ред. А.М. Диноршоева и У.А. Азизова. Душанбе, 2016. С. 255–294.

[5] *Чуксина В.В.* Правозащитная деятельность государства в области прав человека в условиях глобальной стандартизации прав человека // Вопросы росс. и междунар. права. 2018. Т. 8. № 4А. С. 17–24.

[6] *Шумилова Т.А., Мурзова М.А.* Принцип всеобщности прав человека в условиях глобализации // Вестник Поволжской академии гос. службы. 2010. № 1 (22). С. 90–93.

[7] *Глухарева Л.И.* Права человека в современном мире. Социально-философские основы и государственное регулирование. М., 2003; *Ее же.* Права человека в системе теории права и государства: общетеоретические, философско-правовые и методологические проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004; *Карташкин В.А.* Универсализация прав человека и традиционные ценности человечества // Современное право. 2012. № 8. С. 3–9; *Карташкин В.А., Лукашева Е.А.* Международно-правовые стандарты прав человека: универсализм, регионализм, реалии // Государство и право. 2010. № 7. С. 37–45; *Лукашева Е.А.* Человек, право, цивилизация: нормативно-ценностное измерение. М., 2009; и др.

[8] *Марченко М.Н.* Указ. соч. С. 81–88; *Моисеев Н.Н.* Судьба цивилизации. Путь разума. М., 2000; *Ковалев А.А.* Международная защита прав человека: учеб. пособие. М., 2013; *Шестаков Л.Н.* Ислам и права человека // Вестник Московского ун-та. 1997. № 5. С. 60–74, и др.

[9] См., в частности: *Аксенов А.Б.* Указ. соч. С. 60.

[10] Следует заметить, что часть современных авторов считает идентичными понятия «универсальность прав человека» и «всеобщность прав человека» (см., напр.: *Юсупов Р.М.* Общечеловеческие ценности и права человека: международно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 68).

себя все новые обязательства по их соблюдению, а с другой – они постоянно и неизменно нарушаются, а зачастую и в массовых масштабах. Эти противоречивые тенденции особенно усилились во второй половине XX в. и в начале текущего столетия. Глобализация способствует интенсификации общественных процессов и сотрудничеству государств в самых разнообразных сферах.

В данной связи целесообразно обратить внимание на важный тезис члена-корр. РАН, проф. Е.А. Лукашевой, согласно которому «в системе процессов глобализации, объективно предопределяемых общественным развитием, следует выделить *универсализацию прав человека,* создание международно-правовых механизмов их защиты, определенное сужение суверенитета национальных государств как условие глобального действия стандартов, выработанных международным сообществом, эффективности контрольных механизмов их защиты»[11]. Однако цивилизационные процессы не ставят под сомнение универсализацию прав человека, как считает Е.А. Лукашева, а свидетельствуют об их замедлении.

Ныне усиливается стремление государств к самоизоляции, поисков собственных путей развития. Наряду с утверждением общих ценностей, разделяемых всеми мировыми цивилизациями, происходит процесс отстаивания некоторыми государствами собственных традиций, нормативов морального и правового поведения, духовных и культурных ценностей.

Вся история развития человечества показывает, что контакты между государствами неизбежны. Общение необходимо не только для сохранения человечества, но и для взаимовыгодного развития экономики, науки, здравоохранения, обогащения культуры народов. Указанные процессы вызывают различное восприятие как в научных исследованиях, так и в практике межгосударственных отношений. Зачастую ставятся под сомнения многие общепризнанные принципы и нормы международного права, затрагивающие коренные отношения между государствами.

Особенно часто подвергаются критике обязательный характер многих принципов и норм в сфере прав человека, обязательства, налагаемые на государства Всеобщей декларацией прав человека и международными Пактами о правах человека, ключевыми международными соглашениями в рассматриваемой области, закрепленные ими принципы и нормы. В этой связи, на наш взгляд, заслуживает специального научного анализа концепция универсальности прав человека, критика которой затрагивает не только данную отрасль права, но и ставит под сомнение юридическую обязательность многих прав и свобод личности.

Процесс универсализация прав человека. Права человека стали объектом международного регулирования сравнительно недавно, а процесс их универсализации начался лишь во второй половине XX в. и продолжается доныне, отличаясь сложным и противоречивым характером. В период, предшествующий созданию Организации Объединенных Наций, ограниченным числом государств заключались лишь некоторые соглашения, регулировавшие в той или иной степени права человека, главным образом по их защите во время вооруженных конфликтов.

С принятием Устава ООН и созданием Организации Объединенных Наций создалась принципиально иная обстановка. Эта Организация уже свыше 75 лет вносит свой вклад в дело поддержания мира и всеобщей безопасности, мирного развития мирового сообщества, соблюдения и развития прав и свобод человека. Как подчеркивается в Декларации о праздновании 75-й годовщины ООН, принятой 21 сентября 2020 г. на заседании Генеральной Ассамблеи Высокого уровня, в мире «не существует другой глобальной организации, которая обладала бы такими же легитимностью, организационными возможностями и нормотворческим потенциалом, как Организация Объединенных Наций»[12].

Одним из выдающихся вкладов ООН в мировой нормотворческий процесс является принятие целого ряда различных резолюций и конвенций, которые привели к созданию Кодекса основных прав и свобод человека, обязательных для всех государств, и тем самым способствовали универсализации прав и свобод человека. Указанная универсализация отражает разнородные составляющие глобализации, которые, с одной стороны, способствуют созданию единых правовых стандартов, стимулируют обмен лучшими достижениями в области науки, технологий, здравоохранении, а с другой – обнаруживают тенденции к реальному расколу мира и закрытию государственных границ. Такие тенденции довольно подвижны: иногда даже смена власти в том или ином государстве может привести к принципиальным изменениям не только в позициях некоторых участников международных отношений, но и в глобальных процессах. В таких условиях, естественно, на протяжении времени меняется и непосредственно практика согласования политики государств в сфере прав человека: от отрицания ряда международных договоренностей государства приходит к их восприятию и одобрению.

[11] *Лукашева Е.А.* Указ. соч. С. 28, 29.

[12] Doc. UN A/RES/75/1 28 September 2020.

Сложный и противоречивый социально-правовой феномен представляет собой и процесс универсализации прав человека.

Известно, что в процессе разработки Устава Организации Объединенных Наций из-за противоположной позиции государств не был согласован перечень основных прав и свобод человека. Устав ООН в конечном счете все же содержит семь положений, так или иначе связанных с правами человека. Одной из них является ст. 68, согласно которой Экономический и Социальный Совет ООН (ЭКОСОС) должен создать комиссии, в частности, по поощрению прав человека. Указанная статья выступила в качестве правовой основы для создания Комиссии по правам человека, позднее замененной Советом ООН по правам человека. Именно эта Комиссия, созданная в 1946 г., приступила к разработке Всеобщей декларации прав человека (далее – Всеобщая декларация, ВДПЧ), которая должна была быть принятой Генеральной Ассамблеей ООН и иметь рекомендательный характер.

В разработке и одобрении названной Декларации приняли участие государства, представлявшие основные цивилизации. Целесообразно сделать акцент на том важном обстоятельстве, что этот беспрецедентный международный документ разрабатывался представителями разных стран, среди которых были дипломаты и ученые из западных, социалистических, исламских и других государств. Они выработали сбалансированный документ, который отразил согласованную позицию различных групп государств[13]. Несмотря на многочисленные разногласия, имевшие цивилизационные, религиозные, политические и социально-экономические аспекты Всеобщая декларация прав человека была принята практически единогласно 10 декабря 1948 г.[14]

Участникам разработки рассматриваемой Декларации удалось согласовать положения документа, который включает в себя широкий перечень как гражданских и политических, так и социально-экономических и культурных прав. Генеральная Ассамблея ООН провозгласила ВДПЧ «в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и государства». Она фактически заложила основы универсализации прав человека.

По мере развития международных отношений список универсальных прав и свобод постоянно расширяется путем принятия различных договорных и иных документов, принимаемых государствами – членами ООН. Изменился и сам правовой характер Декларации. Постепенно все права и свободы, провозглашенные в ней, в результате обычной и договорной практики государств стали обязательными, а сама ВДПЧ рассматривается международным сообществом в качестве обязательного юридического документа.

Универсализация прав человека получила свое дальнейшее развитие в международных пактах о правах человека, которые разрабатывались ООН почти 20 лет, в связи со значительными разногласиями государств, возникавшими в процессе их обсуждения.

Во время разработки указанных пактов Организация Объединенных Наций 14 декабря 1960 г. приняла Декларацию о предоставлении независимости колониальным странам и народам, и вскоре численный состав Организации увеличился почти в два раза, а развивающиеся государства стали составлять большинство в ООН. Неудивительно, что ст. 1 обоих пактов провозглашает права народов на самоопределение. Значительно – по сравнению с ВДПЧ – расширился перечень основных прав и свобод человека, существенное число которых было принято по инициативе развивающихся стран.

Можно однозначно утверждать, что после принятия пактов универсализация прав человека приобрела необратимый характер. В данной связи следует особо отметить тот факт, что пакты не содержат статьи о денонсация и сроках их действия. Являясь бессрочными и не подлежащими денонсации, они тем самым утверждают универсальный характер прав человека.

Универсализация прав человека не лимитируется Всеобщей декларацией и пактами. Наряду с этими документами происходило принятие семи основных международных конвенций, относящихся к запрещению пыток, дискриминации, регламентации прав ребенка и др. Однако совокупность изложенного ранее вовсе не означает, что процесс универсализации прав человека ограничивается исключительно перечисленными ранее документами. Принцип универсализации, не являясь набором застывших норм, постоянно развивается, включая в себя все новые права и свободы, содержание и перечень которых перманентно обновляется.

Эффективность универсализации прав человека напрямую зависит от совершенствования контрольного механизма по обеспечению прав человека и их защите. Такой контроль предусмотрен в пактах и семи ключевых международных соглашениях в сфере прав человека. На специально созданные (по каждому из вышеперечисленных договоров) комитеты возлагается в основном три функции: рассмотрение докладов государств-участников о выполнении ими взятых на себя

[13] Подробнее о работе над Всеобщей декларацией прав человека см.: *Мовчан А.П.* Международная защита прав человека. М., 1958. С. 41–145; *Островский Я.А.* ООН и права человека. М., 1965. С. 40–122.

[14] При голосовании воздержались социалистические страны, Саудовская Аравия и Южно-Африканский Союз. Ни одно государство не голосовало против.

обязательств; изучение межгосударственных жалоб и обсуждение индивидуальных петиций.

Развивающийся процесс универсализации предполагает, что контроль над соблюдением основных прав и свобод человека будет осуществляться не только над государствами – участниками соответствующих соглашений, но и в отношении всех государств – членов ООН независимо от их ратификации тех или иных договоров. Поэтому 15 марта 2006 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Резолюцию 60/251 «Совет ООН по правам человека», согласно которой устанавливалась процедура универсального периодического обзора (далее – УПО)[15]. В соответствии с этой процедурой УПО производит оценку выполнения каждым государством своих «обязательств и обязанностей» в рассматриваемой сфере, исходя, в частности, из Устава ООН и Всеобщей декларации прав человека.

С тех пор все 193 государства – члены ООН, а не только участники ключевых международных соглашений, согласно которым созданы конвенционные контрольные органы, проходят всеобъемлющие периодические обзоры выполнения ими «обязательств и обязанностей в области прав человека». Этот Обзор является универсальным и одинаковым по отношению ко всем государствам.

Универсализм прав человека предполагает не только работу конвенционных контрольных органов и всеобщий контроль над соблюдением государствами своих обязательств в области прав человека, но и создание судебной системы, включая уголовное преследования лиц, совершающих преступные нарушения прав человека.

Создание такого механизма обсуждалось еще во время разработки Всеобщей декларации, но он не был учрежден из-за разногласий между государствами. Устав и Приговор Нюрнбергского, а затем Токийского международных военных трибуналов ускорили данный процесс. Вскоре были приняты конвенции о запрещении геноцида, пресечения апартеида и о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности.

Одновременно обсуждались и различные проекты создания Международного уголовного суда (далее – МУС). Разработка Статута МУС велась полвека, и, наконец, он был принят на дипломатической конференции полномочных представителей государств 17 июля 1998 г. в г. Риме. Четыре состава преступлений, которые закреплены в Римском Статуте (агрессия, геноцид, военные преступления и преступления против человечности) однозначно свидетельствует о том, что ключевым объектом преступных посягательств международных преступлений являются права человека.

Согласно Статуту лицо, которое совершает перечисленные в нем преступления, несет индивидуальную уголовную ответственность и подлежит наказанию (п. 2 ст. 25). При этом индивидуальная уголовная ответственность не влияет на ответственность государств по международному праву (п. 1 ст. 25).

Развитие принципа универсализации прав человека оказывало и оказывает все возрастающее воздействие на развитие как международного права, так и внутреннего права. Свобода действия государств во внешних отношениях и внутренних делах стала ограничиваться принципами и нормами международного права, международными договорными обязательствами, относящимися прежде всего к правам человека.

Сложившийся в международном праве *принцип* универсализации многозначен. Во-первых, все основные права и свободы человека, составляют единый комплекс и должны соблюдаться всеми государствами. К ним относятся те прав и свободы, которые зафиксированы во Всеобщей декларации, пактах и других соглашениях в рассматриваемой области.

Во-вторых, в этот комплекс входят права и свободы, регулирующие законы и обычаи войны. Следует заметить, что Совет по правам человека, реализуя УПО, проводит оценку исполнения государствами своих обязательств по выполнению «норм международного гуманитарного права», которое постепенно интегрируется в международное право прав человека[16].

В-третьих, принцип универсализации включает в себя нормы, которые регулируют ответственность за преступные нарушения прав человека. К ним относятся прежде всего принципы и нормы, закрепленные в Статуте МУС.

В-четвертых, универсализм прав человека означает: равенство, неделимость и запрещение противопоставления одних прав другим, а также недопустимость их градации на приоритетные, абсолютные и т.д.[17]

[15] См.: Doc. UN A/RES/60/251 15 March 2006.

[16] См.: *Карташкин В.А.* Организация Объединенных Наций и международная защита прав человека в XXI веке. М., 2015. С. 115; см. также: *Кроткова Н.В.* ООН и проблема международно-правовой защиты женщин // Гражданин и право. 2007. № 11.

[17] Так, в частности, А.А. Ковалев пишет: «Признание прав человека не исключает их определенную систематизацию. Приоритетным правом является право на жизнь как важнейшее право, без обеспечения которого бессмысленно ставить вопрос о соблюдения остальных прав и свобод человека. Абсолютным же правом, на наш взгляд, является право не быть подвергнутым пыткам и жестокому обращению в соответствии с положениями Конвенции ООН против пыток 1984 года» (см.: *Ковалев А.А.* Указ. соч. С. 31).

В-пятых, принцип универсализации прав человека в качестве одного из основополагающих принципов в международном праве, тесно связан с другими принципами, которые должны содействовать укреплению и защите прав человека, а не оправдывать их нарушения под предлогом суверенитета и внутренней компетентности.

Как было отмечено, универсализация означает обязательность основных прав и свобод человека для всех государств. Отрицание данного принципа или признание его с определенными оговорками противоречит тенденциям развития международных отношений и прогрессивному совершенствованию международного права[18].

В частности, Ф.Л. Иванов утверждает: «Западный секулярный мир должен перестать безапелляционно утверждать окончательность и неизменность универсальной концепции прав человека, проявить готовность к ее переработке и дополнению незападными религиозными и этнокультурными доктринами. Среди религиозных доктрин нас, в первую очередь, интересует исламская, поскольку она является самой влиятельной: мусульмане составляют на сегодня около четверти населения планеты и являются самой быстро растущей группой населения»[19].

Это, с нашей точки зрения, не совсем обдуманное утверждение, через четыре года повторил практически дословно А.А. Ковалев в своем учебном пособии, излагающем основы международной защиты прав человека[20]. Безусловно, свобода научных взглядов не является предметом дискуссии, но все же, представляется, что следовало бы придерживаться «золотого» негласного правила, согласно которому учебная литература – не подходящее место для публикации явно спорных и сомнительных воззрений.

На наш взгляд, повышенного внимания заслуживают научные взгляды на сущность и природу универсальности прав человека некоторых *зарубежных* авторов, известных специалистов в рассматриваемой тематике. Представляется, что в наиболее концентрированном виде и типичном формате мейнстрим таких взглядов выразил Дж. Доннелли (J. Donelly), который, в частности, считает, что универсальность прав человека имеет *относительный* характер, особо подчеркивая, что права человека как международный *политический* проект тесно связаны с императивом универсальности. Однако, как утверждает названный ученый, посягательства на универсальность прав человека также широко распространены, поскольку некоторые версии универсализма действительно теоретически не оправданы, политически пагубны (или сочетают в себе и то и другое). В своей концептуальной статье, опубликованной в 2007 г., он рассматривает условия, в которых права человека могут или не могут считаться универсальными, а также ситуации, в которых они являются или не являются относительными, аргументируя научную состоятельность и корректность собственной концепции «относительной универсальности» международно-признанных прав человека[21].

Дж. Доннелли рассматривает несколько различных концептов (смыслов) «универсальности» прав человека, выделяя при этом «функциональную», «международно-правовую» и «всеобщую консенсусную» универсальность. Он также подчеркивает, что «универсальные права человека, при правильном понимании, оставляют значительное пространство для национальной, региональной, культурной специфики и других форм разнообразия и относительности»[22].

В то же время указанный автор не раскрывает, что, с его точки зрения, означает «правильное» понимание универсальных прав человека. Более того, совершенно непонятно, каким образом, исходя из главных постулатов его концепции «относительной универсальности» прав человека, возможно применить «национальную, региональную и культурную специфику» к универсальным стандартам в сфере прав человека, поскольку стандарты априори не могут быть дифференцированными, в ином случае они утратят свою сущность и просто перестанут быть стандартами.

Толкуя таким образом теорию относительной универсальности прав человека, Дж. Доннелли, как говорится, «оставляет открытой дверь» для произвольной трактовки основных прав и свобод человека, что, в свою очередь, ведет к оправданию их нарушений под предлогом т.н. «относительности».

Научную позицию Дж. Донелли в общем плане поддерживает и проф. Виллем ван Генугтен (Willem van Genugten)[23], делая специальный акцент на следующих весьма существенных, по его мнению, четырех обстоятельствах (в его авторской

[18] См., напр.: *Иванов Ф.Л.* Перспективы развития универсальной и исламской концепции прав человека в изменяющемся мире // Вестник Челябинского гос. ун-та. Сер. «Право». 2009. № 15 (153). Вып. 19. С. 51–55; *Ковалев А.А.* Указ. соч.; *Шестаков Л.Н.* Указ. соч. С. 60–74.

[19] *Иванов Ф.Л.* Указ. соч. С. 53.

[20] *Ковалев А.А.* Указ. соч. С. 35.

[21] См.: *Donnelly J.* Op. cit. P. 281.

[22] Ibid.

[23] Виллем ван Генугтен (Willem van Genugten) – профессор международного права в Тилбургском университете. Председатель постоянного Комитета по правам человека Консультативного совета Нидерландов по международным делам.

трактовке – «предупреждениях»), касающихся *предполагаемой* универсализации прав человека:

1) конвенции ООН по правам человека и другие правозащитные документы, принятые с 1948 г. «в огромном количестве», сами по себе еще не являются решающими и убедительными аргументами для доказательства того, что права человека являются универсальными;

2) категория «универсальность прав человека», по его мнению, не идентична понятию «единообразие прав человека», поскольку дает возможность различно толковать основные права и свободы человека (т.е., говоря иными словами, применить «национальную, региональную и культурную специфику» (по сути, это второе «предупреждение» – парафраз тезиса Дж. Доннелли, рассмотренного нами выше);

3) в то же время названный автор справедливо критикует тех, кто не поддерживает контрольные органы ООН и критику с их стороны, подчеркивая, что многим государствам настоятельно рекомендуется принять терминологию прав человека (согласиться с фактом существования «стандартов» в правозащитной сфере) и соблюдать взятые на себя обязательства и обязанности в области прав человека, но государства не готовы в таком случае мириться с наличием внешнего контроля (УПО) и критикой со стороны внешних (конвенционных) органов или независимых экспертов;

4) выступая справедливо за строгое выполнение государствами международно-правовых обязательств, и приведение в соответствии с ними своего национального законодательства, указанный автор в этой связи указывает на то, что существуют трения (противоречия) между международно-правовыми обязательствами в области прав человека и национальными правовыми нормами государств[24].

Принимая во внимание приведенные выше четыре «предупреждения», которые неизбежно возникают в ходе дискурса об универсализации прав человека, Виллем ван Генугтен предлагает пойти по пути усиления соответствующей работы с местными общинами, поскольку культурные отличия в основном озвучиваются местными общинами, а не государствами, ратифицировавшими документы по правам человека. Таким образом, по мнению названного исследователя, дискуссии об универсальности прав человека должны происходить не только между государствами и конвенционными органами, но и между национальными правительствами и местными общинами[25].

С нашей точки зрения, аргумент Виллема ван Генугтена, при помощи которого он хочет подкрепить состоятельность первого своего «предупреждения» относительно «предполагаемой» универсализации прав человека, касательно «огромного число конвенций ООН по правам человека и других документов» в рассматриваемой сфере, при всей кажущейся своей логике и убедительности, все же обладает осязаемой аналитической слабостью, своеобразной «ахиллесовой пятой». Дело в том, что в данном случае нужно принимать во внимание, прежде всего, не численность, а *качество* международных документов по правам человека, принятых после 1948 г., и возлагаемых ими обязательств на государства.

Если исходить из реального значения документов, принятых международным сообществом в сфере прав человека, то тогда не возникает никаких сомнений по поводу универсальности прав человека, поскольку все *ключевые* документы в этой области (Международные пакты о правах человека, семь известных базовых международных конвенций, а также Воззвание Тегеранской конференции 1968 г., Венская декларация и Программа действия 1993 г., Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций 2004 г., Итоговый документ Всемирного Саммита 2005 г. и др.) однозначно свидетельствуют о доминирующей тенденции *постепенного* признания универсальности прав человека.

Универсализм прав человека и общечеловеческие ценности. Развитие межгосударственных отношений, обусловивших универсализацию прав человека, является отражением вклада различных цивилизаций и культур. Этот процесс не мог быть основанным исключительно на вкладе отдельных государств и разделяемых ими ценностей.

Как было отмечено, Всеобщая декларация, пакты и ключевые международные соглашения по правам человека разрабатывались и принимались государствами, представляющими различные цивилизации. Ценности и права, содержащиеся в вышеуказанных документах, есть отражение вклада различных цивилизаций и культур. Многие делегации, представляющие развивающиеся страны (Бразилия, Пакистан и др.) при принятии ВДПЧ подчеркивали, что она не является продуктом какого-либо одного политического учения или обособленной философской системы. Данная Декларация была выработана в результате интеллектуального и духовного сотрудничества многих народов.

В Программе развития ООН также отмечается, что Всеобщая декларация, закрепив «общие ценности человечества, вобрала в себя разнообразные культурные и политические традиции и воззрения», и будучи принятой консенсусом, представляет «общий для всех народов и всех государств

[24] См.: *Willem van Genugten*. Op. cit. P. 229.

[25] См.: ibid. P. 230.

наивысший стандарт»[26]. Данная оценка может быть применена ко всем ключевым соглашения по правам человека, которые вырабатывались и одобрялись ООН уже после принятия ВДПЧ, когда в состав Организации входило большинство развивающихся государств.

В основе прав и свобод человека и их универсального характера находятся общечеловеческие ценности, которые принадлежат всему человечеству и всем народам независимо от принадлежности к какой-либо цивилизации, религии и культуре. Вклад в формирование общечеловеческих ценностей вносят все цивилизации, религии и культуры, и они определяют развитие принципов и норм современного международного права, конкретное содержание и имплементацию прав и свобод человека. Именно общечеловеческие ценности, представляемые различными цивилизациями, и детерминируют априори универсализацию прав человека. Многие права и свободы человека трансформировались из общечеловеческих ценностей, и таким образом стали общепризнанными. Существующие утверждения о том, что именно европейские ценности придали им общечеловеческий характер, на наш взгляд, являются сомнительными[27]. Нельзя отрицать вклад в данный процесс всех цивилизаций.

Многие общечеловеческие ценности в качестве международно-правовых впервые были зафиксированы во Всеобщей декларации, международных Пактах о правах человека и других соглашениях в данной области. К ним следует отнести такие ценности, как справедливость; равенство; свобода; достоинство, ответственность и др.

Необходимо иметь в виду, что нет общепринятого толкования общечеловеческих ценностей. Они понимаются обычно с учетом исторических, религиозных, культурных ценностей и традиций тех или иных государств, разделяемых всем мировым сообществом.

Здесь уместно напомнить, что при обсуждении и принятии Всеобщей декларации, как и ряда других документов по правам человека, в разработке которых, как подчеркивалось, принимали участие государства с различными общественными системами, религией, культурой, и представляющие различные цивилизации, они не уточняли содержание многих обсуждаемых категорий и не давали им интерпретации классового, религиозного и культурного характера. При обсуждении этих понятий в них вкладывался общедемократический и общечеловеческий смысл, приемлемый для всех. Такой подход обеспечил принятие как указанных ранее, так и других международных договоров.

Международные документы дают различный перечень общечеловеческих ценностей, квалифицируя их по-разному: фундаментальные, абсолютные, основные и т.п. Так, в Декларации тысячелетия Организации Объединенных Наций, принятой резолюцией ГА ООН от 8 сентября 2004 г., отмечено, что «существенно важное значение для международных отношений в XXI веке будет иметь ряд фундаментальных ценностей» (п. 6 разд. I «Ценности и принципы»), к которым в названном международном документе отнесены: свобода; равенство; солидарность; терпимость; уважение к природе; а также общая обязанность народов мира по управлению глобальным экономическим и социальным развитием, устранением угроз международному миру и безопасности.

Итоговый документ Всемирного Саммита 2005 г. говорит о «ценности различных инициатив в отношении диалога между культурами и цивилизациями» (п. 144), подчеркивая в то же время, что «общие основные ценности, включая свободу, равенство, солидарность, терпимость, уважение всех прав человека, уважение к природе и общая ответственность, имеют важнейшее значение для международных отношений» (п. 4). К универсальным или общечеловеческим ценностям Всемирный Саммит 2005 г. отнес и демократию, подчеркнув, что она – «эта универсальная ценность, основанная на свободном волеизъявлении народа, который определяет свои политические, экономические, социальные и культурные системы, и на его активном участии в решении вопросов, касающихся всех аспектов его жизни» (п. 135).

От общечеловеческих ценностей следует отличать *традиционные* ценности. В юридической литературе и даже в документах ООН часто употребляется выражение «традиционные ценности человечества». На наш взгляд, такое выражение является не корректным.

Под традиционными ценностями следует понимать ценности, присущие тому или иному народу, культурной общности. Их нельзя противопоставлять или смешивать с общечеловеческими ценностями, которые, как было отмечено ранее, присущи всему человечеству. Традиционные ценности следует подразделять на позитивные и негативные. Такой дуализм часто употребляется не только в научных дискуссиях, но и в международной практике государств.

Понятие «традиция» в исключительно позитивной коннотации применяется, в частности, в Конвенции о коренных народах и народах, ведущих

[26] См.: UNDP. Doing Justice: How informal justice systems can contribute, December 2006. P. 33–35.

[27] См.: *Шестаков Л.Н.* Указ. соч. С. 60–68; *Лукашева Е.А.* Указ. соч. С. 47–50; *Магомедов А.М.* Исламское право как фактор становления универсальной концепции прав человека // Евразийский юрид. журнал. 2011. № 12 (43). С. 45–47.

племенной образ жизни в независимых странах, в которой речь идет о необходимости сохранения и уважении обычаев и традиций народов, ведущих племенной образ жизни в независимых странах (ст. 1); о содействии осуществлению прав этих народов при уважении их обычаев, традиций и институтов (ст. 2).

Следует особо отметить, что традиция в ее негативной трактовке абсолютно несовместима с признанными на универсальном уровне принципами и нормами прав человека. В качестве наглядного примера аналогичной трактовки выступает Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, закрепившей положения о необходимости изменить традиционную роль как мужчин, так и женщин в обществе и семье, основанной на идее неполноценности или превосходства одного из полов или стереотипности роли мужчин и женщин (Преамбула и ст. 5).

Как исключительно негативные традиции следует интерпретировать различные обычаи, направленные на нанесение вреда здоровью человека или на унижение его достоинства. Имеется в виду, например, бинтование ног у женщин, побивание камнями, калечащие операции на женских половых органах, и многие др.

Разнообразие в понимании традиций позволяет расценивать их в качестве категорий, не имеющих однозначной оценки применительно к правам человека. Позитивная или негативная их интерпретация должна иметь место в зависимости от конкретных обстоятельств и их соответствия принципам и нормам прав человека. Однако очевидно, что в понятие «универсализации прав человека» включаются общечеловеческие ценности и позитивные традиции.

Регионализм и универсальные стандарты прав человека. Глобальное сотрудничество государств не может не затронуть все континенты и регионы. Но его процессы не ведут к нивелированию многообразия цивилизаций, учитывая специфику и своеобразие развития всех стран и народов. Универсализация прав человека не препятствует существованию местных обычаев, различных религиозных верований, культур и локальных традиций.

В то же время универсализация прав человека способствует признанию всеми государствами общих принципов и норм в этой сфере. Нельзя отрицать процесс сближения или конвергенции универсальных и региональных документов по правам человека. Закрепленные в них нормы, зачастую, незначительно различаются по объему и содержанию. Нельзя в этом отношении отрицать и определенные различия, а также предпочтения, которые отдают некоторые региональные соглашения соотношению прав и обязанностей, коллективным и индивидуальным правам.

Тем не менее все страны, принадлежащие к различным цивилизациям и регионам, участвуя в УПО, признали ВДПЧ как содержащую обязательный для всех перечень прав и свобод. Большинство из них ратифицировали и ключевые международные соглашения в данной сфере. Целесообразно особо подчеркнуть, что универсализация прав человека не означает отрицания важного значения сотрудничества государств на региональном уровне, которое в значительной степени воспроизводит всеобщие стандарты прав человека и механизмы их защиты[28].

Конечно, специфические условия развития каждого региона, особые ценности, традиции, обычаи отражаются в принимаемых ими документах. Однако подобный процесс не противоречит универсализации прав человека, а развитие международных отношений свидетельствует о процессе сближения всех регионов. При этом, как было отмечено, ошибочно утверждать, что европейская система прав человека является наиболее совершенной из всех региональных систем.

Ошибочность такого утверждения вытекает прежде всего из анализа Европейской конвенции о защите прав и свобод человека, принятой 4 ноября 1950 г., которая явилась первым региональным соглашением.

Многие государства Европы с осторожностью восприняли этот документ. Только спустя 25 лет после ее принятия все члены Совета Европы стали участниками Конвенции. Содержание Европейской конвенции опровергает утверждения тех европейских ученых, которые придерживаются мнения о том, что каталог прав человека, провозглашенный Всеобщей декларацией, основан на европейских традициях и ценностях. Как подчеркивается в Преамбуле Конвенции, ее участники поставили перед собой цель предпринять лишь «первые шаги» для осуществления «некоторых прав», перечисленных во Всеобщей декларации. И действительно, в Конвенции содержатся лишь некоторые гражданские и политические права и свободы, закрепленные в ВДПЧ. Только постепенно – на протяжении ряда лет – к Конвенции стали приниматься дополнительные Протоколы, которые зафиксировали практически весь перечень гражданских и политических прав человека, закрепленных во Всеобщей декларации. Что же касается признания социально-экономических

[28] См., напр.: *Кроткова Н.В.* Международные способы защиты прав и свобод человека и гражданина: конституционно-правовой аспект // Образование и право. 2020. № 2. С. 63–68. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10212

прав, то этот процесс затянулся на многие годы. Характерно, что принятая в 1996 г. пересмотренная Европейская социальная хартия обязывает государства признавать для себя не все, а лишь 16 из 31 статей[29].

Следует отметить, что во многих региональных соглашениях перечень прав и свобод человека зафиксирован в меньшем объеме, чем в универсальных соглашениях. Это относится, в частности, к Американской конвенции о правах человека, принятой в 1969 г., которая содержит лишь пожелания о реализации социально-экономических прав.

Значительно больший перечень прав содержится в Африканской хартии прав человека и народов 1981 г.[30] Отличительной чертой данного документа является закрепление в нем не только широкого перечня прав человека, но и прав народов. С учетом африканских традиций в Хартии зафиксированы как права, так и обязанности человека.

В целом ряде региональных документов подчеркивается значение исторических традиций и ценностей, дается своеобразная интерпретация тем или иным нормам о правах человека. Весьма характерной в этом отношении является Каирская декларация о правах человека 1990 г. Некоторые ученые, ссылаясь на упоминание шариата в названной Декларации, односторонне оценивают данный документ как совершенно не совместимый с универсальными стандартами прав человека. Хотя Каирская декларация содержит в себе значительный перечень прав человека, как гражданских и политических, так и социально-экономических. Более того, в Декларации закреплены такие права, как право на чистую окружающую среду; право на достойную жизнь; защиту от колониализма. В ней также идет речь о соблюдении прав человека в период вооруженных конфликтов. Помимо этого страны, принадлежащие к исламской цивилизации, участвуют в Универсальном периодическом обзоре (УПО), учрежденном ООН в 2006 г., и тем самым признают перечень прав и свобод, которые содержатся во Всеобщей декларации.

Следует признать, что толкование прав и свобод этими государствами учитывает их своеобразие религиозных верований. Тем не менее за последнее 10-летие универсальные стандарты прав человека все больше разделяются всеми государствами.

В этой связи следует отметить, что в исламской мире существуют различные тенденции. Одна из них направлена на сохранение культурно-цивилизационного своеобразия, уникальности шариата, другая – выступает за сближение исламской правовой мысли с универсальным подходом к правам человека. Нет никаких сомнений в том, что глобальные процессы неизбежно приведут к такому сближению. Тем более что не все исламские государства поддерживают Каирскую декларацию в целом и идеи, закрепленные в ней.

В общем региональные организации развиваются с учетом опыта и практики деятельности универсальных соглашений. Хотя их становление и совершенствование в целом отстает от универсального развития в рассматриваемой области. Здесь необходимо отметить, что этот процесс далеко не завершен. Развитие международных и внутренних отношений всегда сопровождается новыми вызовами и последующими изменениями, которые неизбежно затрагивают сферу прав человека и необходимость их последующей кодификации и договорного закрепления, в частности, экологических, эпидемиологических, информационных, соматических и иных прав.

* * *

Целесообразно особо подчеркнуть, что универсализация прав человека не означает отрицания важного значения сотрудничества государств на региональном уровне, которое в значительной степени воспроизводит всеобщие стандарты прав человека и механизмы их защиты. Конечно, специфические условия развития каждого региона, особые ценности, традиции, обычаи отражаются в принимаемых ими документах. Однако подобный процесс не противоречит универсализации прав человека, а развитие международных отношений, несмотря на отдельные эксцессы и временное обострение, свидетельствует о процессе сближения всех регионов. Указанный процесс заставляет мир искать пути к обновлению, показывает все преимущества глобализации и объективную необходимость сближения всех государств, совместного решения сложных задач, стоящих перед человечеством. Отчуждение того или иного государства от глобального сотрудничества может привести к технологической или другой отсталости, которую будет трудно преодолеть. Представляется, что углубление межгосударственного сотрудничества есть единственный возможный путь к созданию устойчивых и прочных отношений между государствами разных регионов, который неизбежно приведет к торжеству общечеловеческих ценностей и всеобщей универсализации прав человека.

[29] См.: Права человека и правовое социальное государство / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2011. С. 385–395.

[30] См.: URL: http://www1.umn.edu/humanrts/russian/instree/Rzlafchar.html (дата обращения: 02.04.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абасов Г.Г. оглы.* Проблема универсальности прав человека // Права человека – высшее достижение современной цивилизации: материалы науч.-практ. конф. 27 ноября 2015 года. г. Симферополь. Симферополь, 2016. С. 5–9.
2. *Аксенов А.Б.* Всеобщая декларация прав человека и проблема универсализации прав человека // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 1. С. 59–62.
3. *Анохин Ю.В.* Об универсализации прав человека в условиях глобализации // Сибирский юридический форум: проблемы обеспечения прав человека: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. / под ред. Ю.В. Анохина. Барнаул, 2020. С. 8–11.
4. *Глухарева Л.И.* Права человека в системе теории права и государства: общетеоретические, философско-правовые и методологические проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004.
5. *Глухарева Л.И.* Права человека в современном мире. Социально-философские основы и государственное регулирование. М., 2003.
6. *Иванов Ф.Л.* Перспективы развития универсальной и исламской концепции прав человека в изменяющемся мире // Вестник Челябинского гос. ун-та. Сер. «Право». 2009. № 15 (153). Вып. 19. С. 51–55.
7. *Иохим А.Н.* От политизации прав человека к формированию универсальной идентичности: анализ эволюции западного гуманитарного дискурса // Вестник Московского ун-та. Сери.12: Политические науки. 2018. № 6. С. 7–18.
8. *Карташкин В.А.* Организация Объединенных Наций и международная защита прав человека в XXI веке. М., 2015. С. 115.
9. *Карташкин В.А.* Универсализация прав человека и традиционные ценности человечества // Современное право. 2012. № 8. С. 3–9.
10. *Карташкин В.А., Лукашева Е.А.* Международно-правовые стандарты прав человека: универсализм, регионализм, реалии // Государство и право. 2010. № 7. С. 37–45.
11. *Ковалев А.А.* Международная защита прав человека: учеб. пособие. М., 2013. С. 31, 35.
12. *Кроткова Н.В.* Международные способы защиты прав и свобод человека и гражданина: конституционно-правовой аспект // Образование и право. 2020. № 2. С. 63–68. DOI: 10.24411/2076–1503–2020–10212
13. *Кроткова Н.В.* ООН и проблема международно-правовой защиты женщин // Гражданин и право. 2007. № 11.
14. *Лукашева Е.А.* Человек, право, цивилизация: нормативно-ценностное измерение. М., 2009. С. 28, 29, 47–50.
15. *Магомедов А.М.* Исламское право как фактор становления универсальной концепции прав человека // Евразийский юрид. журнал. 2011. № 12 (43). С. 45–47.
16. *Марченко М.Н.* Проблемы универсализации прав человека в условиях глобализации // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2015. № 1 (39). С. 81–88.
17. *Мовчан А.П.* Международная защита прав человека. М., 1958. С. 41–145.
18. *Моисеев Н.Н.* Судьба цивилизации. Путь разума. М., 2000.
19. *Островский Я.А.* ООН и права человека. М., 1965. С. 40–122.
20. Права человека и правовое социальное государство / отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2011. С. 385–395.
21. *Рахмон Д.С.* Права человека в условиях глобализации: универсализм и релятивизм в праве // Права человека: история, теория, практика. Взгляды на некоторые вопросы прав человека профессорско-преподавательского состава кафедры прав человека и сравнительного правоведения юрид. фак-та ТНУ 2006–2016 гг. / под ред. А.М. Диноршоева и У.А. Азизова. Душанбе, 2016. С. 255–294.
22. *Севостьянова И.Е.* Проблемы универсализации прав человека в контексте процессов глобализации // Современные тенденции развития права в условиях глобализации: сравнительно-правовой аспект: сб. материалов III Всеросс. науч.-практ. конф. с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. Симферополь, 2018. С. 658–663.
23. *Талапина Э.В.* Об универсальности прав человека // Государство и право. 2019. № 12. С. 57–66.
24. *Чуксина В.В.* Правозащитная деятельность государства в области прав человека в условиях глобальной стандартизации прав человека // Вопросы росс. и междунар. права. 2018. Т. 8. № 4А. С. 17–24.
25. *Шестаков Л.Н.* Ислам и права человека // Вестник Московского ун-та. 1997. № 5. С. 60–74.
26. *Шумилова Т.А., Мурзова М.А.* Принцип всеобщности прав человека в условиях глобализации // Вестник Поволжской академии гос. службы. 2010. № 1 (22). С. 90–93.
27. *Юсупов Р.М.* Общечеловеческие ценности и права человека: международно-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. С. 68.

28. *Donnelly J.* The Relative Universality of Human Rights // Human Rights Quarterly. 2007 (May). Vol. 29. No. 2. P. 281, 304, 305.

29. *Willem van Genugten*. The Universalization of Human Rights: Reflections on Obstacles and the Way Forward // Global values in a changing World / S. Zweegers and A.M. de Groot (eds.) Amsterdam, 2012. P. 205–236.

REFERENCES

1. *Abasov G.G. ogly.* The problem of the universality of human rights // Human rights – the highest achievement of modern civilization: materials of the scientific and practical conference on November 27, 2015, Simferopol. Simferopol, 2016. P. 5–9 (in Russ.).

2. *Aksenov A.B.* The Universal Declaration of Human Rights and the problem of the universalization of human rights // Herald of Economics, Law and Sociology. 2018. No. 1. P. 59–62 (in Russ.).

3. *Anokhin Yu.V.* On the universalization of human rights in the context of globalization // Siberian Legal Forum: problems of ensuring human rights: materials of the All-Russian scientific and practical conference / ed. by Yu.V. Anokhin. Barnaul, 2020. P. 8–11 (in Russ.).

4. *Glukhareva L.I.* Human rights in the system of the theory of law and the state: general theoretical, philosophical, legal and methodological problems: dis. ... Doctor of Law. M., 2004 (in Russ.).

5. *Glukhareva L.I.* Human rights in the modern world. Socio-philosophical foundations and state regulation. M., 2003 (in Russ.).

6. *Ivanov F.L.* Prospects for the development of the universal and Islamic concept of human rights in a changing world // Herald of the Chelyabinsk state University. Ser. "Law". 2009. No. 15 (153). Issue 19. P. 51–55 (in Russ.).

7. *Iokhim A.N.* From the politicization of human rights to the formation of a universal identity: an analysis of the evolution of Western Humanitarian discourse // Herald of the Moscow University. Ser.12: Law. 2018. No. 6. P. 7–18 (in Russ.).

8. *Kartashkin V.A.* The United Nations and the international protection of human rights in the XXI century. M., 2015. P. 115 (in Russ.).

9. *Kartashkin V.A.* Universalization of human rights and traditional values of humanity // Modern law. 2012. No. 8. P. 3–9 (in Russ.).

10. *Kartashkin V.A., Lukasheva E.A.* International legal standards of human rights: universalism, regionalism, realities // State and Law. 2010. No. 7. P. 37–45 (in Russ.).

11. *Kovalev A.A.* International protection of human rights: textbook. M., 2013. P. 31, 35 (in Russ.).

12. *Krotkova N.V.* International ways of protecting human and civil rights and freedoms: constitutional and legal aspect // Education and law. 2020. No. 2. P. 63–68. DOI: 10.24411/2076-1503-2020-10212 (in Russ.)

13. *Krotkova N.V.* The UN and the problem of international legal protection of women / / Citizen and law. 2007. No. 11 (in Russ.).

14. *Lukasheva E.A.* Man, law, civilization: normative and value dimension. M., 2009. P. 28, 29, 47–50 (in Russ.).

15. *Magomedov A.M.* Islamic Law as a factor in the formation of a universal concept of human rights // Eurasian legal journal. 2011. No. 12 (43). P. 45–47 (in Russ.).

16. *Marchenko M.N.* Problems of universalization of human rights in the context of globalization // Herald of the Altai Academy of Economics and Law. 2015. No. 1 (39). P. 81–88 (in Russ.).

17. *Movchan A.P.* International protection of human rights. M., 1958. P. 41–145 (in Russ.).

18. *Moiseev N.N.* The fate of civilization. The path of reason. M., 2000 (in Russ.).

19. *Ostrovsky Ya.A.* The UN and human rights. M., 1965. P. 40–122 (in Russ.).

20. Human rights and the legal social state / ed. by E.A. Lukasheva. M., 2011. P. 385–395 (in Russ.).

21. *Rakhmon D.S.* Human rights in the context of globalization: universalism and relativism in law // Human rights: history, theory, practice. Views on some human rights issues of the teaching staff of the Department of Human Rights and Comparative Law of the legal the faculty of TNU2006–2016 / ed. by A.M. Dinorshoev and U.A. Azizov. Dushanbe, 2016. P. 255–294 (in Russ.).

22. *Sevostyanova I.E.* Problems of universalization of human rights in the context of globalization processes // Modern trends in the development of law in the context of globalization: comparative legal aspect: collection of materials of the III All-Russian scientific and practical conference with international participation of teaching staff, graduate students and students. Simferopol, 2018. P. 658–663 (in Russ.).

23. *Talapina E.V.* On the universality of human rights // State and Law. 2019. No. 12. P. 57–66 (in Russ.).

24. *Chuksina V.V.* Human rights activities of the state in the field of human rights in the context of global standardization of human rights // Questions of the Russ. and International Law. 2018. Vol. 8. No. 4A. P. 17–24 (in Russ.).

25. *Shestakov L.N.* Islam and human rights // Herald of the Moscow University. 1997. No. 5. P. 60–74 (in Russ.).

26. *Shumilova T.A., Murzova M.A.* The principle of universality of human rights in the context of globalization // Herald of the Volga Academy of public service. 2010. No. 1 (22). P. 90–93 (in Russ.).

27. *Yusupov R.M.* Universal values and human rights: international legal aspect: dis. ... PhD in Law. M., 2019. P. 68 (in Russ.).

28. *Donnelly J.* The Relative Universality of Human Rights // Human Rights Quarterly. 2007 (May). Vol. 29. No. 2. P. 281, 304, 305.

29. *Willem van Genugten.* The Universalization of Human Rights: Reflections on Obstacles and the Way Forward // Global values in a changing World / S. Zweegers and A.M. de Groot (eds.) Amsterdam, 2012. P. 205–236.

Сведения об авторе

КАРТАШКИН Владимир Алексеевич –
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ, главный научный
сотрудник Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KARTASHKIN Vladimir A. –
Doctor of Law, Professor, Honored lawyer
of the Russian Federation, chief researcher
of the Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 9, с. 138–147
STATE AND LAW, 2021, № 9, pp. 138–147

ЗА РУБЕЖОМ

СПЕЦИФИКА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПАРЛАМЕНТСКИХ ПОЛНОМОЧИЙ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19: ОПЫТ ИТАЛИИ

© 2021 г. Т. А. Васильева

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: tan-vas@mail.ru

Поступила в редакцию 31.05.2021 г.

Аннотация. Анализ практики функционирования парламента Италии в условиях пандемии COVID-19 позволил выявить правовые инструменты, при помощи которых представительному органу удалось адаптироваться к новым условиям и обеспечить осуществление парламентских процедур без внесения изменений в регламенты палат, рассмотреть, какое воздействие режим длящейся чрезвычайной ситуации и локдаун оказали на реализацию законодательных и контрольных полномочий парламента, показать, какие подходы предлагаются в доктрине для решения выявленных проблем.

Ключевые слова: парламент, парламентская процедура, дистанционные формы работы, правительство, пандемия COVID-19, чрезвычайная ситуация, Италия.

Цитирование: *Васильева Т.А.* Специфика осуществления парламентских полномочий в условиях пандемии COVID-19: опыт Италии // Государство и право. 2021. № 9. С. 138–147.

DOI: 10.31857/S102694520016736-0

PARLIAMENTARY ACTIVITY UNDER THE COVID-19 EMERGENCY: THE ITALIAN EXPERIENCE

© 2021 T. A. Vasilieva

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: tan-vas@mail.ru

Received 31.05.2021

Annotation. The analysis of the practice of the functioning of the Italian Parliament in the context of the COVID-19 pandemic has made it possible to identify the legal instruments by which the representative body managed to adapt to the new conditions and ensure the implementation of parliamentary procedures without making changes to the Standing Orders of the Chambers, to consider the impact of the continuing emergency regime and lockdown on the implementation of the legislative and oversight of the executive functions of the Parliament, to show what approaches are proposed in the doctrine to solve the identified problems.

Key words: parliament, parliamentary procedure, remote forms of work, government, COVID-19 pandemic, emergency, Italy.

For citation: *Vasilieva, T.A. (2021).* Parliamentary activity under the COVID-19 emergency: the Italian experience // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9. pp. 138–147.

Введение

По мнению экспертов, пандемия привнесла всеобщее пренебрежение к надлежащему конституционному порядку[1]. В наибольшей степени она затронула парламенты, позиции которых были существенно ослаблены. С одной стороны, в чрезвычайной ситуации неизбежна концентрация власти в руках правительства. В силу этого существенно сужаются рамки участия парламента в процессе принятий решений, а также свобода маневра, поскольку законодательные полномочия фактически сводятся к ратификации проектов органов исполнительной власти[2]. С другой стороны, существуют объективные сложности, связанные с организацией работы парламента в условиях локдауна и социального дистанцирования, роста числа заболевших. Это касается возможности проезда депутатов из областей (регионов) к месту нахождения представительного органа; организации заседаний с соблюдением мер предосторожности, исключающих взаимное заражение членов парламента; обеспечения кворума, необходимого для вынесения решений на законных основаниях, и адекватного представительства партийных фракций; принятия решений в соответствии с парламентскими процедурами, предполагающими широкое обсуждение и участие значительного числа депутатов.

Представительным органам различных государств пришлось оперативно адаптироваться к изменившейся ситуации, внедрять новые технологии и практики для осуществления парламентских процедур. Хотя большинство стран применяло сходные подходы (сокращение числа заседаний, снижение кворума для их проведения, ограничение круга рассматриваемых вопросов, применение дистанционных форм работы), в деятельности национальных парламентов сохранялась определенная специфика, обусловленная как правовыми традициями, так и особенностями эпидемиологической ситуации конкретного государства. Рассмотрение национальных ответов на универсальные вызовы представляет интерес для выявления позитивной практики, оригинальных решений универсальных проблем, которые вынуждены были решать представительные учреждения во всем мире. И в этом плане интересен опыт Италии – первого европейского государства, столкнувшегося с пандемией коронавируса, где 31 января 2020 г.[3] было введено чрезвычайное положение, которое действует до сих пор[4].

Обеспечение функционирования парламента в условиях чрезвычайной ситуации

В начале пандемии парламент Италии повел себя достаточно пассивно, собравшись на первое заседание только для рассмотрения первого декрета-закона, связанного с COVID-19[5]. В итальянской литературе писали о маргинализации парламента в условиях чрезвычайной ситуации[6], о временном «приостановлении» действия конституционных положений, резервирующих за представительным органом центральную роль в сфере регламентации прав и свобод человека и их ограничения[7], о том, что парламент не занимает более центральное место в системе правления страной[8]. Парламент даже назвали «великим отсутствующим», поскольку в начальный период пандемии 91.5% нормативных

[1] См.: *Cormacain R., Bar-Siman-Tov I.* Legislatures in the Time of Covid-19 // The Theory and Practice of Legislature. 2020. Vol. 8. No. 1–2. P. 8.

[2] См.: *Griglio E.* Parliamentary Oversight under the Covid-19 Emergency: Striving against Executive Dominance // Ibid. P. 50.

[3] См.: Delibera del Consiglio dei Ministri 31 gennaio 2020. Dichiarazione dello stato di emergenza del rischio sanitario connesso all'insorgenza di patalogie derivanti da agenti virali transmissibile // G.U. n. 26 del 1 febbraio 2020.

[4] Чрезвычайное положение продлевалось неоднократно, последний раз – 21 апреля 2021 г. на период до 31 июля 2021 (см.: Delibera del Consiglio dei Ministri 21 aprile 2021. Proroga dello stato di emergenza in conseguenza del rischio sanitario connesso all'insorgenza di patalogie derivanti da agenti virali transmissibile // G.U. n. 103 del 30 aprile 2021).

[5] В соответствии со ст. 77 Конституции Италии принимаемые правительством под свою ответственность в чрезвычайных случаях необходимости и срочности акты, имеющие силу закона, в тот же день представляются в палаты для преобразования в закон. Они утрачивают силу с момента издания, если не будут преобразованы в течение 60 дней после их опубликования. Первый Декрет-закон, регламентирующий вопросы, связанные с пандемией, от 23.02.2020 г. № 6 (см.: Decreto-Legge 23 febbraio 2020, n. 6. Misure urgenti in materia di contenimento e gestione dell'emergenza epidemiologica da COVID-19 // G.U. n. 45 del 23 febbraio 2020) был преобразован в Закон от 05.03.2020 г. № 13 (см.: Legge 5 marzo 2020, n. 13. Conversione in legge, con modificazioni, del decreto-legge 23 febbraio 2020, n. 6, recante misure urgenti in materia dicontenimento e gestione dell'emergenza epidemiologica da COVID-19 // G.U. n. 61 del 9 marzo 2020).

[6] См.: *Ciolli I., Luciani M.* The Italian Parliament and the pandemic: its difficulties in maintaining its centrality towards the government and the regions have been confirmed. // The impact on the health crisis on the functioning of Parliaments in Europe. Under the direction of E. Cartier, B. Ridard, G. Toulemonde. P. 62. Robert Schuman Foundation. The Research and Studies Centre on Europe. URL: https://www.robert-schuman.eu/en/bookshop/0259-the-impact-of-the-health-crisis-on-the-functioning-of-parliaments (дата обращения: 17.05.2021).

[7] См.: *Roberti I.* Informativa parlamentare al tempo del COVID-19 // Oltre la Pandemia. Società, salute, economia e regole nell'era post Covid-19 / A cura di G. Palmieri. Napoli, 2020. Vol. II. P. 984.

[8] См.: *Azzariti G.* Appunto per l'audizione presso l'Ufficio di Presedenza della Commissione Affari Costituzionali "Modalità piú efficaci per l'esercizio delle prerogative costituzionali del Parlamento nell'ambito di un'emergenza dichiarata" – giovedi 12 novembre 2020 // Associazione Italiana dei costituzionalisti. Osservatorio AIC. Bimestrale di attualità costituzionale. 2021. Fasc. 2. P. 8.

правовых актов, связанных с COVID-19, были приняты без его участия[9].

В определенной степени бездействие парламента было вызвано объективными причинами. В первую очередь необходимо было решить вопрос о том, как продолжить работу представительного органа в условиях ограничения свободы передвижения, абсолютного запрета на свободу собраний при наличии заболевших и инфицированных депутатов с соблюдением требований Конституции Италии. В соответствии с учредительным актом решения каждой палаты и парламента в целом действительны лишь при наличии большинства членов и должны приниматься большинством голосов присутствующих, кроме случаев, требующих квалифицированное большинство (ч. 3 ст. 64). Согласно итальянской доктрине данное положение направлено на обеспечение прав как парламентского меньшинства, так и большинства. Установление определенного числа голосов для признания действительности решения палаты обеспечивает не только представительность коллегии, выносящей соответствующее решение, но и является конституционным выражением принципа большинства[10].

Наличие в одном здании значительного числа членов палаты[11] и сотрудников аппарата[12] обусловило необходимость переосмысления порядка осуществления парламентских процедур, соблюдения традиционных принципов и гарантий прав депутатов, в т.ч. публичности их деятельности[13].

9 и 10 марта 2020 г. в Сенате и Палате депутатов состоялись заседания председателей партийных групп[14], на которых было достигнуто соглашение о сокращении числа пленарных заседаний, присутствии на них 55% членов палаты (350 депутатов и 161 сенатор)[15] при условии пропорционального распределения мест между партийными группами[16], рассмотрении только неотложных актов, в первую очередь законов об утверждении декретов-законов, вопросов и интерпелляций к Правительству Италии, предполагающих безотлагательный ответ.

Постоянные комиссии должны были собираться исключительно для рассмотрения мер, связанных с чрезвычайной ситуацией в сфере здравоохранения и экономики, заслушивания профильных министров, осуществления контроля и выражения мнений в отношении актов Правительства Италии. При этом все поправки должны были рассматриваться в комиссиях, а не на пленарных заседаниях. Заседания комиссий стали проводить в просторных помещениях, и их работа стала программироваться таким образом, чтобы осуществлять необходимую санитарную обработку между заседаниями. 31 марта 2020 г. Джунта по регламенту Палаты депутатов приняла решение о возможности осуществления в экспериментальном порядке заседаний постоянных комиссий в режиме видеоконференции, если на них не заслушиваются отчеты и присутствует председатель или заместитель председателя комиссии. С таким предложением обращались ранее

---

[9] См.: Coronavirus, il parlamento è grande assente // Openpolis. URL: https://www.openpolis.it/coronavirus-il-parlamento-e-il-grande-assente/ (дата обращения: 28.02.2021). Несмотря на усиление координации в деятельности парламента и правительства, статистические показатели оставались неизменными: к январю 2021 г. парламент участвовал в принятии 12 из 400 актов (менее 3%), направленных на борьбу с кризисом (см.: Pro e contro. I rischi e le opportunità della democrazia da remoto in Europa// Linkiesta. European data journalism network di Openpolis. 14 gennaio 2021. URL: https://www.linkiesta.it/2021/01/democrazia-da-remoto-europa/ (дата обращения: 27.05.2021)).

[10] См.: *Scaccia G., Carboni A.* Funzionalità del Parlamento e modalità del voto nell' emergenza // Forum di Quderni Costituzionali Rassegna. 2020. Fasc. 3. P. 124.

[11] 630 депутатов и 315 сенаторов. В соответствии с Конституционным законом от 19.10.2020 г. № 1 «Об изменении положений ст. 56, 57 и 59 Конституции по вопросу о сокращении числа членов парламента» (см.: Legge costituzionale 19 ottobre 2020, n.1. Modifiche agli articoli 56, 57 e 59 della Costituzione in materia di riduzione del numero dei parlamentari // G.U. n. 261 del 21 ottobre 2020) численность депутатов и сенаторов была сокращена на треть, но это требование не распространяется на действующую легислатуру.

[12] Аппарат палат – 1139 человек в Палате депутатов и 610 в Сенате (см.: *Marsocci P.* Lo spazio digitale dei lavori parlamentari e l'emergenza sanitaria Covid // Liber Amicorum per Pascuale Cconstanzo. Diritto costituzionale in transformazione. Vol. II. Il diritto pubblico della pandemia. Collana di studi di Consulta OnLine. Genova, 2020. P. 139).

[13] См.: *Lupo N.* Perchè non è l'art. 64 Cost. A impedire il voto "a distanza" dei parlamentari. E perchè ammettere tale voto richiede una "re-ingenerizzazione" dei procedimenti parlamentari // Associacione Italiana dei costitutzionalisti. Osservatorio AIC. Bimestrale di attualità costituzionale. 2020. Fasc. III. P. 31–32.

[14] Принятие данного решения политическим органом свидетельствует, по мнению итальянских авторов, об усилении его влияния и расширении полномочий (см.: *Stegher G.* In considerazione dell'emergenza sanitaria: Governo e Parlamento al banco di prova del Covid-19 // Nomos. Le attualità nel diritto. Quadrimestrale di teoria generale, diritto pubblico compareato e storia costituzionale. 2020. No. 1. URL: https://www.nomos-leattualitaneldiritto.it/wp-content/uploads/2020/05/Stegher-1–2020-D-coronavirus-rev.pdf (дата обращения: 15.05.2021)).

[15] Однако данное соглашение действовало только в марте, в самой тяжелой фазе кризиса.

[16] Председатель Сената на открытии заседания 10.03.2020 г. объявил, что каждая партийная группа может быть представлена не более чем шестью сенаторами, за исключением случаев голосования. В период пандемии предусматривался особый порядок поименного голосования: депутатов в алфавитном порядке приглашали в зал заседаний к определенному времени, чтобы они могли выразить волеизъявление (см.: *Biondi F., Villaschi P.* Il funzionamento delle Camere durante l'emergenza sanitaria. Riflessioni sulla difficile practicabilità di un Parlamento "telematico"// federalismi. it Rivista di diritto pubblico italiano, comparato, europeo. 2020. Fasc. 18. P. 29, 30).

председатели комиссий по финансам (20 марта), транспорту (27 марта) и культуре (30 марта)[17].

Следует отметить, что решения, связанные с организацией работы палаты, принимались в дальнейшем Джунтой по регламенту в Палате депутатов, а в Сенате эти вопросы по-прежнему решал политический орган – конференция руководителей парламентских групп.

По мнению К. Фузаро, ординарного профессора парламентского права Университета Флоренции, для надлежащего функционирования представительного органа и уважения воли избирателей в условиях пандемии палаты парламента должны были ограничить свою деятельность рассмотрением наиболее важных вопросов, уделив максимальное внимание контролю за борьбой с коронавирусом, использовать профильные парламентские комиссии для рассмотрения проектов законов об утверждении декретов-законов, проводить в очном режиме редкие заседания с ограниченным числом участников, отдавая предпочтение заседаниям в удаленном режиме, проводя в необходимых случаях голосования при условии обеспечения гарантий личного и тайного волеизъявления[18].

Депутат от Демократической партии С. Чекканти, являющийся профессором сравнительного публичного права, одним из первых выдвинул предложение о проведении заседаний палаты в режиме видеоконференции[19]. Впоследствии это предложение было сформулировано в качестве поправки к Регламенту, которую внесли 10 октября 2020 г. более 100 депутатов в виде дополнительной статьи 48-ter[20], предоставляющей возможность депутатам в соответствии с решением Бюро палаты при наличии особых обстоятельств, препятствующих осуществлению парламентских полномочий, участвовать в заседаниях палаты, Джунт и комиссий и осуществлять голосование в удаленном режиме в соответствии с процедурой, обеспечивающей индивидуализацию, свободу и безопасность голосования[21].

Руководство палаты, однако, пошло по пути расширительного толкования положений Регламента, согласно которым при установлении кворума присутствующими на заседании Палаты депутатов считаются лица, «находящиеся в командировке», то есть отсутствующие на заседании в связи с исполнением обязанностей члена палаты, а также министры, являющиеся депутатами, которые не могут присутствовать на заседании в связи с исполнением должностных обязанностей (п. 2 ст. 46) [22]. Из-за проблем с обеспечением кворума 6 октября 2020 г. Джунта по регламенту приняла решение о распространении данного режима и на тех депутатов, в отношении которых санитарные власти приняли решение об ограничении свободы передвижения в целях охраны общественного здоровья и сдерживания распространения инфекции. В частности, речь шла о депутатах, находящихся на карантине после сдачи положительного теста на COVID-19; членах парламента, к которым применяются карантинные меры предосторожности в связи непосредственными контактами с инфицированными лицами либо меры санитарного надзора и изоляции в предусмотренных законодательством случаях; депутатах, ожидающих результатов теста[23], а также проживающих в тех районах,

---

[17] См.: Giunta per il Regolamento. Comunicazione del Presidente sulle modalità di svolgimento dei lavori delle Commissioni nel periodo dell'emergenza derivante dalla diffusione del virus Covid-19. Martedí 31 marzo 2020 // Camera dei deputati. XVIII Legislatura. Bolletino delle giunte e delle commissioni parlamentari. URL: http://documenti.camera.it/leg18/resoconti/commissioni/bollettini/html/2020/03/31/15/comunic.htm#data.20200331.com15.bollettino.sede00010.tit00010.int00010 (дата обращения: 11.03.2021).

[18] См.: *Fusaro C.* Le Camere nell'emergenza della pandemia. Quaderno Fondazione PER. 2020. No. 5. // PER. Progresso. Europa. Riforme. 18 marzo 2020. URL: https:// perfondazione.eu/le-camere-nellemergenza-della-pandemia/ (дата обращения: 12.03.2021).

[19] Следует отметить, что данный вопрос поднимался и во время XVI легислатуры, но был отклонен на заседании Бюро Палаты депутатов 2 августа 2011 г. как противоречащий важнейшим характеристикам деятельности палаты (см.: *Stegher G.* Op. cit.).

[20] См.: Lo stampato aggiornato della proposta di riforma regolamentare per il Parlamento a distanza con le 116 firme // Stefano Ceccanti. Posted 6 ottobre 2020. URL: https://stefanoceccanti.it/lo-stampato-della-proposta-di-riforma-regolamentare-per-il-parlamento-a-distanza-con-le-104-firme/ (дата обращения: 12.03.2021).

[21] Впервые с просьбой об участии в заседании в удаленном режиме обратился 04.03.2020 г. депутат Г. Гвидези, входящий в парламентскую группу «Лига – премьер Салвини», который живет в Ломбардии в коммуне Кодоньо, где в феврале были введены ограничения на выезд из коммуны. Однако его просьба была отклонена со ссылкой на положения ст. 64 Конституции Италии.

[22] См.: Il Regolamento della Camera // Camera dei deputati. URL: https://www.camera.it/leg18/437?conoscerelacamera=237 (дата обращения: 01.03.2021). Данный институт, введенный в Регламент палаты в ходе реформы 1971 г., обусловлен профессиональными обязанностями, а не личными обстоятельствами (болезнь, семейные проблемы и т.д.) депутата (см. подр.: *Pisicchio P.* Pandemia da Covid-19 e Assemblee Parlamentari, tra contagi, congedi e missioni. Paper. 21 ottobre 2020 // federalismi it. Rivista di diritto pubblico italiano, comparato, europeo). URL: https://www.federalismi.it/nv14/articolo-documento.cfm?Artid=44304 (дата обращения: 26.04.2021)). В верхней палате предусмотрены иные подходы. Согласно Регламенту сенаторы, отсутствующие по аналогичным основаниям, не рассматриваются как присутствующие на заседании (п. 2 ст. 101) (см.: Il Regolamento del Senato // Senato. URL: https://www.senato.it/1043 (дата обращения: 01.03.2021)).

[23] См.: Giunta per il Regolamento. Martedi 6 ottobre 2020 // Camera dei deputati. URL: http://documenti.camera.it/leg18/resoconti/commissioni/bollettini/pdf/2020/10/06/leg.18.bol0447.data20201006.com15.pdf (дата обращения: 01.03.2021).

где был введен локдаун и предусмотрены жесткие ограничения свободы передвижения[24].

В отношении возможности голосования в удаленном режиме[25] позиции ученых и политических деятелей разделились. Так, министр по взаимоотношениям с парламентом в правительстве Дж. Конти Ф. Д'Инка полагал, что дистанционное голосование можно применять лишь в исключительных случаях, когда требуется одобрение абсолютного большинства членов палаты[26], им могут воспользоваться депутаты, которые не могут присутствовать на заседании в связи с болезнью или карантином. В свою очередь, инициатор поправки в Регламент депутат С. Чекканти считал, что Конституцию Италии не следует истолковывать исходя из ситуации, существовавшей в период ее разработки. Положения ст. 64 требуют присутствия членов парламента, и для этого необходимо использовать все доступные способы. Если в период разработки Конституции Италии не было телекоммуникационных каналов связи, это не значит, что их нельзя использовать сегодня[27]. Такой же позиции придерживался и известный итальянский конституционалист Э. Кели, отмечая, что в 2020 г. присутствие депутатов можно обеспечивать и посредством Интернета. В свою очередь, председатель Конституционного суда Итальянской Республики в отставке Ч. Мирателли полагал, что парламент – это не только место для голосования, но и институт, где сопоставляются позиции и ведется диалог, что вряд ли достижимо посредством телеконференции[28].

По мнению одних экспертов, удаленное голосование на заседаниях палаты – это инструмент, направленный на защиту представительной демократии, поскольку технологии не предполагают упразднение представительства, а наоборот, оказывают содействие в осуществлении соответствующих полномочий[29]. Другие эксперты выражали сомнения в отношении возможности обеспечения в условиях удаленного режима конституционных прерогатив членов парламента – выражения собственного мнения, права вносить предложения, участвовать в свободном, равном, личном и тайном голосовании[30], полноценных парламентских дебатах, осуществлять поиск компромисса[31].

Следует отметить, что вопрос о введении дистанционного голосования в итальянском парламенте еще только обсуждается, а проведение заседаний органов местного самоуправления в режиме видеоконференции в период чрезвычайной ситуации уже признано допустимым – ст. 73 Декрета-закона от 17 марта 2020 г. № 18[32].

Получение информации о действиях правительства и определение ориентиров соответствующей деятельности

В первую фазу борьбы с пандемией не было налажено информирование парламента о действиях, которые планирует предпринимать правительство в целях борьбы с распространением коронавируса. Весьма показательно, что министр здравоохранения, выступая 30 января 2020 г. в рамках процедуры «безотлагательного информирования» (*informativa "urgente"*)[33] в палатах парламента, не уведомил их о введении 31 января 2020 г. чрезвычайного положения. Председатель Совета министров Италии выступил перед депутатами через 54 дня после его объявления, хотя в течение всего этого периода регулирование кризисной ситуации осуществлялось преимущественно декретами Председателя Совета министров Италии – административными актами,

---

[24] В ряде регионов председатели областей ввели обязательный 14-дневный карантин для всех лиц, въезжающих на их территорию (см.: *Pisicchio P.* Op. cit.).

[25] Данная проблема обсуждалась в итальянской юридической литературе и ранее, но преимущественно в связи с голосованием на парламентских и административных выборах. Однако в условиях пандемии она приобрела прикладное значение в контексте принятия решений на заседаниях палат парламента и их органов (см.: *Scaccia G., Carboni A.* Op. cit. P. 121, 122).

[26] В качестве примера можно привести положения ч. 6 ст. 81 Конституции, согласно которой закон о бюджете, основные правила и критерии, принимаемые в целях обеспечения баланса между доходами и расходами и устойчивости государственного долга должны быть одобрены абсолютным большинством голосов членов обеих палат парламента.

[27] См.: Onorevoli in quarantena e voto a distanza: il Parlamento nell'era cronavirus // Pagella politica. URL: https://pagellapolitica.it/blog/show/801/onorevoli-in-quarantena-e-voto-a-di-stanza-il-parlamento-nellera-coronavirus (дата обращения: 12.02.2021).

[28] См.: Il Messaggero. 2020, 23 Marzo.

[29] См.: *Clementi F.* Proteggere la democrazia rappresentativa tramite il voto elettronico: problem, esperienze e prospettive (anche nel tempo del coronavirus) Una prima introduzione // federalismi it. Rivista di diritto pubblico italiano, comparato, europeo. 2020. Fasc. 6. P. 221.

[30] См.: *Marsocci P.* Op. cit. P. 142.

[31] См.: *Ciolli I., Luciani M.* Op. cit. P. 65.

[32] См.: Decreto-legge 17 marzo 2020 n. 18. Misure di potenziamento del Servizio sanitario nazionale e di sostegno economico per famiglie, lavoratori e imprese connesse all'emergenza epidemiologica da COVID-19 // G.U. n 70 del 17 marzo 2020.

[33] Данная процедура, сформировавшаяся в парламентской практике в 70–80-х годах, позволяет парламенту своевременно получать информацию о событиях исключительного характера, происходящих в стране, приоритетах правительства и тех мерах, которые оно предпринимает или планирует предпринять для противодействия этим явлениям. Вместе с тем она не предполагает обсуждение или проведение голосования в отношении правительственного заявления (см.: *Roberti I.* Informativa parlamentare al tempo del COVID-19 // Oltre la Pandemia. Società, salute, economia e regole nell' era post Covid-19 // A cura di G. Palmieri. Vol. II. Napoli, 2020. P. 989–990).

не подлежащими парламентскому контролю, что вызвало резкую критику в итальянской доктрине[34].

Впоследствии удалось исправить ситуацию. В декрете-законе от 25 марта 2020 г. № 19[35] было предусмотрено, что Председатель Совета министров Италии или по его поручению один из министров информируют палаты о предпринятых мерах, связанных с изданием декретов главы Правительства Италии, один раз в 15 дней (п. 5 ст. 2). Таким образом, вводилась новая процедура – «чрезвычайное информирование» (*informativa "emergenziale")*, направленная на усиление диалога и сотрудничества между парламентом и правительством. Однако необходимо учитывать, что в рамках данной процедуры тематику и характер предоставляемой информации определяло правительство. После принятия данного акта информирование парламента стало осуществляться на постоянной основе. Так, Председатель Совета министров Италии выступал перед Палатой депутатов 25 марта, 21 и 30 апреля, 21 мая 2020 г., министр здравоохранения – 1 апреля 2020 г., министр труда и социальной политики и министр аграрной политики – 16 апреля 2020 г., министр культурной деятельности, наследия и туризма – 7 мая 2020 г., министр молодежной политики и спорта – 13 мая 2020 г., министр образования – 28 июля и 9 сентября 2020 г.[36]

Позиции парламента в рамках данной процедуры были усилены в процессе преобразования Декрета-закона, и в Италии стали говорить о «парламентаризации» чрезвычайного информирования[37]. Согласно Закону от 22 мая 2020 г. № 35[38] Председатель Совета министров Италии или уполномоченный им министр должны предварительно сообщить палате суть тех мер, которые правительство намерено предпринять, чтобы была возможность учесть сформулированные палатой ориентиры. И только в силу безотлагательного характера предпринимаемых мер палаты могут быть проинформированы после принятия соответствующих мер (п/п. 1 ч. 1 ст. 2 Декрета-закона от 25.03.2020 г. № 19). Благодаря данной поправке парламент получил возможность не только получать соответствующую информацию, но и формулировать ориентиры для правительства в форме резолюций палат. Так, например, после того, как Председатель Совета министров Италии проинформировал палаты (28 июля 2020 г. – Сенат, 29 июля 2020 г. – Палату депутатов) о намерении продлить чрезвычайное положение до 31 декабря 2020 г., они указали Правительству Италии на необходимость продления срока только до 15 октября 2020 г., приняв резолюции в идентичной редакции[39]. Следует отметить, что в соответствии с Кодексом гражданской защиты[40] участие парламента для продления чрезвычайного положения не требуется (ч. 3 ст. 24).

В соответствии с резолюциями № 6-00151 Палаты депутатов и № 6-00149 Сената, одобренными в связи с выступлением Председателя Совета министров Италии 2 ноября 2020 г., парламент ориентировал Правительство страны учитывать потребности пациентов-хроников и онкологических больных, у которых нет COVID-19, обеспечивая им помощь и реализацию права на здоровье, в т.ч. с использованием телемедицины. В резолюциях № 6-00157 Палаты депутатов и № 6-00149 Сената, принятых в связи с выступлением в парламенте министра здравоохранения 2 декабря 2020 г., правительству было поручено утвердить план вакцинации совместно с областями. Ряд предложений парламента нашли отражение непосредственно в декретах Председателя Совета министров Италии. Так, в ст. 4 декрета Председателя Совета министров Италии от 7 августа 2020 г.[41] учитывалось высказанное в резолюции палат поручение правительству усилить мониторинг лиц, прибывающих из стран, не входящих в зону Шенгена[42].

Со временем чрезвычайное информирование стало затрагивать не только меры по противодействию COVID-19, но и вопросы, связанные с возобновлением экономической, социальной и профессиональной жизни в Италии в условиях пандемии, учреждения европейских фондов для

[34] См., напр.: *Lucarelli A.* Costituzione, fonti del diritto ed emergenza sanitaria // Associazione Italiana dei costituzionalisti. Osservatorio AIC. Bimestrale di attualità costituzionale. 2020. Fasc. 2. P. 576; *Sorrentino F.* Riflessioni minime sull' emergenza *coronavirus* // Costituzionalismo.it. 2020. Fasc. 1. P. 139.

[35] См.: Decreto-legge 25 marzo 2020, n. 19. Misure urgenti per fronteggiare l'emergenza epidemiologica da COVID-19 // G.U. n. 79 del 25 marzo 2020.

[36] См.: *Mazza R.* La "parlamentarizzazione" dell'emergenza Covid-19 tra norme e prassi // federalismi it. Rivista di diritto pubblico italiano, comparato, europeo. 2021. Fasc. 12. P. 155, 165.

[37] См.: *Brunelli G.* Sistema delle fonti e ruolo del Parlamento dopo (i primi) dieci mesi di emergenza sanitaria // Associazione Italiana dei costituzionalisti. Rivista AIC. 2021. Fasc. 1. P. 389.

[38] Legge 22 maggio 2020, n. 35. Conversione in legge, con modificazioni, del decreto-legge 25 marzo 2020, n.19, recante misure urgenti per fronteggiare l'emergenza epidemiologica da COVID-19 // G.U. n.132 del 23 maggio 2020.

[39] См.: *Lippoli V.* Il rapporto Parlamento-Governo nel tempo del pandemia // Associazione Italiana dei costituzionalisti. Osservatorio AIC. Bimestrale di attualità costituzionale. 2021. Fasc. 1. P. 273.

[40] См.: Decreto legislativo 2 gennaio 2018, n. 1. Codice della protezione civile // G.U. n. 17 del 22 gennaio 2018.

[41] См.: Decreto del Presidente del Consiglio dei Ministri 7 agosto 2020. Ulteriori disposizioni attuativi del decreto-legge 23 febbraio 2020, n.19, recante misure urgenti per fronteggiare l'emergenza epidemiologica da COVID-19, e del decreto-legge 16 maggio 2020, n.33, recante ulterioiri misure urgenti per fronteggiare l'emergenza epidemiologica da COVID-19 // G.U. n. 198 del 8 agosto 2020.

[42] См.: *Mazza R.* Op. cit. P. 163, 165, 158, 159.

восстановления экономики государств – членов Союза (30.04.2020 г., 21.05.2020 г.)[43].

Вместе с тем необходимо отметить, что у членов парламента не всегда была реальная возможность сформулировать действенные ориентиры, поскольку соответствующая информация представлялась накануне опубликования или даже после издания акта. Так, меры, предусмотренные в декрете Председателя Совета министров Италии от 7 сентября 2020 г., обсуждались в обеих палата 2 сентября, предусмотренные в декрете от 18 октября 2020 г. – 21 октября в Сенате и 22 октября в Палате депутатов[44]. Таким образом, хотя были налажены рабочие контакты между и правительством и парламентом, последний мог формулировать ориентиры достаточно общего характера, поскольку отсутствовала возможность более детальной проработки основных ориентиров для Правительства Италии.

Осуществление парламентом законодательных полномочий

Если ориентироваться на статистические данные[45], то можно прийти к заключению, что после введения чрезвычайного положения Парламент работал не хуже, чем до пандемии. В 2020 г. состоялось 164 заседания Палаты депутатов (2018 г. – 106, 2019 г. – 176), на законодательную деятельность было потрачено 405 час. 22 мин. (2018 г. – 336 час. 6 мин., 2019 г. – 500 час. 23 мин.), на деятельность, связанную с определением основных ориентиров для органов исполнительной власти и контролем за этой деятельностью, – 228 час. 21 мин. (2018 г. – 112 час. 17 мин., 2019 г. – 227 час. 59 мин.). Вместе с тем в содержательном плане деятельность представительного органа претерпела серьезные изменения, в большей степени переориентировавшись на осуществление контроля над актами правительства, чем собственно на законотворчество[46].

Фактически парламент занимался преобразованием декретов-законов, направленных на борьбу с пандемией, в законы. С конца февраля по середину июля 2020 г. парламент одобрил 33 закона: 17 – о ратификации международных договоров, 15 – о преобразовании декретов-законов и один закон, внесенный депутатами[47]. Таким образом, повестку дня палат фактически определяло Правительство Италии.

В соответствии с конституционными предписаниями парламент должен утвердить декрет-закон в течение 60 дней, иначе он утрачивает свое действие. Преобразование первого декрета-закона было осуществлено обеими палатами с минимальными изменениями (в него было внесено шесть поправок) в течение 15 дней практически единогласно, поскольку существовал политический консенсус в отношении того, что в декрете-законе определяются основные инструменты борьбы с пандемией. В частности, в соответствии с Декретом-законом от 23 февраля 2020 г. № 6 ограничительные меры могли вводиться путем принятия декретов Председателя Совета министров Италии по предложению министра здравоохранения, заслушав министров внутренних дел, обороны, экономики и финансов, других министров, обладающих компетенцией по соответствующему вопросу, а также председателей заинтересованных областей, если ограничения касались одной или нескольких из них, или председателя конференции областей, если речь шла о территории государства в целом (ч. 1 ст. 3).

Статистика свидетельствует о перегруженности парламента: представительный орган рассмотрел в феврале 2020 г. два декрета-закона, в марте – шесть, в апреле – четыре, в мае – пять, в июне – шесть, в июле – семь декретов-законов. Не случайно в 11 случаях парламент не уложился в установленные сроки[48]. Следует отметить, что некоторые декреты-законы, регулировавшие широкий круг проблем, были весьма объемными: Декрет-закон от 17 марта 2020 г. № 18 «Меры по укреплению Национальной службы здравоохранения и экономической поддержке семей, трудящихся и предприятий, связанные с эпидемиологической чрезвычайной ситуацией COVID-19» содержал 127 статей (после преобразования в закон – 171 статью), Декрет-закон от 19 мая 2020 г. № 34 «Неотложные меры в области здравоохранения, поддержки труда и экономики, а также социальной политики, связанной с эпидемиологической чрезвычайной ситуацией COVID-19»[49] – 266 статей (после преобразования в закон – 341 статью)[50]. Как правило,

---

[43] См.: *Roberti I.* Op. cit. P. 989.

[44] См.: Il difficile rapporto tra governo e parlamento sull' adozione dei DPCM. 18 Novembre 2020 // Openpolis. URL: https://www.openpolis.it/dpcm-lennesima-prova-del-rapporto-difficile-tra-governo-e-parlamento/ (дата обращения: 12.03.2021).

[45] См.: Attività dell'Assemblea – Numero e durata delle sedute // Parlamento italiano. URL: https://www.camera.it/leg18/562 (дата обращения: 05.03.2021).

[46] См.: *Ciolli I., Luciani M.* Op. cit. P. 7.

[47] См.: Camera dei deputati. XVIII Legislatura. Osservatorio sulla legislazione. La legislazione tra Stato, Regioni e Unione Europea. Rapporto 2019–2020. In collaborazione con il Servizio studi del Senato della Repubblica // Camera dei deputati. URL: https://www.camera.it/temiap/2020/07/27/OCD177-4493.pdf (дата обращения: 01.03.2021).

[48] См.: I numeri del parlamento durante il governo Conte II // Openpolis. 3 febbraio 2021. URL: https://www.openpolis.it/lattivita-del-parlamento-nel-2020-in-numeri/ (дата обращения: 25.04.2021).

[49] См.: Decreto-legge 19 maggio 2020 n. 34. Misure urgenti in materia di salute, sostegno al lavoro e all'economia, nonche' di politiche sociali connesse all'emergenza epidemiologica da COVID-19 // G.U. n. 128 del 19 maggio 2020.

[50] При этом ранее содержание декретов-законов никогда не превышало 100 статей.

в декретах-законах содержались положения о необходимости принятия определенных актов для их реализации. Так, Декрет-закон от 19 мая 2020 г. № 34 предусматривал принятие 103 актов – декрета Президента Итальянской Республики, пяти декретов Председателя Совета министров Италии, 71 декрет министров, 26 иных актов. После того, как данный акт был преобразован в закон, число актов, которые необходимо было принять для его реализации, увеличилось до 156 (декрет Президента Итальянской Республики, восемь декретов Председателя Совета министров Италии, 108 декретов министров, 38 иных актов)[51]. Наверное, не случайно в литературе такие акты, большие по объему и лишенные какого-либо единства, назвали «законодательными чудовищами»[52].

Для решения проблем, связанных с преобразованием декретов-законов, Правительство Италии совместно с представителями парламентского большинства согласовало ряд мер. Во-первых, положения декретов-законов, не утвержденные в срок, стали включаться в тексты последующих декретов-законов, что вызывало серьезную критику комитета по законодательству Палаты депутатов. Во вторых, были сокращены сроки обсуждения декретов-законов в комиссиях и на пленарных заседаниях. В связи с необходимостью ускорения процедуры их рассмотрения пришлось отказаться от постатейного голосования на пленарных заседаниях и перейти к «скрытой однопалатности». В Италии законопроект может быть внесен в любую палату, и правительство с учетом объективных (загруженность палат) и субъективных обстоятельств (отношение председателей профильных комиссий к правительству в целом и к предлагаемым мерам) выбирает, какой из них отдать предпочтение[53]. Фактически декрет-закон рассматривает только та палата, в которую он был внесен, вторая палата лишь утверждает ее решение, не имея достаточного времени для нормального рассмотрения акта о преобразовании декрета-закона (обычно речь идет о нескольких часах или днях)[54]. В-третьих, чтобы избежать внесения изменений в соответствующие документы, Совет министров Италии увязывал одобрение декрета-закона с доверием Правительству страны. Такая практика применялась достаточно регулярно: 11 раз в Палате депутатов (22 апреля, 25 мая, 3 июня, 23 июня, 7 июля, 1 сентября, 8 сентября, 8 октября, 27 ноября, 17 декабря, 23 декабря)[55],14 раз в Сенате (9 апреля, 20 мая, 28 мая, 3 июня, 16 июня, 18 июня, 15 июля, 4 сентября, 23 сентября, 5 октября, 15 декабря, 17 декабря, 29 декабря – 2 раза)[56]. В ряде случаев вопрос о доверии ставился в обеих палатах.

Правительство Италии использовало также такой прием, как отмена положений декрета-закона, находящегося в процессе преобразования, посредством принятия нового декрета-закона (например, декреты-законы № 23[57] и № 34 2020 г.). Такие действия были равнозначны отзыву-декрета-закона или снятию проекта о его преобразовании с рассмотрения, что не было предусмотрено Конституцией Италии или санкционировано доктриной[58].

* * *

Таким образом, можно говорить о полном доминировании Правительства Италии в сфере законотворчества, невозможности обеспечения надлежащего качества законов в рамках демократической процедуры. Не случайно, в промежуточном докладе «О мерах, предпринятых государствами – членами ЕС в результате кризиса COVID-19, и их воздействии на демократию, верховенство права и основные права», принятом Венецианской комиссией на 124-м пленарном заседании в режиме онлайн 8–9 октября 2020 г.,[59] Парламент Италии был назван в числе представительных органов тех государств стран, которые ограничились получением информации на регулярной основе вместо того, чтобы стать центром обсуждения, и полномочия

[51] См.: Camera dei deputati. XVIII Legislatura. Osservatorio sulla legislazione. La legislazione tra Stato, Regioni e Unione Europea. Rapporto 2019–2020. P. 11, 189, 190, 197.

[52] *Lupo N.* Cosí l'emergenza pandemica ha aggravato la crisi del procedimento legislativo in Italia // School of Government LUISS Policy Brief. 2020 n. 13. P. 7. URL: https://sog.luiss.it/sites/sog.luiss.it/files/LUISS_SOG_policybrief%2013.pdf (дата обращения: 28.05.2021).

[53] См.: *Lupo N.* Cosí l'emergenza pandemica ha aggravato la crisi del procedimento legislativo in Italia. P. 3.

[54] См.: *Fasone C.* Coping with Disloyal Cooperation in the Midst of a Pandemic: The Italian Response // Verfassungs Blog. 8 March 2021: URL: https://verfassungsblog.de/coping-with-disloyal-cooperation-in-the-midst-of-a-pandemic-the-italian-response/ (дата обращения: 11.03.2021).

[55] См.: Questioni di fiducia su progetti di legge alla Camera dei deputati // Parlamento Italiano. Camera dei deputati. URL: https://www.camera.it/leg18/557?fiducia=3 (дата обращения: 10.03.2021).

[56] См.: Questioni di fiducia su progetti di legge al Senato della Repubblica // Parlamento Italiano. Camera dei deputati. URL: https://www.camera.it/leg18/557?fiducia=15 (дата обращения: 10.03.2021).

[57] См.: Decreto-legge 8 aprile 2020 n. 23. Misure urgenti in materia di accesso al credito e di adempimenti fiscali per le imprese, di poteri speciali nei settori strategici, nonche' interventi in materia di salute e lavoro, di proroga di termini amministrativi e processuali // G.U. n. 94 del 8 aprile 2020.

[58] См.: Camera dei deputati. XVIII Legislatura. Osservatorio sulla legislazione. La legislazione tra Stato, Regioni e Unione Europea. Rapporto 2019–2020. P. 11.

[59] См.: European Commission for Democracy through Law (Venice Commission) Interim Report on the Measures Taken in the EU Member States as a Result of the COVID-19 Crisis and their Impact on Democracy, the Rule of Law and Fundamental Rights. Adopted by the Venice Commission at its 124th online Plenary Session (8–9 October 2020). Strasbourg, 8 October 2020. Opinion No. 995/2020. CDL-AD(2020)018.

которых сводились к узкой функции проверки работы Правительства Италии по вопросам, связанным с COVID –19, в комитетах (п. 64).

М. Картабиа, Председатель Конституционного суда Итальянской Республики в период с 11 декабря 2019 г. по 13 сентября 2020 г., обращала внимание на то, что в условиях пандемии особое значение приобрел конституционный принцип лояльного сотрудничества[60]. Вместе с тем, по мнению итальянских специалистов, в 2020 г. именно этот принцип чаще всего нарушался во взаимоотношениях органов публичной власти, в т.ч. парламента и правительства[61]. При этом необходимо отметить, что пандемия не выявила новых тенденций, а лишь отчетливее их проявила.

REFERENCES

1. *Azzariti G.* Appunto per l'audizione presso l'Ufficio di Presedenza della Commissione Affari Costituzionali "Modalità piú efficaci per l'esercizio delle prerogative costituzionali del Parlamento nell'ambito di un'emergenza dichiarata" – giovedi 12 novembre 2020 // Associazione Italiana dei costituzionalisti. Osservatorio AIC. Bimestrale di attualità costituzionale. 2021. Fasc. 2. P. 5–13.
2. *Biondi F., Villaschi P.* Il funzionamento delle Camere durante l'emergenza sanitaria. Riflessioni sulla difficile practicabilità di un Parlamento "telematico"// federalismi. it Rivista di diritto pubblico italiano, comparato, europeo. 2020. Fasc. 18. P. 26–48.
3. *Brunelli G.* Sistema delle fonti e ruolo del Parlamento dopo (i primi) dieci mesi di emergenza sanitaria // Associazione Italiana dei costituzionalisti. Rivista AIC. 2021. Fasc. 1. P. 384–399.
4. *Ciolli I., Luciani M.* The Italian Parliament and the pandemic: its difficulties in maintaining its centrality towards the government and the regions have been confirmed. // The impact on the health crisis on the functioning of Parliaments in Europe. Under the direction of E. Cartier, B. Ridard, G. Toulemonde. P. 60–69. Robert Schuman Foundation. The Research and Studies Centre on Europe. URL: https://www.robert-schuman.eu/en/bookshop/0259-the-impact-of-the-health-crisis-on-the-functioning-of-parliaments (accessed: 17.05.2021).
5. *Clementi F.* Proteggere la democrazia rappresentativa tramite il voto elettronico: problem, esperienze e prospettive (anche nel tempo del coronavirus) Una prima introduzione // federalismi it. Rivista di diritto pubblico italiano, comparato, europeo. 2020. Fasc. 6. P. 221.
6. *Cormacain R., Bar-Siman-Tov I.* Legislatures in the Time of Covid-19 // The Theory and Practice of Legislature. 2020. Vol. 8. No. 1–2. P. 3–9.
7. *Curreri S.* Il Parlamento nell' emergenza // Associazione Italiana dei Costituzionalisti. Osservatorio AIC. Bimestrale di attualità costituzionale. 2020. Fasc. III. P. 214–252.
8. *Fasone C.* Coping with Disloyal Cooperation in the Midst of a Pandemic: The Italian Response // Verfassungs Blog. 8 March 2021. URL: https://verfassungsblog.de/coping-with-disloyal-cooperation-in-the-midst-of-a-pandemic-the-italian-response/ (accessed: 11.03.2021)
9. *Fusaro C.* Le Camere nell'emergenza della pandemia. Quaderno Fondazione PER. 2020. No. 5 // PER. Progresso. Europa. Riforme. 18 Marzo 2020. URL: https:// perfondazione.eu/le-camere-nellemergenza-della-pandemia/ (accessed: 12.03.2021).
10. *Griglio E.* Parliamentary Oversight under the Covid –19 Emergency: Striving against Executive Dominance // The Theory and Practice of Legislation. 2020. Vol. 8. No. 1–2. P. 49–70.
11. *Lippoli V.* Il rapporto Parlamento-Governo nel tempo del pandemia // Associazione Italiana dei costituzionalisti. Osservatorio AIC. Bimestrale di attualità costituzionale. 2021. Fasc. 1. P.
12. *Lupo N.* Cosí l'emergenza pandemica ha aggravato la crisi del procedimento legislativo in Italia // School of Government LUISS Policy Brief. 2020 n. 13. URL: https://sog.luiss.it/sites/sog.luiss.it/files/LUISS_SOG_policybrief%2013.pdf (accessed: 28.05.2021).
13. *Lupo N.* Perchè non è l'art. 64 Cost. A impedire il voto "a distanza" dei parlamentari. E perchè ammettere tale voto richiede una "re-ingenerizzazione" dei procedimenti parlamentari // Associacione Italiana dei costitutzionalisti. Osservatorio AIC. Bimestrale di attualità costituzionale. 2020. Fasc. III. P. 23–33.
14. *Marsocci P.* Lo spazio digitale dei lavori parlamentari e l'emergenza sanitaria Covid // Liber Amicorum per Pascuale Constanzo. Diritto costituzionale in transformazione. Vol. II. Il diritto pubblico della pandemia. Collana di studi di Consulta OnLine. Genova, 2020. P. 125–148.
15. *Mazza R.* La "parlamentarizzazione" dell'emergenza Covid-19 tra norme e prassi // federalismi it. Rivista di diritto pubblico italiano, comparato, europeo. 2021. Fasc. 12. P. 148–169.
16. *Pisicchio P.* Pandemia da Covid-19 e Assemblee Parlamentari, tra contagi, congedi e missioni. Paper. 21 ottobre 2020 // federalismi it. Rivista di diritto pubblico italiano, comparato, europeo. URL: https://www.federalismi.it/nv14/articolo-documento.cfm? Artid=44304 (accessed: 26.04.2021).

[60] См.: *Cartabia M.* Presidente della Corte costituzionale. L'Attività della Corte Costituzionale nel 2019 // Corte costituzionale. URL: https: // www.cortecostituzionale.it/ documenti/relazione_cartabia/1_relazione.pdf (дата обращения: 24.07.2020).

[61] См.: *Fasone C.* Op. cit.

17. *Roberti I.* Informativa parlamentare al tempo del COVID-19 // Oltre la Pandemia. Società, salute, economia e regole nell'era post Covid-19 / A cura di G. Palmieri. Napoli, 2020. Vol. II. P. 983–998.

18. *Scaccia G., Carboni A.* Funzionalità del Parlamento e modalità del voto nell' emergenza // Forum di Quderni Costituzionali Rassegna. 2020. Fasc. 3. P. 121–134.

19. *Specchia M.C., Lucarelli A., Salmoni F.* Sistema normativo delle fonti nel governo giuridico della pandemia. Illegitimità diffuse e strumenti di tutela // Associazione Italiana dei costituzionalisti. Rivista AIC. 2021. Fasc. 1.

20. *Stegher G.* In considerazione dell'emergenza sanitaria: Governo e Parlamento al banco di prova del Covid-19 // Nomos. Le attualità nel diritto. Quadrimestrale di teoria generale, diritto pubblico compareato e storia costituzionale. 2020. N. 1. URL: https://www.nomos-leattualitaneldiritto.it/wp-content/uploads/2020/05/Stegher-1-2020-D-coronavirus-rev.pdf (accessed: 15.05.2021).

Сведения об авторе

ВАСИЛЬЕВА Татьяна Андреевна –
доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Author's information

VASILIEVA Tatiana A. –
Doctor of Legal Sciences, associate Professor, chief researcher, Department of the human rights, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 9, с. 148–158
STATE AND LAW, 2021, № 9, pp. 148–158

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

ПРОКУРАТУРА И ЗАКОННОСТЬ В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

© 2021 г. А. Г. Звягинцев

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва;
Международная ассоциация прокуроров, Гаага, Нидерланды

E-mail: igpran@igpran.ru

Поступила в редакцию 27.08.2021 г.

Аннотация. Статья посвящена преобразованиям органов прокуратуры во время Гражданской войны 1917–1922 гг. Прокуратура в том виде, в котором она была при царском режиме и Временном правительстве, фактически перестала существовать. В статье освещаются принципы работы и устройства временных органов власти и управления, пришедших на смену прокуратуры царского времени.

Ключевые слова: прокуратура, деятельность прокуратуры, законность, военно-прокурорский надзор, военное право, прокурорско-судебная система, прокурорско-судебный надзор.

Цитирование: *Звягинцев А.Г.* Прокуратура и законность в период Гражданской войны // Государство и право. 2021. № 9. С. 148–158.

DOI: 10.31857/S102694520016737-1

THE PROSECUTOR'S OFFICE AND THE RULE OF LAW DURING THE CIVIL WAR

© 2021 г. A. G. Zvyagintsev

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow;
International Association of Prosecutors, Hague, Netherlands

E-mail: igpran@igpran.ru

Received 27.08.2021

Annotation. The article is devoted to the transformations of the Prosecutor's Office during the Civil War of 1917–1922. The Prosecutor's Office in the form in which it was under the tsarist regime and the Provisional Government actually ceased to exist. The article highlights the principles of work and the structure of the provisional authorities and management that replaced the Prosecutor's Office of the tsarist time.

Key words: Prosecutor's Office, Prosecutor's Office activity, legality, military prosecutor's supervision, Military Law, prosecutor's judicial system, prosecutor's judicial supervision.

For citation: *Zvyagintsev, A.G. (2021).* The Prosecutor's Office and the Rule of Law during the Civil War // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9. pp. 148–158.

Революционная законность уже с первых дней советской власти стала выполнять важнейшую роль в осуществлении диктатуры пролетариата и подавления сторонников старого режима, которые в вооруженной борьбе продолжали отстаивать прежние ценности. В стране началась Гражданская война, закончившаяся установлением советской власти на большей части территории бывшей царской России. После ее окончания Советским правительством были признаны независимость Финляндии, Польши, Эстонии, Латвии, Литвы. В составе государства были образованы советские республики: Украинская, Белорусская, Закавказская, – они 30 декабря 1922 г. подписали Договор об образовании СССР. После окончания Гражданской войны страну покинуло примерно 2 млн человек.

Основная вооруженная борьба во время Гражданской войны велась между Красной и Белой армиями. Война проходила в условиях иностранной военной интервенции и сопровождалась кровопролитными сражениями как войск стран Антанты, так и Четверного союза. Характерной особенностью борьбы между красными и белыми было то, что и те, и другие считали, что до своей полной победы они должны использовать насилие для достижения поставленной цели и реализовывать свои властные полномочия путем диктатуры. Поэтому и неудивительно, что во время Гражданской войны развернувшиеся «красный» и «белый» терроры унесли жизни миллионов наших соотечественников.

Тезис о превращении «империалистической войны» в войну гражданскую был выдвинут большевиками еще в самом начале Первой мировой войны в 1914 г. Таким образом они думали превратить мировую войну в мировую революцию. Один из лидеров большевиков Л.Д. Троцкий прямо утверждал: «Советская власть – это организованная гражданская война против помещиков, буржуазии и кулаков».

В целях борьбы со старыми порядками и институтами власти самыми первыми декретами Совета Народных Комиссаров ликвидировали прежние судебно-следственный и прокурорский аппараты. Декретом СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. № 1 «О суде»[1] упразднялась, в частности, прокуратура (п. 3).

Декрет о суде № 1
(Извлечение)

1. Упразднить доныне существующие общие судебные установления, как-то: окружные суды, судебные палаты и правительствующий сенат со всеми департаментами, военные и морские суды всех наименований, а также коммерческие суды, заменяя все эти установления судами, образуемыми на основании демократических выборов.

2. Приостановить действие существующего доныне института мировых судей, – заменяя мировых судей, избираемых доныне не прямыми выборами, местными судами в лице постоянного местного судьи и двух очередных заседателей, приглашаемых на каждую сессию по особым спискам очередных судей. Местные судьи избираются впредь на основании прямых демократических выборов, а до назначения таковых выборов временно – районными и волостными, а где таковых нет, уездными, городскими и губернскими Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов...

3. Упразднить доныне существовавшие институты судебных следователей, прокурорского надзора, а равно и институты присяжной и частной адвокатуры.

В этот период, с 1917 по 1922 г., происходит пересмотр нормативной правовой базы, регламентирующей деятельность органов прокуратуры.

Таким образом, прокуратура в том виде, в котором она была при царском режиме и Временном правительстве, на территориях, контролируемых Красной армией (большевиками), фактически перестала существовать. Тем не менее в ряде мест она еще продолжала функционировать, например, в Одессе (здесь предложили судебно-прокурорским работникам не складывать свои полномочия до получения распоряжений относительно организации будущего судоустройства) и Полтаве (в ноябре 1917 г. здесь даже избрали «революционного прокурора»). Достаточно сказать, что ликвидация военно-прокурорского надзора завершилась лишь в июне 1918 г., а Главные военно-судное и военно-морское судное управления прекратили свое существование только в первых числах июля.

Главный военный прокурор В.А. Апушкин 1 июля 1918 г. издал приказ № 112:

Ликвидация военно-судебных установлений закончена на пространстве всей Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Русская военная юстиция перестала быть. Начало ее положено было Петром Великим совместно с организацией регулярной армии. Павел объединил деятельность войсковых аудиторов учрежденным Генерал-аудитором. Александр II в эпоху великих реформ положил в основу военного процесса начала процесса общеуголовного. Военный суд стал судом гласным, устным, состязательным. Учреждением постоянных военных судов военная юстиция поставлена была на один уровень с юстицией общегосударственной. Февральская революция 1917 года открыла военной юстиции новые совершенствования. Военное правосудие было совершенно освобождено от зависимости военного начальства. Военной прокуратуре дано было совершенно независимое положение. Военные суды

[1] См.: СУ РСФСР. 1917. № 4, ст. 50.

были преобразованы, в их состав введены были военные присяжные заседатели, избираемые как из офицеров, так и из солдат. Военный суд стал судом армейской совести. Переработаны были военно-уголовные законы, как процессуальные, так и материальные, и приведены в соответствие с новым государственным строем России и новым демократическим бытом армии. Военно-следственный процесс должен получить новые гарантии судебной юстиции путем участия в нем защитника обвиняемого. Ныне военно-судебные установления признаны не соответствующими принципам Коммунистического строя России и распоряжением Народного комиссариата деятельность их ликвидирована. С закрытием сегодня Главного военно-судного управления военная юстиция отходит в область предания. Объявляю Главное военно-судное управление расформированным, переписка поступает в адрес комиссара управления.

Несмотря на ликвидацию прокуратуры как централизованной системы (и выведения из лексикона ненавистного слова «прокурор», с которым у революционеров возникали не самые приятные воспоминания), некоторые ее функции, в частности обвинение, сохранились, а через четыре года, подобно птице Феникс, и вовсе возродились, казалось бы, из пепла. Даже в Декрете о суде № 1 в п. 3 говорилось, что обвинителями в стадии предварительного следствия допускаются «все неопороченные граждане».

Это положение можно увидеть в Руководстве для устройства революционных трибуналов от 28 ноября 1917 г. (п. 9); Декрете ВЦИК от 7 марта 1918 г.; Декрете «О суде» (Декрет № 2), в ч. 7 которого указывалось, что «судебное следствие происходит при участии обвинения и защиты»; Декрете СНК РСФСР от 4 мая 1918 г. «О революционных трибуналах», где в п. 5 отмечалось, что «при каждом Революционном Трибунале учредить наряду со следственной комиссией коллегию обвинителей в составе не менее трех лиц...». Ссылки на «обвинителей», которые выполняют фактически роль государственных обвинителей в судах, есть и в других документах того времени.

Дальнейшее развитие институт обвинения в период революционной законности получил в Декрете ВЦИК от 21 октября 1920 г. В Положении о народном суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики имелся отдельный раздел «Организация обвинения и защиты»: «При Отделах Юстиции состоят обвинители в количестве, установленном означенными отделами» (ст. 39), и они «назначаются и отзываются Губернскими Исполнительными Комитетами Советов Р., К. и К. Д. по представлению Отделов Юстиции...» (ст. 40), «Обвинители командируются Отделом Юстиции» (ст. 41).

Для борьбы с контрреволюцией создавались революционные трибуналы, избираемые губернскими или городскими Советами, а также Особые следственные комиссии. В качестве обвинителей, как видим, допускались «все пользующиеся политическими правами граждане обоего пола».

Функции надзора за исполнением законов во время Гражданской войны выполняли многие органы власти и управления: ВЦИК и его Президиум, СНК, Народный комиссариат государственного контроля и Народный комиссариат Рабоче-Крестьянской Инспекции (РКИ). Надзорные функции за исполнением законов выполняли также Народный комиссариат юстиции и его органы на местах – губернские и уездные отделы юстиции.

Первым наркомом юстиции в Советском правительстве стал Георгий Ипполитович Ломов (Оппоков). Однако вскоре он уехал в Москву, где был назначен членом Ревкома и товарищем председателя Моссовета. Его место в Наркомате юстиции занял Исаак Захарович Штейнберг, продержавшийся в этом кресле, впрочем, тоже недолго.

7 декабря 1917 г. Совнарком учредил Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК). На нее были возложены также обязанности по борьбе и с уголовными преступлениями, «подрывающими основы социалистического строя»: бандитизмом, грабежами, спекуляцией и др. Чекисты обязаны были вести только следствие и предавать тех или иных лиц суду. Однако часто в целях оперативности они сами задерживали и арестовывали преступников. Нарком юстиции эсер Штейнберг пытался воспротивиться этому. Он издал приказ, запрещавший впредь арестовывать людей без предварительной санкции Наркомата юстиции. Но эти требования по-прежнему не везде выполнялись. 19 декабря 1919 г. органы ВЧК арестовали членов т.н. Союза защиты Учредительного собрания. Штейнберг распорядился освободить задержанных. Тогда, по предложению Ф.Э. Дзержинского, этот вопрос был вынесен на рассмотрение Совнаркома, который объявил выговор наркому юстиции за самовольное освобождение лиц, арестованных чекистами. Со своей стороны Штейнберг в целях урегулирования отношений между органами юстиции и ВЧК внес в Совнарком проект резолюции «О компетенции комиссариата юстиции», которая запрещала чекистам производить аресты людей без санкции Наркомата юстиции. На этот раз Совнарком поддержал Штейнберга. Однако уже через два дня на заседании Совнаркома получила поддержку иная резолюция, согласно которой органам юстиции запрещалось вмешиваться в дела ВЧК.

Вскоре после этого Наркомат юстиции возглавил профессиональный революционер и юрист Петр Иванович Стучка.

С принятием 10 июля 1918 г. V Всероссийским съездом Советов первой Конституции РСФСР был заложен фундамент централизации надзора – функция общего надзора за применением законов возлагалась на Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК).

В апреле 1918 г. в Москве состоялся 1-й Всероссийский съезд областных и губернских комиссаров юстиции. Его работой руководил заместитель наркома юстиции Дмитрий Иванович Курский. Это было одно из первых крупных мероприятий по становлению нового пролетарского суда. На съезде Д.И. Курский выступил с большим докладом, в котором обосновал необходимость установления системы единого народного суда без ограничения подсудности. Свою идею он начал проводить в жизнь осенью того же года, когда в ранге Народного комиссара юстиции произнес на заседании ВЦИК довольно убедительную речь. 30 ноября 1918 г. Декретом ВЦИК было утверждено Положение о народном суде РСФСР.

Происходило это в то время, когда Гражданская война была в самом разгаре. Между белыми и красными войсками шли ожесточенные бои, в частности, за Харьков, Полтаву, Екатеринослав, широкомасштабные боевые действия разворачивались в Поволжье, Южном Урале и других регионах России, принося поочередно успех то одним, то другим. Если до марта 1918 г. большевики во многих местах без особого сопротивления, хотя кое-где приходилось применять и силу, устанавливали свою власть (не признавали ее только все казачьи регионы), то теперь борьба шла не на жизнь, а на смерть.

В отличии от регионов, подконтрольных Советам, на территориях, находящихся под юрисдикцией антибольшевистских сил, иерархическая система прокурорской и судебной власти строилась практически так же, как и в Российской Империи. Помощник Главного военного прокурора Александр Попов, служивший при генерале Врангеле, в своих заметках, опубликованных под псевдонимом «А.П.» в 1921 г. в Константинополе, пишет:

«Къ началу изслѣдуемаго періода въ Крыму была слѣдующая организація военно-судебнаго вѣдомства – во главѣе его Главный Военно-Морской Прокуроръ, онъ же начальникъ Военнаго и Морского Суднаго Отдѣла Военнаго Управленія. Такимъ образомъ, подобно организаціи гражданского вѣдомства, здѣсь ***въ одномъ лицѣ сосредоточивались функціи прокурорскія и административныя (Генералъ-Прокуроръ*** (выделено мною. – *А.Г.) и Министръ Юстиціи) и Военный и Морской Судный Отдѣлъ являлся, какъ и Министерство Юстиціи, центральнымъ органомъ съ широкой сферой вѣдѣнія (прил. къ приказу Главнокомандующаго 1919 года № 362)».*

Почти везде также сохранялось в основном прежнее (конечно же, с поправками на условия Гражданской войны) дореволюционное законодательство. Действующие режимы максимально старались использовать на прокурорских должностях дипломированных юристов.

* * *

Например, в Среднем Поволжье, Прикамье и Южном Урале -местностях, контролируемых Комитетом членов Всероссийского Учредительного собрания (КОМУЧ), куда в основном входили правые социалисты, а его признавали даже оренбургское и уральское казачества, уже через месяц после взятия власти учреждается военно-прокурорский надзор, и на прокурорские должности назначаются профессиональные юристы. При этом надзорные функции прокуратуры еще более усиливаются. Органам прокуратуры вменяется осуществлять надзор за законностью в целях недопущения произвола военных. Приказом от 9 июля 1918 г. № 95[2] была образована военная прокуратура. Ее возглавил П.А. Воробьев.

Пытаясь придать своей власти «всероссийское» значение и распространить ее на всю территорию, захваченную другими противниками советской власти, КОМУЧ (просуществовал с 8 июня по 23 сентября 1918 г.) провозгласил восстановление всех демократических свобод, установил восьмичасовой рабочий день, разрешил деятельность всех видов собраний, в качестве официального символа утвердил красный государственный флаг. В то же время отменил все декреты советской власти, стал возвращать бывшим владельцам национализированное имущество, денационализировал банки, разрешил свободу частной торговле, восстановил деятельность Думы и земств.

И хотя правые социалисты не с большой симпатией относились к органам прокуратуры, тем не менее положение дел с преступностью и законностью было настолько сложным, что требовало возврата к уже проверенным формам работы.

Министру юстиции КОМУЧа Арсению Сергеевичу Былинкину (1887–1937), который одновременно был, как и в царские времена, прокурором, порой приходилось выполнять обязанности, не совсем свойственные для его статуса (до него совсем не долго эти обязанности в КОМУЧе исполнял Иван Петрович Нестеров). Ему, например, поручалось приказом от 8 сентября 1918 г. № 272[3] быть

[2] См.: ГА РФ. Ф. Р-749. Оп. 1. Д. 1. Л. 16–16 об.

[3] См.: Вестник Комитета. 1918. 8 сент.

полномочным представителем Комитета (вместе с П.Д. Климушкиным и И.П. Нестеровым) в Самаре и «давать все необходимые приказы и распоряжения», а в случаях чрезвычайных обстоятельств предписывалось воспользоваться «всей полнотой власти Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания». Былинкин также входил в состав т.н. «тройки». Анализ подписанных документов показывает, что А.С. Былинкин в КОМУЧе играл одну из ведущих ролей. Только за сентябрь 1918 г. им было подписано не менее 20 документов.

Вот один из них, которым освобождаются и назначаются на должность прокуроры.

КОМИТЕТ ЧЛЕНОВ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

ПРИКАЗ
от 30 июля 1918 года № 150[4]

ОБ УВОЛЬНЕНИИ ОТ СЛУЖБЫ ТОВАРИЩА ПРОКУРОРА УФИМСКОГО ОКРУЖНОГО СУДА И.Н. ШКЛЯРА И НАЗНАЧЕНИИ НА ЭТУ ДОЛЖНОСТЬ В.И. МАШКЕВИЧА

§ 1

Назначается товарищем прокурора Уфимского окружного суда старший кандидат на должности по судебному ведомству Владимир Иванович Машкевич.

§ 2

Увольняется от службы согласно прошения по болезни товарищ прокурора Уфимского окружного суда Иван Николаевич Шкляр.

Управляющий ведомством юстиции,
член комитета
А. Былинкин
Управляющий делами комитета
Я. Дворжец

БЫЛИНКИН Арсений Сергеевич родился 20 сентября 1887 г. в Твери. Будучи социалистом-революционером (эсер), примкнул к революционному движению. Впервые привлекался к суду в 1905 г. Освобожден под залог. За вольнодумную противоправную деятельность в 1911 г. исключен из Санкт-Петербургского университета, где учился на юридическом факультете. До революции удалось поработать присяжным поверенным. После свержения царя – солдат пулеметной команды 662-го пехотного полка. В 1918 г. – министр юстиции и прокурор КОМУЧа. В советское время в звании доцента трудился в вузе. Особым совещанием при НКВД СССР 27 ноября 1935 г. осужден за «контрреволюционную деятельность» к пяти годам лишения свободы. Срок отбывал на Соловках. 9 октября 1937 г. Особой тройкой УНКВД Ленинградской области осужден к высшей мере наказания. Этапирован в Медгору. Расстрелян 3 ноября 1937 г.

КОМУЧ пытался тесно сотрудничать и с другими антибольшевистскими силами, в частности с Временным Сибирским правительством, которое на государственном совещании в Уфе в сентябре 1918 г. поддержало идею КОМУЧа о создании Временного всероссийского правительства. Провозгласило свою власть над Сибирью вплоть до Дальнего Востока (фактически контролировало территорию Сибири до Забайкалья). Временное Сибирское правительство было создано в ночь на 29 января (11 февраля) 1918 г. (просуществовало до 3 ноября 1918 г.) в Томске на конспиративном совещании Сибирской областной думы (СОД). Оно состояло в основном из эсеров и сибирских «областников».

Этим правительством также была введена должность министра юстиции с функциями главного прокурора. Первым прокурором был назначен Григорий Борисович Патушинский (1873–1931), который состоял в этой должности с 30 июня по 21 сентября 1918 г.

В специальном постановлении (грамоте), подписанным Председателем областной Думы А.И. Якушевым 30 июня 1918 г., отмечалось:

«Со дня низвержения советской власти в Сибири высшим представителем государственной власти являлся Западно-Сибирский комиссариат, назначенный Временным Сибирским правительством» и объявлялось, что «ныне, по прибытии в город Омск достаточного числа членов правительства, избранных Сибирской областной думой, Сибирское правительство в лице: председателя Совета министров и министра внешних сношений Петра Васильевича Вологодского и членов Совета министров: министра внутренних дел Владимира Михайловича Крутовского, министра финансов Ивана Андриановича Михайлова, ***министра юстиции Григория Борисовича Патушинского*** *(*выделено мною. – *А.Г.) и министра туземных дел Михаила Бонифатьевича Шатилова, принимает на себя всю полноту государственной власти на всей территории Сибири».*

ПАТУШИНСКИЙ Григорий Борисович, министр юстиции с функциями главного прокурора во Временном Сибирском правительстве. Родился 7 апреля 1873 г. в Иркутске в семье купца 1-й гильдии Б.Г. Патушинского. После завершения обучения в Красноярской гимназии обучался на юридическом факультете Московского университета (1892–1897). Службу начал 31 августа 1898 г. в Сибири. Был мировым судьей и судебным следователем. В октябре 1903 г. уволен со службы в чине титулярного советника по личной инициативе. 29 ноября 1903 г. принят в присяжные поверенные. Занимался адвокатской практикой до свержения самодержавия. Участник Русско-японской войны (1904–1905). Прапорщик Иркутского резервного батальона. 21 октября

[4] См.: Вестник Комитета. 2018. 31 июля.

1905 г. был арестован за «произнесение публичных речей, призывавших «к ниспровержению самодержавия». По своим политическим убеждениям принадлежал к трудовой народно-социалистической партии. В 1907 г. по распоряжению Иркутского генерал-губернатора А.Н. Селиванова за вольнодумные речи был выслан на год в ссылку в Балаганск под гласный надзор полиции. В 1909 г.– участник китайской военной кампании. В декабре 1911 г. избран на общественную должность председателя дирекции Иркутского городского театра. После Ленского расстрела (1912 г.) участвовал в подготовке договора между рабочими Лензолото и его администрацией. Предоставлял бесплатную защиту рабочим. Во время Первой мировой войны (1914 г.) добровольцем ушел на фронт. Участвовал в сражениях на Варте, под Лодзью и др. 30 мая 1917 г. начал прокурорскую карьеру, приказом Временного правительства назначен прокурором Красноярского окружного суда. Организовал в Красноярске местный отдел Союза сибиряков-областников. В октябре и декабре 1917 г. являлся депутатом всесибирских съездов областников в Томске и Сибирской областной думы. 26 января 1918 г. арестован и заключен в Красноярскую тюрьму, освобожден через четыре месяца. В ночь с 28 на 29 января 1918 г. на заседании Сибирской областной думы в Томске был заочно избран министром юстиции Временного Сибирского правительства. 30 июня 1918 г. занял эту должность. Однако 8 сентября из-за разногласий подал заявление об отставке. Просьба была удовлетворена 21 сентября 1918 г. С сентября 1918 г. вновь занялся в Иркутске адвокатской деятельностью. Будучи избранным в Иркутскую городскую думу в октябре 1919 г., возглавил избирательное объединение «Демократический союз», которое выражало интересы эсеров. С 5 по 18 января 1920 г. являлся уполномоченным Иркутского Политического центра по ведомству юстиции. После установления советской власти служил юрисконсультом в Комитете северного морского пути, руководил подотделом искусств Сибирского народного образования в Омске, был членом Московской коллегии защитников. Выступал (в 1922 г.) в качестве защитника в некоторых известных судебных процессах. На судебном процессе по делу членов партии правых социалистов-революционеров ввиду явной политизации дела отказался от дальнейшего участия в процессе, за что был арестован и выслан из Москвы. В 1930 г. исключен из состава Московской коллегии защитников.

Во многом благодаря заступничеству бывших политкаторжан, которые заявили о бесплатном участии Патушинского в защитах подсудимых в целом ряде политических процессов, не был репрессирован. Умер в 1931 г.

О ПАТУШИНСКОМ Г.В. – в МОССОВЕТ

ПАТУШИНСКИЙ Григорий Борисович. Получил высшее юридическое образование. Адвокат, защитник на политических процессах. В 1930 г.– исключен из состава Коллегии защитников как «бывший министр Колчака».

В феврале 1930 г. – в его защиту выступила группа бывших политкаторжан, а также отдельные члены Общества бывших каторжан.

<1 февраля 1930>
Копия

Моссовет

В дополнение к материалам, посланным Секретариатом Ц<ентрального> Совета О<бщест>ва Политкаторжан и сс<ыльных> поселенцев по делу исключения из состава коллектива защитников, посылаем заявление группы членов О<бщест>ва о ПАТУШИНСКОМ.

Секретарь Ц<ентального> С<овета> О<бщест>ва
(К. Миронов)
Управделами (А. Пирогова)
Верно (подпись).
Копия

Справка

Могу засвидетельствовать по просьбе товарищей, что знаю Г.В. Патушинского, как преданного участника бесплатной политической защиты в Иркутске в ряде процессов. Кроме того, во время колчаковщины Г.В. Патушинский принял, по моему личному к нему обращению, участие в защите Шворина, большевика из Нижнеудинской организации, чем спас его от гибели.

Член О<бщест>ва Политкаторжан
М. Константинов
1/II-30 г<ода>.
Москва.

«Уважаемый Григорий Борисович,

Узнавши о том, что Вас считают бывшим министром Колчака, я считаю своим нравственным долгом засвидетельствовать, что в период Колчаковской власти, а именно в 1919 г. я знала о Вас в качестве адвоката, председателя бюро бесплатных политических защит в Иркутске. Помню, что Вы принимали участие в раскрытии дела о расстрелах Нижнеудинских большевиков, начальником контрразведк Юрковым. С особой благодарностью я вспоминаю о том, что, когда моему ныне покойному мужу М.Л. Шворину угрожала опасность расстрела, во время его сидения в Нижнеудинской тюрьме, Вы приняли участие в его судьбе, благодаря чему было спасена его жизнь. Мне известно, что М.Л. Шворин давал о Вашем участии в политических защитах показание зам<естителю> председателя Иркутского Губчека К.А. Попову.

Ревека Леонтьевна Шворина.
Москва, 3-я Гражданская, дом 22, кв. 7
Подпись руки гражданки Шворионой Р.Л.,
проживающей в кв. № 7 дома
22 по 3–1 Гражданской, удостоверяется
Подпись»

Временное Сибирское правительство, вооружено противодействуя большевикам, подчеркивало свою приверженность демократическим

принципам власти. Своей главной целью видело «спасение всех завоеваний революции и восстановления национальной независимости». К сотрудничеству призывало всех, кто боролся с «новым самодержавием».

Как отмечали современники, Патушинский в качестве главного законника Временного Сибирского правительства больше, чем кто-либо другой из его состава, умел в сложной военной обстановке реализовывать стоящие задачи. С его легкой руки, в частности, установлен: порядок рассмотрения дел в революционных трибуналах и следственных комиссиях, приняты меры к восстановлению «судебных учреждений в Сибири», а также «к охранению порядка на железных дорогах» и «к охранению порядка на водных путях сообщения». Кроме того, ввиду разгула преступности оперативно были разработаны «Временные правила о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия». Все эти документы доводились до сведения общественности в т.ч. и через «Сборник указаний и узаконений Временного Сибирского правительства».

На всех территориях, находящихся под юрисдикцией Временного Сибирского правительства, принимались меры по воссозданию дореволюционных правоохранительных органов, судов и прокуратуры. Восстанавливалась общая и мировая юстиция, при которых состояли прокуроры. Подбор и расстановка прокурорских кадров относились исключительно к компетенции министра юстиции. Однако в условиях военного времени профессиональных прокурорских работников не хватало. В 1918 г. в Иркутской и Омской областях было 13% прокурорских вакансий. В округе Читинского окружного суда – 33%.

И такая напряженная ситуация с прокурорскими кадрами была везде: одни бежали из страны, другие – репрессированы, третьи – убиты голодом и нищетой, четвертые в силу нестабильности ситуации затаились, боясь смены власти, пятые погибали на фронтах Гражданской войны.

В самый разгар этой бойни, в конце ноября 1918 г., в качестве «спасителя» государства Российского выступил Александр Васильевич Колчак. Став Верховным правителем России (ноябрь 1918 – январь 1920 гг.), он сосредоточил в своих руках все ветви власти: исполнительную, законодательную, судебную. Законодательные акты на подконтрольных территориях становились действующими лишь после его подписи. А юрисдикция диктатора распространялась на Западную Сибирь и Урал. К востоку от Красноярска власть Колчака несколько ослабевала, а после Иркутска была еще слабее. На территории, находящейся под властью Верховного правителя России, проживало порядка 15 млн человек.

* * *

За время нахождения А.В. Колчака у власти сменилось три министра юстиции с функциями главного прокурора: С.С. Старынкевич (1874–1933), Г.Г. Тельберг (1881–1954), А.П. Морозов (1864–1943).

СТАРЫНКЕВИЧ Сергей Созонтович родился 6 июля 1874 г. в Луцке в семье учителя. Окончил Холмскую гимназию и юридический факультет Московского университета (1900). В период учебы (1896–1897) за революционную деятельность подвергался административным наказаниям. В 1900 г. был председателем комитета помощников присяжных поверенных при Московском окружном суде. С 1905 г.– присяжный поверенный. Имел репутацию талантливого оратора. Занимался политической деятельностью, избирался делегатом на политический съезд адвокатов, принимал участие в организации крестьянского союза и в Московском стачечном комитете. С 1905 г.– член Партии социалистов-революционеров и ее военного крыла. После подавления вооруженного восстания в Москве эмигрировал (в начале 1906 г.). В основном проживал в Баварии и Швейцарии, с 1907 г. в Финляндии. Здесь участвовал в организации революционного офицерского Союза и солдатских объединений и редактировал нелегальный орган этого объединения, за что в конце 1907 г. был арестован. Вначале был заключен в Петропавловскую крепость, а затем выслан в Восточную Сибирь в Верхоленск. Позже поселился в Иркутске и, отойдя от политики, занялся адвокатской деятельностью. После падения самодержавия назначен прокурором Иркутской судебной палаты (с 9 апреля 1917 г.). Многие связывали это назначение со знакомством с министром юстиции Временного правительства А.Ф. Керенским. Будучи на посту прокурора, узнав о приходе к власти большевиков, освободил из тюрьмы незаконно арестованных органами советской власти офицеров, после чего подал в отставку. Был арестован и заключен в ту же тюрьму, а затем предан суду, который вынес ему «общественное порицание». Во времена Временного Сибирского правительства – министр юстиции этого правительства (с 4 ноября), а после прихода к власти А.В. Колчака – министр юстиции во Временном Всероссийском правительстве (с 18 ноября). 2 мая 1919 г. он был освобожден от занимаемой должности министра юстиции по личной просьбе. В сентябре 1919 г. во Владивостоке принял участие в подготовке антиколчаковского заговора, а после того, как попытка покушения провалилась, 19 сентября 1919 г. эмигрировал в Японию. Позже обосновался в Европе, где входил в состав Центральной юридической комиссии по изучению положения русских беженцев. Жил недалеко от Парижа. Ушел из жизни 8 апреля 1933 г.

Находясь в должности главного законоблюстителя колчаковского правительства, С.С. Старынкевич выступал со многими общими идеями: координация военных и гражданских властей, назначение на должности руководителей губерний авторитетных беспартийных граждан, создание дееспособной милиции и некоторыми другими, однако многие из них остались только на бумаге.

По своей прокурорской должности С.С. Старынкевич курировал расследование дела об убийстве царской семьи Романовых, о чем регулярно информировал правительство, в частности, в докладной записке от 19 февраля 1919 г. «Отношение управляющему министерством иностранных дел о результатах расследования обстоятельств казни семьи Романовых»[5]. Однако, с точки зрения многих, контроль этот с его стороны был малоэффективным.

Прошение министра юстиции Российского правительства С.С. Старынкевича в Совет министров о выделении ему средств на проведение следствия по делу об убийстве членов царской семьи Романовых.

Министерство Юстиции
3 февраля 1919 года
№ 236. г. Омск

Прошу об ассигновании в мое распоряжение 15 000 рублей на уголовные розыски по делу об убийстве бывшего императора Николая II и на усиление средств по производству следствия по тому же делу, ввиду невозможности испрошения этого кредита в общем сметном порядке.

Министр юстиции С. Старынкевич

Из выше приведенной описи (№ 96) видно, что прокурорские работники не стояли в стороне от расследования свершившегося злодеяния. Сообщением за номером 7 от 24 февраля 1919 г. прокурор Тобольского окружного суда направил члену суда Сергееву, с которым он состоял в переписке, информацию об обстоятельствах дела.

С.С. Старынкевичу не всегда удавалось находить общий язык с коллегами. Например, его противодействие незаконным действиям некоторых военных начальников в Енисейской губернии подвергли абструкции в апреле 1919 г. многие члены правительства. В то же время, по мнению современников, С.С. Старынкевич достаточно успешно лично реализовывал свои прокурорские полномочия. Так, Председатель Временного Всероссийского правительства (существовало с 23 сентября по 18 ноября 1918 г.) Н.Д. Авксентьев в интервью корреспонденту *New York Herald*, изданному в Париже в 1919 г., рассказывал, что если бы не Старынкевич, который лично освободил его и других арестованных из-под стражи, то они, возможно, были бы расстреляны.

«Старынкевич сообщил нам, что он только что узнал о нашем местопребывании, иначе мы были бы освобождены гораздо раньше... наш арест был незаконным деянием, и совершившие его будут преданы суду... Мы заявили..., что так как мы освобождены от ареста, то желаем вернуться к себе домой, но он предложил нам остаться в казармах под охраной офицеров, так как в противном случае он не ручается за нашу безопасность. Реакционные офицеры, по его словам, могут ворваться, к нам домой и убить нас, правительство же не может допустить этого убийства...».

Правда, как свидетельствует Н.Д. Авксентьев, на следующий день в 11 час. утра к ним опять явился прокурор Старынкевич в сопровождении офицеров и заявил:

«что мы снова арестованы по распоряжению Колчака, и если мы не желаем оставаться в тюрьме со всеми вытекающими из этого последствиями, то мы должны быть высланы за границу... Через шесть дней мы достигли китайской границы и были выпущены на свободу».

Другое воспоминание, опубликованное в Париже в еженедельнике «Общее дело» 22 апреля 1919 г., оставил Владимир Михайлович Зензинов, один из лидеров партии эсеров. Он рассказывал о том, как по указанию Колчака против ЦК партии эсеров было возбуждено уголовное дело по обвинению «в противогосударственных деяниях».

«Правительство постановило начать против ЦК судебное расследование, поручив это дело ***генерал-прокурору*** *(выделено мною. – А.Г.), т.е. министру юстиции Старынкевичу.*

Через несколько дней, когда мы, возвращаясь с заседания, ехали в одном автомобиле – Авксентьев, Старынкевич и я,– мною был задан вопрос Старынкевичу, в каком положении находится это дело. Он мне буквально ответил следующее: "все это дело – раздуто, и, по-видимому, никакого состава преступления в "Обращении ЦК" найдено не будет».

После отставки С.С. Старынкевича его место занял Георгий Густавович Тельберг.

ТЕЛЬБЕРГ Георгий Густавович, министр юстиции с функциями главного прокурора. Родился 27 сентября 1881 г. в Царицыне (Волгоград) в семье обрусевших шведов. В 1899 г. окончил с золотой медалью гимназию и поступил на юридический факультет Казанского университета. Был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию. С 1908 г. – приват-доцент Казанского университета по кафедре истории русского права. С 1910 г. – приват-доцент Московского университета. За научные труды получил золотую медаль им. М.М. Сперанского. В 1912 г. защитил диссертацию. С 1914 г. был председателем совета Юридического общества при

[5] См.: ЦГАОР. Ф. 601. Ед. хр. 1397. Л. 12 – 15.

Томском университете. В дальнейшем работал присяжным поверенным, придерживался либеральных взглядов, участвовал в крупных политических процессах. В 1917 г. избран деканом юридического факультета Саратовского университета и директором Экономического института. С 10 сентября по 4 ноября 1918 г. – старший юрисконсульт и управляющий делами Совета министров Временного Сибирского правительства, с 18 ноября – управляющий делами Совета министров Верховного правителя России. Со 2 мая до 29 ноября 1919 г. – министр юстиции в Совете министров Верховного правителя России. С 4 июля до 29 ноября 1919 г. – заместитель председателя Совета министров в этом правительстве. 14 декабря 1919 г. выехал за границу и поселился в Харбине. Владел книжным магазином. Профессор истории русского права юридического факультета, читал лекции по русской истории, государственному праву. В 1937 г. обосновался в Циндао (Китай), где занимался книжной торговлей, читал лекции по русской истории в литературно-драматическом кружке и гимнастическом обществе «Русский сокол». После Второй мировой войны переехал в США, где основал компанию *Telberg Book Corporation*. Его дочь, Инна, была переводчицей от США на Нюрнбергском процессе. Ушел из жизни 20 февраля 1954 г.

Г.Г. Тельберг был одним из самых авторитетных лиц в окружении А.В. Колчака. Входил в состав Совета Верховного правителя. Несмотря на свое либеральное прошлое, позиционировался как сторонник решительных и жестких методов борьбы с красными. Тем не менее считал, что нужно торопиться с введением в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке суда присяжных.

В бытность своего прокурорства инициировал создание в правительстве т.н. «тройки» – Комитет законности и порядка. В него входили кроме Тельберга министр внутренних дел и военный министр. На этих заседаниях должны были обсуждаться вопросы нарушения законности государственными чиновниками. Каких-либо документов, подтверждающих эффективность работы этого органа, к сожалению, обнаружить не представилось возможным. Более того, осенью многие стали обвинять Тельберга в неспособности осуществить эффективные меры, которые взяли бы под контроль и снизили коррупционную составляющую в работе государственных служащих.

Тем не менее Г.Г. Тельберг приложил немало сил к созданию и укомплектованию системы органов прокуратуры во Временном Всероссийском правительстве. Прокуроры активно занимались поддержанием обвинения в судах, осуществлением надзора за деятельностью органов милиции, опротестовыванием незаконных решений должностных лиц. Например, прокурор Пограничного окружного суда в марте 1919 г., посчитав, что нарушаются экономические интересы государства, направил протест пароходовладельцам, продавших свои суда иностранцам.

Тельберг ориентировал прокуроров реагировать на любые нарушения законности «от кого бы они ни исходили». Прокурорам приходилось много работать с заявлениями граждан, которые жаловались на многочисленные факты нарушения законности, в особенности, военных. Прокуратура Барнаульского окружного суда в августе 1919 г. вынуждена была даже рассматривать крестьянские челобитные, в которых селяне просили защитить их от насильственной мобилизации в армию Колчака.

Особым и весьма непростым предметом заботы прокуроров в условиях Гражданской войны был надзор за соблюдением законов в органах контрразведки (такие полномочия А.В. Колчак предоставил прокуратуре), а также за деятельностью чрезвычайных органов, действующих в военных условиях. Из документов прокурорского реагирования видно, что этот надзор очень часто имел ярко выраженный политический акцент и антибольшевистский характер. Прокурор Иркутского окружного суда в своем письме от 5 мая 1919 г. напомнил начальнику отделения военного контроля, что требования ст. 129 и ст. 132 «Уложения о наказаниях» продолжают действовать и за хранение и распространение большевистской литературы виновные должны привлекаться в соответствии с этим законом к строгой ответственности.

Немало хлопот доставляли и атаманы, которые не особо отличались законопослушанием. 16 января 1919 г.и.о. прокурора Благовещенского окружного суда И.Е. Красильников направил прокурору Иркутской судебной палаты приказ, подписанный войсковым атаманом Амурского казачьего войска И.М. Гамовым, в нем указывалось, что этот документ издан неправомочным лицом и является незаконным. Признав обращение коллеги обоснованным, через два дня прокурор Иркутской судебной палаты обратился к командующему Приамурским военным округом с требованием отменить указанный приказ. Обращение прокурора было удовлетворено.

12 августа 1919 г. большая часть министров выступила против закулисного проведения им законопроектов, принятого чрезвычайным указом адмирала А.В. Колчака без обсуждения в правительстве. Следствием этого выступления стало увольнение Г.Г. Тельберга с должности управляющего делами (которую он параллельно совмещал с должностью министра юстиции) и снижение его аппаратного влияния.

Осенью 1919 г. в Совете министров Временного Всероссийского правительства разразился еще один кризис, вызванный тем, что Тельберг,

используя свою близость к Колчаку, подписал у него в августе чрезвычайный указ «О Совете Обороны», предварительно не обсудив его с другими членами правительства. В связи с чем Г.Г. Тельберг в конце ноября ушел в отставку.

На его место А.В. Колчаком был назначен в качестве управляющего министерством юстиции Александр Павлович Морозов, пробывший в этой должности чуть больше месяца (29 ноября 1919 г. – 4 января 1920 г.).

МОРОЗОВ Александр Павлович родился 18 ноября 1864 г. в Омске в семье мещанина. Окончив в 20-летнем возрасте гимназию, поступил на юридический факультет Московского университета. Во время учебы отчислялся из университета за участие в студенческих беспорядках. Окончил в 1889 г. Работал следователем, судьей. В 1908 г. был назначен членом Омского окружного суда, в 1910 г. – членом Омской судебной палаты. В 1914 г. ему был присвоен чин действительного статского советника. С 1 июля 1917 г. – председатель Барнаульского окружного суда. Действительный статский советник. Избирался председателем общества попечения народного образования, закрытого царским правительством как неблагонадежное. Возглавлял попечительские советы ряда учебных заведений. Имел репутацию честного, трудолюбивого и добропорядочного человека. Член Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы). С 14 июня 1918 г. (после свержения власти большевиков в Сибири) – зав. отделом юстиции Западно-Сибирского комиссариата. С 1 июля 1918 г. – товарищ министра юстиции Временного Сибирского правительства. С 4 по 18 ноября 1918 г. – товарищ министра юстиции во Временном Всероссийском правительстве. С 18 ноября 1918 г. – министр земледелия Временного Всероссийского правительства. С 29 ноября 1919 г. по 4 января 1920 г. – управляющий министерством юстиции. В январе 1920 г. арестован. В мае 1920 г. осужден и приговорен Чрезвычайным революционным трибуналом Сибири к пожизненному заключению с применением принудительных работ. Умер 23 февраля 1943 г. в пос. Ракитянка Чкаловской (Оренбургской) области.

А.П. Морозов приступил к своим обязанностям в качестве управляющего законоблюстительным ведомством в тот момент, когда Красная армия захватила инициативу, нанося одно поражение за другим войскам Колчака. Верховный правитель России практически полностью утратил всякий контроль над ситуацией. С наступлением зимы положение стало катастрофическим – в тяжелейших условиях сибирской стужи армия отступала на восток. Начался т.н. Великий Сибирский Ледяной поход (14 ноября 1919 г.– март 1920 г.) беспрецедентный по протяженности в 2.5 тыс. км.

В этих условиях А.П. Морозов за месяц работы как-либо значимо проявить себя не успел. От судьбы не бежал, был вместе со всеми и мужественно принял все испытания, которые она ему приготовила...

* * *

Аналогично развивалась ситуация и на северо-западе стран, где 11 августа 1919 г. под давлением англичан было создано Северо-Западное правительство (объявило о самороспуске 5 декабря 1919 г.), в которое вошли кадеты, эсеры и меньшевики и которое подтвердило государственный суверенитет Эстонии. Здесь 11 октября 1919 г. министром юстиции с функциями главного прокурора был назначен Евгений Иванович Кедрин.

КЕДРИН Евгений Иванович, министр юстиции с функциями главного прокурора. Родился в 1851 г. в дворянской семье. Закончив гимназию, а затем юридический факультет Санкт-Петербургского университета (1872), вступил в корпорацию присяжных поверенных Санкт-Петербургского округа в качестве помощника присяжного поверенного. В 1877 г. стал присяжным. В 1889 г. избран гласным Санкт-Петербургской городской думы. Выступал с разоблачениями злоупотреблений городской управы. 8 января 1905 г. участвовал в депутации из 10 человек, куда входил и Максим Горький, явившийся сначала к министру внутренних дел П.Д. Святополку-Мирскому (приняты не были), а затем к С.Ю. Витте, убеждая принять меры, чтобы царь вышел к рабочим и принял гапоновскую петицию. В январе 1905 г. как неблагонадежный подвергался двухмесячному заточению. Один из основателей Партии народной свободы. Входил в ее ЦК. Избирался в Государственную думу I созыва. За подписание Выборгского воззвания был приговорен к трем месяцам тюрьмы. С 1912 по 1916 г. – присяжный стряпчий при Санкт-Петербургском коммерческом суде. С 11 октября по 5 декабря 1919 г. – министр юстиции в Северо-Западном правительстве. В 1920 г. эмигрировал в Париж. В этом же году стал членом Союза русских адвокатов за границей. Был членом парижского комитета Партии народной свободы. В 1921 г. умер в Париже от сердечного приступа.

В правительстве, в котором менее двух месяцев довелось трудиться Е.И. Кедрину, работа органов прокуратура была построена на основе имперского законодательства, а также на некоторых законах, принятых Временным правительством. В целом система сохраняла старую дореволюционную структуру.

Министерство юстиции было учреждено 11 августа 1919 г. Главной его функцией было обеспечение деятельности судебной и прокурорской систем и регулирование правовых отношений между гражданами. Наряду с ежедневной прокурорской деятельностью Е.И. Кедрин успел приложить руку к реорганизации судов, воссозданию

судов для рассмотрения имущественных исков, обеспечению деятельности в Гдовском уезде Комиссии по разгрузке тюрем, призванной освобождать незаконно арестованных. 19 ноября 1919 г. он выступил с инициативой создать после взятия Петрограда Государственную комиссию по борьбе с большевизмом...

Однако реализовать эту «инициативу» Северо-Западному правительству не пришлось. В конце ноября войска Юденича были прижаты к границе и перешли на эстонскую территорию, где были разоружены и интернированы своими же бывшими союзниками...

(Окончание в следующем номере)

Сведения об авторе

ЗВЯГИНЦЕВ Александр Григорьевич – заместитель директора по международному сотрудничеству Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10; Вице-президент Международной ассоциации прокуроров; ул. Хартогштаат, 13, 2514 ЕР, Гаага, Нидерланды

Authors' information

ZVYAGINTSEV Alexander G. – Deputy Director for International Cooperation, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia; Vice-President of the International Association of Prosecutors; Hartogstraat 13, Hague, Netherlands

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 9, с. 159–181
STATE AND LAW, 2021, № 9, pp. 159–181

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

XV МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРАВОВЫЕ АКТЫ И ПРАВОВЫЕ ДОГОВОРЫ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ» И НАУЧНЫЙ «КРУГЛЫЙ СТОЛ» «ПРАВОВАЯ НАУКА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ИНСТИТУТ: ИНТЕНСИФИКАЦИЯ КАДРОВОГО, МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО И ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА»

© 2021 г. Н. В. Кроткова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: krotkova2012@yandex.ru

Поступила в редакцию 31.05.2021 г.

Аннотация. 20–22 апреля 2021 г. в Российском государственном университете правосудия прошла XV Международная научно-практическая конференция «Правовые акты и правовые договоры: проблемы теории и практики», и в ее рамках состоялся «круглый стол» «Правовая наука как социокультурный институт: интенсификация кадрового, методологического и теоретического потенциала».
Правовые договоры и правовые акты, к сожалению, весьма редко анализируются в специальной литературе. На конференции были озвучены некоторые спорные проблемы сравнительного анализа правовых договоров и правовых актов.
Развитие и формирование норм права в российском законодательстве тесно связано с деятельностью судебных органов. Участники мероприятия затронули такие вопросы, как правовые методы повышения эффективности судебной деятельности, и др.
В рамках научного «круглого стола» было отмечено, что проблемы методологии научных исследований в области юридических наук традиционно входят в число малоизученных, но весьма актуальных проблем правоведения. В целях определения основных и действенных проблем методологии правовой науки целесообразно на базе какого-либо ведущего юридического вуза страны организовать с применением современных интернет-технологий постоянно действующий семинар по актуальным проблемам методологии правовых исследований с участием ведущих методологов правовой науки.
Было высказано мнение, что действенным средством интенсификации правовой науки может стать отказ от позитивистской доктрины права, господствующей в современной учебной и научной юридической литературе.
Обращено внимание также на то, что особую актуальность приобретает проблема подготовки научно-педагогических кадров. Лишь высокопрофессиональный, творческий коллектив российских правоведов способен устранить перекосы и несовершенства современной российской правовой науки.
На «круглом столе» рассматривались также проблемы единства юридической науки; факторы, препятствующие освоению магистрантами курса «история и методология юридической науки», и пути их преодоления; методология исследования правового регулирования в современной юридической науке; использование социологического подхода к праву в правовой науке и другие вопросы.

Ключевые слова: конференция, «круглый стол», правовые акты, правовые договоры, правовая наука, социокультурный институт, интенсификация кадрового, методологического и теоретического потенциала.

Цитирование: *Кроткова Н.В.* XV Международная научно-практическая конференция «Правовые акты и правовые договоры: проблемы теории и практики» и научный «круглый стол» «Правовая наука как социокультурный институт: интенсификация кадрового, методологического и теоретического потенциала» // Государство и право. 2021. № 9. С. 159–181.

DOI: 10.31857/S102694520016758-4

XV INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE "LEGAL ACTS AND LEGAL CONTRACTS: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE" AND THE SCIENTIFIC OF THE "ROUND TABLE" "LEGAL SCIENCE AS A SOCIO-CULTURAL INSTITUTE: INTENSIFICATION OF HUMAN, METHODOLOGICAL AND THEORETICAL POTENTIAL"

© 2021 N. V. Krotkova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: krotkova2012@yandex.ru

Received 31.05.2021

Abstract. On April 20–22, 2021, the XV International scientific and practical conference "Legal acts and legal contracts: problems of theory and practice" was held at the Russian State University of Justice, and the "Round Table" "Legal science as a socio-cultural institute: intensification of personnel, methodological and theoretical potential" was held within its framework.

Unfortunately, legal contracts and legal acts are very rarely analyzed in the specialized literature. At the conference, some controversial problems of comparative analysis of legal contracts and legal acts were voiced.

The development and formation of legal norms in Russian legislation is closely related to the activities of judicial bodies. The participants of the event touched upon such issues as legal methods for improving the efficiency of judicial activity, etc.

Within the framework of the scientific "Round Table", it was noted that the problems of the methodology of scientific research in the field of legal sciences are traditionally among the little-studied, but very relevant problems of jurisprudence. In order to determine the main and effective problems of the methodology of legal science, it is advisable to organize a permanent seminar on topical problems of the methodology of legal research with the participation of leading methodologists of legal science on the basis of a leading law university of the country using modern Internet technologies.

The opinion was expressed that an effective means of intensifying legal science can be the rejection from the positivist doctrine of law that prevails in modern educational and scientific legal literature.

Attention is also drawn to the fact that the problem of training scientific and pedagogical personnel is becoming particularly relevant. Only a highly professional, creative team of Russian lawyers is able to eliminate the distortions and imperfections of modern Russian legal science.

The "Round Table" also considered the problems of the unity of legal science; the factors that hinder the development of the course "history and methodology of legal science" by undergraduates, and ways to overcome them; the methodology of the study of legal regulation in modern legal science; the use of a sociological approach to law in legal science and other issues.

Key words: conference, "Round Table", legal acts, legal contracts, legal science, socio-cultural institute, intensification of personnel, methodological and theoretical potential.

For citation: *Krotkova, N.V. (2021).* XV International scientific and practical conference "Legal acts and legal contracts: problems of theory and practice" and the scientific of the "Round Table" "Legal science as a socio-cultural institute: intensification of human, methodological and theoretical potential" // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 159–181.

В Российском государственном университете правосудия 20–22 апреля 2021 г. прошла XV Международная научно-практическая конференция «Правовые акты и правовые договоры: проблемы теории и практики», и в ее рамках состоялся «круглый стол» «Правовая наука как социокультурный институт: интенсификация кадрового, методологического и теоретического потенциала». В конференции и «круглом столе» приняли участие около 250 отечественных и зарубежных специалистов ведущих вузов и научных учреждений, а также практические работники.

Конференцию открыл **В.В. Ершов, президент Российского государственного университета правосудия (РГУП), д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ,**

акад. РАЕН. ***Правовые акты и правовые договоры: дискуссионные проблемы теории и практики***

Правовые договоры и правовые акты, к сожалению, весьма редко анализируются в специальной литературе. В то же время хотелось бы подчеркнуть, что, во-первых, правовые договоры и правовые акты – самостоятельные формы как национального, так и международного права. Во-вторых, первоначально становление права в мире происходило на основе соглашения лиц (consensus) в форме обычаев права и договоров, содержащих «правила общежития»[1] (в соответствии с современной терминологией общей теории права – «правовых договоров»). В-третьих, с появлением государства преобладающим источником права стали его управомоченные органы, а формой права – правовые акты[2]. В-четвертых, к сожалению, если научные работники все-таки исследовали правовые договоры и правовые акты, то традиционно как «источники» права и преимущественно в их статическом состоянии. Вместе с тем более продуктивным представляется сравнительный анализ становления и развития правовых договоров и правовых актов. Как ни странно, лишь в незначительном числе научных работ сравнительному анализу правовых договоров и правовых актов уделено достойное место. Некоторые спорные проблемы сравнительного анализа правовых договоров и правовых актов и будут затронуты.

Прежде всего хотелось бы начать с анализа существующих терминов и понятий. Как известно, в российских кодексах и других федеральных законах применяются различные термины: «нормативные правовые договоры», «нормативные правовые акты» и «законодательство». Например, ст. 1 ГПК РФ называется: «Законодательство о гражданском судопроизводстве», а ст. 11, имеющая, по существу, аналогичное содержание,– «Нормативные правовые акты, применяемые судом при разрешении гражданских дел». Более того, термин «законодательство» используется как в «узком», так и в «широком» смыслах слова.

Так, в ст. 3 «Гражданское законодательство и иные акты, содержащие нормы гражданского права» ГПК РФ, согласно п. 2 которой «гражданское законодательство состоит из настоящего Кодекса и принятых в соответствии с ним иных федеральных законов», термин «законодательство» применен в «узком» смысле слова. В то же время в ст. 5 «Жилищное законодательство» ЖК РФ, в соответствии с п. 2 этой статьи «жилищное законодательство состоит из настоящего Кодекса, принятых в соответствии с настоящим Кодексом других федеральных законов, а также изданных в соответствии с ними указов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства Российской Федерации, нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, принятых законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, нормативных правовых актов органов местного самоуправления» термин «законодательство» применен уже в «широком» смысле слова.

В специальной юридической литературе также можно встретить различные и, на наш взгляд, спорные понятия: «нормативные правовые акты», «нормативные правовые договоры», «законодательство», «нормативное правопонимание» и «нормативный договор». Например, М.И. Байтин в своей фундаментальной монографии «Сущность права. Современное нормативное правопонимание на грани двух веков» применял, в частности, понятия: «нормативный характер права», «нормативное и широкое понимание права», «нормативный акт» и «система законодательства»[3]. Активно использовал термин «законодательство» и А.Ф. Черданцев[4].

Вместе с тем в ч. 1 ст. 15 Конституции РФ и в отдельных статьях некоторых кодексов содержится другой термин – «правовые акты». По нашему мнению, термин (понятие) «правовые акты» и, соответственно, «правовые договоры» теоретически более обоснован, а практически наиболее продуктивен, поскольку в данных формах как национального, так и международного права содержатся не только нормы права, но и принципы права. В этой связи представляется спорным вывод А.Ф. Черданцева, сделанный им в 2012 г.: «Норма права – первичный элемент права...»[5]. Более убедительной, полагаем, является позиция Ф. Бэкона: **принципы – «первичные и наиболее простые элементы, из которых образовалось все остальное»**[6] (выделено мною. – *В.Е.*). Л.А. Тихомиров удивительно глубоко конкретизировал точку зрения английского философа: **«Должен же... чем-нибудь руководствоваться сам законодатель, давая или не давая личности права или определяя какие-либо действия, как ее обязанность»**[7] (выделено мною. – *В.Е.*).

---

[1] *Тарановский Ф.В.* Учение о естественном праве // Журнал Министерства юстиции. 1916. № 3. С. 1–16; *Шершеневич Г.Ф.* Избранное: в 6 т. Т. 4, включая Общую теорию права / вступ. слово, сост. П.В. Крашенинникова. М., 2016. С. 91–413.

[2] См.: *Шершеневич Г.Ф.* Указ. соч. С. 332–381.

[3] *Байтин М.И.* Сущность права. Современное нормативное правопонимание на грани двух веков. 2-е изд., доп. М., 2005.

[4] См.: *Черданцев А.Ф.* Теория государства и права. М., 2000. С. 188.

[5] *Черданцев А.Ф.* Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012. С. 38.

[6] *Бэкон Ф.* О принципах и началах. М., 1937. С. 22.

[7] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. М., 1998. С. 569.

При таком общенаучном подходе, по нашему мнению, теоретически более аргументировано, а практически продуктивно принципы права относить к первичным регуляторам правоотношений, имеющим более высокую юридическую силу по сравнению с нормами права, а не к «идеям», «началам», «положениям», «общей мысли, направленной законодателем сознательно или бессознательно в целый ряд юридических норм»[8] и т.д.

6 мая 1946 г. Н.Г. Александров выступил с докладом на научной сессии Московского государственного юридического института на тему «Юридическая норма и правоотношение», в котором, на наш взгляд, сформулировал убедительную точку зрения: «Социальные нормы являются прежде всего суждениями о том, какой вариант поведения человека в отношении других людей представляется должным вариантом или по крайней мере одобряемым возможным вариантом.., индивидуальные суждения о нормальном и ненормальном поведении сами по себе не могут стать социальными нормами. Для того, чтобы суждение о должном и допустимом поведении стало социальной нормой, оно **должно выражать сознание и волю… общественного коллектива**...»[9] (выделено мною. – *В.Е.*).

В другой своей работе «К вопросу о роли договора в правовом регулировании общественных отношений» Н.Г. Александров, как представляется, аргументировано подчеркивал: «Соглашение (consensus) народа римские юристы... были склонны считать **универсальным правообразующим фактором**»[10] (выделено мною. – *В.Е.*). Весьма характерно, что **«они сводили к договору и закон, и обычное право»**[11] (выделено мною. – *В.Е.*). По Н.Г. Александрову, «правовой обычай отличали от закона тем, что он устанавливался **молчаливым соглашением народа** (в соответствии с современной терминологией общей теории права – источником обычаев права является соглашение лиц). Поэтому, например, Юлиан полагал, что законы могут быть отменены не только законодательной властью, но и по молчаливому соглашению всех. Представление о договоре как об источнике закона сложилось... первоначально на почве форм законотворческой деятельности, свойственных республиканскому периоду древнего рабовладельческого государства... В императорский период римского рабовладельческого государства идея договорного происхождения правовых норм могла иметь значение лишь метафорического конструктивного принципа, лишенного какой-либо реальной почвы даже в применении к закону, а не только к правовому обычаю...»[12].

В то же время в соответствии с современной общей теорией права соглашение (consensus) «всех» прежде всего может быть источником обычаев права и правовых договоров. Источником же правовых актов является деятельность управомоченных правотворческих органов, а не «молчаливое соглашение всех». Кроме того, обычаи права и правовые договоры как национального, так и международного права, полагаем, более аргументировано относить к различным формам права, имеющим не совпадающие источники.

Однако Н.Г. Александров в своем докладе, на наш взгляд, с позиции юридического позитивизма дискуссионно выделил три вида социальных норм: обычаи, нормы морали и юридические нормы. «Первый вид составят такие социальные нормы, которые соблюдаются людьми в силу привычки. <...>. Это обычаи. <...>. Второй вид социальных норм составят такие нормы, которые исполняются в силу их соответствия тому, что общественное мнение считает справедливостью, делом чести и т.д. Соблюдение таких норм поддерживается силой общественного мнения. Это – нормы морали. <...>. Наконец, третий вид социальных норм составят юридические нормы, специфическая особенность которых состоит в том, что соблюдение их поддерживается принудительной силой государства»[13].

Однако в соответствии с современной общей теорией права, по нашему мнению, во-первых, обычаи права, действительно являющиеся одним из видов социальных норм, теоретически точнее относить к одной из форм национального или международного права. В этой связи обычаи права «соблюдаются людьми не в силу привычки, а как и другие формы права, в силу их обязательности и возможного принудительного исполнения. Во-вторых, нормы морали, как разновидность неправа, поддерживаются только соглашением лиц,

---

[8] *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М., 1995. С. 15; *Александров Н.Г.* Социалистические принципы советского права // Сов. государство и право. 1957. № 11. С. 17; *Лукашева Е.А.* Принципы социалистического права // Сов. государство и право. 1970. № 6. С. 21; *Алексеев С.С.* Проблемы теории права. Основные вопросы общей теории социалистического права: курс лекций: в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 102.

[9] *Александров Н.Г.* Юридическая норма и правоотношение. М., 1947. С. 5, 6. Сокращенная стенограмма доклада, прочитанного на научной сессии института 6 мая 1946 г. / под ред. И.Т. Голякова.

[10] *Александров Н.* К вопросу о роли договора в правовом регулировании общественных отношений // Ученые записки ВИЮН. М., 1946. Вып. 6. С. 61.

[11] *Тарановский Ф.В.* Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917. С. 180, 186.

[12] *Александров Н.Г.* К вопросу о роли договора в правовом регулировании общественных отношений. С. 61, 62.

[13] *Александров Н.Г.* Юридическая норма и правоотношение. С. 7.

а не государственным принуждением. В-третьих, не «юридические нормы», а нормы права теоретически обосновано относить к одному из возможных регуляторов правоотношений (кроме принципов права), содержащихся в формах как национального, так и международного права.

С позиции научно обоснованной концепции интегративного правопонимания право характеризуется синтезом только онтологически однородных социальных явлений – принципов и норм права, содержащихся в единой, развивающейся и многоуровневой системе форм национального и (или) международного права, реализуемых в государстве. При таком теоретическом подходе принципы и нормы права прежде всего содержатся в национальных правовых актах, правовых договорах и обычаях права, а также в международных договорах и обычаях права[14].

В заключение хотелось бы высказать предположение: как и на этапе становления права, так и, надеемся, в будущем правовое регулирование правоотношений будет преимущественно осуществляться посредством принципов и норм права, содержащихся в правовых договорах и обычаях права, основанных на «соглашении народа», лиц, проживающих на конкретной территории.

Ниже приведены доклады и выступления участников конференции.

П.А. Гук, профессор кафедры правосудия Пензенского государственного университета, д-р юрид. наук

Развитие и формирование норм права в российском законодательстве тесно связано с деятельностью судебных органов, которые придают жизнеспособность нормативным актам своими решениями, а в некоторых случаях дополняют и восполняют недостающие нормы права судебными правовыми позициями. Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев на подведении итогов работы судов за 2020 г. 9 февраля 2021 г. отметил, что в 2020 г. сформировано 800 правовых позиций, закрепленных в Пленумах и Обзорах. С 2014 г. принято 35 постановлений Пленума Верховного Суда РФ, содержащие 2 тыс. правовых позиций, которые реализуются судами как общей, так и арбитражной юрисдикции. Такой объем судебно-правовой материи имеет практическое применение в судопроизводстве, а возможность продуктивного использования правовых позиций в законотворческой деятельности остается под вопросом. Имплементация правовых позиций Верховного Суда РФ в законодательство практически отсутствует, отдельные законопроекты Верховного Суда редко содержат сформулированные правовые позиции и носят точечный характер законодательной инициативы по тем или иным проблемным вопросам судебной деятельности. Научное обоснование имплементации судебных правовых позиций в законодательство мог бы обеспечивать отдел законодательной инициативы Верховного Суда РФ, создание которого возможно в Российском государственном университете правосудия. Сотрудники отдела могли бы заниматься научной, преподавательской и экспертно-аналитической деятельностью, готовить соответствующие справки, заключения о правовых позициях для имплементации их в законодательство (в той или иной отрасли права), что повысит законодательный потенциал высшего судебного органа, объединит научные и практические разработки о правовых позициях, направленные на совершенствование российского законодательства.

Е.М. Шайхутдинов, председатель Арбитражного суда Челябинской области, канд. юрид. наук. ***Некоторые проблемы неопределенности права на примере института банкротства граждан***

Категории определенности и неопределенности права давно привлекают пристальное внимание юридической науки, в т.ч. в контексте проблемы эффективности правового регулирования. В современной экономической ситуации, в условиях длительного экономического кризиса, обнищания населения огромное значение приобретают кризисные правовые механизмы, направленные, в частности, на возврат субъектов экономической деятельности в сферу легального гражданского оборота. Примером такого механизма является институт банкротства физических лиц, как в его более традиционном судебном варианте, так и в виде внесудебного банкротства граждан. Востребованность данного института подтверждается статистическими данными Единого федерального реестра сведений о банкротстве, в частности, количество решений судов о банкротстве граждан, включая индивидуальных предпринимателей, в 2020 г. составило 119 049 шт., что на 72.6% больше, чем в 2019 г. К сожалению, почти 20-летняя отсрочка не привела к возникновению достаточной степени определенности права в названной сфере общественных отношений, в связи с чем видится ряд проблем: во-первых, это отсутствие какого-либо внятного механизма выбора финансового управляющего, участие которого в процедуре банкротства гражданина является обязательным в силу п. 1 ст. 213.9 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве). Вторая проблема неопределенности права применительно к институту банкротства граждан связана с оценочным характером оснований закрепленной в п. 4 ст. 213.28 Закона о банкротстве возможности

[14] См. подр.: *Ершов В.В.* Регулирование правоотношений. М., 2020.

отказа в освобождении гражданина от неисполненных им обязательств после завершения процедуры банкротства.

Результат приведенной неопределенности – крайне редкое использование данного механизма. Например, в практике Арбитражного суда Челябинской области случаи не освобождения граждан-банкротов от неисполненных обязательств единичны: в 2018 г. из 782 случаев признания гражданина банкротом правила об освобождении должника от долгов не были применены только в 19 делах (2.5%); в 2019 г. из 1278 дел – в 23 случаях (1.8%), в 2020 г. из 2131 дела – в 40 случаях (1.9%).

А.В. Аверин, профессор кафедры теории и истории государства и права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), д-р юрид. наук

Высокая социальная ценность и значимость таких явлений, как право и правосудие, не вызывает сомнений,– это, пожалуй, единственное утверждение, не порождающее споров и дискуссий в научной среде. О сущности права и правосудия, их внешних проявлениях, способах реализации права в процессе судебного применения единого мнения нет, при этом есть все основания полагать, что и не будет. Тем не менее потребность в существовании общепринятых и общепризнанных базовых, фундаментальных отправных позиций вызвана социальной практикой. Одним из насущных вопросов на современном этапе судебной реформы в России является вопрос о том, как сформировать правосознание судейского сообщества таким образом, чтобы правосудие позиционировалось (воспринималось, понималось и т.п.) в качестве применения права (содержания), а не как применение закона (формы), что далеко не одно и то же.

Понимая сложность сформулированной задачи, которая (сложность) вызвана не только многоголосицей научного мира по заявленной проблеме, сколько явно недостаточным теоретическим уровнем правосознания судейского сообщества (в целом), на первом этапе движения к указанной цели считаем необходимым обязать судей в судебных актах любого качества и уровня исключить термин «применение закона», а использовать термин «применение права».

А.Н. Чертков, главный научный сотрудник Центра исследований проблем территориального управления и самоуправления Московского государственного областного университета, д-р юрид. наук. ***Конституция как особый вид правового акта и как форма «общественного договора»***

По форме конституция является видом правового акта, имеющего высшую юридическую силу и прямое действие. Общественный договор есть не только и не столько правовой, сколько социально-политический феномен. При этом существует он в общественном сознании, но не в ряду юридических документов.

Проблемой отечественных конституций было несовпадение фактической и юридической их сторон: советские конституции были юридически проработанными, подробными документами, весьма передовыми и прогрессивными по содержанию для своего времени. При этом их нормы не применялись непосредственно, а управленческая практика выстраивалась зачастую вопреки конституционным нормам. Основным противоречием современного российского конституционно-правового пространства видится либеральная трактовка прав человека в Конституции РФ, несколько сглаженной реформой 2020 г. и патерналистскими настроениями в обществе, на которые власти реагируют на практике. При этом, к сожалению, институциональных конституционных предпосылок для преодоления разрыва между либеральными нормами Конституции и патерналистскими основами общественного сознания не создано, хотя реформа 2020 г. могла бы их создать. Прежде всего путем включения главы (или хотя бы статьи) о гражданском обществе как подсистеме публичной власти в текст Конституции РФ. Кроме того, важно развернуть «социальные» поправки в законодательстве в части увеличения размера прожиточного минимума и минимального размера оплаты труда, установления минимальных размеров ежегодных индексаций пенсий, пособий и прочих выплат. С позиций возвращения общественного договора в отношения власти и общества целесообразно и снижение пенсионного возраста (или хотя бы конституционное закрепление текущего, чтобы не было соблазна к его дальнейшему повышению).

Р.С. Абдулин, зав. кафедрой уголовного права Курганского государственного университета, д-р юрид. наук, доц., заслуженный юрист РФ. ***Правовые методы повышения эффективности судебной деятельности***

Решение многих проблем повышения эффективности судебной деятельности лежат в плоскости внутренней деятельности самого судейского сообщества: отбор достойных кандидатов на должности судей и их подготовка; строгий, но без умаления независимости и самостоятельности судей контроль за их деятельностью как при исполнении своих обязанностей по отправлению правосудия, так и вне; систематическая ротация руководителей судов всех уровней; спрос за любые нарушения вплоть до прекращения судейских полномочий лиц, дискредитирующих судебную власть. Для этого достаточно внутренних методов правового

регулирования данного процесса. Однако в отдельных случаях для повышения эффективности судебной деятельности судейское сообщество должно находить понимание и у государства.

В.Ю. Панченко, начальник Правового управления ФСИН России, зав. кафедрой уголовно-правовых дисциплин Института международного права и экономики им. А.С. Грибоедова, д-р юрид. наук.
«Пилотные» постановления Европейского Суда по правам человека, российское право и его применение

В соответствии с п. 1 ч. 46 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) государства – члены Совета Европы обязаны исполнять окончательные постановления Европейского Суда по правам человека по делам, в которых они являются сторонами. Исполнение постановлений ЕСПЧ выражается в необходимости принимать т.н. меры индивидуального характера и меры общего характера. Основное значение мер общего характера состоит в том, чтобы исключить вероятность повторения подобных ситуаций, при которых права и свободы человека нарушаются. При этом способы реализации мер общего характера оставляются на усмотрение государства.

Процедура вынесения ЕСПЧ «пилотного» постановления установлена п. 61 Регламента ЕСПЧ (введена 21.02.2011 г.). В «пилотном» постановлении Суд определяет природу установленной им структурной или системной проблемы или иного ненадлежащего функционирования, а также вид мер общего характера, которые следует принять на национальном уровне в силу резолютивной части постановления. Таким образом, процедура «пилотного» постановления выступает в качестве одного из средств воздействия на непринятие общих мер государством-ответчиком в нарушение ст. 46 Конвенции.

Особо следует остановиться на роли «пилотных» постановлений Европейского Суда по правам человека, вынесенных в отношении Российской Федерации и касающихся деятельности уголовно-исполнительной системы. В частности, в «пилотном» постановлении ЕСПЧ от 10 января 2012 г. по жалобам № 42525/07 и № 60800/08 «Ананьев и другие против России» установлено нарушение властями Российской Федерации ст. 3 («ненадлежащие условия содержания») и ст. 13 («отсутствие эффективных средств правовой защиты») Конвенции в отношении двух заявителей, а также наличие в Российской Федерации структурной проблемы бесчеловечных и унижающих достоинство условий содержания в следственных изоляторах и отсутствие эффективных национальных средств правовой защиты от соответствующих нарушений.

В ходе состоявшихся в июне 2017 и 2019 гг. в Страсбурге 1288-го и 1348-го заседаний Комитета Министров Совета Европы с положительной стороны отмечены предпринятые и запланированные властями Российской Федерации меры, в т.ч. по реализации федеральных целевых программ, созданию новых и совершенствованию существующих внутригосударственных средств правовой защиты, обеспечению взвешенного подхода к избранию и продлению меры пресечения в виде заключения под стражу, улучшению условий содержания в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

В рамках установленных полномочий ФСИН России принимает участие в реализации общих мер по устранению нарушений Конвенции, отмеченных в «пилотных» постановлениях Европейского Суда по правам человека. Предписания ЕСПЧ, изложенные в «пилотных» постановлениях, в целом задают вектор развития уголовно-исполнительной системы, в т.ч. в работе по имплементации международных стандартов в законодательство Российской Федерации. Работа по исполнению изложенных в «пилотных» постановлениях Европейского Суда по правам человека рекомендаций прямо влияет на международный имидж России как государства, способного обеспечить на своей территории выполнение международных обязательств по обращению с лицами, содержащимися в местах лишения свободы.

* * *

«Круглый стол», состоявшийся в рамках конференции, открыл и вел **В.М. Сырых, главный научный сотрудник, руководитель направления теории и истории права и судебной власти РГУП, д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ**

Лучшим способом отметить Год науки, как и ее юбилеи, традиционно считается анализ ее достижений и определение путей развития как минимум в таких ведущих сферах, как методология, теория и подготовка научно-педагогических кадров.

Проблемы методологии научных исследований в области юридических наук традиционно входят в число малоизученных, но весьма актуальных проблем правоведения. В настоящее время бум публикаций по методологическим проблемам правовой науки, по нашему мнению, заметно угас. Однако больших успехов в этом направлении пока что нет. Попытки исследований проблем применения методов герменевтики, синергетики, феноменологии, аксиологии, антропологии и других приемов субъективного идеализма в познании государства и права не привели к ожидаемым результатам. Юристы остались верны своим методологическим основам, представленным догматическим методом анализа действующего законодательства и правоприменительных актов, методом сравнительного правоведения и историко-правовым методом.

В то же время российскими правоведами полностью утрачен интерес к социально-правовым исследованиям, за исключением, может быть, криминологов и специалистов в области уголовного права, а диалектический метод выведен из числа ведущих, основополагающих методов познания государства и права. Обсуждение проблем методологии правовой науки на конференциях[15] не дает нужной эффективности вследствие дефицита времени, большой аудитории, не располагающей к длительным дискуссиям. Поэтому в целях определения основных и действенных проблем методологии правовой науки целесообразно на базе какого-либо ведущего юридического вуза страны организовать с применением современных интернет-технологий постоянно действующий семинар по актуальным проблемам методологии правовых исследований с участием ведущих методологов правовой науки.

Действенным средством интенсификации правовой науки, на наш взгляд, может стать отказ от позитивистской доктрины права, господствующей в современной учебной и научной юридической литературе. За почти 200-летний период своей деятельности позитивистская доктрина права хотя и определилась с сущностью права, но так и не сумела достоверно обосновать свое концептуальное видение этой сущности и даже аргументированно ответить на упреки Л.И. Петражицкого более чем столетней давности.

Не имея научно обоснованных представлений о сущностных признаках права, адепты позитивистской доктрины извратили реальный процесс действия права, поставив все с ног на голову, вопреки научно обоснованным историческим фактам и современной юридической практике. В числе наиболее значимых ошибок и заблуждений позитивистской доктрины можно выделить: 1) отождествление права и закона; 2) непонимание объективных оснований права как формы экономических отношений, механизма этой связи и неуклюжие попытки современных российских правоведов обосновать самодостаточность права и правомерности его изучения вне связей с экономикой; 3) упрощение и сведение диалектически противоречивого процесса правового регулирования к стадии правотворчества; 4) ограничение всестороннего и репрезентативного изучения действия права с учетом конкретно-исторических условий его действия анализом действующего законодательства и судебной практики.

Позитивизм, желая придать своим ригористическим представлениям о сути позитивного права и его недостатках современный демократический вид, решился на крайнюю меру. На вооружение была принята идея правового государства. Тем самым позитивистская доктрина признала поражение в споре со своим постоянным оппонентом в лице теории естественного права и добровольно перешла на его позиции. Ведущий принцип теории естественного права и, соответственно, правового государства, как известно,– примат права перед законом. Закон является правовым постольку, поскольку он соответствует праву. С позиций позитивистской доктрины, не знающей иного права, кроме государственного, законодательного, право, существующее вне закона,– это вообще нонсенс, то, с чем позитивисты боролись всю свою сознательную жизнь.

В то же время практика упорно не желает действовать по канонам правового государства; принимаемые законы по-прежнему далеки от совершенства в части как соответствия требованиям законодательной техники, так и точности отражения сути и содержания закрепляемых общественных отношений. Законность нарушается не только несознательными гражданами, не знающими основ позитивистской доктрины о необходимости строжайшего соблюдения даже устаревших, вредоносных законов, но и представителями государственных органов, призванных выявлять и сурового карать правонарушителей.

Существенным упущением позитивистской доктрины является чрезмерно широкая трактовка общественных отношений как предмета правового регулирования. По признанию П.П. Серкова, правоотношение чаще всего понимется как общественное отношение, урегулированное нормами права[16]. Однако вопрос о том, какая конкретно часть общественнных отношений выступает в качестве объективной основы правоотношения, остается неисследованным, скорее всего по мотивам его незначительности в глазах позитивистов. В действительности, этот вопрос фундаментальный, поскольку определяет сферу перехода социального в правовое и, к сожалению, решается некорректно.

Согласно позитивистской доктрине объективным основанием права выступает все общественное отношение, в единстве его содержания и формы. В действительности, в этом качестве выступает только правовая форма, взаимосвязь участников общественного отношения, а его содержание остается за пределами права, поскольку представляет

[15] См., напр.: *Кроткова Н.В.* История и методология юридической науки («Круглый стол» кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и журнала «Государство и право») // Государство и право. 2016. № 4. С. 5–31.

[16] См.: *Серков П.П.* Правоотношение. Теория и практика современного правового регулирования. М., 2018. С. 53.

собой предметно-практическую деятельность. Последняя же, как известно, осуществляется сообразно техническим правилам, требованиям, стандаратам.

Несостоятельным является представление позитивистов о том, что общественное отношение есть основание в т.ч. и норм публичного права. Однако общественных отношений, которые предшествовали бы действию норм публичного права, в реальной жизни не существует. Они возникают после того, как компетенный орган примет соответствующий нормативный правовой акт. Непосредственным объективным основанием норм публичного права в данном случае выступает *деятельность государства, его органов по управлению делами общества, общества и личности*. Регулятивная роль таких норм, соответственно, видится не в отражении реально сущего общественного отношения, как это имеет место в частном праве, а в конструировании конкретной модели публичного правового отношения и признании этого варианта общеобязательным и единственно возможным. Получается, что норма публичного права выступает не просто регулятором публичных правоотношений, а их демиургом, созидателем.

Позитивистская доктрина заметно упрощает диалектически противоречивый процесс воплощения права в конкретных правоотношениях, сводит его к единственной стадии правотворчества. Правоприменение и реализация выступают в роли вспомогательных стадий, не способных к созданию, формированию новых, оригинальных норм права. Более того, позитивисты удаляют стадию индивидуального права, связанную с уяснением заинтересованными лицами законов, норм права и определением путей их реализации в конкретных правоотношениях в целях удовлетворения личных потребностей.

Таким образом, упрощенный подход позитивистской доктрины к процессам и механизмам действия права порождает ряд неточных, мифологических представлений, препятствующих дальнейшему развитию доктрины, ее возвышению на уровень теории права, способной не только познать закономерный ход развития права, но и предсказывать его будущее. Позитивистская доктрина заметными успехами в познании правовых закономерностей похвастаться не может, ее научный багаж не выходит за пределы систематизации и описания практики действия ранее существоваших и ныне действующих правовых систем. В состоянии «чахоточной девы» доктрина будет существовать и далее до тех, пока не найдет в себе сил и воли покончить с атавизмами доктрины, идущими от глубокой старины, а ее славные адепты не сформируют у себя умения и знания диалектико-материалистического анализа, обеспечивающего познание закономерностей права.

В свете изложенного особую актуальность приобретает проблема подготовки научно-педагогических кадров. Лишь высокопрофессиональный, творческий коллектив правоведов способен устранить перекосы и несовершенства современной российской правовой науки. Восстановление прежнего порядка подготовки научно-педагогических кадров через аспирантуру в прежнем, академическом виде представляется разумным и обоснованным. Предстоит решительным образом реформировать порядок защиты кандидатских и докторских дессертаций, ликвидировать ныне сушествующую несправедливость, когда соискатели одной части вузов имеют возможность защищаться по упрощенному, «щадящему» варианту, без утверждения ВАКом, тогда как соискатели ученых степеней юридических вузов Сибири и Дальнего Востока, не имеющих диссертационных советов по юридических наукам, годами не могут защитить подготовленные ими диссертационные работы. Видимо, необходимо, пересмотреть и основания присуждения ученого завания профессора. Критерий «наличия трех защищенных кандидатов» является искусственным, надуманным, приведшем к тому, что в настоящее время квалифицированные преподаватели, имеющие ученую степень д-ра юрид. наук, лишены возмоджности получить заслуженную ими долголетним и высококвалифицированным, самоотверженным трудом звание профессора.

Ниже приведены доклады и выступления участников «круглого стола».

В.Н. Корнев, проректор по научной работе РГУП, зав. кафедрой конституционного права им. Н.В. Витрука, д-р юрид. наук, проф. ***Правовая концептуализация как функция юридической догматики***

Исследование соотношения права и языка не ограничивается раскрытием коммуникативной функции, значения и техники интерпретации юридического текста. В дополнение к этому следует отнести комплекс таких сложнейших, тесно переплетающихся между собой языковых, теоретико-познавательных, теоретико-правовых проблем, касающихся *связи языка и отражающейся в юридических текстах и понятиях реальной действительности*. Для выяснения этой проблемы вполне обоснованным будет вовлечение в контекст наших рассуждений таких герменевтических терминов, как *«означаемое»* и *«означающее»*. Термины *«означающее» и «означаемое»* можно отнести к языковому уровню текста. «Таким образом,– пишет У. Эко,– означающее все более и более предстоит перед нами как смыслопорождающая форма, производитель смыслов, исполняющийся множеством

значений и созначений...»[17]. Применительно к юридическому тексту *означающим* будет словесная формулировка нормы или принципа права, т.е. нормативное правовое предписание.

Согласно общему правилу семиологии *означаемое* – это словесное выражение образа вещи, рождающегося в уме. В отличие от означивания реальных объектов, на которые, как отмечает У. Эко, можно указать пальцем как на какую-либо вещь (стол, собака и т.д.), в юридическом языке содержатся такие слова, для того, чтобы понять их значение, не знаешь, на что указать. В контексте этих рассуждений важное значение для понимания связи, существующей меду языком и правом, имеет следующий афоризм 4.1212 Л. Витгенштейна, который содержится в «Логико-философском трактате»: «Что может быть показано, о том не следует говорить»[18]. Соответственно, о том, что не может быть показано, о том, напротив, следует говорить.

Действительно, невозможно указать на те реальные объекты, какие выражаются такими словами, как «красота», «добро», «зло», «право», «правовая норма», «субъективное право», «юридическая обязанность» и т.д. Отсюда надо знать, что особенность языка права состоит в том, что правовые понятия, правовые представления не имеют подобия в реальном мире, поэтому их невозможно представить помимо языка. Они существуют исключительно в языке и посредством языка. Это придает им объективный характер. «Мы можем провести разделение между физическими и логическими объектами. <...>. Первые – реальны в точном смысле слова, последние – нет, но они не менее объективны. Хотя они не могут воздействовать на чувства, они могут быть схвачены посредством наших логических способностей»,– писал Г. Фреге[19].

Юридическая догматика основана на опыте практического разрешения конкретных жизненных ситуаций. Она имеет важное значение для практики применения права. Догматика не свободна от ценностей и оценок: она базируется на фундаментальных мировоззренческих ценностях, закрепленных и выраженных в нормах объективного права. В юридической науке различают следующие функции догматики: концептуализацию, упорядочивание, систематизацию, стабилизацию отношений и т.д. Юридическая догматика вырабатывает основные правовые понятия: правоотношение, субъект права, юридическая обязанность и проч. Анализ основных понятий и категорий ведется на основе норм права и носит формально-юридический характер. Таким образом, под концептуализацией следует прежде всего понимать такую тенденцию, которая в общей рефлексии относительно права делает акцент на интеллектуальные конструкции, тем самым ограничивая взгляды и наблюдения относительно права, не пытаясь познать его эмпирически. Определение понятия считается в различных версиях методологии наук своеобразным финалом анализа значения термина, позволяющим ввести понятие в данную научную дисциплину. Из выбранных таким образом понятий выстраивается категориально-понятийный строй данной науки, очерчиваются их связи в ее суждениях. Можно с уверенностью утверждать, что совокупность суждений данной науки есть результат научной теории (теории науки). Понятия представляют собой необходимый инструмент в строительстве науки в традиционном смысле слова. Можно утверждать, концептуализация для разных форм познавательной деятельности означает процесс структурирования научного знания, в т.ч. науки о праве и государстве.

Концептуализация научного знания о праве выражается в таких концептуалистских правовых догмах, как юриспруденция понятий *(Begriffsjurisprudenz)*, юриспруденции интересов *(Interessenjuriprudenz)*, аналитическая юриспруденция и др., которые представляют исторические примеры различных интерпретаций процесса смены парадигм в юридической науке[20]. Кроме того, примером концептуализма в юридической науке, оказавшим сильное влияние на англосаксонскую юриспруденцию, является понятийный анализ права, данный У.Н. Хохфельдом[21].

Теорию права в рассмотренном аспекте называют также догматикой или аналитической юриспруденцией. Догматика – юридическая область познания. Это своего рода юридическая техника, правовая логика. Значение юридической догматики велико. В то же время очевидна ограниченность аналитической (догматической) юриспруденции, ибо она обходит сущностные проблемы права, его реального функционирования. Методы познания, применяемые в рамках юридической догматики, на это не рассчитаны. Юридическая догматика – это «сокровищница» практического опыта решения конкретных юридических проблем. Юридическая догматика покоится на основных ценностях,

[17] *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. с итал. В.Г. Резник и А. Погоняйло. М., 2006. С. 72.

[18] *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат / пер. с англ. Л. Добросельского. М., 2010. С. 62.

[19] Цит. по: Концептуализация и смысл: сб. науч. тр./ отв. ред. И.В. Поляков. Новосибирск, 1990. С. 26.

[20] См.: *Aarnio A.* Paradigms in Legal Dogmatics // Theory of Legal Science. Proceedings of the Conference on Legal Theory and Philosophy of Science. Lund, Sweden, December 11–14, 1983. Dordrecht, 1983. P. 25–38.

[21] См.: *Hohfeld W.N.* Fundamental Legal Conceptions as Applied in Judicial Reasoning. Yale, 1964.

определяющих всякий конкретный правопорядок. Основная цель юридической догматики – выработка специфической юридической терминологии, в этом состоит один из признаков ее научности.

О.Ю. Рыбаков, зав. кафедрой философии и социологии Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук, д-р филос. наук, проф. ***Философия права: от истории к современности***

Соединение в одном гносеологическом векторе философии и юридической науки исторически сформировало направление исследований и постижения бытия права, его назначения в связи со смыслом, целеполаганием жизни человека, трансформацией права как явления, воспроизводимого усилиями человеческого сообщества,– философию права.

Существует ли какая-либо исторически сложившаяся проблема, служащая разобщению юридического и философского знания? Вариант ответа мы находим в размышлениях более чем столетней давности у известного русского ученого-правоведа Г.Ф. Шершеневича: «На философию права оказало одно постороннее, но немаловажное обстоятельство,– это историческое разобщение между философией права и правоведением. Философы создавали идеальное право, не зная, что оно такое и каково оно в действительности. Эта разобщенность продолжается...»[22]. Понимание Г.Ф. Шершеневича, как представляется, отражает главную гносеологическую проблему философии права, которое можно распространить и на современное состояние взаимодействия философии права и отраслевого юридического знания.

Философское осмысление имеет результативность в том случае, если оно основано на изучении как универсальных характеристик права, права как явления социокультурной жизни, так и конкретики правотворчества, правоприменения, его связи с экономикой, политикой, его взаимодействием с нравственностью. Философия в отрыве от действительности предстает совокупностью устойчивых консервативных умозрительных представлений. Право, по сути, начинается там, где оно выполняет не только универсально необходимые функции обеспечения законности, правопорядка, создания правил поведения, являющихся обязательными для взаимодействия субъектов и поддержания, воспроизводства отношений долженствования, взаимного корреспондирования прав и обязанностей. Право начинается там, где появляется социокультурная возможность апеллирования индивида к свободе, справедливости, формальному юридическому равенству.

Философия права представляет сферу познания и значения права для жизни социума и отдельного человека. Для этого философия права обязана отражать всю совокупность и многоаспектность правовой реальности, формируемой самим человеком как существом родовым на тех началах ценностного, мировоззренческого порядка, которые он избрал для себя на данном историческом этапе своего развития. Отношение к праву как необходимому институту организации социальной жизни определяется свойствами самого права как универсального общезначимого инструмента организации жизни людей на основе нормативности.

Философия права не реализуема вне мировоззренческих оснований. Минимальная структура философии права включает онтологию, методологию, гносеологию, герменевтику, аксиологию, праксеологию права[23]. В рамках философии, обращенной к праву, изучается государство, его онтологические, ценностные, теологические деятельностные основы.

Любое учение о праве имеет своим основанием соответствующую систему философских воззрений. Значение философии права выражено не только на концептуально-теоретическом уровне, но и на уровне юридической практики, деятельности. В зависимости от избранного конкретным сообществом понимания права происходит его реализация, а философия объясняет значение данного понимания и тем самым способствует практическому внедрению права в жизнь людей.

Право по своей природе есть практическое явление, имеющее значение для индивида и социума. Признавая философско-правовой плюрализм, его неизбежность в силу сложившейся гносеологической организации познания права с его множественными подходами и акцентами, можно констатировать явно выраженный практический характер права. Поэтому утилитарные, рационалистические концепции занимали и в обозримом будущем будут занимать свое значительное место в общем суммированном познании права.

С учетом развития научно-технологической сферы, совершенствования цифровых технологий, искусственного интеллекта необходимо изучать возможное изменение роли права в этих условиях. Философское осмысление рисков в праве, значение права в минимизации возможных негативных социальных последствий научно-технологических трансформаций предстает необходимой задачей современной философии права.

[22] *Шершеневич Г.Ф.* История философии права. 2-е изд. СПб., 1907. С. 9.

[23] См.: *Рыбаков О.Ю.* Философия права: учеб. для магистров. М., 2021. С. 6.

В.Н. Жуков, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р юрид. наук, доктор филос. наук. ***Проблема единства юридической науки***

В последние годы, когда в образовательном процессе появился курс «История и методология юридической науки», вопрос о специфике юридической науки приобрел широкий интерес. Кроме того, сам процесс трансформации отечественной юридической науки от советской (марксистской) к постсоветской потребовал пересмотра самих основ юриспруденции как отрасли знания. Издано довольно много научной и учебной литературы, посвященной особенностям юридической науки. Поскольку история и теория науки – тема методологическая и философская, дискуссия о юридической науке естественным образом приобретает философский характер. Действительно, теория юридической науки – разновидность философии науки и эпистемологии. В первой трети XX в., когда эпистемология зарождалась в форме неопозитивизма (логического позитивизма), речь шла главным образом о естественной науке и математике, обществознание оставалось на дальней периферии исследовательского интереса. Более того, логический позитивизм ставил перед собой цель развенчать метафизику, поскольку последняя, с точки зрения ее представителей (Р. Карнап, Л. Витгенштейн), бездоказательна, а значит, является бессмыслицей.

Характерной особенностью наших современных авторов, пишущих о юридической науке, является тот факт, что они пытаются рассматривать юридическую науку как некий единый феномен, как отрасль знания высокого уровня гомогенности. Приводятся ссылки на классиков философии науки и эпистемологии, подавая дело так, будто юридическая наука – то же естествознание, имеет общие с ним свойства. Когда читаешь эти тексты, видишь желание авторов подняться до уровня классиков, встроить юридическую науку в широкий философский контекст. Выглядит все наукообразно, респектабельно и красиво, нет только одного – истины. Если в этих текстах вместо термина «юридическая наука» поставить название любой другой науки, смысл никак не изменится. Это и понятно: чем абстрактнее изложен материал, тем более разнородных фактов можно к нему отнести. Очевидно, что такой подход совершенно не работает при рассмотрении юридической науки. Так называемая юридическая наука слишком разнородна, чтобы говорить о ней как о едином целом. Дистанция между теоретико-историческими, отраслевыми и специальными дисциплинами слишком велика. Так, криминология традиционно и в Европе, и в России располагается где-то рядом с уголовным правом, а между тем общего между ними мало, их объединяет только история. Криминология создавалась во второй половине XIX в. юристами уголовно-правового профиля и социологами. И первые, и вторые, восприняв социологию в качестве универсальной методологии, попытались применить ее к феномену преступности. Как представляется, чтобы быть дельным криминологом, не обязательно быть специалистом в области уголовного права, и даже более того – иметь юридическое образование. Криминолог обязан владеть методами статистики и математического моделирования, что считать преступлением – об этом ему скажет государство в своих статистических отчетах. Это тем более так, что в разных странах одно и то же деяние может считаться или не считаться преступлением. Очень далеко от уголовного права и уголовного процесса расположена такая, казалось бы, уголовно-правовая дисциплина, как криминалистика. Последняя включает в себя два компонента: 1) способы расследования преступлений; 2) способы обнаружения и фиксации следов преступления. В первом случае от профессионала требуется талант «сыскаря», во втором – знание естественных наук и современной техники, а никак не знания Уголовного или Уголовно-процессуального кодексов.

Огромная дистанция наблюдается между отраслевой юридической наукой, с одной стороны, и теоретическими и историческими дисциплинами – с другой. Строго говоря, ядро юриспруденции, ее сущность, плоть и кровь – это отраслевые дисциплины. Они появляются много позднее юридической практики и призваны к решению трех основных задач: 1) изучение исторически сложившегося позитивного права; 2) приведение в систему юридических норм и конструкций с целью достижения наибольшей эффективности права; 3) подготовка юридических кадров (для практики и науки). Главный метод отраслевой науки – догматический, что, как правильно замечал евразиец Н.Н. Алексеев, позволяет отнести догматическую юриспруденцию к наукам о «словоговорении». Для сравнения: в богословской науке догматический метод – также главный, что в эпоху европейского средневековья определяло тесную связь и взаимное влияние юридических и богословских дисциплин. Р. Иеринг, а за ним С.А Муромцев называли отраслевую юриспруденцию искусством, имея в виду, что юрист-догматик не изучает действительность, а создает нормы, выполняя заказ государственной власти. Юриста-догматика интересуют не социальные отношения, взятые сами по себе (как, скажем, социолога), а возможность их урегулирования с помощью права. Предмет его интереса – конструкция нормы права и их логическая непротиворечивость между собой. Истина в отраслевой науке – не адекватное отражение свойств вещей,

а подтвержденная логика юридических фикций. Очевидно, что философия права (метафизического вида), социология права, антропология права не имеют прямого отношения к отраслевой юридической науке. Знание (незнание) юридической догмы ни в коей мере не влияет на исследовательский потенциал названных трех дисциплин.

Особое положение занимает общая теория права. Она возникает в последней трети XIX в. по преимуществу в Германии и России с целью: 1) восполнить недостатки энциклопедии права и философии права; 2) на базе отраслевой юридической науки создать некую общую догматическую часть, годную для любой из них. Классический труд такого рода – «Общая теория права» Г.Ф. Шершеневича. Он включает в себя четыре компонента: исторический, философский, социологический, догматический. В дальнейшем (в советский и постсоветский периоды) такая структура сохранилась. Таким образом, связь общей теории права с отраслевой юридической наукой осуществляется благодаря одному компоненту – догматическому, остальные три эту связь скорее рушат, чем поддерживают. В советской «марксистско-ленинской общей теории государства и права» бытовал миф, перешедший в современные монографии и учебники: общая теория права является общетеоретической и методологической дисциплиной для отраслевой юридической науки. Данный миф имеет два истока. Во-первых, здесь видна цель, поставленная еще Г.Ф. Шершеневичем о создании некоей общей догматической части, которая якобы позволит теоретико-правовой науке совершенствовать отраслевую догматику. Реализация данной идеи не состоялась. К моменту возникновения общей теории права отраслевая юридическая наука уже полностью сложилась (и в Германии, и в России), создав свой самодостаточный понятийный аппарат, свою методологию, и в услугах новой юридической науки не нуждалась. В настоящее время ситуация только усугубилась, взаимодействие догматической юриспруденции с общей теорией права напоминает дорогу с односторонним движением: теоретико-правовые исследования догматического характера нуждаются в отраслевой науке, а обратного интереса, как правило, нет. Во-вторых, советская власть увидела в общей теории права удобный механизм для накачки марксистской догмой отраслевую юридическую науку, сделав ее своего рода комиссаром при них. Крах советского марксизма отраслевая юридическая наука восприняла как освобождение, а оставшийся категориальный и методологический аппарат теоретико-правовой науки – как ненужную схоластику.

С.В. Кодан, профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного университета, д-р юрид. наук, заслуженный юрист РФ. ***Предмет юридического источниковедения в юриспруденции***

Определение предметной области источниковедческого знания является важным вопросом для идентификации юридического источниковедения в пространстве юриспруденции. *Предмет юридического источниковедения – изучение и обобщение накопленных в юридической науке науковедческих, теоретических и методологических знаний об источниках познания государства и права как носителях информации о государственно-правовых процессах, институтах и других явлениях в юридической сфере жизнедеятельности общества.* Изучение подходов к пониманию источниковедения в социогуманитаристике и особенностей источниковедческих процессов в юриспруденции позволяет выделить пять составляющих элементов, относящихся к предмету юридического источниковедения.

Науковедческая составляющая связана с проблемами определения его координат в структуре юриспруденции – пониманием предметной обособленности, места, функционального назначения юриспруденции во взаимосвязи со сферой социогуманитаристики. В данном контексте представляется важным использование и адаптация в юриспруденции большого массива источниковедческих наработок социально-гуманитарных наук теоретического и методологического характера.

Культурологическая составляющая опирается на проблематику культуры научной деятельности и рассмотрение проблем формирования и поддержания требований научного этоса в исследовательских вопросах, которые в юриспруденции как в общем плане, так и относительно работы с носителями государственно-правовой информации практически не рассматривались.

Историческая составляющая в предмете юридического источниковедения связана с изучением генезиса его развития от возникновения до современного состояния исследований в этой сфере, направлена на анализ и использование опыта изучения носителей информации в отечественной юриспруденции в различные периоды развития юридической науки с учетом факторов и акторов обособления источниковедческого знания.

Теоретическая составляющая направлена на проработку и обобщение на теоретическом уровне накопленных эмпирических знаний с созданием относительно универсальных положений относительно понимания источниковедческих процессов в социогуманитаристике и юриспруденции с выводом их на проблемные пространства исследовательских практик и формулированием обобщенных теоретических представлений и терминологического понятийного аппарата.

Методологическая составляющая требует акцентирования внимания на формировании системы знаний как инструментария исследования на уровне понимания процессов культурной памяти, значения научного наследия и преемственности в изучении государственно-правовой информации, а также методологических принципов, подходов, методов, методик и технологий исследования.

Междисциплинарная составляющая выступает как стиль мышления ученого, форма организации научного знания и направленности научной деятельности через понимание возможностей и привлечение источниковедческих знаний различных наук социально-гуманитарного профиля в исследовательское пространство юриспруденции.

Отмеченные проблемы свидетельствуют о необходимости их включения в предмет источниковедения как особой отрасли юридической науки.

Е.А. Фролова, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р юрид. наук, Юго-западный университет политологии и права (г. Чунцин, Китай). ***Методологический плюрализм в теоретико-правовой науке: история и современность***

Проблемы гносеологии права – важная составляющая современной теоретико-правовой науки. Несмотря на то что содержание правового феномена представляется различно (как свобода, как социальный долг, как минимум морали, как приказ власти, как социальная ответственность, как разграничение интересов и т.п.), право признается социокультурным явлением, активно влияющим на общественную жизнь. Воздействие важнейшего социального регулятора на социум обусловлено его содержанием и степенью реализации в конкретно-исторических условиях. Современное доктринальное правопонимание не сводит его содержание к какой-либо одной шкале оценок и в этом смысле не противопоставляет материалистическое учение о праве идеалистическому, что было свойственно, например, советской правовой науке. В настоящее время право справедливо признается неотъемлемой частью культуры и рассматривается в системе ценностных координат. Данный вектор исследования был задан дореволюционной философией права (Б.Н. Чичерин, П.И. Новгородцев, Г.Ф. Шершеневич, С.А. Муромцев, Н.М. Коркунов, Л.И. Петражицкий, Е.Н. Трубецкой и др.).

Социокультурный контекст правовых исследований обусловлен природой социальных наук, к которым относится юриспруденция (диалогичность, плюрализм подходов), и природой правового феномена. Право есть социальное явление, важнейший социальный регулятор и одновременно требование нравственности. Взаимосвязь требований права, имеющих идеальный характер, и его реализация в общественных институтах определяется тем, что действующее право – это не только сфера бытия, но и часть сознания общества, находящегося на определенной ступени своего развития. Право относится не только к сфере причинно-обусловленных явлений (политика, экономика), но и представляет собой продукт человеческого духа (этика, социология, психология и др.). Поэтому право многогранно: как явление социального мира, оно едино, как сфера духовной жизни человека – неоднородно. Оно не может быть единой системой установленных выводов из одного начала, применимой ко всем временам и народам: каждая историческая эпоха с необходимостью привносит свои требования, моральные нормы, обычаи, влияющие на правовые предписания конкретного общества. Право каждого народа имеет несколько уровней – к собственной системе права добавляются реципированные нормы (хорошо известна рецепция римского права на систему германского и русского законодательств). Отсюда – коллизии между «старым» и «новым» правом, между нормами «своего» и «чужого» законодательства. Тем не менее основная задача права в любом обществе – установление, закрепление и поддержание порядка, в связи с чем требуется установка формального критерия оценки поведения людей. Поскольку критерии юридических принципов относительны (усовершенствование человеческого общества или гармоничное развитие отдельной личности, нравственное начало индивида или осуществление материальных благ жизни человека, свобода и / или равенство всех лиц), то и правовые доктрины различны.

В фундаментальной юриспруденции к основным теориям права относят формально-догматическую школу, социологическое направление в праве, естественно-правовой подход с различными вариациями. Каждая доктрина обладает самостоятельной структурой, имеет логическое обоснование предписаний, по-своему раскрывает механизмы воздействия на поведение человека. Правовые концепции имеют различные ценностные ориентиры и не всегда совпадающих адресатов в обществе: формально-догматическая юриспруденция рассчитана главным образом на законодателя, социологическая концепция права – на правоприменителя, естественно-правовая теория отражает правосознание индивида и общества в целом. В исторической ретроспективе теории права временами сменяют друг друга. Так, в XIX в. юридический позитивизм вытеснил естественное право, а к началу XX в. последнее обрело новое понимание в доктрине «естественного права с изменяющимся содержанием». Однако основные положения концепций все же сохраняются и воплощаются

в правовом порядке общества по мере их необходимости в данных условиях.

Исходя из этого, предлагается изучать теории права на равных началах: в методологическом плане каждая политико-правовая теория *закономерна* (появилась в силу определенных обстоятельств и условий своего времени), *правомерна* (возникла как проявление свободного творчества и самостоятельных оценок мыслителя), *необходима* (решает актуальные проблемы государства и права конкретно-исторического общества). Практическое значение методологического плюрализма для фундаментальной юриспруденции заключается в возможности интерпретации содержания классических доктрин применительно к современным проблемам государства и права.

В.Г. Баев, профессор кафедры теории и история государства и права Юридического института Тамбовского государственного технического университета, д-р юрид. наук, проф. ***Факторы, препятствующие освоению магистрантами курса «История и методология юридической науки», и пути их преодоления***

Докладчик не один год ведет у студентов-магистрантов Юридического института Тамбовского технического университета курсы по философии права и истории и методологии юридической науки и считает себя вправе поделиться своим представлением о том, насколько магистранты способны постигать данные науки. Если право представить в виде солнечного светила нашей галактики, то все юридические дисциплины – планеты, вращающиеся вокруг него, а история и методология юридической науки – самая удаленная и потому трудно воспринимаемая дисциплина. Каковы причины этого? Неужели магистранты (уже взрослые студенты) не обладают должным инструментарием и компетенциями для понимания историко-методологической сущности юридической науки?

Как показывает наш опыт, далеко не все. Более половины соискателей магистерской степени не имеют юридического образования. Их первым образованием может быть агрономическое, техническое и даже медицинское. Представить себе предмет юридической науки, закономерности функционирования права и государства, их сущностные характеристики, а также саму материю права – его догму для таких магистрантов трудно преодолимое препятствие. А постичь методологию юриспруденции (высший пилотаж любой науки) вообще невозможно. Отметим, что в массе магистрантов после юридического бакалавриата также немного «продвинутых» студентов. И это ключевая точка напряжения для всех без исключения провинциальных юридических вузов, проблема, подлежащая решению на федеральном уровне.

Рассматриваемый здесь учебный курс формируется из двух разнородных дисциплин: истории и методологии, которые требуют разных подходов к изложению материала. С историей развития юридической науки магистранты справляются относительно хорошо, хотя и она требует знания социальной истории и философии, основы которых закладываются в вузах всех направлений профессиональной подготовки. Сложнее со вторым блоком курса – методологией.

Как известно, в основе методологии юридической науки лежит философия, законы и категории которой всеобщие, универсальные и распространяются на все явления окружающего мира, включая государство и право. Причем законы и категории философии могут использоваться в изучении права непосредственно. Таким образом, философское знание становится основой для формирования как общенаучных методов, так и частных методов, свойственных юридическим наукам. Оно же есть базовая отрасль науки методологии.

Мы исходим из того, что законы и категории науки не изобретаются философами и теоретиками. Они (законы) объективно встроены в структурную ткань социальной реальности. Ученым остается лишь обнаружить их и описать. В процессе изучения мира люди зачастую используют те или иные методы познания, даже не догадываясь об их существовании. Сделанный вывод позволяет в преподавательской деятельности отойти от стандартной формы учебных занятий (лекции + практические занятия). В рамках установленной темы преподаватель предлагает магистрантам длинный ряд проблемных вопросов, рассуждения вокруг которых побуждают студенческую мысль самостоятельно прийти к должному ответу. Интерактивный речевой дискурс являет собой не только способ оформления мысли, но и основу ее рождения. Ключевые моменты сделанных выводов записываются. Такой путь усвоения методологии юридической науки значительно облегчает восприятие дисциплины, способствует формированию целостного представления об изучаемом курсе.

Выводы к сказанному представляются двоякого рода:

организационно-нормативные, предполагающие возможность поступления в юридическую магистратуру только лицам со степенью бакалавра юриспруденции;

методико-методологические, обосновывающие необходимость введения по курсу «История и методология юридической науки» экзамена как формы отчетности; проведения учебных часов для магистрантов-заочников не на перегруженных установочных сессиях, а на платформе ZOOM в вечернее время. Последнее может обеспечить как

увеличение часов для данного курса, так и последовательное усвоение его материала.

Н.В. Кроткова, заместитель главного редактора журнала «Государство и право» РАН, канд. юрид. наук. ***История политических и правовых учений как наука***

История политических и правовых учений – одна из базовых дисциплин высшего юридического образования. В Европе она возникает примерно в XVII в., в России – с конца XVIII в., когда учреждается Московский университет. Названия этого курса были разные, но чаще – история философии права либо история политических учений. Наиболее известные дореволюционные курсы опубликовали юристы П.Г. Редкин, Б.Н. Чичерин, Г.Ф. Шершеневич, Н.М. Коркунов, П.И. Новгородцев. В советский период один из первых и лучших учебников был подготовлен под редакцией С.Ф. Кечекьяна и Г.И. Федькина. Самый крупный современный научный труд – «История политических и правовых учений» в пяти томах под редакцией В.С. Нерсесянца.

История политических и правовых учений как наука – тема многогранная, но остановиться хотелось бы на одном – проблеме ее научного статуса. Возьмем две известные классификации наук. Неокантианцы В. Виндельбанд и Г. Риккерт разделили все науки на генерализирующие (номотетические) и индивидуализирующие (идеографические). Первые ищут закономерности явлений, вторые их описывают и подводят под них ценностные основания. Другая известная классификация принадлежит находившемуся под влиянием неокантианцев Г. Кельзену: есть науки нормативные (исследуют мир должного, используют нормативный метод) и каузальные (изучают мир сущего, используют метод причинности). В соответствии с первой классификацией история политических и правовых учений – наука индивидуализирующая. В соответствии со второй – отчасти каузальная, отчасти нормативная. История политических и правовых учений – историческая дисциплина, она выбирает факты духовной истории человечества (персоналии, идеи, школы, направления), их описывает и анализирует. Набор имен, школ и направлений, избираемых автором для своего курса,– всегда субъективный, диктуемый ценностными и идеологическими предпочтениями. Так, весьма показательна классификация школ и направлений, предложенная Б.Н. Чичериным в его знаменитом пятитомном труде. Обращает внимание тот факт, что в своем огромном сочинении он не нашел места для русской политико-правовой мысли. С его точки зрения, она еще находится (а это уже вторая половина XIX в.) в младенческом состоянии и не может быть предметом изучения. Н.М. Коркунов так не считает и вводит соответствующие разделы. Отечественные дореволюционные курсы по большей части европоцентричны, в советский период они разбавляются Россией (в основном это – революционеры, материалисты и социалисты) и густо насыщаются марксизмом-ленинизмом. Современные учебники стараются выдержать баланс между Западом, Востоком и Россией, разными школами и направлениями. Субъективизм также бьет в глаза, когда речь идет о трактовке персоналий, идей, школ и направлений. В нашей истории трактовка менялась несколько раз. Так, если работы советского периода восхваляют революционеров, то сейчас тенденция обратная.

Неокантианцы назвали бы историю политических и правовых учений индивидуализирующей наукой, но каков ее фактический статус, если в ней субъективизм (соотнесение факта с ценностью) возведен в принцип? Наука ли она, если субъективизм заложен в ее фундаменте? По сути, как сказал бы Гегель, история народа всегда есть его субъективный взгляд на свое прошлое. История зачастую предстает такой, какой ее хочет видеть народ, т.е. героической, блистательной, победоносной и т.п. В нашем случае история политико-правовой мысли предстает не как набор строго отобранных и объективно рассмотренных фактов, а в качестве проекции ценностного сознания ее авторов. Здесь уместно, опираясь на классификацию Г. Кельзена, отнести историю политических и правовых учений к наукам нормативным. Она нормативна не потому, что рассматриваемые ею идеи содержат идеи должного, а в силу нормативности ценностного сознания субъектов исторического исследования. История политико-правовой мысли какой-либо страны или исторической эпохи всегда есть некий срез духовности, пронизанной ценностными нормативами. В этом отношении политико-правовая мысль предстает не столько в качестве некоей объективной реальности, сколько ценностным сознанием, определяемым отчасти эмпирическими условиями жизни людей, отчасти их духовной традицией.

Таким образом, история политических и правовых учений, безусловно,– наука, но со своими, весьма существенными особенностями.

В.В. Ковалева, зав. кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала РГУП (г. Краснодар), канд. юрид. наук, доц. ***Методология исследования правового регулирования в современной юридической науке***

Правовое регулирование как общетеоретическая категория с момента ее возникновения в середине XX в. в рамках советской юриспруденции постоянно находится в центре внимания отечественного правоведения. Следует отметить, что

современный уровень развития юридической науки и практики формируют новые особенности в исследовании данной категории, которые детерминированы, на наш взгляд, тремя основными причинами.

1. Особенности исследования правового регулирования непосредственно зависят от типа правопонимания. Правовое регулирование возникло и исследовалось в рамках методологического монизма советской юридической науки – юридического позитивизма. В современный период существуют различные концепции понимания права, которые по-иному рассматривают правовое регулирование. Например, в контексте научно обоснованной концепции интегративного правопонимания, предложенной проф. В.В. Ершовым, дифференцируется правовое и индивидуальное регулирование, при этом ученый пишет, что «правовое регулирование правоотношений не является самодостаточным, эффективным и единственным регулятором; с объективной необходимостью требует его дополнения, в частности, индивидуальным регулированием сложившихся правоотношений»[24].

2. Многообразие методов, существующих в настоящее время. В качестве примера можно привести теоретико-игровой подход, методологический потенциал которого исследовал Д.А. Дегтярев: помимо собственно математического метода теоретико-игровой подход широко используется в контексте таких методов правового исследования, как правовой эксперимент, моделирование в правовой науке, логический метод, формализация как метод познания права, синергетика и системный подход. По его мнению, именно теория игр дает ответ на вопрос, какой вариант действий выберет человек с другими участниками отношений. В этом смысле, отмечает Д.А. Дегтярев, это прогностическая теория, весьма близкая по духу к юридическим наукам. Новые законы меняют поведение людей, и следует точно представлять, как именно повлияет конкретный законодательный акт на их действия. Такую возможность и дает теория игр, исходя из рациональности сторон[25]. Появления нового подхода к исследованию не может оставить равнодушным ученого, вместе с тем формулировка «исходя из рациональности сторон» носит вероятностный характер, ввиду этого полагаем, что теоретико-игровой подход возможно использовать только в определенных рамках.

3. Использование законодателем новых подходов и средств регулирования, в частности риск-ориентированный подход, экспериментальный правовой режим, т.н. в современной юридической литературе «умное регулирование»[26]. Безусловно, инновационные подходы к регулированию правоотношений законодателем требуют внимательного и глубокого научного анализа, который еще предстоит сделать в целях совершенствования правового регулирования.

С.А. Денисов, доцент кафедры прав человека юридического факультета Гуманитарного университета (г. Екатеринбург), канд. юрид. наук. ***Использование социологического подхода к праву в правовой науке***

Интегративно-плюралистический взгляд на право указывает на три основных направления его исследования. При аксиологическом подходе исследуются правовые идеалы. При позитивистском подходе изучается право, исходящая от государства. Социологический подход изучает нормы права, реализуемые на практике. Эти нормы могут исходить от общества или государства, быть писаными и неписаными. Правом здесь называются все нормы, регулирующие важнейшие общественные отношения. Объектом исследования при социологическом подходе являются также правоотношения и поведение субъектов, реализующих нормы права.

Социологический подход к праву следует рассматривать как особое направление научных исследований, имеющее свой предмет и методы познания. Как было отмечено, это научное направление исследований существует параллельно с аксиологическим подходом к праву и позитивизмом.

Каково значение этого научного направления исследования права? Оно преодолевает кабинетный стиль изучения права, отрыв науки от юридической жизни. При данном подходе выявляются механизмы как реализации права, так и нейтрализации (блокирования) норм. Такой подход особенно важен в странах, имитирующих модернизацию и использующих официальное право для создания себе позитивного имиджа. Наибольший отрыв права на бумаге и права в жизни чаще всего наблюдается в административном, конституционном и международном праве. Социологический подход гуманизирует взгляд на право. В отличие от позитивизма, он ищет источники права в обществе, а не в государстве, которое производно от общества. Знание реально действующих норм права дает политикам возможность принимать научно обоснованные решения. В первую очередь это наука о сущем, а не наука о должном.

Социологический подход к праву имеет определенную специфику функций, выполняемых любой наукой. Реализация познавательной функции здесь

[24] *Ершов В.В.* Указ. соч. С. 18.

[25] См.: *Дегтярев Д.А.* Теоретико-игровой подход в праве. М., 2016. С. 42.

[26] *Давыдова М.Л.* «Умное регулирование» как основа совершенствования современного правотворчества // Журнал росс. права. 2020. № 11. С. 14–29.

сопряжена с рядом трудностей. Субъекты права часто не желают, чтобы их изучали. Социологический подход подчас обвиняют в том, что он оправдывает нормативный произвол, систематическое нарушение законов. Но это обвинение несправедливо. Выявление реально действующих в обществе норм позволяет эффективно бороться с ними, если они не устраивают какие-то политические силы. Социологический подход позволяет сбросить пелену тайности и рассказать обществу, как устроен мир. Только зная реальность правовой жизни, можно ответить на вопрос, что будет со страной и миром.

Социологический подход к праву опирается на знания, полученные из социологии права, юридической психологии, юридической антропологии и юридической политологии. На базе его использования рождаются новые, междисциплинарные направления научного исследования: юридическая имиджелогия, конституционная девиантология, конституционная антропология.

Социологический подход к праву использует свои методы исследования, которые в большей степени носят эмпирический характер (наблюдение, кейс-стадис). Изучение скрытых реальностей часто требует постановки гипотез. Поскольку выявление нормы права идет от правовой жизни, то большее применение здесь имеет индукция. Широко применяется здесь статистический подход, позволяющий определять степень распространенности в обществе той или иной нормы. Философской основой исследования является материализм, требующий изучать реальную жизнь, а не ее отражение в текстах законов. Социологический подход вырабатывает свою систему категорий, с помощью которых описывает правовую реальность, формулирует свое понятие права.

Итак, социологический подход есть важнейшее направление научных исследований наряду с аксиологическим и позитивистским подходом.

Г.Ф. Гараева, заместитель директора по научной работе Северо-Кавказского филиала РГУП (г. Краснодар), д-р филос. наук, проф. ***Противоречивая природа права и ее отражение в правовой науке***

Учитывая, что действующее право не успевает синхронно реагировать на изменяющиеся условия жизни людей, в результате чего демонстрирует свое несовершенство, а идеальные представления о праве не исчерпываются в силу безграничной деятельности человеческого духа, неудивительно, что правовая наука находится в неравновесном состоянии, а ученые разных эпох и поколений не единожды констатировали ее кризисное состояние.

Под воздействием внешних и внутренних факторов в обществе формируются новые потребности, которые не могут быть удовлетворены достигнутым уровнем развития правовой науки, в результате чего формируется противоречие, требующее разрешения и перехода правовой науки на качественно новый уровень. Катализатором формирования противоречия между новыми общественными потребностями и прежде достигнутым уровнем правовой науки чаще всего выступают социальные катаклизмы, системные кризисы, политические потрясения. Таким образом, правовая наука, откликаясь на кризисные состояния в обществе и развиваясь, вносит свою лепту в преодоление этих состояний. Результатом развития правовой науки становится приращение нового научного знания, появление новых понятий и категорий; углубление содержания уже существующей понятийно-категориальной системы; появление новых методологических подходов или обнаружение новых возможностей старой методологии; совершенствование механизма правотворчества, правоприменения; изменение предмета юридической науки; открытие новых закономерностей, новых оснований права и т.д.

Однако не всегда можно говорить о подлинном развитии правовой науки, ее прогрессивном поступательном движении к истине. Чаще всего речь идет не о развитии, сопряженном с более глубоким истинным пониманием права, а об изменившейся интерпретации научных проблем в соответствии со сложившейся политической системой и изменившимися социокультурными предпочтениями. Подобное явление можно объяснить не только персональным выбором субъектов правового познания, но и имманентно присущей правовой науке противоречивостью, вследствие чего становится возможным акцентировать внимание на одном из противоположных начал – идеальном или материальном, теоретическом или практическом, универсальном или релятивном, что в результате отдаляет исследователя от подлинно научного, истинного, целостного знания о праве и может закреплять искаженное представление о нем. Так, например, стремление поставить на первое место решение прикладной правовой проблемы с позиций прагматической выгоды или узконаправленного интереса без учета имманентно присущих праву свойств оказывает негативное воздействие на правовую науку, т.к. механизм взаимосвязи теории и практики в правовой сфере такой, что деформации одного уровня с неизбежностью порождают деформации другого уровня. Не случайно Г. Радбрух предупреждал об опасности следовать только целесообразности, несущей в себе большой заряд релятивизма и субъективизма, в ущерб, например, справедливости, также составляющей содержание права.

Принимая во внимание, что человеческая жизнь и ее организация в современном мире неуклонно усложняются, также усложняются

и дифференцируются взгляды на сущность права, что, в свою очередь, обостряет проблему признания базовых концептов в правовой науке, систему единой оценки, выработку приемлемой научным сообществом парадигмы. В свете указанной тенденции особое значение приобретает человекоцентристский, цивилизационный подход к праву, позволяющий исследователю изначально видеть право в свете его социальной и личностной ценности, неотделимой от человека как адресата правовой нормы.

С.А. Колунтаев, доцент кафедры истории права и государства РГУП, канд. ист. наук. ***Исторический метод исследований истории российского права и государства***

Историзм выступает как всеобщий философский, науковедческий принцип. Корни и природу исторического метода как способа познания окружающей действительности необходимо искать в процессе биосоциогенеза человека. Именно опыт предков становился основой организации жизни человеческих общностей и появления первых регуляторов общественных отношений. Вместе с тем если вести речь о научном познании, то исторический метод как способ познания государственно-правовых явлений известен еще с античных времен. Не опускаясь по линии времени до гомеровских времен (хотя следы его имеются и на уровне мифологической стадии познания), можно вспомнить подходы Платона, Аристотеля, Полибия, Цицерона и других мыслителей к изучению различных форм государства и их исторической обусловленности. Античное наследие было востребовано и в Средневековье, и в Новое время. Становление научной юриспруденции было также связано прежде всего с историческим подходом.

Отказ от исторического подхода, уничижение его происходит с завидной периодичностью на различных этапах эволюции человечества и в условиях господства разных методологических подходов. В частности, в эпоху Средневековья это господство религиозного мировоззрения, когда священная история вытеснила на «обочину» общественного сознания реальное историческое познание. В раннее Новое время – период господства естественно-правовой доктрины и увлечения метафизикой, также не оставляла места для исторического анализа и самопознания и усвоения исторического опыта. Позднее Новое время – позитивистские концепции, диалектический подход, время выстраивания упрощенных схем исторического процесса, историческую науку то признают, то не признают, но больше используют в политическом противоборстве, частью она варится в собственном соку, изобретая новые подходы к осмыслению исторического прошлого.

Ныне при всех громогласных заявлениях о почтении к историческому прошлому на самом деле мы видим далеко не приоритетное отношение к действительному историческому познанию, мы опять в поиске единственно правильного подхода, который заменит все предыдущее, но этого не произойдет, нас ждут новые «грабли». Исторический подход к исследованию государственно-правовых явлений, причем не только в рамках историко-правовой науки,– это не благое пожелание, а необходимость, в противном случае наш удел – в лучшем случае ходить по кругу, в худшем – упереться в тупик. Речь не идет об абсолютизации данного подхода, но и без него полноценного изучения общественных явлений не получится.

Исторический метод – один из основных при исследовании юридических явлений, полное представление о которых можно получить, если проследить эволюцию их от момента возникновения через все этапы их развития до исчезновения, прекращения, преобразования в иное явление либо до того момента, когда его стали изучать. Это как раз и есть требования данного метода. Классический подход был сформулирован в рамках марксистской парадигмы В.И. Лениным в 1919 г. в лекции «О государстве».

На уровне специальных методов, применяемых непосредственно при проведении исследования тех или иных явлений, мы видим преломление этого принципа историзма через общенаучные методы, которые и приводят к выделению ряда специальных и частнонаучных методов.

Если рассматривать исторический метод как родовой способ познания, то можно выделить его различные виды. К числу этих методов можно отнести: сравнительно-исторический – выявление общего и особенного в истории; сравнительно-сопоставительный – сопоставление исторических объектов в пространстве и времени; историко-типологический – классификация исторических явлений и событий; историко-генетический; историко-сравнительный с установлением взаимовлияния; хронологический (проблемно-хронологический); экстраполяции; историко-системный; структурный; факторный подход; контент-анализ; периодизации (диахронный); синхронный – изучение исторических событий, происходящих в одно и то же время, но в разных местах; идеографический (описательно-повествовательный); исторической реконструкции; ретроспективный – последовательное проникновение в прошлое с целью выявления причин событий и т.д.

А.М. Кальяк, судья Арбитражного суда Новосибирской области, доцент Сибирского института управления-филиала РАНХиГС, канд. юрид. наук, доц. ***Иерархия образовательного законодательства: отдельные проблемы построения***

В последние десятилетия получил распространение «цивилистический» подход, который

предлагает рассматривать получение образования как образовательную услугу, а следовательно, правовое регулирование этой сферы общественных отношений включается в систему гражданского законодательства[27]. Стоит также отметить аморфность представлений о роли и значении образования для развития государства и общества в официальных документах.

Как представляется, современная иерархия источников образовательного права (с учетом вышеуказанного) формально может быть разделена на следующие уровни.

1. *Международно-правовой*. Изначально заданный вектор при принятии Конституции РФ 1993 г.– единство правовой системы как сочетание международного и внутринационального правопорядков. Отсюда приоритет не только международных соглашений Российской Федерации, но и общепризнанных принципов международного права (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ). Однако в дальнейшем отстаивание геополитических интересов привело страну к разногласиям с западноевропейскими странами (которые являются основными организаторами международно-правовых институтов), что отразилось и на восприятии принципа верховенства международного права над внутринациональным – если это не противоречит основам внутринационального права (в частности, гл. 13.1 и 13.2 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 г. «О Конституционном Суде Российской Федерации»[28]).

2. *Федеральный внутригосударственный уровень*. Можно сказать, что роль образования в системе конституционных прав и свобод человека принижена. Положения, посвященные образованию, в главе Конституции РФ о правах и свободах человека появляются лишь в специальной ст. 43. В других главах Конституции образование упоминается в контексте разграничения предметов ведения и полномочий федеральных и региональных органов (согласно ст. 72 оно отнесено к вопросам совпадающей компетенции), а также как одно из полномочий Правительства РФ (согласно п. «в» ст. 114 Правительство РФ обеспечивает проведение в Российской Федерации единой государственной политики в области образования).

3. *Внутригосударственные источники регионального уровня*. Образовательное законодательство Конституцией РФ отнесено к сфере совместного ведения (п. «е» ч. 1 ст. 72), а распределение полномочий между федеральными и региональными органами государственной власти регулируется Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации». Как отмечается, это нетипичное разграничение компетенции между федерацией и субъектами Российской Федерации: в отличие от других предметов совместного ведения, в образовании управленческие функции между федерацией и ее субъектами объективно разделяются по уровням образования. Правовое регулирование высшего образования относится исключительно к ведению Российской Федерации. И хотя в ведении субъектов Российской Федерации и муниципальных образований также могут находиться образовательные учреждения высшего профессионального образования, правовую регламентацию их деятельности осуществляет федерация[29].

4. *Муниципальный уровень правового регулирования образования*. Наличие данных нормативных правовых актов прямо вытекает из полномочий муниципальных органов в области образования (ст. 9 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»). Как представляется, анализ, направленный на выявление несоответствий источников двух последних уровней более высоким по юридической силе актам, должен являться предметом самостоятельного исследования.

В.Н. Власенко, заместитель зав. кафедрой земельного и экологического права РГУП, канд. юрид. наук. ***Экологическое образование в конституционном измерении***

До недавнего времени основу правового института экологического образования и формирования экологической культуры составляли в достаточной степени декларативные нормы, содержащиеся в гл. XIII «Основы формирования экологической культуры» Федерального закона «Об охране окружающей среды»[30], в Конституции РФ понятия «экологическое образование» и «экологическая культура» не упоминались. Между тем Закон Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»[31] скорректировал и расширил некоторые нормы Конституции, устанавливающие основы эколого-правового регулирования в стране. В частности, речь идет о п. «е» ст. 71 и ст. 114, где говорится о **системе экологического образования граждан, воспитания экологической культуры.**

[27] См., напр.: *Кванина В.В.* Гражданско-правовое регулирование в сфере высшего профессионального образования в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.

[28] См.: СЗ РФ. 1994. № 13, ст. 1447.

[29] См.: *Барабанова С.В.* Государственное регулирование высшего образования в Российской Федерации: административно-правовые вопросы. URL: https://lexed.ru/obrazovatelnoe-pravo/knigi/barabanova/barabanova_03.php

[30] См.: СЗ РФ. 2002. № 2, ст. 133.

[31] См.: СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

Позитивно оценивая расширение «экологизации» конституционных норм, подчеркивание необходимости развития именно системы экологического образования и воспитания для достижения устойчивого, сбалансированного развития страны в акте высшей юридической силы, отметим, что выбранная формулировка вызывает определенные сомнения. В частности, во-первых, слово «создать» означает «произвести», «основать», имеет определенный эффект однократности, не долговременности, и при буквальном толковании данной формулировки полномочия может возникнуть впечатление, что достаточно один-два раза вложиться в создание условий для развития экологического образования и воспитания экологической культуры или, что бывает чаще – «создать видимость вклада», зафиксировать промежуточные статистические положительные результаты, а далее поддерживать и обеспечивать на постоянной основе данное развитие уже вроде как и не требуется, возможно это возложить на другие органы государственной власти (федеральные и региональные), муниципальные образования, представителей педагогической общественности и т.д. Всеобщность, непрерывность и комплексность экологического образования не должна реализовываться только на основе труда и преданности делу волонтеров от образования, науки, экологии, необходима единая системная государственная (федеральная, региональная и местная) четко закрепленная, логически стройная деятельность в области эколого-правового просвещения, воспитания и образования[32].

Во-вторых, принятие формулировки именно о создании (изначальном основании, по сути) условий для развития системы экологического образования и воспитания экологической культуры косвенно свидетельствует о признании того факта, что на данный момент условия для развития и реализации в стране системы экологического образования, воспитания экологической культуры только предстоит создать.

Создавая условия для развития системы экологического образования граждан, Правительству РФ с обязательным привлечением научной общественности в первую очередь необходимо разработать стратегию всеобщего комплексного экологического образования, просвещения и формирования экологической культуры населения на основе идей устойчивого развития, предполагающую создание и распространение новейших форм и методов эколого-образовательной деятельности и организационно-правовой механизм внедрения данных форм и методов на всех уровнях общего (дошкольное, начальное, основное общее, среднее общее) и профессионального (бакалавриат, специалитет, магистратура, подготовка кадров высшей квалификации) образования.

[32] См. подробнее о проблемах организации экологического образования: *Боголюбов С.А.* Актуальные проблемы экологического права. М., 2016. С. 265–298; *Хлуденева Н.И.* Регулятивная функция экологического права: проблемы реализации // Журнал росс. права. 2016. № 12. С. 151.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александров Н.* К вопросу о роли договора в правовом регулировании общественных отношений // Ученые записки ВИЮН. М., 1946. Вып. 6. С. 61, 62.
2. *Александров Н.Г.* Социалистические принципы советского права // Сов. государство и право. 1957. № 11. С. 17.
3. *Александров Н.Г.* Юридическая норма и правоотношение. М., 1947. С. 5, 6, 7. Сокращенная стенограмма доклада, прочитанного на научной сессии института 6 мая 1946 г. / под ред. И.Т. Голякова.
4. *Алексеев С.С.* Проблемы теории права. Основные вопросы общей теории социалистического права: курс лекций: в 2 т. Свердловск, 1972. Т. 1. С. 102.
5. *Байтин М.И.* Сущность права. Современное нормативное правопонимание на грани двух веков. 2-е изд., доп. М., 2005.
6. *Барабанова С.В.* Государственное регулирование высшего образования в Российской Федерации: административно-правовые вопросы. URL: https://lexed.ru/obrazovatelnoe-pravo/knigi/barabanova/barabanova_03.php
7. *Боголюбов С.А.* Актуальные проблемы экологического права. М., 2016. С. 265–298.
8. *Бэкон Ф.* О принципах и началах. М., 1937. С. 22.
9. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат / пер. с англ. Л. Добросельского. М., 2010. С. 62.
10. *Давыдова М.Л.* «Умное регулирование» как основа совершенствования современного правотворчества // Журнал росс. права. 2020. № 11. С. 14–29.
11. *Дегтярев Д.А.* Теоретико-игровой подход в праве. М., 2016. С. 42.
12. *Ершов В.В.* Регулирование правоотношений. М., 2020. С. 18.
13. *Кванина В.В.* Гражданско-правовое регулирование в сфере высшего профессионального образования в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.
14. Концептуализация и смысл: сб. науч. тр./ отв. ред. И.В. Поляков. Новосибирск, 1990. С. 26.
15. *Кроткова Н.В.* История и методология юридической науки («Круглый стол» кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и журна-

ла «Государство и право») // Государство и право. 2016. № 4. С. 5–31.

16. *Лукашева Е.А.* Принципы социалистического права // Сов. государство и право. 1970. № 6. С. 21.
17. *Рыбаков О.Ю.* Философия права: учеб. для магистров. М., 2021. С. 6.
18. *Серков П.П.* Правоотношение. Теория и практика современного правового регулирования. М., 2018. С. 53.
19. *Тарановский Ф.В.* Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917. С. 180, 186.
20. *Тарановский Ф.В.* Учение о естественном праве // Журнал Министерства юстиции. 1916. № 3. С. 1–16.
21. *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. М., 1998. С. 569.
22. *Хлуденева Н.И.* Регулятивная функция экологического права: проблемы реализации // Журнал росс. права. 2016. № 12. С. 151.
23. *Черданцев А.Ф.* Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012. С. 38.
24. *Черданцев А.Ф.* Теория государства и права. М., 000. С. 188.
25. *Шершеневич Г.Ф.* Избранное: в 6 т. Т. 4, включая Общую теорию права / вступ. слово, сост. П.В. Крашенинникова. М., 2016. С. 91–413, 332–381.
26. *Шершеневич Г.Ф.* История философии права. 2-е изд. СПб., 1907. С. 9.
27. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М., 1995. С. 15.
28. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. с итал. В.Г. Резник и А. Погоняйло. М., 2006. С. 72.
29. *Aarnio A.* Paradigms in Legal Dogmatics // Theory of Legal Science. Proceedings of the Conference on Legal Theory and Philosophy of Science. Lund, Sweden, December 11–14, 1983. Dordrecht, 1983. P. 25–38.
30. *Hohfeld W.N.* Fundamental Legal Conceptions as Applied in Judicial Reasoning. Yale, 1964.

REFERENCES

1. *Alexandrov N.* On the question of the role of the contract in the legal regulation of public relations // Scientific notes of the All-Union Institute of legal Sciences. M., 1946. Vol. 6. P. 61, 62 (in Russ.).
2. *Alexandrov N.G.* Socialist principles of Soviet law // Soviet State and Law. 1957. No. 11. P. 17 (in Russ.).
3. *Alexandrov N.G.* Legal norm and legal relationship. M., 1947. P. 5, 6, 7. A shortened transcript of the report read at the scientific session of the Institute on May 6, 1946 / ed. by I.T. Golyakov (in Russ.).
4. *Alekseev S.S.* Problems of the theory of law. The main issues of the general theory of socialist law: course of lectures: in 2 vols. Sverdlovsk, 1972. Vol. 1. P. 102 (in Russ.).
5. *Baitin M.I.* The essence of law. Modern normative legal understanding for the past two centuries. 2nd ed., add. M., 2005 (in Russ.).
6. *Barabanova S.V.* State regulation of higher education in the Russian Federation: administrative and legal issues. URL: https://lexed.ru/obrazovatelnoe-pravo/knigi/barabanova/barabanova_03.php (in Russ.)
7. *Bogolyubov S.A.* Actual problems of Environmental Law. M., 2016. P. 265–298 (in Russ.).
8. *Bacon F.* On principles and principles. M., 1937. P. 22 (in Russ.).
9. *Wittgenstein L.* Logical and philosophical treatise / transl. from English L. Dobroselsky. M., 2010.P. 62 (in Russ.).
10. *Davydova M.L.* “Smart regulation” as a basis for improving modern law-making // Russ. Journal of Russ. law. 2020. No. 11. P. 14–29 (in Russ.).
11. *Degtyarev D.A.* Game-theoretic approach to the law. M., 2016. P. 42 (in Russ.).
12. *Ershov V.V.* Regulation of legal relations. M., 2020. P. 18 (in Russ.).
13. *Kvanina V.V.* Civil-legal regulation in the sphere of higher professional education in the Russian Federation: diss. ... Doctor of Law. M., 2006 (in Russ.).
14. Conceptualization and meaning: collection of proceedings / ed. by I.V. Polyakov. Novosibirsk, 1990. P. 26 (in Russ.).
15. *Krotkova N.V.* History and methodology of legal science (The “Round Table” of the Department of theory of state and law and political science of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow state University and the journal “State and Law”) // State and Law. 2016. No. 4. P. 5–31 (in Russ.).
16. *Lukasheva E.A.* Principles of socialist law // Soviet State and Law. 1970. No. 6. P. 21 (in Russ.).
17. *Rybakov O. Yu.* Philosophy of Law: textbook for masters. M., 2021. P. 6 (in Russ.).
18. *Serkov P.P.* Legal relationship. Theory and practice of modern legal regulation. M., 2018. P. 53 (in Russ.).
19. *Taranovsky F.V.* Textbook of the Encyclopedia of law. Yuryev, 1917. P. 180, 186 (in Russ.).
20. *Taranovsky F.V.* The doctrine of natural law // Journal of the Ministry of Justice. 1916. No. 3. P. 1–16 (in Russ.).
21. *Tikhomirov L.A.* Monarchical statehood. M., 1998. P. 569 (in Russ.).

22. *Khludeneva N.I.* Regulatory function of Environmental Law: problems of implementation // Journal of Russ. law. 2016. No. 12. P. 151 (in Russ.).

23. *Cherdantsev A.F.* Logical-linguistic phenomena in jurisprudence. M., 2012. P. 38 (in Russ.).

24. *Cherdantsev A.F.* Theory of state and law. M., 2000. P. 188 (in Russ.).

25. *Shershenevich G.F.* Selected works: in 6 vols. Vol. 4, including the General theory of law / introductory speech, comp. P.V. Krasheninnikov. M., 2016. P. 91–413, 332–381 (in Russ.).

26. *Shershenevich G.F.* History of the Philosophy of Law. 2nd ed. SPb., 1907. P. 9 (in Russ.).

27. *Shershenevich G.F.* Textbook of Russian Civil Law (according to the 1907 ed.). M., 1995. P. 15 (in Russ.).

28. *Eco U.* Missing structure. Introduction to semiology / transl. from Italian by V.G. Reznik and A. Pogonyailo. M., 2006. P. 72 (in Russ.).

29. *Aarnio A.* Paradigms in Legal Dogmatics // Theory of Legal Science. Proceedings of the Conference on Legal Theory and Philosophy of Science. Lund, Sweden, December 11–14, 1983. Dordrecht, 1983. P. 25–38.

30. *Hohfeld W.N.* Fundamental Legal Conceptions as Applied in Judicial Reasoning. Yale, 1964.

Сведения об авторе

КРОТКОВА Наталья Викторовна –
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук; заместитель главного редактора журнала «Государство и право» РАН;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KROTKOVA Natalya V. –
PhD in Law, leading research fellow, sector of Constitutional Law and constitutional justice, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; Vice-Editor-in-Chief of journal "State and Law" of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 9, с. 182–184
STATE AND LAW, 2021, № 9, pp. 182–184

ОБЗОР III МЕЖДУНАРОДНОГО ИСТОРИКО-ПРАВОВОГО КОНГРЕССА «ПРАВОВЫЕ ТРАДИЦИИ СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ»

© 2021 г. Л. Ю. Грудцына

г. Москва

E-mail: ludmilagr@mail.ru

Поступила в редакцию 01.06.2021 г.

Аннотация. Приведен обзор III Международного историко-правового конгресса «Правовые традиции становления российской государственности», посвященного 300-летию провозглашения Российской Империи. Одной из главных задач мероприятия стало объединение представителей науки из разных государств, разных научных школ и направлений для решения актуальных историко-правовых проблем государства и права.
По итогам работы конгресса была принята декларация, в которой отмечена важность продолжения юридических исследований отечественных государственно-правовых традиций, намечены основные направления дальнейшего развития историко-правовой науки.

Ключевые слова: конгресс, российская государственность, историко-правовые проблемы государства и права, историко-правовая наука.

Цитирование: *Грудцына Л.Ю.* Обзор III Международного историко-правового конгресса «Правовые традиции становления российской государственности» // Государство и право. 2021. № 9. С. 182–184.

DOI: 10.31857/S102694520016 738-2

REVIEW OF THE III INTERNATIONAL HISTORICAL AND LEGAL CONGRESS “LEGAL TRADITIONS OF THE FORMATION OF RUSSIAN STATEHOOD”

© 2021 L. Yu. Grudtsyna

Moscow

E-mail: ludmilagr@mail.ru

Received 01.06.2021

Abstract. The review of the III International historical and legal congress “Legal traditions of the formation of Russian statehood”, dedicated to the 300th anniversary of the proclamation of the Russian Empire, is given. One of the main tasks of the event was to bring together representatives of science from different states, different scientific schools and directions to solve topical historical and legal problems of the state and law.
Following the results of the congress, a declaration was adopted, in which the importance of continuing legal research of domestic state-legal traditions was noted, the main directions for the further development of historical and legal science were outlined.

Key words: congress, Russian statehood, historical and legal problems of the state and law, historical and legal science.

For citation: *Grudtsyna, L. Yu. (2021).* Review of the III International historical and legal congress “Legal traditions of the formation of Russian statehood” // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9. pp. 182–184.

12 мая 2021 г. в г. Москве в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ состоялся III Международный историко-правовой конгресс «Правовые традиции становления российской государственности», посвященный 300-летию провозглашения Российской Империи. Мероприятие проводилось совместно с Российской академией наук, Отделением историко-филологических наук РАН, Институтом российской истории РАН, Российским историческим обществом и Фондом «История Отечества».

В современных условиях историко-правовая наука, отошедшая на второй план среди юридических дисциплин в 1990-е годы, вновь становится востребованной. Она неразрывно связана с сохранением исторической памяти, с получением фундаментального юридического образования, с исследованием богатых отечественных правовых традиций. Поэтому одной из главных задач конгресса стало объединение представителей науки из разных государств, разных научных школ и направлений для решения актуальных историко-правовых проблем государства и права.

Конгрессу предшествовало проведение двух всероссийских историко-правовых конференций в 2019 и 2020 гг., по итогам которых были опубликованы сборники статей[1].

Пленарное заседание проводилось под руководством **директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, акад. РАН, д-ра юрид. наук, проф. Т.Я. Хабриевой**, во вступительном слове отметившей важность актуализации историко-правовых исследований, возрождения научной школы истории государства и права, основы которой были заложены еще учеными Российской Империи и развивались правоведами СССР, начиная с М.Н. Гернета и С.В. Юшкова.

С приветствием к участникам конгресса выступил **председатель Российского исторического общества, д-р экон. наук С.Е. Нарышкин**, акцентировавший внимание на важности состоявшего 300 лет назад провозглашения Российской Империи: «Речь шла не просто о смене самоназвания, статус России был приведен в соответствие с ее новыми возможностями и амбициями на международной арене».

На пленарном заседании с приветствием к участникам конгресса выступили Президент Российской академии наук, акад. РАН, д-р физ.-мат. наук, проф. **А.М. Сергеев**; академик-секретарь Отделения историко-филологических наук РАН, член бюро Национального комитета российских историков, вице-президент Международного союза антропологических и этнологических наук, акад. РАН, д-р ист. наук, проф. **В.А. Тишков**; научный руководитель Института всеобщей истории РАН, сопредседатель Российского исторического общества, президент Государственного академического университета гуманитарных наук, акад. РАН, д-р ист. наук, проф. **А.О. Чубарьян;** директор Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан Министерства юстиции РК, канд. юрид. наук **Р.К. Сарпеков.**

Были получены письменные приветствия главы Российского Императорского Дома Ее Императорского Высочества Государыни Великой Княгини **Марии Владимировны Романовой**, директора Института российской истории Российской академии наук, д-ра ист. наук **Ю.А. Петрова**, исполнительного директора Фонда «История Отечества», члена Президиума Совета Российского исторического общества, председателя Правления РИО, канд. ист. наук **К.И. Могилевского**, советника по правовым и судебным вопросам Посольства Французской Республики в Российской Федерации **Бенжамина Данло**.

С основным научным докладом на пленарном заседании выступил **зав. отелом теории права и междисциплинарных исследований законодательства ИЗиСП при Правительстве РФ, д-р юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцев**, обозначивший задачи, которые стоят перед историко-правовой наукой в условиях современной научной рациональности. По мнению ученого, историко-правовые исследования должны стать междисциплинарными, что позволит воссоздать достоверную картину правовой реальности в разные исторические эпохи. В качестве актуальной исследовательской программы была предложена историко-антропологическая теория права, соединяющая в себе не утратившие своего значения отдельные положения немецкой исторической школы права с современным антропоцентризмом как направлением постклассической теории права. На основе такого подхода докладчик обосновал основные этапы и особенности становления и развития российской правовой традиции.

На пленарном заседании также были заслушаны доклады судьи Верховного Суда РФ, председателя Совета судей РФ, д-ра юрид. наук, проф. **В.В. Момотова**; проректора по научной работе Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), д-ра юрид. наук, проф. **В.Н. Синюкова**; соучредителя Голландско-Российской юридической ассоциации, судьи апелляционного суда Арнем-Леуварден

[1] См.: Систематизация законодательства и динамика источников права в исторической ретроспективе (к 370-летию Соборного уложения): сб. науч. тр. / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. М., 2020; Систематизация законодательства в фокусе историко-правовой науки (к 470-летию принятия Судебника 1550 г.): сб. науч. тр. / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. М., 2021.

(Нидерланды) **Рут ван дер Пола**; профессора кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, д-ра юрид. наук, проф. **А.В. Полякова**; профессора кафедры теории и истории права и государства Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ, д-ра юрид. наук, доц. **Т.В. Шатковской**; заведующей кафедрой теории и истории государства и права Омского государственного университета, д-ра юрид. наук, проф. **Т.Ф. Ящук**; заместителя директора Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, д-ра юрид. наук, проф. **А.А. Дорской**.

В рамках конгресса были проведены секционные заседания по следующим тематическим направлениям: «Государственное устройство России: власть и реформы», «Национальные и государственно-конфессиональные отношения в правовом пространстве России», «Правотворческий процесс и юридическая техника в России», «Правовые традиции развития отраслевого законодательства в России», «Правопорядок как отражение коллективной культурной и цивилизационной ментальности».

В работе конгресса приняли участие ведущие отечественные и зарубежные ученые – историки, правоведы, представители других областей науки. Были представлены такие государства, как Сербия, Нидерланды, Франция, Армения, Казахстан, Беларусь, Таджикистан, а также научные и учебные заведения из разных субъектов Российской Федерации (Белгород, Волгоград, Воронеж, Екатеринбург, Иваново, Иркутск, Казань, Калининград, Курск, Нижний Новгород, Новосибирск, Омск, Оренбург, Пермь, Ростов-на-Дону, Рязань, Самара, Санкт-Петербург, Тамбов, Тверь, Хабаровск, Элиста и др.).

* * *

Таким образом, конгресс стал масштабным за последние годы мероприятием, посвященным истории государства и права. По итогам работы конгресса была принята декларация, в которой отмечена важность продолжения юридических исследований отечественных государственно-правовых традиций, намечены основные направления дальнейшего развития историко-правовой науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Систематизация законодательства и динамика источников права в исторической ретроспективе (к 370-летию Соборного уложения): сб. науч. тр. / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. М., 2020; Систематизация законодательства в фокусе историко-правовой науки (к 470-летию принятия Судебника 1550 г.): сб. науч. тр. / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. М., 2021.

REFERENCES

1. Systematization of legislation and dynamics of sources of law in historical retrospect (to the 370th anniversary of the Cathedral Code): collection of scientific works / under the general editorship of D.A. Pashentsev. M., 2020; Systematization of legislation in the focus of historical and legal science (to the 470th anniversary of the adoption of the Judicial Code of 1550): collection of scientific works / under the general editorship of D.A. Pashentsev. M., 2021.

Сведения об авторе

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна –
доктор юридических наук, профессор,
почетный адвокат России; г. Москва

Authors' information

GRUDTSYNA Lyudmila Yu. –
Doctor of Law, Professor,
Honorary lawyer of Russia; Moscow

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 9, с. 185–197
STATE AND LAW, 2021, № 9, pp. 185–197

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО И АДМИНИСТРАТИВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

© 2021 г. А. И. Каплунов*, В. Ю. Ухов**

Санкт-Петербургский университет МВД России

**E-mail: and-kaplunov@yandex.ru*
***E-mail: spb-u-mvd.kaf-ap@yandex.ru*

Поступила в редакцию 22.04.2021 г.

Аннотация. 26 марта 2021 г. в Санкт-Петербургском университете МВД России прошло пленарное заседание Международной научно-практической конференции («Сорокинские чтения»), на котором были представлены материалы изданного к дню конференции сборника и состоялся обмен мнениями по проблемным вопросам модернизации публичного управления, административного и административно-процессуального права, по теоретическим и прикладным проблемам совершенствования законодательства об административных правонарушениях и административно-юрисдикционной деятельности, по проблемам обеспечения безопасности и общественного порядка, совершенствования полицейской и иной правоохранительной деятельности, а также подведены итоги конференции.

Ключевые слова: публичное управление, административное право, административно-процессуальное право, законодательство об административных правонарушениях, административно-юрисдикционная деятельность, полицейская и иная правоохранительная деятельность.

Цитирование: *Каплунов А.И., Ухов В.Ю.* Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права // Государство и право. 2021. № 9. С. 185–197.

DOI: 10.31857/S102694520016739-3

ACTUAL PROBLEMS OF ADMINISTRATIVE AND ADMINISTRATIVE PROCEDURAL LAW

© 2021 А. И. Каплунов*, В. Ю. Ухов**

St. Petersburg University of the Russian interior Ministry

**E-mail: and-kaplunov@yandex.ru*
***E-mail: spb-u-mvd.kaf-ap@yandex.ru*

Received 22.04.2021

Abstract. March 26, 2021 in the St. Petersburg University of MIA of Russia held a plenary meeting of the International scientific-practical conference (“Sorokin readings”), which was presented to materials published to the day of the conference the collection and held an exchange of views on the problems of modernization of public administration, Administrative and Administrative Procedural Law, on theoretical and applied problems of improving legislation on administrative offenses and administrative-jurisdictional activities, security and public order, development of the police and other law enforcement activities.

Key words: public administration, Administrative Law, Administrative Procedure Law, legislation on administrative offences, administrative-jurisdictional activity, activities of police and other law enforcement agencies.

For citation: *Kaplunov, A.I., Ukhov, V. Yu. (2021).* Actual problems of Administrative and Administrative Procedural Law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 185–197.

26 марта 2021 г. в Санкт-Петербургском университете МВД России состоялась 12-я по счету научно-практическая конференция «Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права», которая седьмой год подряд проходит под официальным названием **«Сорокинские чтения»**. Первые девять лет она проводилась в статусе «ежегодной всероссийской», с 2019 г. стала международной. В этом году в подготовке материалов конференции приняли участие коллеги из Академии МВД Республики Беларусь (г. Минск), Могилёвского института МВД Республики Беларусь, Алматинской академии МВД Республики Казахстан им. Макана Есбулатова, Академии полиции МВД Азербайджанской Республики и Запорожского государственного университета (Украина).

Пленарное заседание конференции открыл **М.В. Бавсун, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России, д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ**, который отметил роль и значение «Сорокинских чтений» как постоянной научной площадки, на которой ученые-административисты и практические работники прежде всего из органов внутренних дел обсуждают актуальные проблемы совершенствования административного и административно-процессуального законодательства и правоприменительной практики по его реализации, поблагодарил всех, кто принял участие в подготовке материалов сборника конференции, и особенно участников пленарного заседания из России и зарубежных стран.

В пленарном заседании конференции очно приняли участие руководители, профессорско-преподавательский состав, докторанты, адъюнкты и аспиранты кафедр административно-правовых дисциплин из ведущих образовательных организаций и научные сотрудники из научно-исследовательских учреждений страны и системы МВД России: Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН) (**С.В. Запольский, Е.Л. Васянина, В.М. Редкоус**), Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) (Университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)) (**С.М. Зубарев, Б.В. Россинский, А.В. Сладкова, Н.Н. Бакурова**), Воронежского государственного университета (**Ю.Н. Старилов**), Российского государственного университета правосудия (РГУП) (**А.И. Стахов, В.И. Кайнов**), Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС при Президенте РФ) (**О.В. Гречкина**), Оренбургского государственного университета (**Л.И. Носенко**), Пензенского государственного университета (**С.А. Агамагомедова**), Сибирского юридического университета (**Ю.П. Соловей**), Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя (**Ю.И. Попугаев**), Уральского государственного экономического университета (**А.В Коркин**), Южно-Уральского государственного университета (**Э.Л. Лещина**), Омской академии МВД России (**О.И. Бекетов, М.А. Бучакова, О.А. Дизер, В.И. Сургутсков, К.К. Бекмурзинова**), Научно-исследовательского института ФСИН России (НИИ ФСИН России) (**А.С. Дугенец**), Академии права и управления ФСИН России (**Д.А. Гришин, В.А. Поникаров**).

В режиме видеоконференцсвязи на пленарном заседании выступили зарубежные участники из Академии МВД Республики Беларусь (**Д.В. Гвоздев, И.Л. Федчук**), Могилёвского института МВД Республики Беларусь (**С.В. Ратош**).

К началу работы конференции были изданы в электронном виде на CD-диске ее материалы, включающие тезисы 157 докладов и научных сообщений, в подготовке которых приняли участие 181 автор из 48 научных и образовательных организаций, в т.ч. 12 авторов из четырех зарубежных государств (Республики Беларусь, Республики Казахстан, Азербайджанской Республики, Украины), 31 д-р юрид. наук, 90 канд. юрид. наук, 8 сотрудников практических органов внутренних дел Российской Федерации.

Доклады и научные сообщения сгруппированы в четыре логико-тематических раздела и охватывают широкий спектр актуальных проблем состояния и перспектив развития административно-правового регулирования в различных сферах публичного управления, совершенствования административно-правовых (материальных и процессуальных) средств обеспечения прав и законных интересов субъектов административно-правовых отношений, укрепления правопорядка и законности, противодействия административной деликтности.

Ниже представлено краткое содержание отдельных докладов и выступлений, прозвучавших на пленарном заседании, а также тезисов выступлений, включенных в сборник материалов конференции.

Б.В. Россинский, профессор кафедры административного права и процесса Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ, свое выступление посвятил современным представлениям ***о предмете административного права***. Он рассмотрел имевшиеся в литературе, начиная с 50-х годов прошлого века, суждения о предмете административного права и их трансформацию в свете существовавших в разные периоды научных и законодательных подходов к государственному управлению, понимания исполнительной деятельности. Отметил, что, когда стала развиваться теория государственного управления с учетом кибернетических подходов, её начали формировать в основном исследователи, занимавшиеся проблемами административного права. Однако далеко не всегда в их работах и публичных выступлениях удавалось

прийти к единому пониманию предмета административного права с учетом положений теории государственного управления.

Выступающий подчеркнул, что блестящим компромиссом, возможным в 60-е годы XX в., явилось сформулированное Ю.М. Козловым классическое определение: «Советское административное право регулирует общественные отношения, возникающие в связи с исполнительно-распорядительной деятельностью органов советского государственного управления, а также в связи с осуществлением органами государственной власти, суда и прокуратуры, общественными организациями трудящихся деятельности управленческого характера».

После принятия Конституции РФ потребовалось по-новому определить предмет административного права. Дело в том, что после признания трёх равноправных, независимых друг от друга ветвей государственной власти, отхода в законодательстве от понятия «органы государственного управления», фактической замены его термином «органы исполнительной власти», возникла опасность невероятного расширения предмета административного права. Ведь отводившаяся ранее этой отрасли права строго определённая и ~~в принципе~~ достаточно узкая сфера общественных отношений, связанная с деятельностью органов государственного управления в их прежнем понимании, по сути дела, исчезала.

В связи с этим в литературе стало использоваться иное понимание предмета административного права как совокупности общественных отношений, возникающих в процессе организации и деятельности исполнительной власти. Такое определение до самого последнего времени, в принципе, устраивало многих ученых-административистов. Слово «в принципе» обусловлено тем, что эта дефиниция не учитывает положения ст. 12 Конституции РФ, в соответствии с которой органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти.

Однако, как известно, в Конституции РФ (в ред. 2020 г.) появилась ч. 3 ст. 132, согласно которой «органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории». С учетом этого Б.В. Россинский дал определение предмета административного права как совокупности общественных отношений, возникающих в процессе организации и деятельности исполнительных органов публичной власти и иных субъектов, наделенных исполнительными полномочиями. К последним он отнес в т.ч. администрацию учреждений и предприятий независимо от их организационно-правовой формы.

Однако данная обобщенная дефиниция достаточно лаконична и не может претендовать на изложение особенностей различных подходов к предмету административного права. Ведь оно рассматривается и как отрасль российской правовой системы, и как регулятор реализации соответствующих общественных отношений, и как наука.

Говоря о предмете административного права как отрасли российской правовой системы, выступающий отметил, что это правовые теории и совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, возникающие в процессе организации и деятельности исполнительных органов публичной власти и иных субъектов, наделенных исполнительными полномочиями. При рассмотрении предмета административного права как регулятора общественных отношений было подчеркнуто, что следует говорить о совокупности административно-правовых форм и методов деятельности исполнительных органов публичной власти и иных субъектов, наделенных исполнительными полномочиями, способах обеспечения законности при реализации данных отношений, особенностях организации управления различными отраслями и сферами хозяйства страны.

В выступлении особое внимание было уделено предмету административного права как науки и предложен новый подход к его пониманию. Подчеркивалось, что при этом недостаточно указывать лишь на рассмотрение методологических вопросов изучения административно-правовых общественных отношений. Предмет любой науки состоит прежде всего в выявлении закономерностей объективной действительности, без познания которых невозможно построить достоверные теоретические модели, проанализировать реальные явления, ситуации, процессы, и на этой основе – разработать необходимые концепции, теории и практические рекомендации.

С учетом этого обстоятельства Б.В. Россинский дал определение предмета науки административного права, сказав, что он состоит в выявлении закономерностей общественных отношений, возникающих в процессе организации и деятельности системы исполнительных органов публичной власти, иных субъектов, наделенных исполнительными полномочиями, и разработке на этой основе необходимых теоретических положений, нормативных требований и практических рекомендаций, направленных на совершенствование процесса государственного управления.

Ю.Н. Старилов, декан юридического факультета, зав. кафедрой административного и административного процессуального права Воронежского

государственного университета, д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, в докладе на тему ***«Предмет российского административного процессуального права: главные подходы к определению и проблемы конкретизации»*** акцентировал внимание на том факте, что с принятием Кодекса административного судопроизводства РФ у нас родилась своя процессуальная форма, которая претендует на завершенность административно-процессуального регулирования. По мнению докладчика, мы должны обосновывать неотъемлемую принадлежность административного судопроизводства, а это и есть, с его точки зрения, предмет административно-процессуального права, к системе административного правового, к системе публичного правового регулирования.

Судебный контроль за организацией и функционированием администрации позволяет отличительным образом по сравнению с арбитражным судопроизводством, гражданским судопроизводством посмотреть на сущность административно-процессуального права. Административно-процессуальная форма, которая сформирована КАС РФ,– важнейшая категория, которая будет административистам давать хорошие возможности говорить о существовании административно-процессуального права.

Анализ конституционно-правового регулирования, а именно п. «о» ст. 71 и п. «к» ст. 72 Конституции РФ, позволил выступающему сделать вывод, что административно-процессуальное законодательство есть административное судопроизводство. Все остальное, что принято толковать как административный процесс, все остальное что движется в системе публичного административного права, что находится в какой-то динамике, движении, развитии в стадийности какой-то, нельзя называть административным процессом, это административные процедуры и административные акты. Согласно зарубежным подходам, если есть управление, публичное управление, есть эта публичная власть, есть государственное управление, значит, должны быть и административные акты, значит должны быть и административные процедуры, но процесс административный он судебный.

Кроме того, Ю.Н. Старилов выразил мнение о неразумности держать КАС РФ в системе частноправового регулирования и включать изучение административного судопроизводства в укрупненную специальность по частноправовым юридическим наукам вместе с гражданским правом и гражданским процессом.

Д.В. Гвоздев, доцент кафедры административной деятельности ОВД факультета милиции Академии МВД Республики Беларусь, канд. юрид. наук, доц., в докладе ***«О предмете права административной юстиции»*** отметил, что выделение процессуальных норм, регулирующих порядок разрешения административно-правовых споров, в самостоятельную группу имеет теоретическую основу и представляется необходимым с точки зрения самостоятельного нормативно-правового регулирования складывающихся в данной сфере государственного управления общественных отношений. При этом, указанное утверждение основано на анализе их (отношений) структуры.

В частности, докладчик анализирует специфику субъектов административно-юстиционных процессуальных правоотношений, которая напрямую зависит от специфики материальных государственно-управленческих отношений, имеющих государственно-властный характер, что существенным образом влияет на процессуальный статус сторон административно-правового спора в процессе его судебного разрешения.

Обращено внимание на специфику объекта рассматриваемых правоотношений, к которому Д.В. Гвоздев относит сам административно-правовой спор, а точнее – административно-правовое противоречие или говоря в более узком смысле – несогласие подвластного субъекта с принятым в отношении него решением органа государственного управления.

Говоря о содержании административно-юстиционных процессуальных отношений, он предлагает рассматривать в качестве такового полноценный процесс доказывания всех обстоятельств, имеющих значение для судебного разрешения административно-правового спора.

Все вышеизложенное позволило сформулировать вывод о том, совокупность правовых норм, регулирующих процесс судебного разрешения административно-правового спора, обладает всеми признаками самостоятельного элемента правовой системы (административно-юстиционного права), имеющего собственный предмет правового регулирования (административно-юстиционные правоотношения), а также обозначить позицию о необходимости придания им самостоятельной правовой формы в виде отдельного кодифицированного нормативного правового акта Республики Беларусь, комплексно регулирующего рассматриваемую группу общественных отношений.

А.И. Стахов, зав. кафедрой административного права и процесса им. Н.Г. Салищевой, главный научный сотрудник (руководитель направления) Центра исследования проблем правосудия РГУП, д-р юрид. наук, проф., в выступлении на тему ***«Конституционные предпосылки для автономизации споров, разрешаемых в ходе административного процесса»*** предложил «спор, разрешаемый в ходе административного процесса»**,** рассматривать как разногласия о достижении баланса частных и публичных прав,

законных интересов, вынесенные на рассмотрение органа публичной администрации, иного административно-публичного органа (их представителя – должностного лица), уполномоченного разрешать внесудебные административные дела посредством административного производства, либо на рассмотрение суда (судьи), уполномоченного осуществлять административное судопроизводство.

Подчеркивая процессуальную самостоятельность судов и административно-публичных органов по разрешению споров в ходе административного процесса, предопределенную ст. 10, 12, 33, 46, 118 Конституции РФ, предлагается разделить данные споры на два типа: 1) споры, разрешаемые в ходе судебного административного процесса – **судебные административно-процессуальные споры**; 2) споры, разрешаемые в ходе исполнительного административного процесса – **внесудебные административно-процессуальные споры**.

По мнению выступающего, важно также подчеркнуть, что в ст. 72 Конституции РФ выделяется из общей массы публичного законодательства Российской Федерации административное и административно-процессуальное законодательство, тем самым предопределяя существенные различия в общественных отношениях, из которых возникают споры, разрешаемые в ходе административного процесса. Данные самостоятельные виды публичного законодательства позволяют размежевать внепроцессуальные (административно-правовые) и процессуальные (административно-процессуальные) основания для возникновения споров, разрешаемых в ходе административного процесса.

В этой связи в соответствии со ст. 72 Конституции РФ предлагается делить споры, разрешаемые в ходе административного процесса, на две категории в зависимости от основания их возникновения: 1) **споры в административном процессе, возникающие из административных правоотношений**; 2) **споры в административном процессе, возникающие из административно-процессуальных отношений**.

Статья 18 Конституции РФ, с одной стороны, устанавливает приоритет прав и свобод человека и гражданина в деятельности органов публичной администрации (органов исполнительной власти и местного самоуправления), независимо от ее конкретной правовой формы. С другой – относит обеспечение прав и свободы человека и гражданина к предмету правосудия независимо от его правовой формы. В этой связи предлагается рассматривать положения ст. 18 Конституции РФ в качестве конституционной предпосылки для индивидуализации споров, разрешаемых в ходе судебного административного процесса.

В целях индивидуализации споры, разрешаемые в ходе административного процесса, предлагается рассматривать как юридико-фактическую ситуацию, связанную с урегулированием разногласий сторон спора о достижении баланса частных и публичных прав, законных интересов, которая трансформируется в самостоятельное индивидуализированное внесудебное или судебное административное дело (**административно-спорное дело**) либо в самостоятельный индивидуализированный вопрос о пересмотре итогового решения, принятого по внесудебному или судебному административному делу (**инстанционный административно-спорный вопрос**). При таком подходе будет логичным в структуре административного процессе различать **самостоятельные (автономные) и инстанционные споры, возникающие в ходе административного процесса.**

Углубляя положения ст. 17 Конституции РФ, логично в научно-практических целях категорировать внесудебные и судебные административно-спорные дела, разрешаемые в ходе административного процесса, а также выделять «инстанционные ступени» по пересмотру внесудебных и судебных административных дел (в т.ч. исходные, апелляционные, кассационные).

Подводя итог предложенному пониманию споров, разрешаемых в ходе административного процесса, а также их ранжирование на отдельные виды в зависимости от конституционных предпосылок, А.И. Стахов сделал обобщающий вывод о том, что выдвинутый научный подход является исходной точкой комплексного научно-практического исследования крупной проблемы оптимизации административного процесса в Российской Федерации, а также систематизации отечественного административно-процессуального законодательства.

М.Н. Кобзарь-Фролова, врио зав. сектором административного права и процесса, главный научный сотрудник ИГП РАН, д-р юрид. наук, проф., в докладе на тему ***«Государственное управление: генезис понятия и сути»*** задалась вопросом: насколько в современных условиях развития государственности уместно поднимать вопрос об управлении экономикой, обществом, гражданами? Отвечая на него, она говорила о том, что политические и экономические преобразования, вступление в силу Закона о поправке к Конституции РФ, неизменным образом отразились на сути и содержании указанных отношений. Изменился не только государственный строй, но приемы и способы взаимодействия государства, граждан и их объединений.

М.Н. Кобзарь-Фролова подвергла критике идею о том, что государственное управление после 1993 г. стали осуществлять все три ветви власти: законодательная, исполнительная и судебная. Эту идею никак нельзя поддерживать и распространять. Основываясь на нормах Конституции РФ, она аргументировала свою позицию тем, что ст. 11 Конституции

РФ называет систему органов, которые осуществляют государственную власть, но не государственное управление. Законодательная власть представляет интересы многонационального народа, а не управляет им (ст. 94). Основная задача судебной власти – отправление правосудия (ст. 118). Правительство РФ, обеспечивает исполнение законодательства, создаёт условия для его исполнения, осуществляет контроль за исполнением (гл. 6), при этом само обязано исполнять предписания законов. Государство должно и обязано принимать на себя вызовы современности. Государство обязано нести бремя защиты и обеспечения безопасности граждан, выполнять социальные обязательства, быть регулятором общественных отношений. Административное право, как наука изучает отрасль, которая заметно меняется. Отрасль регулирует отношения между государством и свободными людьми, которые в силу Конституции РФ имеют право на выражение своей воли, мнения, использовать в полной мере свои права и свободы. А государственное управление имеет место быть, но оно трансформировалось. Его границы остались в пределах взаимоотношений законодательной власти, исполнительной власти и органов местного самоуправления, включая вопросы субординации в каждой системе.

С.М. Зубарев, зав. кафедрой административного права и процесса Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), д-р. юрид. наук, проф., в выступлении ***«О некоторых проблемах правового обеспечения цифровизации государственного управления»*** отметил, что цифровизация выступает главным глобальным трендом общественного развития. Цифровизация и цифровая трансформация, безусловно, открывают новые возможности для государственного управления. По его мнению, цифровизацию государственного управления необходимо рассматривать в нескольких аспектах.

Во-первых, как государственное управленческое решение, под которым обычно понимается осознанно сделанный субъектом государственного управления выбор целенаправленного воздействия на социальную действительность, выраженного в официальной форме.

Во-вторых, цифровизацию государственного управления возможно рассматривать в качестве современной административной реформы.

В-третьих, цифровизацию следует рассматривать как процесс внедрения в деятельность государственных органов цифровых технологий, позволяющих осуществить качественные преобразования в реализации государственных функций и оказании государственных услуг, обеспечить информационную открытость органов власти и их взаимодействие с гражданами и организациями.

Общим недостатком правового обеспечения цифровизации государственного управления следует признать отсутствие закрепления применения цифровых технологий на законодательном уровне. Нет упоминания о возможности их использования в деятельности Правительства РФ в новом статутном Законе от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ, фрагментарно говорится об информационно-коммуникационных технологиях в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». Позитивное влияние на качество правового обеспечения цифровизации государственного управления могло бы оказать принятие федерального закона «Об административных процедурах», в котором целесообразно раскрыть содержание и определить порядок применения цифровых технологий в деятельности органов публичной власти и их должностных лиц.

А.В. Равнюшкин, доцент кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России, канд. юрид. наук, тезисы своего доклада посвятил теме ***внедрения системы оценки добросовестности функционирования органов государственного управления, юридических лиц и жизнедеятельности граждан как элемента систем социального и государственного управления (на основе опыта КНР).*** Отметив, что административное право является отражателем не только сущности государства, его модели, но и его эффективным инструментом построения самого государства, автор указывает на необходимость постоянно совершенствовать внутреннюю организационную систему управления, т.е. осуществлять эффективное администрирование в целях устранения патологий (избыточная роль бюрократии, имитация реализации стратегических планов или программ, отклоняющееся служебное поведение государственных служащих, невостребованный профессионализм, коррупция, элитизм, слабость гражданского общества и др.), накопившихся в системе государственного управления.

Все возрастающее влияние на развитие общественных отношений оказывают информационные технологии. Используя достижения в области современных информационных технологий (развитие Интернета и искусственного интеллекта, расширение доступа к платёжным системам посредством компьютера и телефона, систем контроля за транспортом, технологий распознания лиц, технологий учета и перемещения товаров, сырья), совершенствуя модель «цифрового правительства», наблюдается переход некоторых национальных обществ к построению общества рейтинга (кредита).

В этом обществе высокие технологии есть инструмент государственного управления. Некоторые отечественные исследователи (Д.Б. Графов,

Е.С. Ларина, В.С. Овчинский и др.) заинтересовались системой организационно-правовых мер, принимаемых в КНР.

Во многом воплощение концепции социального кредита стало возможным по той причине, что она опирается на основы китайского общества (на учениях конфуцианства, легизма и даосизма). Концепция социального кредита опирается на следующих положениях: честность в государственных делах, коммерческая целостность, общественная целостность, судебная достоверность. Сущность политики социального рейтинга (кредита) заключается в том, что в КНР возрастает количество сфер деятельности субъектов права, которые подлежат оценке по системе социального кредита (положительный и отрицательный рейтинг).

В основе развивающейся в Китае системы социального рейтинга лежит понятие добросовестности. Так, в ст. 7 ГК КНР закрепляется, что «в гражданской деятельности субъекты гражданских правоотношений обязаны следовать принципу добросовестности, твердо придерживаться честности и выполнять заверения». Исходя из изложенного следует, что система социального кредита (рейтинга) в КНР становится глобальной системой, распространяющаяся на многие (если не все) сферы деятельности субъектов, включая органы управления. На все субъекты (граждан, должностных лиц (госслужащих), юридических лиц) создаются банки данных на всех уровнях, в которой учитываются как противоправные, аморальные поступки (понижающие рейтинг (кредит), так и положительные (повышающие рейтинг).

В частности, в провинции Хэнань утверждено Положение о социальном кредите Хэнань (далее – Положение Хэнань), в ст. 3 которого закреплено, что термин «социальный кредит», используемый в Положении, относится к государству, в котором физические лица, юридические лица и неюридические организации и другие субъекты кредитования, обладающие гражданской дееспособностью, выполняют свои уставные или согласованные обязательства в социально-экономической деятельности.

Система социального кредита (рейтинга) в Китае стала одним из элементов системы государственного управления – методом управления, а его содержательной основой – принцип добросовестности. Принцип добросовестности как основополагающий принцип гражданского права в КНР вышел далеко за границы данной отрасли. Предусматривается административная система стимулирования и наказания за недобросовестность. Понятие добросовестности участников общественных отношений имеет два значения: как оценочная категория и как вектор развития общества и правосознания. В целом позиция принципа добросовестности как универсального регулятора общественных отношений усиливается, и характеризуется соблюдением требований, правил, условий жизни, считающимися положительными и соответствующими интересам личности, общества и государства.

Докладчик резюмировал, что в Российской Федерации, несмотря на высокую степень коррупционных и мошеннических проявлений, не создана система, обеспечивающая добросовестность субъектов как в гражданских правоотношениях, так и в других сферах, включая государственное управление и местное самоуправление.

В России уровень технологического развития, урбанизации и функционирования электронного правительства может позволить развивать систему оценки добросовестности субъектов, но при этом нужно решить ряд актуальных вопросов концептуального, правового и организационно-технического характера. Вопрос формирования системы оценки добросовестности субъектов жизнедеятельности в нашей стране должен стать полем для широкой научной и общественной дискуссии.

Т.А. Коломоец, декан юридического факультета Запорожского национального университета, д-р юрид. наук, проф., член-корр. Национальной академии правовых наук Украины, заслуженный юрист Украины, в тезисах доклада на тему «***Мониторинг способа жизни публичных служащих: опыт нормативно-правового закрепления и применения в Украине***» обратила внимание на то, что одним из действенных средств предотвращения и предупреждения коррупции во всем ее многообразии внешних форм проявления в Украине является мониторинг способа жизни публичных служащих, правовые основания использования ресурса которого закреплены в Законе Украины «О предотвращении коррупции в Украине» и ряде подзаконных нормативно-правовых актов, в т.ч. и Национального агентства по предотвращению коррупции. Несмотря на кардинальные изменения в декабре 2020 г. положений антикоррупционного законодательства, обусловленных восстановлением институционального механизма предупреждения коррупции и установлением ответственности за декларирование недостоверной информации и неподачу субъектом декларирования декларации лицом, уполномоченным на выполнение функций государства или местного самоуправления, мониторинг способа жизни публичных служащих фактически пристального внимания законодателя не привлек, в результате чего так и остались «дефекты» нормативной его модели и «дефектность» практики использования его ресурса. Как следствие, количественные показатели использования его ресурса не согласовываются с качественными показателями (привлечением виновных лиц к ответственности, снижением уровня проявления коррупции

в действиях публичных служащих, ростом доверия населения к органам публичной власти и т.п.).

«Дефектность» связана со следующими моментами:

а) отсутствием нормы-дефиниции «мониторинг способа жизни публичных служащих», что обуславливает предпосылки для субъективного усмотрения его толкования и применения. Хотя «базовый дефинитивный ряд» в антикоррупционном законодательстве закреплён, однако именно эта дефиниция отсутствует. Лишь анализ некоторых подзаконных актов (фактически формирующих «позицию НАПК) позволяет утверждать, что «мониторинг» законодатель рассматривает как пассивную форму контроля, как наблюдение и анализ, а «способ жизни публичных служащих» не столько как стиль поведения этих лиц, а как фактические затраты на его обеспечение. Иными словами, государство интересуют источники получения публичными служащими средств на свой способ жизни, а также вероятность получения таких средств путем злоупотребления служебным положением, служебными полномочиями, в т.ч. и совершение коррупционных деяний;

б) «дефектностью» критериальности объекта. Определяя «выборочность способа жизни публичных служащих», законодатель не уточняет, какие именно критерии необходимы для использования этого антикоррупционного средства, фактически «открывает» широкие возможности для субъективного усмотрения со стороны НАПК для вмешательства в «частную автономию» не только самих публичных служащих, но и членов их семей. С учетом того, что Украина внедрила «смешанную («кабинетно-полевую») модель, предполагающую «работу с документами, реестрами, базами данных» («кабинетное исследование») и «наблюдение» (за перемещениями, имуществом, хобби, фотосъемку, видеосъемку и др.), что фактическим является «полевым исследованием», это создает реальную угрозу для вмешательства со стороны государства в «частную автономию» и публичных служащих и членов семей публичных служащих.

«Критериальная нормативная дефектность» позволяет оспаривать целесообразность использования НАПК мониторинга и его результативность. Тем более что закрепляется возможность его применения не только относительно способа жизни самих публичных служащих, но и членов их семей. Закрепление положения о том, что «мониторинг осуществляется с соблюдением законодательства о защите персональных данных, не должен предусматривать чрезмерного вмешательства в право на неприкосновенность личной и семейной жизни лица», одновременно предполагает использование оценочного понятия «чрезмерное вмешательство», что, в свою очередь, обусловливает разновекторность его толкования и применения. Не позволяют обеспечить определенность урегулирования этих отношений и интерпретационные акты НАПК со ссылками на необходимость соблюдения положений ст. 8 Европейской конвенции о правах человека на уважение частной и семейной жизни, учета позиции ЕСПЧ относительно толкования словосочетания «вмешательства в частную жизнь»;

в) «дефектностью» закрепления источников получения сведений о возможном несоответствии уровня жизни субъектов декларирования и членов их семей задекларированным ими имуществу и доходам, а использование в тексте словосочетания «и иных открытых источников информации» вновь формирует предпосылки для разновекторного его толкования.

Позитивно оценивая в целом практику внедрения и активного использования мониторинга способа жизни публичных служащих и членов их семей как средства противодействия и предотвращения коррупции, во всем многообразии внешних форм ее проявления, необходимо учитывать, что его эффективность во многом зависит от «качества» нормативной его модели, и «дефекты» национального антикоррупционного законодательства это подтверждают, а их анализ позволяет определить вектор их устранения.

А. М. Воронов, главный научный сотрудник НИЦ 4 ВНИИ МВД России, д-р юрид. наук, проф., в тезисах доклада на тему ***«Публичное администрирование в сфере правоохранительной деятельности»*** отметил, что конституционализацию развития предмета административного права уместно аргументировать тем, что любая деятельность публичной администрации именно в редакции 2020 г. Конституции РФ нашла свое правовое обоснование и границы.

Особой вехой реформирования государственности стало принятие поправок к Конституции РФ, инициированных Президентом РФ, которые вводят новое понятие «публичная власть». Эта формулировка объединила в себе «федеральную», «региональную» и «местную (муниципальную)» власти, таким образом закрепив принцип единства системы публичной власти, призванной служить интересам многонационального народа Российской Федерации.

При обращении к ст. 2, 3 Конституции РФ усматривается, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. При этом носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через

органы государственной власти и органы местного самоуправления.

По мнению докладчика, на основе этого представляется целесообразным констатировать, что публичная власть представляет собой взаимоувязанную триаду, включающую в себя помимо государственной (федеральной и региональной) и местной (муниципальной) властей, основополагающий фундамент публичной власти – народовластие. При этом институты гражданского общества входят в содержание понятия публичной власти и являются в нем коренными.

При таком подходе органы публичной власти осуществляют реализацию задач и функций государства во всех сферах жизнедеятельности. Именно такую деятельность, осуществляемую на основании и во исполнение закона по защите прав и свобод человека и гражданина, а также реализации задач государства в социально-экономической, правоохранительной и иных сферах следовало бы именовать публичным администрированием. Предлагается универсальный, соответствующий реалиям термин «публичное администрирование», который в нашей стране уверенно входит в оборот.

В развитие вышеизложенной аргументации следует констатировать, что существенной новацией Конституции РФ стало наделение Правительства РФ в п. «е» ст. 114 компетенцией по осуществлению мер по обеспечению законности, прав и свобод граждан, охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью, законодательно прописан такой институт гражданского общества как волонтеры. При этом уместно отметить, что волонтерское движение стало реалией России, которое актуализировалось в период пандемии коронавируса COVID-19. Законодательное закрепление также получили вопросы взаимодействия исполнительной власти с общественными объединениями по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности.

Добровольцы (волонтеры) и некоммерческие организации, в т.ч. правоохранительной направленности – это авангард гражданского общества, и поправки к Конституции РФ только укрепили их правовое положение. Содействие и участие институтов гражданского общества в обеспечении правопорядка и общественной безопасности есть существенный резерв правоохранительных органов в борьбе с преступностью.

Для того чтобы это не было простой декларацией, А.М. Вороновым представляется целесообразным прописать механизм такого взаимодействия в законе «Об участии институтов гражданского общества в сфере обеспечения национальной безопасности». Закон определит сущность, содержание, формы и методы деятельности институтов гражданского общества именно правоохранительной направленности, где в основе поведения субъектов правоотношений лежит безвозмездное следование гражданскому долгу.

А.И. Каплунов, профессор кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России, д-р юрид. наук, проф., заслуженный работник высшей школы РФ, в своем выступлении «***О правомерности применения мер административного пресечения при нарушении участниками публичного мероприятия установленного порядка его проведения***» отметил, что опасность для стабильности государства и легитимной публичной власти представляют т.н. протестные «несанкционированные уличные акции», с помощью которых, как показала практика, запускается сценарий «оранжевых революций», конечной целью которых являются государственный переворот и захват государственной власти.

События на Болотной площади в Москве 6 мая 2012 г. и массовые беспорядки в Республике Беларусь после объявления результатов президентских выборов, состоявшихся 3 сентября 2020 г., свидетельствуют, что наибольшую опасность представляют протестные «уличные акции» по результатам выборов президента государства.

Следующими по степени опасности, как показывает практика, являются протестные акции в поддержку оппозиционных лидеров, особенно в случаях привлечения их к юридической ответственности.

Нельзя исключать возможность протестных несанкционированных уличных акций по результатам выборов в представительные органы государственной власти.

Для организации перечисленных выше протестных уличных акций используются социальные сети (информация передается оперативно и огромному количеству пользователей), они финансируются из-за рубежа, открыто поддерживаются руководством ряда зарубежных государств, в зарубежных и оппозиционных национальных средствах массовой информации, и прежде всего в интернет-пространстве на платформе *YouTube*, развязывается «информационная война» против легитимно избранных институтов государственной власти.

В этих условиях сотрудники полиции (военнослужащие и сотрудники войск национальной гвардии Российской Федерации) должны действовать в рамках закона, особенно при применении мер административного пресечения, предусмотренных гл. 5 Федерального закона «О полиции». Для этого сотрудникам необходимо уметь безошибочно квалифицировать действия протестующих, а именно:

1) точно определять момент, кода действия (бездействие) участников уличной акции начинают

подпадать под признаки объективной стороны административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.2 КоАП РФ, прежде всего ч. 5 (Нарушение участником публичного мероприятия установленного порядка проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования) и ч. 6.1 (Участие в несанкционированных собрании, митинге, демонстрации, шествии или пикетировании, повлекших создание помех функционированию объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, связи, движению пешеходов и (или) транспортных средств либо доступу граждан к жилым помещениям или объектам транспортной или социальной инфраструктуры);

2) своевременно определять момент перерастания массового мероприятия в массовые беспорядки, которые сопровождаются насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением оружия, взрывных устройств, взрывчатых, отравляющих либо иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих.

И в первом, и во втором случаях силам правопорядка необходимо действовать четко и решительно, исходя из складывающейся ситуации в месте проведения массовой акции.

Применение сотрудниками полиции мер административного принуждения, предусмотренных гл. 5 Федерального закона «О полиции», для пресечения указанных противоправных действий, должно быть не только обоснованным, но и соразмерным как совершаемому противоправному деянию, так и силе оказываемого противодействия. Так, согласно ч. 3 ст. 19 указанного Закона «сотрудник полиции при применении физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия действует с учетом

создавшейся обстановки,

характера и степени опасности действий лиц, в отношении которых они применяются,

характера и силы оказываемого ими сопротивления».

Данная норма устанавливает пределы ситуационного усмотрения. Необходимость учета сотрудником указанных в ней условий свидетельствует о том, что его действия должны быть не только законными, но и соразмерными характеру и опасности самой правовой аномалии, т.е. «правомерными». Как отметил А.И. Каплунов, законность в данном случае выступает ключевым, но не единственным условием правомерности применения меры административного принуждения.

Процитированная норма ч. 3 ст. 19 Федерального закона «О полиции» чаще всего рассматривается в ограничительном контексте, учитывая, что она заканчивается словами о том, что «при этом сотрудник полиции обязан стремиться к минимизации любого ущерба». Однако проецируя ее на ситуации с несанкционированными уличными акциями, в ней можно обнаружить и расширительный потенциал для применения мер административного пресечения, обусловленный возрастанием «возникшей опасности и существующей угрозы».

В качестве примера правомерного применения силы для пресечения несанкционированных уличных акций выступающий привел действия сотрудников милиции по пресечению массовых протестов в Республике Беларусь после официального оглашения результатов голосования на выборах Президента Беларуси, состоявшихся 3 сентября 2020 г. После того, как среди протестующих появились группы боевиков, которые начали нападать на сотрудников ОМОНа и совершать иные насильственные действия, коллективные действия всех протестующих необходимо было рассматривать уже через призму признаков преступления, предусмотренного ст. 357 УК РБ (действия, совершаемые с целью захвата или удержания государственной власти неконституционным путем), как соучастие в нем, а не только как участие в несанкционированном публичном мероприятии. А соответственно, в такой ситуации применение сотрудниками ОМОНа палок специальных и слезоточивого газа, задержание лиц, оказавших злостное неповиновение, было правомерным.

По мнению А.И. Каплунова, опыт белорусских коллег по пресечению протестных несанкционированных уличных акций в сентябре 2020 г. должен быть оценен как положительный и учтен в Российской Федерации при обеспечении общественного порядка и безопасности на подобного рода публичных мероприятиях.

О.И. Бекетов, начальник кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ; А.В. Куянова, заместитель начальника той же кафедры, канд. юрид. наук, доц., в тезисах доклада на тему ***«Нормы административного законодательства, обусловленные пандемией, их применение и влияние на преступность»*** отметили, что реально существующая угроза распространения в России новой коронавирусной инфекции, вызванной 2019-nCoV, потребовала принятия неотложных мер.

В соответствии с действующим законодательством органы государственной власти субъектов Российской Федерации вправе принимать, меры, ограничивающие передвижение лиц и транспортных средств, направленные на борьбу с пандемией, с учетом территориального и временного характера их действия, не допуская при этом несоразмерного ограничения конституционных прав

и свобод граждан. Для этого был установлен новый режим «повышенной готовности», предусмотренный п. 6 ст. 4^1 Федерального закона от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера».

2 апреля 2020 г. Правительством РФ были утверждены Правила поведения, обязательные для исполнения гражданами и организациями, при введении такого режима, в т.ч. выполнять законные требования представителей органов управления; использовать средства коллективной и индивидуальной защиты; иметь при себе и предъявлять по требованию необходимые документы.

Комплексные силы безопасности – полиция и должностные лица органов управления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, призванные обеспечить соблюдение нового порядка, становятся публичным лицом реакции государства на опасность распространения вируса. С учетом этого МВД России было подготовлено распоряжение от 17 марта 2020 г. № 1/2851 «О комплексе дополнительных мер по предупреждению распространения новой коронавирусной инфекции», в соответствии с которым сотрудники полиции принимают непосредственное участие в:

выявлении и пресечении административных правонарушений, связанных с нарушением карантинных ограничений, привлечении виновных к ответственности;

охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности, в т.ч. в местах дислокации обсервационных пунктов и лечебных учреждений;

предупреждении распространения инфекционных заболеваний среди задержанных полицией лиц;

информировании граждан о необходимости в период обострения санитарно-эпидемиологической обстановки предпринимать меры для защиты себя и своих близких от угрозы заражения;

выявлении и пресечении деликтов, посягающих на здоровье и санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и др.

Сотрудники полиции и должностные лица органов управления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций получили право осуществлять административное преследование правонарушителей, составлять протоколы (ст. 28.3 КоАП РФ), направлять дела по подведомственности для их рассмотрения и назначения административных наказаний (ст. 23.1 КоАП РФ).

Параллельно в течение марта-июня 2020 г. в Российской Федерации стали активно внедряться системы контроля передвижения граждан с использованием спецпропусков и QR-кодов. Личные данные граждан (включая температуру тела человека, их перемещения, используемый автомобиль, карты проезда в общественном транспорте и т.д.) перешли под публичный контроль.

Обширные и сверхбыстрые изменения законодательства не могли не повлечь противоречивость правоприменительной практики, затруднения в оценке правовой сущности происходящего. В то же время, по мнению докладчиков, можно утверждать, что меры, принятые государством, правоприменительная деятельность сотрудников полиции, изменение стандартов поведения и образа жизни населения в период пандемии повлияли на состояние и динамику преступности в 2020 г.

Так, по данным ГИАЦ МВД России, по итогам 2020 г. зарегистрировано на 22.6% меньше квартирных краж, грабежей – на 16.2%, разбоев – на 21.7%. В общественных местах (на улицах, площадях, в парках и скверах) было зарегистрировано на 9.9% меньше преступлений, в т.ч. меньше краж – на 18.5%, грабежей – на 24.8%, разбойных нападений – на 23.3%. На 9.5% снизилось число преступлений в семейно-бытовой сфере, в т.ч. на 15.8% – фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, на 13.5% – вреда средней тяжести, на 10% – легкого вреда здоровью.

В то же время цифровизация общества, ограничения, введенные для контроля над распространением коронавируса, в результате которых миллионы людей находились лишь в домашнем окружении, были изолированы, ограничены в экономических возможностях, создали спрос на незаконный бизнес – «киберпредпринимательство». При этом на 73.4% выросло количество преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в т.ч. с использованием сети Интернет – на 91.3%, средств мобильной связи – на 88.3%.

Очевидно, что вызванные пандемией бурные преобразования «репрессивной» части законодательства, расширение масштабов административного и полицейского контроля, опирающегося на технологическую основу, изменение стандартов поведения граждан и образа жизни населения способствовали усилению тенденции перемещения значительных сегментов преступности в киберпространство. Явственным видится формирование запроса на подготовку для полиции уникальных специалистов, в равной степени разбирающихся в телекоммуникационных технологиях и юриспруденции.

Ю.И. Попугаев, профессор кафедры административного права Московского университета МВД России

им. В.Я. Кикотя, д-р юрид. наук, доц., в выступлении на тему ***«Об уточнении процессуальной компетенции субъектов административной юрисдикции»*** обосновал необходимость уточнения и оптимизации процессуального статуса некоторых субъектов административной юрисдикции, что представляется актуальным в связи с разработкой нового административно-деликтного законодательства. Сопоставление ч. 3 ст. 28.3 КоАП РФ со ст. 13 Федерального закона «О полиции» дало основание сделать выступающему вывод об избыточности многих составов административных правонарушений, перечисленных в указанной ч. 3 ст. 28 КоАП РФ, при обнаружении признаков которых органы внутренних дел (полиции) обязаны составлять протоколы. Так, по его мнению, некоторые полномочия органов внутренних дел (полиции) по возбуждению дел об административных правонарушениях в ряде сфер не коррелируют с полномочиями, предусмотренными статусным полицейским законом, который предусматривает исчерпывающий перечень задач и направлений деятельности полиции. Например, в обозначенной статье КоАП РФ говорится о водоохранных зонах водных объектов, подключении к центральным системам водоснабжения, нарушении правил обращения с пестицидами и агрохимикатами при хранении, карантинных мероприятиях и т.п. Тогда невольно и резонно возникает вопрос о необходимости многочисленной армии чиновников в виде различных министерств, федеральных служб и агентств, в ведении которых находятся перечисленные объекты. При этом органы внутренних дел (полиции) отвлекаются от решения задач, выполнения функций, возложенных на них Федеральным законом «О полиции». С точки зрения Ю.И. Попугаева, неоправданное расширение подведомственности, «разбухание» на основе многочисленных изменений и дополнений ч. 3 ст. 28.3 КоАП РФ на практике ведет к правоприменительным ошибкам, к нарушениям законности. Они предопределяются отсутствием должной квалификации для адекватной правовой оценки событий и явлений, по которым необходимо принимать процессуальные решения, в разнообразных управленческих сферах и областях жизнедеятельности.

В последнее время постоянно заостряется вопрос о необходимости разгрузки судов, мировых судей в связи с большим количеством дел об административных правонарушениях, находящихся у них на рассмотрении. В этой связи эпизодически появляются предложения о сужении их административно-юрисдикционных полномочий. Причем противоречивостью отличаются и установки концепции проекта КоАП РФ, касающиеся корректировки объемов юрисдикционных полномочий органов и должностных лиц. Например, в концепции ставятся задачи совершенствования процедуры рассмотрения дел об административных правонарушениях и усиления судебного контроля за действиями органов административной юрисдикции. В то же время предполагается сокращение судебной подведомственности дел об административных правонарушениях, ограничив ее только видами правонарушений, предусматривающими административные наказания, назначение которых есть прерогатива суда. Кроме того, концепция проекта КоАП РФ предусматривает передачу значительной части полномочий мировых судей коллегиальным органам, создаваемым субъектами Российской Федерации для рассмотрения дел об административных правонарушениях, что является, безусловно, шагом в сторону ограничения судебного контроля правоприменительных действий других субъектов административной юрисдикции. При этом в тексте анализируемого документа не содержится доводов, обосновывающих необходимость и целесообразность сокращения полномочий судов (судей) по рассмотрению дел об административных правонарушениях и расширения в связи с этим системы органов административной юрисдикции, создаваемых субъектами Российской Федерации. Н.Г. Салищева в свое время критически высказывалась по вопросу необходимости перераспределения полномочий между судами (судьями) и другими субъектами административной юрисдикции в пользу последних.

Выступающий подчеркнул, что судебной системой накоплен важный юрисдикционный опыт, наработана практика по рассмотрению наиболее сложных дел об административных правонарушениях. Представляется, что именно на судебной системе и возглавляющем ее Верховном Суде РФ должна лежать обязанность по совершенствованию управления административно-юрисдикционной практикой, по обобщению данной практики, подготовке руководящих разъяснений по применению административно-деликтного законодательства всеми субъектами административной юрисдикции.

А.В. Шевцов, заместитель начальника кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений Академии управления МВД России, канд. юрид. наук, доц., в тезисах выступления ***«О перспективах правового регулирования полномочий должностных лиц полиции в сфере осуществления производства по делам об административных правонарушениях»*** отметил, что одним из приоритетных направлений совершенствования полномочий должностных лиц полиции в сфере осуществления производства по делам об административных правонарушениях, является оптимизация процессуальных процедур установления, фиксации противоправного деяния, рассмотрения дела и назначения административного наказания. Это подразумевает уменьшение количества процессуальных действий, осуществляемых должностными лицами полиции. При этом такого

рода оптимизация должна основываться на упрощении вышеперечисленных процедур с учетом применения средств автоматической фиксации правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность. Накопленный опыт проведения крупномасштабных мероприятий свидетельствует о приемлемости идентификации личности посредством индивидуальных QR-кодов и удостоверений личности Fan-ID.

Системы видеофиксации противоправных действий и распознания личности по антропометрическим (физиогномистическим) данным, позволяют повысить правоприменительную значимость административно-правового воздействия на правонарушителей. Подобные системы, использующие технологию электронного мониторинга местоположения, уже применяются на территории города Москвы для выявления нарушений в период действия режима повышенной готовности, а также в целях установления лиц, несоблюдающих карантинные ограничения, связанные с угрозой распространения коронавирусной инфекции COVID-19.

Получаемые при этом данные являются основанием для возбуждения и рассмотрения дел без составления протоколов (ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ). В таких случаях рассмотрение дела и привлечение к административной ответственности должно стать более быстрым. Экономия времени позволит уделить больше внимания профилактическим мероприятиям, а также оптимизировать властно-принудительные процессы, соблюсти процессуальные сроки, минимизировать риски при применении мер административного принуждения.

Отдельного внимания, по мнению выступающего, требует порядок применения некоторых процессуально-обеспечительных мер. Один из актуальных вопросов – документирование факта нахождения лица, привлекаемого к административной ответственности, в состоянии опьянения. С января 2021 г. сотрудники полиции вправе доставлять таких лиц в создаваемые специализированные муниципальные или региональные учреждения по оказанию помощи гражданам, находящимся в общественных местах в состоянии опьянения и утратившим способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в окружающей обстановке.

В связи с расширением сферы государственно-частного и муниципально-частного партнерства по вопросам создания подобных специализированных организаций появятся и особенности освидетельствования помещаемых туда лиц. Очевидно, что сеть таких социальных учреждений будет создаваться не сразу, да и предназначены они будут преимущественно для лиц, находящихся в состоянии алкогольной, наркотической или токсической комы. Поэтому освидетельствование на состояние алкогольного опьянения лиц, привлекаемых к административной ответственности, должно предусматривать быструю процессуальную фиксацию соответствующего физиологического состояния с использованием технических средств измерения алкоголя в выдыхаемом воздухе (алкотестеров). В этой связи указанное освидетельствование может осуществляться не только в отношении водителей транспортных средств, но и лиц, посягающих на правопорядок в общественных местах.

Перспективным представляется выступающему и совершенствование института доказательств по административному делу. Так, законодательная интеграция понятия «специализированное программное обеспечение портативных электронных устройств, являющихся предметом экипировки сотрудников ОВД (полиции)» в процессуальный порядок назначения административного наказания без составления протокола, упростит процедуру выявления противоправных деяний и обеспечит активное применение упрощенной формы административного производства.

Сведения об авторах

КАПЛУНОВ Андрей Иванович –
доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России; 198206 г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

УХОВ Владимир Юрьевич –
доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России; 198206 г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

Authors' information

KAPLUNOV Andrey I. –
Doctor of Law, Professor, Honored worker of higher school of the Russian Federation, Professor of the Department of Administrative Law of St. Petersburg University of MIA of Russia; 1 Letchika Pilyutova str., 198206 St. Petersburg, Russia

UKHOV Vladimir Yu. –
Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative Law of St. Petersburg University of MIA of Russia; 1 Letchika Pilyutova str., 198206 St. Petersburg, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 9, с. 198–199
STATE AND LAW, 2021, № 9, pp. 198–199

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Н.М. Добрынин. КОНСТИТУЦИЯ РОССИИ: НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ. СОВРЕМЕННАЯ ВЕРСИЯ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА. Новосибирск: Наука, 2020. – 412 с.

© 2021 г. С. Д. Князев

Конституционный Суд Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

E-mail: ksrf@ksrf.ru

Поступила в редакцию 06.04.2021 г.

Аннотация. Рецензируемое издание проф. Н.М. Добрынина «Конституция России: настоящее и будущее. Современная версия новейшей истории государства» привлекает к себе внимание читателей прежде всего оригинальной структурой и последовательностью авторского изложения: в трех главах в концентрированном виде излагаются с опорой на правовые позиции Конституционного Суда РФ ключевые моменты, характеризующие существо последних конституционных поправок. Предложенное структурирование материала объединено общей идеей — сделать работу максимально удобной для читателей в ее изучении и дальнейшем практическом применении.
В книге изложены оригинальные взгляды ученого-исследователя и гражданская позиция автора по многим актуальным проблемам теории и практики общественного развития и государственного строительства в России.

Ключевые слова: Конституция РФ, Конституционный Суд РФ, конституционные поправки, российский конституционализм, государственное строительство.

Цитирование: *Князев С.Д.* Н.М. Добрынин. Конституция России: настоящее и будущее. Современная версия новейшей истории государства // Государство и право. 2021. № 9. С. 198–199.

DOI: 10.31857/S102694520016740-5

N.M. Dobrynin. THE CONSTITUTION OF RUSSIA: THE PRESENT AND THE FUTURE. MODERN VERSION OF THE RECENT HISTORY OF THE STATE. Novosibirsk: Nauka, 2020 – 412 pp.

© 2021 S. D. Knyazev

Constitutional Court of the Russian Federation, Saint Petersburg

E-mail: ksrf@ksrf.ru

Received 06.04.2021

Abstract. The reviewed edition of Prof. N.M. Dobrynin "The Constitution of Russia: the present and the future. Modern version of the recent history of the state" attracts the attention of readers primarily by the original structure and sequence of the author's presentation: in three chapters, the key points characterizing the essence of the latest constitutional amendments are presented in a concentrated form, based on the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation. The proposed structuring of the material is united by a common idea — to make the work as convenient as possible for readers in its study and further practical application.
The book presents the original views of the scientist-researcher and the author's civic position on many topical problems of the theory and practice of social development and state construction in Russia.

Key words: The Constitution of the Russian Federation, the Constitutional Court of the Russian Federation, constitutional amendments, Russian constitutionalism, state construction.

For citation: *Knyazev, S.D. (2021).* N.M. Dobrynin. The Constitution of Russia: the present and the future. Modern version of the recent history of the state // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 198–199.

Динамичное развитие общественных отношений в современном мире, и особенно в России, глубокие изменения в общественно-политической, правовой и экономической сферах жизни требуют постоянного обновления учебной и учебно-методической литературы. Тем более данная задача становится актуальной, когда вносятся обширные и значимые изменения в Основной Закон страны – такие, как были внесены в Конституцию РФ в 2020 г.

В этом отношении весьма показательна позиция известного специалиста в области конституционного права, д-ра юрид. наук, проф. Н.М. Добрынина, который практически ежегодно совершенствует, обновляет свои учебно-методические разработки. Его новая книга «Конституция России: настоящее и будущее. Современная версия новейшей истории государства» – одна из первых комплексных учебно-методических разработок, специально посвященных анализу содержания и смысла последних конституционных поправок.

Следует отметить, что автор традиционно выступает в качестве одного из последовательных сторонников использования комплексного и системного подходов к освещению наиболее сложных и актуальных вопросов развития современной российской государственности. Не является исключением и представленная работа, которая предлагает вниманию заинтересованной аудитории не только аналитическое отражение внесенных в Конституцию РФ изменений и дополнений, но и постановку широкого спектра вопросов из различных проблемных областей конституционно-правовой философии: в книге во вступительной и заключительной статьях, а также в предлагаемых в каждой главе тезисах для осмысления и дискуссии представлена авторская позиция по таким базисным аспектам развития российского конституционализма, как конституционная идеология, соотношение конституционализма и политико-правового режима, народовластие и суверенитет, правосознание и формы его искажения (нигилизм, идеализм), федерализм и федерация (в т.ч. и в контексте идеи субсидиарности), социальная солидарность и социальность государства, разделение властей и единство системы публичной власти.

Чрезвычайно ёмкая по содержанию, рецензируемое издание прежде всего привлекает к себе внимание читателей оригинальной структурой и последовательностью авторского изложения: в трех главах в концентрированном виде излагаются с опорой на правовые позиции Конституционного Суда РФ ключевые моменты, характеризующие существо последних конституционных поправок. Предложенное структурирование материала объединено общей идеей – сделать работу максимально удобной для читателей в ее изучении и дальнейшем практическом применении. И эта цель, как представляется, в полной мере достигнута.

В этой связи можно утверждать, что работа не будет сложна в восприятии и для аудитории, которая лишь начинает изучать основы конституционного (государственного) права нашей страны, и для читателей, искушенных в вопросах теории и практики государственного строительства. С учетом данного обстоятельства, на наш взгляд, отнюдь не лишним является освещение в учебно-методическом пособии фундаментальных вопросов теории и философии права, социологии, психологии и целого ряда других положений, выходящих за рамки традиционных вопросов курса отечественного конституционного (государственного) права, но позволяющих лучше уяснить и осмыслить динамику и тенденции реализации важнейших конституционных принципов и норм в практике подконституционного правотворчества и правореализации.

Книга будет полезна прежде всего студентам и аспирантам соответствующих направлений подготовки, практикующим специалистам в области публичного управления, а также всем, кто интересуется конституционным правом, поскольку в ней наряду с учебными материалами и методическими рекомендациями изложены оригинальные взгляды ученого-исследователя и гражданская позиция автора по многим актуальным проблемам теории и практики общественного развития и государственного строительства в России.

Необходимо также указать, что подготовленное проф. Н.М. Добрыниным учебно-методическое пособие имеет очевидную синхронизацию и в содержательном плане, и в методическом отношении с другими значительными учебно-методическими работами – учебниками, учебными пособиями, практическим руководством, которые публиковались автором в 2015–2019 гг. Тем самым перечисленные работы проф. Н.М. Добрынина, включая и его новую книгу, образуют полновесный и целостный комплекс учебно-методических материалов, обеспечивающих в совокупности синергетическое усиление полезных эффектов в процессе освоения читателями отечественного конституционного права.

Сведения об авторе

КНЯЗЕВ Сергей Дмитриевич –
доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ, судья Конституционного Суда Российской Федерации; 190000 г. Санкт-Петербург, Сенатская площадь, д. 1

Authors' information

KNYAZEV Sergey D. –
Doctor of Law, Professor, Honored scientist of the Russian Federation, Honored lawyer of the Russian Federation, judge of the Constitutional Court of the Russian Federation; 1 Senatskaya square, 190000 Saint Petersburg, Russia

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2021, № 9, с. 200–201
STATE AND LAW, 2021, № 9, pp. 200–201

ПЕРСОНАЛИИ

К ЮБИЛЕЮ ВИКТОРА НИКОЛАЕВИЧА КОРНЕВА

Виктор Николаевич Корнев родился 29 сентября 1951 г. в Ленинграде. Окончил юридический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова (1979). Преподавал в вузах Луганска, Белгорода. С 2009 г. работает в Российском государственном университете правосудия (проректор по научной работе, зав. кафедрой конституционного права, заместитель зав. кафедрой теории права, государства и судебной власти).

В 1989 г. защитил кандидатскую диссертацию («Буржуазно-либеральная государственно-правовая мысль России 1905–1917 гг.: критический анализ основных аспектов»), в 2006 г. – докторскую («Проблемы теории государства в либеральной правовой мысли России второй половины XIX – начала XX в.»). На основе системного подхода в докторской диссертации исследованы труды таких выдающихся российских государствоведов, как А.А. Алексеев, А.С. Алексеев, Н.Н. Алексеев, Б.А. Кистяковский, А.Д. Градовский, Н.М. Коркунов, Ф.Ф. Кокошкин, С.А. Котляревский, Н.И. Палиенко, Н.И. Лазаревский, П.И. Новгородцев, Ф.В. Тарановский, Г.Ф. Шершеневич, А.С. Ященко и др. В результате чего В.Н. Корневым был сделан вывод о том, что отечественные ученые-юристы разработали синтетическую теорию государства и права. Применение различных методов научного исследования давало возможность последним рассматривать государство в его историческом развитии как сложное, многоаспектное социальное, духовное, культурное, юридическое явление. В государствоведении сформировалась система знаний, в которой нашли свое отражение важные сущностные, функциональные и институциональные черты и признаки государства, именно система знаний, а не их эклектическая сумма. Российским государствоведам удалось преодолеть узкие рамки юридического позитивизма. Для них было вполне очевидным то, что посредством только и исключительно данной методологии невозможно познание сложных процессов возникновения, развития и функционирования государства, социального прогресса. Это означает не только их узко юридическое, но и значительно более широкое видение, прежде всего философское и социологическое, историческое и экономическое, политическое и психологическое, этическое и аксиологическое.

Изменение на рубеже XX в. научной парадигмы, формирование в науке о государстве и праве методологического плюрализма имеют своим следствием то, что либеральные ученые-юристы рассматривали государство и как институт, имеющий юридическую природу, и как явление, производное от конкретного общества, которому было свойственно соответствующее политико-правовое сознание членов социума. Они не отождествляли общество и государство, а рассматривали государство и общество в виде самостоятельных сфер человеческой жизнедеятельности. Более того, в их концепциях явно выражены идеи о недопустимости поглощения общества государством и о внеправовом вмешательстве государства в дела общества и личности. Сочетание юридических и метаюридических подходов достаточно зримо проявляется в концепции социального правового государства. Теория социального правового государства, разработанная русскими учеными-юристами, имеет для нас не только теоретическое, но и аксиологическое значение, поскольку сам факт обращения к действительно гуманной и прогрессивной идее правового государства свидетельствует о высоком уровне и научном потенциале либерального государствоведения дореволюционной России.

Философско-правовая проблематика находится в центре внимания научного творчества проф. В.Н. Корнева. Он исследует проблемы правопорядка и законности

и приходит к выводу о том, что необходимо различать понятия нормативного правопорядка и эмпирического правопорядка. Поскольку ни в законах, ни в иных нормативных правовых актах, а также в других формах права и интерпретационных актах нет развернутой юридической характеристики законности, то в своем распоряжении мы имеем лишь доктринальное его толкование. Следовательно, законность обличена в форму научных суждений, в которых выражаются субъективные представления специалистов в области теории права и государства о ней. Таким образом, законность – это прежде всего умозрительная конструкция, но не правовое явление, а поэтому не имеющее регулятивного характера. Философско-правовой анализ как отечественной, так и зарубежной специальной литературы о природе, назначении и функций принципов права позволил В.Н. Корневу сформулировать суждение о том, что принципы права, в отличие от правовых норм (правил), в которых содержатся признаки конкретного, запрещенного или разрешенного вида поведения, есть обязанность, установленная правом и адресованная субъекту правотворчества или правоприменения, предписывающая совершение определенных действий, которые имеют деонтическое или аксиологическое содержание.

Проблемы отношения языка и права приобрели еще большую значимость в XX в., т.к. в связи с разработкой аналитической философии, а позднее философии обыденного языка (normalen sprache), а также обоснованием на основе других подходов, например, универсальной прагматики, философия в значительной части своего «лингвистического поворота» (linguistic turn) обратилась к вопросам научной рефлексии языка. В этом контексте весьма значимыми для философии права представляются исследования проф. В.Н. Корнева о понимании, толковании и применении права как герменевтической проблеме и о праве как языковом феномене, поскольку право существует только в языке и поэтому имеет интерпретативную природу. Право как языковой феномен исследуется на основе положений теории, философии языка и герменевтики, которые были сформулированы Фреге, Витгенштейном, Гадамером, Бетти, Лотманом, Эко и другими философами и учеными-филологами. В этом контексте право представляется как текст, который нужно истолковать при его применении к конкретным обстоятельствам, а последние истолковываются в соответствии с юридическим правилом. В этом случае юридический текст приобретает онтологическую легитимацию.

В философско-правовых исследованиях проф. В.Н. Корнева выявлена закономерность формирования интегративного понимания природы права. Монистический (monokauseln) подход к обоснованию действительности и действию права не охватывает полностью его природу и не в состоянии точно объяснить, почему оно является действительным и действующим. В целом такой подход можно считать нереалистичным и стоящим на службе одностороннего, по большей части мировоззренчески (идеологически) обусловленного искажения природы права. Монистические (monoklauseln) теории обоснования природы права в силу этого обстоятельства следует признать недостаточными. Характерный признак таких теорий – они склонны преувеличивать значение, как правило, одного, хотя и наиболее существенного основания той или иной концепции, в рамках которой исследуется природа права и государства.

Право как сложный социальный регулятор общественных отношений и поведения их субъектов отражает подвижные, а потому, по сути, изменчивые реальные, идеальные и идеологические факторы, лежащие в основе его интегративной природы. Интегративная природа права состоит в том, что оно объективно является нам в различных измерениях, которые обусловлены его сложной и многоаспектной природой, что предполагает обоснованность различных, тесно взаимосвязанных подходов к его исследованию. Право как многоаспектный, но цельный по своей природе институт синтезирует в себе следующие измерения: а) формальное; б) аксиологическое; б) реальное. Этот обоснованный научный вывод, как считает В.Н. Корнев, представляет надежную гарантию от надуманных обвинений интегративного подхода к праву в синкретизме (эклектизме).

В работах В.Н. Корнева исследуются категории неопределенности и определенности права, которые находятся в диалектическом единстве. На основе категорий гегелевской философии исследована онтологическая определенность и неопределенность права in abstracto и in concrete. Коллизия между неопределенностью права и конкретным случаем снимается путем определенного решения, например, судебного. И тогда можно говорить об определенности права in concrete. В философско-правовом творчестве проф. В.Н. Корнева не остаются без внимания вопросы феноменологии применительно к исследованию правовой проблематики, а также философско-правовые вопросы искусственного интеллекта и его возможности применения в судопроизводстве.

Профессор В.Н. Корнев – автор ряда переводов с немецкого языка трудов таких известных немецких теоретиков и философов права, как Г. Кельзен, А. Кауфман, Р. Алекси, Б. Рютерс.

Друзья и коллеги поздравляют Виктора Николаевича с юбилеем, желают ему здоровья, счастья, творческого долголетия!

* * *

Редакция журнала «Государство и право» Российской академии наук поздравляет Виктора Николаевича Корнева с юбилеем и желает крепкого здоровья, благополучия и новых творческих успехов!

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ГАУГН

БАКАЛАВРИАТ

Юриспруденция (гражданско-правовой профиль, уголовно-правовой профиль)

МАГИСТРАТУРА

Правовое обеспечение предпринимательской деятельности

АСПИРАНТУРА

Юриспруденция

Юридический факультет ГАУГН осуществляет подготовку специалистов юридического профиля на классической академической основе. Студенты проходят курс подготовки, включающий комплексное изучение базовых и специальных дисциплин, отражающих современный уровень развития российской юриспруденции (теории и практики).

Изучение обширного комплекса правовых и гуманитарных дисциплин в совокупности со стажировкой в юридической клинике факультета и овладением современными информационными технологиями готовит выпускника к исследовательской (экспертной) и практической деятельности во всех сферах взаимодействия бизнеса, государства, гражданского общества и граждан.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, член-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 60 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать во многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).